

ГОДЪ

Л

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 37.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года сентября 13-го дня.

Содержаніе: I. Объясненіе митр. московскаго Филарета, почему храмовой праздникъ Воскресенія Христова бываетъ 13-го сентября, а не въ день Пасхи, и отчего праздникъ 13-го сентября носитъ названіе „Словущаго Воскресенія“. II. Современная мученица. (Окончаніе). Свящ. А. Веселицкій.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Пр.ф. В. Пѣвницкій.

Объясненіе митр. московскаго Филарета, почему храмовой праздникъ Воскресенія Христова бываетъ 13 сентября, а не въ день Пасхи, и отчего праздникъ 13 сентября носитъ названіе „Словущаго Воскресенія“.

Такіе вопросы предложилъ московскому митрополиту Филарету В. Д. Олсуфьевъ, занимавшій при Дворѣ цесаревича Александра Николаевича (впослѣдствіи императора) постъ оберъ-гофмейстера. М. Филаретъ весьма серьезно отнесся къ вопросамъ, заинтересовавшимъ царедворца, и въ письмѣ своемъ къ нему отъ 17 септ. 1853 г. далъ основательное рѣшеніе вопросовъ, которое мы приводимъ съ возможною полнотою, имѣя въ виду, что письма московскаго святителя къ В. Д. Олсуфьеву обнародованы въ самое не-

давнее время: они напечатаны въ первой книгѣ „Русскаго Архива“ за текущій годъ¹⁾, и, естественно, не успѣли стать достояніемъ всѣхъ, кто привыкъ внимательно относиться къ каждому слову великаго русскаго іерарха.

„Для полноты и ясности отвѣта“, пишетъ м. Филаретъ, „необходимо обратиться къ церковной исторіи“.

Когда ветхозавѣтный іерусалимскій храмъ былъ римлянами разрушенъ и Іерусалимъ опустошенъ, христіане не перестали благоговѣть къ мѣсту страданія, погребенія и воскресенія Христова. Противодѣйствуя сему, римскій императоръ Элій Адрианъ построилъ на мѣстѣ Іерусалима городъ и назвалъ его отъ своего имени Элія; холмы Голгоескій и гроба Господня велѣлъ засыпать и на сихъ мѣстахъ поставить истуканы языческихъ божествъ, думая въ семъ видѣть совершенную побѣду язычества надъ христіанствомъ.

Живый на небесѣхъ посмѣялся ему. Елена, мать Константина Великаго, низвергла идола, велѣла снять насыпи, открыла каменные храмы Голгоѣы и гробъ Господень; и, какъ они были одинъ отъ другого недалеко, рѣшилась создать обширный храмъ, въ которомъ бы они вмѣстились (отъ чего храмъ сей и не имѣетъ симметрическаго расположенія всѣхъ частей). Константинъ Великій довершилъ созиданіе храма сего, созвалъ многихъ епископовъ для освященія его, и оно совершилось въ 13 день сентября.

Теперь спрашивается: не долженъ ли былъ быть храмовымъ праздникомъ сего храма день Пасхи? Константинъ и іерархія отвѣтствовали: нѣтъ.

Во-первыхъ—потому, что день Пасхи есть царь праздниковъ, полнота торжественности христіанской, всеобъемлющая радость, и потому не надо было присоединять къ ней меньшаго и частнаго празднованія, каково есть воспоминаніе освященія храма.

¹⁾ Нижеприводимыя строки и взяты изъ именованнаго изданія; см. стр. 74—75.

Во-вторыхъ—потому, что въ ветхозавѣтномъ іерусалимскомъ храмѣ праздновался день освященія его (Іоани. 10, 22); слѣдственно и въ новозавѣтномъ, на мѣсто того поставляемомъ храмѣ прилично было сдѣлать храмовымъ праздникомъ день освященія его.

Но поелику храмъ, созданный на мѣстѣ креста, погребенія и воскресенія Христова и сохраняющій въ себѣ истинный Крестъ и гробъ Христовъ, по справедливости должно было признать храмомъ не города, не области, но всего христіанскаго міра, то признано было приличнымъ день освященія іерусалимскаго храма праздновать во всѣхъ христіанскихъ церквахъ.

Когда же сіе празднованіе повсюду распространилось, то и всѣ христіанскіе храмы, созданные во имя Воскресенія Христова, по примѣру іерусалимскаго и вышеизложеннымъ причинамъ, стали праздновать своимъ храмовымъ праздникомъ іерусалимскаго Воскресенскаго храма 13 день сентября“.

Что касается до названія праздника 13 сентября *Словуцимъ Воскресеніемъ*, то „это названіе“, разъясняетъ митр. Филаретъ, „не церковное, а народное. Народъ видитъ храмъ Воскресенія Христова, ждетъ храмоваго праздника, и видитъ, что праздникъ сей совершается не въ Свѣтлое Воскресеніе, и часто (по перемѣнамъ церковныхъ временъ) совсѣмъ не въ воскресеніе, а въ понедѣльникъ или другой день недѣли, въ какой приходится 13 день мѣсяца.

Встрѣчая видъ несообразности и не зная исторіи, чтобы объяснить ее, народъ искалъ выраженія, чтобы отличить сей праздникъ отъ воскресныхъ дней, и далъ ему названіе словущаго, т. е. такъ называемаго Воскресенія. Онъ хотѣлъ сказать: это не Свѣтлое Воскресеніе, не воскресный день седмицы, но особый праздникъ, который хотя случается и не въ воскресный день, но слово, прозывается Воскресеніемъ, потому что принадлежитъ храму воскресенія Христова“.

Современная мученица

(Окончаніе¹).

III.

Гроза, которую предчувствовали дѣти Гричуковъ, и которую только-что узналъ Сеня, разразилась раньше, чѣмъ они ожидали. Она обрушилась на бѣдную, беззащитную голову Мани на другой же день послѣ разговора брата съ сестрой. Этотъ день былъ—воскресенье. Измученная съ вечера душевной пыткой, дѣвочка, противъ обыкновенія, долго не пробуждалась по утру; былъ уже девятый часъ, а она продолжала спать, разметавшись съ разгорѣвшимся лихорадочно лицомъ. Грубый неожиданный толчекъ въ плечо пробудилъ спящую и заставилъ, раскрывъ глаза, сѣсть на постели. Передъ ней стояла мать, одѣтая по-праздничному, видимо куда-то собравшаяся идти, и говорила, какъ всегда, суровымъ, отрывистымъ голосомъ:

— Вставай, что ли, пѣженка, вонъ до какой поры спишь. Небойсь, какъ бы въ свою церковь бѣжать, давно бы встала, а теперь—не добудишься. Ну, ну, нечего прохлаждаться, одѣвайся да пойдемъ сейчасъ вмѣстѣ со мной и отцомъ, и Сеню возьмемъ... Гдѣ онъ только, разбойникъ?

„Вотъ, оно—начинается наше горе: это непременно въ „штундовскую молельню“ хоятъ насъ вести!“—Какъ молнія, мелькнула въ мозгу Мани догадка и освѣтила, будто огнемъ ожгла, сознание. Бѣдное сердце сжалось, похолодѣло. упало куда-то низко-низко. Дѣвочка сразу почувствовала страшную слабость и дрожь во всемъ тѣлѣ.

— Мама, а куда пойдемъ, куда поведешь насъ съ Сеней?—смогла она только спросить и тутъ же упала головой на подушку.

¹) См. № 35—36-й за 1909-й г.

— Куда? Еще спрашиваешь!.. Отецъ съ матерью знаютъ, куда надо вести васъ, дойдешь—такъ увидишь. Не въ церковь же твою, не надѣйся. Есть, чай, получше мѣста, гдѣ настоящіе христіане молятся. Пора и вамъ толкъ узнать!—Слова матери разсѣяли у Мани и искру надежды.

— Мама, оставь меня дома, не води сегодня, до другого раза!—глотаая слезы и вздрагивая худыми плечиками отъ сдержанныхъ рыданій, пыталась Маня упросить свою мать.—Захворала я, должно быть, голова болитъ и вся не могу.—Въ этой просьбѣ заключалась послѣдняя попытка беззащитнаго ребенка избѣгнуть предстоящаго насилія, отдалить, хотя на время, отъ себя мучительную душевную пытку. Впрочемъ, Маня и не лгала предъ матерью: она чувствовала себя въ самомъ дѣлѣ больной. Анна Игнатьевна накинулась, было, на дочь, подозрѣвая притворство:—Это что еще, хитрить вздумала, притворщица?—но взглянувъ близко и пристально въ осунувшееся лицо Мани съ помутившимися глазами, неожиданно стихла. Жалкій, больной видъ дочери заставилъ ее поколебаться. перемѣнить рѣшеніе. Съ явной досадой она оставила Маню.

— Ужь съ тобой всегда такъ,—когда что надо,—тутъ и хворь напуститъ на себя. Ну, и оставайся ино дома: куда такая пойдешь!.. Только помни у меня: въ другой разъ не отвертись. Заставлю идти.

Анна ушла, сердито хлопнувъ дверью. Со двора еще слышался ея голосъ:—Сенька, гдѣ ты, оглашенный? И онъ туда же, скрылся, враженокъ!.. Ну, ужъ погодите, доберусь я до васъ, до обоихъ, узнаете, какъ своевольничать!..—„Да будетъ, брось, въ другой разъ ребятъ возьмешь. Пойдемъ, что ли, наконецъ“.—Спокойнымъ тономъ урезонивалъ жену Петръ, поджидавшій все время ее на дворѣ. Голоса смолкли. Маня вздохнула свободнѣе, радовалась она и тому, что брату тоже удалось увернуться, хотя на сегодня снастись отъ насилія, отъ невольной измѣны своей вѣрѣ. А тамъ, дальше,—что будетъ еще: можетъ, Господь не допуститъ. Но

тревожныя мысли, страхи за будущее сейчасъ же опять овладѣвали Маней, и она въ тишинѣ опустѣвшей квартиры погрузилась въ неразрѣшимыя, грустныя думы.

Не понимала она матери: нашла новую вѣру, ходитъ куда-то молиться, говорить о Богѣ, вздыхаетъ, а сама постоянно гнѣвается, бранитъ всѣхъ ни за что, даже не щадитъ церкви Божіей, иконъ святыхъ, священниковъ. Что же это за вѣра? Вотъ она, Маня, когда чувствуетъ въ себѣ вѣру, молится, или въ церкви бываетъ, такъ дѣлается будто совсемъ другой: всѣхъ бы любила, добро бы дѣлала, стаеть тогда кроткой-кроткой. Да и какъ иначе быть съ Богомъ? Вѣдь Онъ всѣхъ любитъ, всѣхъ прощаетъ, всѣмъ добро дѣлаетъ, и насъ учитъ тому же; а Матерь Божія, а сватые: сколько отъ нихъ милости, любви! Какъ же вѣровать и быть злымъ, несправедливымъ, развѣ такая вѣра угодна Богу? Нѣтъ, это не отъ Бога, это врагъ смущаетъ и хочетъ погубить маму и отца и ее, Машу, и Сеню... Нѣтъ, не надо ни за что соглашаться идти съ ними туда, въ ихъ собраніе, это—измѣна Богу, и она не пойдетъ. Пусть мама бить будетъ, она все станетъ терпѣть и переносить, какъ вотъ терпѣли мученики, мученицы за вѣру, за Христа. А бить и бранить она будетъ непрѣменно, можетъ и до смерти... Что же? Она и на это готова, только сможетъ ли вытерпѣть, а вдругъ ослабѣетъ, согласится? Но нѣтъ, этого не случится: Самъ Исусъ Христосъ поможетъ, какъ помогаль, укрѣпляль мучениковъ. Вѣдь и они не всѣ сильные, большіе были, много было и такихъ, какъ она—еще слабыхъ дѣтей, и они умирали за Христа. Про мучениковъ, особенно дѣтей и юныхъ дѣвъ, любилъ рассказывать батюшка въ школѣ, и Маня вспомнила теперь рассказъ о Павла о св. отрокѣ Потитѣ. Рассказъ и тогда особенно тронулъ дѣтское сердце и воображеніе, и теперь примѣръ Потита, его мужество радостно ободряли дѣвочку. Ей хотѣлось подражать ему: онъ тоже, какъ она, терпѣль отъ родителей мученія, но устояль и даже обратилъ ко Христу самого учителя-отца. Что, если

бы и ее Господь укрѣпилъ и помогъ вразумить своихъ родителей, спасти ихъ отъ страшнаго грѣха, отъ гибели!.. Дѣвочку ободряли такія думы—ей уже становилось не страшно за будущее и хотѣлось молиться, сейчасъ же просить помощи небесной у Господа, у Матери Божіей.

Маня могла теперь, безъ матери, свободно отдаться молитвѣ предъ своими завѣтными иконами. За послѣднее время это рѣдко удавалось бѣдной дѣвочкѣ, мать строго-настрого запретила и ей и Сенѣ кланяться „идоламъ“ и все грозилась выбросить святыню, но, на счастье дѣтей, забывала, и дѣти могли, хотя притаившись на постелькахъ, взирать на святые, дорогіе имъ лики и тайно молиться на ночь и рано по утру. Но сейчасъ для Мани представлялось давно неиспытанное счастье свободно излить свою дѣтскую душу предъ свяней, не боясь шума и брани,—совсѣмъ такъ же, какъ бывало раньше, пока мать и отецъ не вздумали „штундовать“. Манѣ пришло на мысль зажечь и лампадку. По странной забывчивости Анны бутылка съ остатками елея была также не убрана. Дѣвочка проворно обрядила запущенную и загрязненную мухами лампадку, и кроткіе лики на иконахъ скоро озарились трепетнымъ свѣтомъ, какъ будто призывая дѣтскую душу къ сердечной молитвѣ.

Дѣвочка встала на колѣна, и тишину пустой комнаты наполнилъ страстный, трепетный молитвенный шепотъ. Не спѣша, въ порядкѣ старалась она припомнить и выговорить всѣ извѣстныя ей молитвы; отъ святыхъ словъ теплѣе и теплѣе становилось на сердцѣ, разгоралась живой вѣрой душа. Глаза Мани, влажные отъ слезъ, не отрывались ни на мигъ отъ святыхъ ликовъ, отражая въ себѣ все, что переживала она въ эти минуты: и глубокую муку, и неотступную мольбу, и чистую любовь, и робкую надежду на чудесную помощь. Долго, не замѣчая времени, молилась Маня, истощался запасъ извѣстныхъ ей молитвъ, а просить еще нужно было ей о многомъ, чего не было въ готовыхъ молитвахъ. И полилась теперь съ дѣтскихъ устъ уже простая,

сердечная, непосредственная бесѣда своими словами пламенною вѣрой ребенка съ Небеснымъ Отцемъ, съ Матерью Божіей: открывала она предъ всѣмъ небомъ свое сердце и душу, свою любовь къ Богу и желаніе все перенести, вытерпѣть ради Него, неотступно, крѣпко молила дать ей на это чудесную помощь, просила обратить и вразумить бѣдную мать и отца, спасти ихъ отъ гибели, давала предъ небомъ твердый обѣтъ не измѣнить вѣрѣ до смерти...

Для ушедшей въ молитву Мани времени больше не существовало, а оно протекало своей чередой, готовя ей близкое, ужасное испытаніе. Около двухъ часовъ прошло уже съ ухода изъ дома ея родителей; Гринчуки успѣли закончить свое моленье и возвращались домой. Отецъ завернулъ по пути къ знакомымъ, а мать спѣшила прямо къ семьѣ. Подойдя къ двери квартиры, Анна нашла ее не запертой, какъ велѣла она дочери, и сразу же вскипѣла гнѣвомъ на Маню, которая все еще продолжала молиться, не замѣтивъ даже прихода матери. Но вотъ Анна стремительно шагнула въ квартиру, и видъ молящагося ребенка, горячей ярко лампадки предъ образами привелъ грубую фанатичку въ полное бѣшенство. Отъ злости Анна совершенно потеряла рассудокъ. Святая, кроткая молитва ребенка прервана была нечеловѣчески изувѣрскимъ и жестокимъ поведеніемъ обезумѣвшей матери...

IV.

— Это что еще!—неистовымъ крикомъ оглушила Анна дѣвочку, такъ и оцѣпенѣвшую на колѣняхъ съ широко раскрытыми, испуганными глазами.—Ахъ, ты негодница безстыжая!.. Голова болитъ, съ матерью идти не могу, а тутъ опять—за свое! Погоди же, погоди, въ живыхъ не оставлю!—Отъ охватившей злости мать не могла даже кричать, съ послѣдней угрозой она вдругъ метнулась въ кухню и съ топоромъ въ рукѣ прямо бросилась къ углу, гдѣ висѣли иконы, отбросивъ ногой въ сторону подвернувшуюся Маню. Все это произошло мгновенно на глазахъ застывшей отъ ужаса дѣ-

вочки. Раздался трескъ разбиваемыхъ стеколъ въ кіотахъ и яростные удары топора по иконамъ, по каменной стѣнѣ. Анна размахивала имъ безъ остановки, безъ разбора, придя въ какое-то изступленіе.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!—со злымъ шипѣніемъ приговаривала она въ тактъ ударамъ, и трудно было понять, къ кому относились эти дикія причитанія,—къ иконамъ ли, или дочери... Но въ эту минуту столбнякъ, охватившій Маню, прошелъ, и раздался нечеловѣческой, полный ужаса и отчаянія вопль ребенка.

— Ма-ама, мама! Что ты дѣлаешь, меня, меня лучше руби!—Цѣплялась Маня за толстое туловище матери, стараясь худыми рученками оттащить ее отъ угла.—Мама, оставь, убей лучше меня. Ма-ама!.. Изувѣрка не обращала вниманія на усилія, на мольбы дочери; крикъ, вопли, отчаяніе Мани не прекращались, росли и въ открытыя окна неслись на дворъ, на улицу. И вдругъ въ комнатѣ раздался спокойный, укоризненный голосъ.

— Ахъ не хорошо, ай не хорошо, и что вы это дѣлаете, и развѣ же такъ можно!—Въ дверяхъ комнаты стояла старая еврейка Рахиль, хозяйка квартиры и съ укоромъ покачивала головой, разводя руками. Страшные, нечеловѣческіе вопли Мани заставили старушку прибѣжать на мѣсто возмутительной сцены. При звукахъ знакомаго голоса Анна на минуту ошѣшила, опустила изъ рукъ топоръ и съ раскраснѣвшимся озвѣрѣлымъ лицомъ повернулась къ вошедшей хозяйкѣ. А Рахиль продолжала, замѣтивъ лежавшія на полу изрубленные топоромъ иконы.

— Боже мой, и что же вы сдѣлали: порубили свои иконы!.. Да какъ же вы это могли, да какъ же смѣли? О!.. Страхъ какой! Ужасъ, ужасъ! Васъ Богъ накажетъ. Я вѣкъ живу, старой стала, а не видала такого нехорошаго дѣла. И свое дите испугали, вонъ какъ кричала бѣдная дѣвочка. Хэ, не хорошо! А ты, милая дѣвочка, теперь не бойся, иди ко мнѣ... И Рахиль сдѣлала шагъ въ комнату съ намѣре-

ніемъ успокоить, дрожавшую отъ пережитаго, Маню, увести ее къ себѣ. Одинокая старуха любила дѣтей своихъ постояльцевъ и раньше нерѣдко ласкала и жалѣла худенькую, смиРНую дѣвочку. Но заступничество Рахили вызвало новый взрывъ бѣшеной, безумной злобы. Анна сверкнула глазами и, схвативъ Маню за волосы, истуПлено закричала:

— А вы при чемъ тутъ? Не ваше дѣло: экъ, подумаешь, тоже нашлась заступница! И все изъ-за тебя! У, проклятая!— Анна вытащила дѣвочку на средину комнаты, не выпуская руки изъ волосъ ея и, не помня себя, другой рукой била ее по чему-попало. Снова понеслись отчаянные вопли беззащитной жертвы.

— Ма-ама, мама! О, о, убьешь меня сейчасъ!.. Больно... Пресвятая Богородица, приди защити меня, Господи, помоги!— Старуха—хозяйка старалась вырвать ребенка изъ рукъ озвѣрѣлой женщины, со всей старческой слабой силой пыталась какъ-нибудь изъ могучей ея руки высвободить растрепанную косу Мани, но напрасно. Анна продолжала неистовствовать, приговаривая:—убью, ненавистную, убью! Крики Мани становились слабѣе. Неслыханно—жестокая, возмутительная, безумная злоба фанатички—матари не улегалась. Здѣсь было что-та дикое, непонятное: христіанка мать готова была завѣру убить дочь-христіанку, невиннаго ребенка, и безкорыстной защитницей страдальцы по простому естественному чувству жалости явилась, чуждая имъ совершенно по вѣрѣ, еврейка. И кто знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы одно, какъ будто случайное, обстоятельство не явилось на выручку бѣдной жертвѣ грубаго фанатизма.

Въ открытомъ окнѣ, выходявшемъ на улицу, показалась голова доброй и энергичной учительницы Мани, Луганской. Она какъ-разъ шла изъ собора отъ обѣдни и невольно заглянула въ низкое окно, привлеченная неистовыми воплями избиваемаго ребенка.

— Безумная, что вы дѣлаете, оставьте сейчасъ ребенка!— крикнула она въ окно, возмущенная представившейся сценой,

и слѣдомъ была уже въ комнатѣ.—Да что это такое?—родная мать бьетъ такъ звѣрски свое дитя, да какъ вы могли, да я сейчасъ позову полицію!... Иди ко мнѣ, дѣточка, иди, мать больше не смѣетъ! И Маня, чувствуя крѣпкую защиту, бросилась къ любимой учительницѣ. Анна въ безсильной злобѣ стояла, опустивъ руки.

— За что такъ увѣчатъ тебя, милая ты, милая?—ласково и бережно разглаживая растрепанную головку Мани, спрашивала Луганская.

— Я... я... мо-о-лилась только, а мама начала рубить иконы... Я не давала...—всхлипывая объясняла дѣвочка.

— Какъ это, я не понимаю, съ чего рубить иконы, что нибудъ не такъ?! Расскажите-ка вы!—обратилась Луганская къ стоявшей тутъ же хозяйкѣ, и Рахиль передала, сама волнуясь и возмущаясь, обо всемъ, чему была свидѣтельницей.

— О, ужасъ, ужасъ, какая страшная дикость! Да понимаете ли вы, несчастная мать, что вы дѣлаете, и это зло все изъ-за вѣры, изъ-за Бога, Который, знаете ли вы это, велитъ любить не только своихъ дѣтей, а и враговъ!.. Пойдемъ, Маня, со мной, тебя убьютъ еще здѣсь, непременно убьютъ! И взволнованная до глубины души Луганская взяла дѣвочку за руку, собираясь уйти поскорѣе изъ этого страшнаго мѣста.

— Ивана Тарасовна! а иконы-то: Я возьму ихъ съ собой, я не пойду безъ нихъ!—Умоляюще взглянула Маня на учительницу. Она наклонилась къ углу, гдѣ лежали сброшенные иконы и дрожащими руками уложила и увязала святыню въ чистый платокъ.—„Ну, теперь идемъ, дѣточка! А вы, неразумная мать, послѣ отвѣтите, теперь надо прежде всего успокоить ребенка.

— Кто еще отвѣтитъ!—злбно выкрикивала она вслѣдъ уходившимъ.—Ворвались въ чужой домъ хозяйничать... Да поведите вы ее, проклятую, змѣеныша, выроodka, и больше чтобы она не показывалась сюда... Хороша учительница,—дѣтей отъ родителей отнимаетъ. По твоей научкѣ, можетъ,

дѣвченка на зло матери все и дѣлала... У, дохлая, проклятая, чтобъ тебѣ сгинуть!—Еще пустила она въ слѣдъ Мани, когда она проходила съ Луганской уже мимо окна.

Страшное, нервное потрясеніе и побои не могли не отозваться на впечатлительной и слабой натурѣ ребенка. Еле-еле прошла Маня нѣсколько кварталовъ до квартиры Луганской. Здѣсь ее силы окончательно покинули, и она въ полузабытїи лежала на кровати, заботливо уложенная учительницей. Подавъ подвернувшись подъ руку успокоительныхъ капель, она оставила ее въ покоѣ, но дѣвочка и во снѣ, скоро овладѣвшемъ ея измученнымъ организмомъ, всхлипывала судорожно, вскакивала, бормоча непонятныя рѣчи.

Маня переживала снова тѣ ужасы, какіе пришлось ей только что вынести: но эти переживанія, какъ всегда случается во время сна, не были простымъ повтореніемъ дѣйствительности; все случившееся переплеталось съ фантастическими образами, видоизмѣнялось, принимало другія формы, обстановку. Лицо матери вдругъ переходило въ лицо грознаго гегемона-мучителя, какъ ихъ представляла дѣвочка по читаннымъ житіямъ, откуда-то являлись воины съ громадными сѣкирами, вертѣлось колесо, поблескивая острыми лезвиями, и все это—готовилось для нея. Мучитель грозно приказывалъ отречься отъ Христа, но она смѣло называла себя христіанкой. И вотъ ее уже подхватываютъ чьи-то могучія руки, бросаютъ на колесо, и ей больно-больно. Но это мгновенно проходитъ, Маня не чувствуетъ боли, хорошо такъ, легко дѣлается, кругомъ—свѣтъ... И этотъ свѣтъ идетъ отъ лампадки, а на нее ласково смотрятъ съ иконъ лица Христа и Матери Божіей.

Долго тянулся кошмарный сонъ; въ комнатѣ учительницы горѣла уже лампа, когда пробудилась Маня и хотѣла, было, открыть глаза. Но одинъ глазъ не открывался,—мать жестоко подбила его, и теперь на мѣстѣ глаза была багровая опухоль; въ головѣ и тѣлѣ чувствовалась острая боль, отъ которой Маня болѣзненно застонала.

— Что съ тобой, дѣточка, — больно? — склонилась надъ ей заботливо учительница: — еще бы! Какъ только въ живыхъ осталась, милая. Но теперь успокойся, — не дамъ въ биду, вотъ поправишься, и все какъ-нибудь устроится... О, зверги, родныхъ дѣтей способны убить...

Луганская до поздней ночи проухаживала за изувѣченной побоями дѣвочкой, заботливо спрашивая о ея горькой домашней жизни, стараясь въ то же время успокоить умирать смущенную и поруганную дѣтскую душу. И бѣдная Маня радостно шла на встрѣчу этому живому любовному участію своей учительницы, раскрывая предъ ней завѣтныя свѣтлыя думы, проникнутыя дивной, восторженной вѣрой. Собенно трогали и удивляли Луганскую въ десятилѣтней вочкѣ ея недѣтская твердость и рѣшимость — ни за что не глашаться на „штундовскую вѣру“, хотя бы мать стала ть и еще больнѣе, до самой смерти. Съ первыхъ же словъ помнила Маня и про иконы, за которыя вынесла отъ мари столько обидъ и побоевъ. Луганская развязала съ ними атокъ. Потрясающій, печальный видъ имѣли онѣ, лишеныя украшеній и кіотокъ и носили слѣды неистовства обелѣвшей фанатички. Икона Спасителя была испещрена, овно ранами, глубокими царапинами отъ ударовъ топора; разъ Божіей Матери былъ расколотъ на-двое. Порывисто ла Маня поруганную святыню изъ рукъ учительницы и ниялась безъ числа цѣловать дорогіе для нея лики, а слезы ли и текли по обезображенному дѣтскому личику, смачивали иконы и будто обмывая нанесенныя жестокія раны. Маня просила помѣстить ихъ пока вмѣстѣ съ другими, висѣвшими въ комнатѣ, иконами.

Больше недѣли поправлялась несчастная дѣвочка отъ снаго потрясенія, пользуясь заботами своей учительницы, орая въ то же время обдумывала планы, какъ бы устро-ее и охранить отъ новыхъ насилій. Отецъ Павель, за-оучитель Мани, узнавъ о случившемся на другой же день, ниялъ въ ней также сердечное участіе и надѣялся угово-

рять какъ-нибудь Гричуковъ одуматься и бросить сектантство. Но Гричуки встрѣтили батюшку грубою бранью, и на всѣ его увѣщанія Анна твердила упорно, что она и видѣть не желаетъ проклятой дочери, и кто увелъ ее къ себѣ, тотъ пусть и заботится. Оставалось одно—устроить дѣвочку куда-нибудь къ добрымъ людямъ, и такой человѣкъ нашелся. Вызвалась взять Маню въ ученицы одна знакомая Луганской модистка, женщина добрая и притомъ православная. Трудная жизнь началась теперь для юной исповѣдницы-мученицы, такъ жестоко выброшенной изъ родной состоятельной семьи; одно оставалось у ней утѣшеніе: святыя, купленные цѣной мученій, иконы были съ ней. Въ молитвѣ имъ была вся ея отрада, въ кроткихъ ликахъ Христа и Матери Божіей открывался для нея единственный на землѣ привѣтъ, исполненный небесной любви...

Безпросвѣтно, мрачно стало въ семьѣ Гричуковъ послѣ ухода Мани. Исчезъ и тотъ грубый призракъ матеріальнаго довольства, ради котораго убита была цѣлая жизнь. Угасли въ умѣ и сердцѣ Анны неясные, но сладостные когда-то порывы къ иной хорошей, свѣтлой жизни по-божьи. Не радовалъ теперь Петра и сынъ Сеня, ставшій задумчивымъ, робкимъ. Испугавшись участи сестры онъ началъ „штундовать“, но все мучился внутренней тревогой и жалѣлъ бѣдную Маню. Все погубило несчастное увлеченіе сектантствомъ; дикій фанатизмъ, взаимное недовольство между супругами, предчувствіе тяжелаго судебнаго приговора за кощунство мрачной разрушительной тѣнью нависли надъ погибающей семьей.

Свящ. *Аѳанасій Веселуцкіи*.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Приготовленіе уроковъ было дѣломъ второстепеннымъ. Впрочемъ, по главному предмету, по словесности, учились хорошо и усердно, зная, что наставникъ словесности главный и рѣшительный цѣнитель успѣховъ ученика. Но и здѣсь весьма возможны были и допускались опущенія. Учениковъ въ классъ было болѣе шестидесяти. Учитель въ часъ урока, ему назначенный, могъ спросить только немногихъ, и для человѣка, склоннаго къ лѣности, въ этомъ была не малая побряжка. Меня не спросить учитель завтра или послѣ завтра (такъ разсуждали иные): зачѣмъ я понапрасну буду утомлять себя и корпѣть надъ вытверживаніемъ урока? А отъ подачи сочиненія на заданную тему такъ уклониться было невозможно; его непременно нужно было представить. Въ этомъ отношеніи неисправность сразу будетъ замѣчена. Меня въ теченіе двухгодичнаго курса словесности наставникъ словесности только одинъ разъ спросилъ, знаю ли я урокъ, и потомъ заставилъ меня отвѣчать не только урокъ одного дня, а наизусть повторять все, пройденное по системѣ. Я изложилъ все, что намъ преподано было о періодахъ, съ приведеніемъ примѣровъ, о тронахъ и фигурахъ съ примѣрами. Думаю, что уже довольно; цѣлый часъ я говорилъ и усталъ, а онъ все испытываетъ меня, и говоритъ: дальше. Послѣ такого отвѣта онъ уже больше не спрашивалъ меня, вѣря въ то, что я исправный ученикъ. Моимъ отвѣтомъ онъ видимо остался доволенъ, и когда по окончаніи урока подписывалъ журналъ, обращался ко мнѣ съ предложеніемъ выучить наизусть „Марѳу Посадницу“ Карамзина, и наизусть произнести ее въ классъ. Я не далъ согласія на такое предложеніе, указавъ на то, что лучше свободное время употребить на

¹⁾ См. №№ 35—36-й за 1908 г.

чтеніе какихъ-либо книгъ, чѣмъ на зубреніе „Маровы Посадницы“, на что, конечно, потребовался бы немаловременный трудъ.

Въ каждомъ отдѣленіи семинаріи, кромѣ главнаго предмета, предназначались для изученія другія науки, которыя слыли подъ названіемъ „побочныхъ“.

Изъ побочныхъ предметовъ въ низшемъ отдѣленіи видное мѣсто занимали всеобщая исторія и математика (алгебра, геометрія и пасхалія). Исторія интересный предметъ, но онъ преподавался такъ, что ученики не получали по нему основательныхъ свѣдѣній и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ учениковъ, мало усердія прилагали къ его изученію. Учебнымъ руководствомъ была краткая исторія Шренка, которая и тогда признавалась мало удовлетворительнымъ учебникомъ. Но и эту краткую и мало удовлетворительную исторію ученики не внимательно изучали. Наставникъ рѣдко дѣлалъ какія-либо добавленія къ учебнику. Любители и искатели историческихъ знаній, находившіеся между учениками, не довольствуясь скудными классическими уроками, сами обращались къ болѣе обстоятельнымъ руководствамъ по исторіи, и съ жадностью пожирали книги исторіи Беккера и Лоренца. Но такихъ было меньшинство.

Математика была еще въ большемъ пренебреженіи, чѣмъ исторія. Противъ нея было неосновательное предубѣжденіе: у многихъ изъ учениковъ утвердилось мнѣніе, что для успѣшнаго изученія этой науки требуются особенныя дарованія, которыя не всеѣмъ даются, и въ силу этого фальшиваго мнѣнія они освобождали себя отъ занятій по этой наукѣ, думая, что все равно, какъ ни занимайся ею, большаго успѣха не будетъ. Алгебра изучалась по руководству Серпинскаго, а геометрія по руководству Райковскаго. Многихъ смущали и приводили въ недоумѣніе простыя алгебраическія формулы: они не знали и не могли рѣшить, что это значитъ $a + b = c$ и т. д. А когда дѣло доходило до логарифмовъ, то умъ иныхъ совершенно становился втупикъ. Трудно было

учителю возбудить вниманіе въ ученикахъ къ этому предмету, зачисленному въ семинаріи въ разрядъ наукъ опальныхъ, тѣмъ болѣе, что и начальство не особенно настаивало на томъ, чтобы ученики усерднѣе занимались математикою. Усилія и способныхъ преподавателей математики, хорошо знающихъ предметъ свой, пропадали даромъ и разбивались о лѣность и невниманіе къ ихъ наукѣ большинства учениковъ. Приходилось имъ имѣть дѣло съ избранными изъ учениковъ, расположенными къ изученію математики, какихъ все-таки изъ класса, вмѣщавшаго въ себѣ болѣе шестидесяти, семидесяти учениковъ, набиралось изрядное количество. На экзаменахъ по побочнымъ предметамъ, и въ особенности по математикѣ, спрашивали не всѣхъ, а только немногихъ. По математикѣ вызывались къ отвѣту единицы, а большею частію изъ числа тѣхъ, которые у наставника показывались въ спискахъ занимающимися и оказавшими хорошіе успѣхи. Не даромъ сложилось мнѣніе, не утратившее своей силы и до настоящаго времени, не смотря на реформы, произведенныя въ семинаріяхъ, что семинаристы математику плохо изучаютъ и знаютъ, и исключенія, не рѣдко являющіяся, не подрываютъ сложившагося предубѣжденія въ свѣтскомъ обществѣ.

Во Владимірской семинаріи, во время моего обученія въ ней, было четыре низшихъ отдѣленія, и въ каждомъ отдѣленіи было до шестидесяти учениковъ и болѣе. Ученики, перешедшіе изъ училища, распредѣлялись по отдѣленіямъ такъ, что первый ученикъ извѣстнаго училища поступалъ въ одно отдѣленіе, второй въ другое, третій въ третье, четвертый въ четвертое, пятый въ одно отдѣленіе съ первымъ, шестой со вторымъ и т. д. Всѣхъ училищъ было пять: Владимірское, Суздальское, Переславское, Муромское и Шуйское; но во Владимірскомъ училищѣ было два отдѣленія, и потому у правленія семинаріи было шесть списковъ учениковъ, принятыхъ въ семинарію, и шесть первыхъ учениковъ. При распредѣленіи учениковъ по отдѣленіямъ, учениковъ каждаго училища раздѣляли и вносили въ четыре списка, для соблюде-

нія равномерности держась такого порядка, чтобы въ каждомъ спискѣ было одинаковое число лучшихъ, среднихъ и худшихъ, для чего сообразовались съ разрядными списками. Такого порядка и смѣшенія учениковъ держались, при переводѣ ихъ изъ низшаго отдѣленія въ среднее, и изъ средняго въ высшее. Во главѣ каждаго списка стоялъ первый ученикъ, какого-либо училища, второй другого училища, третій третьяго и т. д. Но такъ какъ низшихъ отдѣленій было четыре, а первыхъ учениковъ было шесть, то въ два списка попали два первыхъ ученика. Эти списки, съ перемѣшанными учениками всѣхъ училищъ, по жеребью приурочивались къ тому или другому отдѣленію.

При этомъ распредѣленіи учениковъ по отдѣленіямъ, по произведенной жеребьевкѣ, я попалъ въ низшее четвертое отдѣленіе. вмѣстѣ со мною въ это же отдѣленіе попалъ еще первый ученикъ Владимірскаго училища Александръ Михайловичъ Сперанскій, мой предполагаемый соперникъ. вмѣстѣ со мною впоследствии, въ 1851 году, онъ посланъ былъ въ Кіевскую духовную Академію, кончилъ курсъ въ ней магистромъ и былъ преподавателемъ Владимірской семинаріи и вмѣстѣ священникомъ Владимірскаго Дмитріевскаго собора. По засвидѣтельствованіи автора „Исторіи Владимірской семинаріи“¹⁾, онъ былъ однимъ изъ умныхъ и уважаемыхъ семинаріею наставниковъ. Мы застали въ отдѣленіи около девяти человекъ, оставшихся на другой курсъ, изъ нихъ трое добровольно, для лучшихъ успѣховъ въ изученіи курса наукъ, преподаваемыхъ въ словесности, и для завоеванія высшаго мѣста въ спискахъ. Одинъ изъ нихъ А. Лекторскій рекомендованъ былъ намъ, какъ великій мастеръ писать сочиненія: онъ-де писалъ уже романы, когда мы, новички, еще не умѣли братья за перо и не знали, какъ приступать къ дѣлу составленія сочиненій. Онъ и въ послѣду-

¹⁾ Исторія Владимірской духовной семинаріи, И. Малицкаго. Вып. II, стр. 275.

ющіе годы заявлялъ себя сверхурочными литературными трудами, но не занималъ очень высокаго мѣста въ спискахъ, кончилъ курсъ студентомъ, записанъ въ спискахъ подъ № 7, былъ священникомъ въ Маломъ Загаринѣ Муромскаго уѣзда, а потомъ въ Иговскомъ погостѣ Меленковскаго уѣзда¹⁾.

Наставникомъ нашимъ въ низшемъ отдѣленіи по главному предмету, — словесности, былъ Алексѣй Ивановичъ Розовъ, кончившій курсъ въ Кіевской академіи въ 1845 году. Когда я поступилъ въ семинарію, въ 1846 году, онъ былъ однимъ изъ самыхъ молодыхъ наставниковъ, — только начиналъ свою педагогическую дѣятельность. Какъ начинающій преподаватель, еще не приобрѣтшій репутаціи, онъ видимо старался зарекомендовать себя и относился къ своему дѣлу съ полнымъ усердіемъ, и это отмѣчено было и поставлено ему въ заслугу начальствомъ. Послѣ ревизіи Владимірской семинаріи, произведенной въ 1850 году инспекторомъ Московской академіи Сергіемъ (Лянидовскимъ), впоследствии Московскимъ митрополитомъ, Правленіе Московской академіи выразило ему признательность за усердіе и исправность²⁾. Съ литературою, съ произведениями классическихъ писателей онъ насъ не знакомилъ, предоставляя ознакомленіе съ ними личному усердію каждаго. Это не требовалось тогдашнею программою по словесности. Но А. И. Розовъ побуждалъ насъ читать хорошія книги, и между ними указывалъ тѣ, которыя заслуживали особеннаго вниманія. Побужденіемъ къ этому онъ выставялъ то, что, читая хорошія книги, мы лучше всего научимся сами излагать свои мысли и приобрѣтемъ изъ нихъ добрую литературную сноровку. Этотъ совѣтъ легко былъ исполнимъ для насъ, и исполнялся многими. Въ классѣ была ученическая библіотека и стоялъ шкафъ съ книгами, пріотѣаемыми на сборныя деньги съ учениковъ. Книги пріобрѣтались, по указанію или по выбору ректора и наставни-

¹⁾ Исторія Владим. дух. семинаріи, И. Малицкаго. Вѣст. III, стр. 148.

²⁾ Исторія Владим. семинаріи, Вып. 11, стр. 375.

ка главнаго предмета, и, конечно, такія, какія наиболѣе годны были для учениковъ извѣстнаго класса. Въ низшемъ отдѣленіи ядро библіотеки составляли лучшія сочиненія русскихъ писателей. Хотя въ мое время, при первоначальномъ образованіи классной ученической библіотеки, ихъ было не такъ много; но все-таки для желающихъ достаточно было читательнаго, и хорошаго, матеріала. Для распоряженія книгами, для ихъ записи и выдачи, былъ избранъ изъ учениковъ особый библіотекаръ,—избранъ былъ товарищами по классу, но утверждаемъ былъ въ этой должности ректоромъ, который возлагалъ на него отвѣтственность за цѣлость и храненіе книгъ.

Усердіе и исправность А. И. Розова, засвидѣтельствованныя ревизоромъ, за которую онъ получилъ благодарность отъ Правленія Московской академіи, которому въ то время подчинены были семинаріи Московскаго духовно-учебнаго округа, обнаруживалось главнымъ образомъ въ чтеніи и исправленіи ученическихъ сочиненій. Цѣлыя кучи тетрадей поступали къ нему, и онъ всѣ ихъ внимательно прочитывалъ и дѣлалъ замѣчанія по поводу недостатковъ, имъ усмотрѣнныхъ, въ сочиненіяхъ ученическихъ. Часто разбиралъ ихъ въ классѣ на урокахъ, и при этомъ давалъ руководственные указанія касательно того, какъ нужно писать, причемъ первѣе всего требовалъ яснаго изложенія мыслей, прямого отвѣта на данный вопросъ и логической стройности. И мы получали отъ него хорошую заправку для литературныхъ работъ. А пріученіе къ хорошему писательству или къ исправному изложенію своихъ мыслей было главнымъ дѣломъ, возложеннымъ на наставника словесности, и это дѣло онъ выполнялъ съ полнымъ тщаніемъ и усиліемъ. За это цѣнили его ректоръ Евѣимій, очень внимательно относившійся къ тому, какъ вели свое дѣло наставники подчиненной ему семинаріи, и одобрительный отзывъ о томъ ревизора сдѣланъ на основаніи рекомендаціи его ректоромъ Евѣиміемъ. Въ наше время въ семинаріи было четыре наставника словесности, и ученики считали его однимъ изъ самыхъ умѣлыхъ

и усердныхъ преподавателей. Наравнѣ съ нимъ, во мнѣніи семинаристовъ, стоялъ Иванъ Никифоровичъ Солярскій, магистръ Московской академіи 1832 года, преподававшій словесность во второмъ низшемъ отдѣленіи. Какъ старый преподаватель, онъ, можетъ быть, обладалъ большею опытностью, но усердіемъ онъ не превосходилъ его. Я, проучившись въ словесности два года подъ руководствомъ А. И. Розова, остался очень доволенъ, что именно къ нему попалъ я въ отдѣленіе, а не къ другому наставнику словесности.

Въ „Исторіи Владимірской духовной семинаріи“¹⁾ И. Малицкаго слабо отмѣчена преподавательская дѣятельность А. И. Розова. Тамъ сказано, что „ученики вспоминаютъ о немъ не столько, какъ о выдающемся чѣмъ-нибудь наставникѣ, сколько какъ о человѣкѣ, въ высшей степени мягкомъ, незлобивомъ. Въ преподаваніи онъ держался близко учебниковъ“. Я ничего не имѣю противъ характеристики его, какъ человѣка мягкаго и незлобиваго. Но не эти свойства я цѣню въ немъ, какъ въ бывшемъ моемъ учителѣ. Онъ былъ начальникъ дѣльный, умѣло ведшій порученное ему дѣло. Такимъ считали его въ мое время всѣ семинаристы. Можетъ быть, въ послѣдствіи времени онъ утратилъ прежнюю энергію, и не съ такимъ тщаніемъ исполнялъ обязанность преподавателя, какъ въ первые годы своей службы. Ему какъ будто поставлено въ вину, что онъ близко держался учебниковъ. Но въ этомъ виноватъ не онъ одинъ, а почти всѣ тогдашніе преподаватели.

Въ четвертомъ низшемъ отдѣленіи былъ только одинъ наставникъ главнаго предмета—словесности. А для побочныхъ предметовъ, не было въ немъ особыхъ преподавателей. Для слушанія уроковъ по этимъ побочнымъ предметамъ мы, ученики четвертаго низшаго отдѣленія, должны были ходить въ другія отдѣленія, при чемъ мы раздѣлены были на три равныя части: одна часть учениковъ должна была ходить въ

¹⁾ Вып. 11, стр. 255.

первое отдѣленіе, другая во второе, а третья въ третье. Я попалъ во второе отдѣленіе, гдѣ наставникомъ исторіи былъ Михаилъ Минычъ Никольскій, а наставникомъ математики Иванъ Григорьичъ Любомудровъ.

Побочные предметы не стояли на равной степени съ главнымъ предметомъ, и во вниманіи начальства и во вниманіи семинаристовъ, и успѣхамъ по нимъ не придавалось особеннаго значенія, при оцѣнкѣ достоинства учениковъ. Въ этомъ было одно неблагопріятное условіе для надлежащаго изученія этихъ предметовъ. Другое неблагопріятное условіе заключалось въ переполненности класса свыше нормальнаго числа учениковъ. Въ классѣ было болѣе восьмидесяти учениковъ (комплектъ отдѣленія и треть учениковъ, присоединенныхъ къ отдѣленію изъ четвертаго отдѣленія). При такомъ обиліи учениковъ трудно наставнику требовать отъ всѣхъ отчета въ знаніи урока, трудно знать, кто изъ нихъ какъ занимается. Рѣдкій изъ учениковъ могъ ожидать, что его спроситъ наставникъ въ тотъ или другой день, и въ этомъ для лѣнливыхъ было пріятное возглавіе. Положеніе было такое, что, кто хотѣлъ и интересовался предметомъ, могъ учиться, а кто не хотѣлъ, могъ не учиться и не готовить уроковъ. Все сходило съ рукъ, и какихъ-либо оцутительныхъ послѣдствій для ученика отъ этого не было. Правда, были экзамены. Но на экзаменахъ по побочнымъ предметамъ спрашивали далеко не всѣхъ, а только нѣсколькихъ изъ учениковъ, не болѣе десяти.

Преподаватель гражданской исторіи во второмъ отдѣленіи, гдѣ мнѣ пришлось учиться, Михаилъ Минычъ Никольскій, кандидатъ Петербургской академіи, былъ прежде учителемъ Шуйскаго, потомъ Суздальскаго училища. Онъ не прилагалъ усердія и души къ дѣлу преподаванія, и велъ его довольно небрежно, стараясь только формальнымъ образомъ исполнять долгъ учителя. Исторія такой предметъ, гдѣ всего болѣе можно было ожидать рассказовъ. Но онъ въ рассказы не любилъ пускаться, а въ дополненіе къ учебнику прочи-

тываль страницы изъ болѣе обширныхъ руководствъ по исторіи,—Лоренца или Беккера. Но чтеніе его было до того монотонно (пишетъ одинъ изъ учениковъ его сороковыхъ годовъ), что нѣкоторые ученики засыпали за партой¹⁾. Онъ, кажется, мало заинтересованъ былъ тѣмъ, чтобы ученики хорошо изучали предметъ его; по крайней мѣрѣ не прилагалъ особенныхъ заботъ къ тому. Спрашивалъ онъ учениковъ рѣдко, на кого случайно попадетъ его выборъ. Въ особенности заброшены были имъ и оставлены въ небреженіи мы, ученики четвертаго отдѣленія, попавшіе къ нему для изученія гражданской исторіи. Онъ на насъ махнулъ рукою и почти знать насъ не хотѣлъ, и если говорилъ о насъ, то съ полнымъ пренебреженіемъ къ намъ. Меня въ теченіе двухъ лѣтъ онъ ни разу не спрашивалъ, и не спрашивалъ не потому, что надѣялся на мою исправность, считая меня хорошимъ ученикомъ. Съ этой стороны я мало ему былъ извѣстенъ. И отъявленные лѣнтяи, особенно изъ учениковъ четвертаго отдѣленія, тоже рѣдко были имъ спрашиваемы. Учениковъ онъ совершенно не зналъ,—не зналъ, кто какъ, хорошо или худо, занимается по его предмету. А когда, приходилось ему предъ концомъ года составлять списокъ учениковъ, съ показаніемъ ихъ успѣховъ, для представленія его въ Правленіе семинаріи или ректору, онъ призывалъ къ себѣ цензора или одного изъ первыхъ учениковъ, и поручалъ ему составить разрядный списокъ, ссылаясь на то, что я васъ, учениковъ, не знаю. И приглашенный ученикъ составлялъ для него списокъ, придерживаясь при этомъ списка главнаго наставника, съ нѣкоторыми измѣненіями по своему усмотрѣнію. Въ низшемъ отдѣленіи—списокъ учениковъ составлялъ для него, какъ говорили, Еѳимъ Тихоміровъ, исполнявшій должность цензора въ классѣ, оставшійся въ риторикѣ на другой курсъ для лучшихъ успѣховъ по всѣмъ наукамъ. А

¹⁾ Исторія Владимирской дух. семинаріи. Вып. 11, стр. 116.

мнѣ предоставлена была эта честь въ среднемъ отдѣленіи, когда я учился у него по русской гражданской исторіи. Подписывая журналъ въ классѣ, не задолго до экзамена, онъ говоритъ мнѣ, бывшему тогда цензоромъ: „зайдите ко мнѣ сейчасъ“. Конечно, по его приглашенію я не замедлилъ къ нему явиться, и онъ тотчасъ же, по моемъ приходѣ, даетъ мнѣ списокъ моихъ товарищей и поручаетъ мнѣ составить порядковый списокъ ихъ по ихъ усиѣхамъ, и при этомъ заявляетъ: „вы-де лучше ихъ знаете, чѣмъ я, и лучше знаете, кто изъ нихъ какъ занимается“. И послѣ этого заявленія онъ не принималъ никакого участія въ составленіи списка. Я старался составить списокъ разрядной съ возможною добро-совестію, дѣлая въ общемъ или главномъ списокѣ нѣкоторыя измѣненія въ пользу тѣхъ, о которыхъ мнѣ извѣстно было, что они любители и знатоки русской исторіи.

Въ этомъ отношеніи совершенную противоположность ему представляетъ другой наставникъ Василій Оедоровичъ Романовскій, преподававшій гражданскую исторію въ первомъ отдѣленіи. Онъ любилъ спрашивать учениковъ, любилъ часто составлять и мѣнять разрядные списки ихъ. Почти каждый мѣсяць онъ являлся въ классъ съ новымъ спискомъ, который тотчасъ же и объявлялъ ученикамъ. Случалось, что ему заявляли недовольство на то, что онъ низко поставилъ того или другого ученика. Въ оправданіе себя онъ говорилъ ученикамъ: „вы не думайте, что я зря составляю списки. Каждый разъ, когда мнѣ нужно составить списокъ, я молюсь, долго молюсь, и потомъ, когда сяду за столъ и возьмусь за перо, рука сама такъ и пишетъ, такъ и пишетъ“... И эти списки, составляемые какъ бы по наитію свыше, не отличались правильною сравнительною оцѣнкою учениковъ; потому они и подвергались частой мѣнѣ.

Проф. *Василій Пльвицкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 8-го сентября 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 38.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года сентября 20-го днч.

Содержаніе: I. Къ вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ. Свящ. А. Веселиц-
вій.—II. Говоритъ ли Ветхій Заветъ о спасительной силѣ вѣры? А.
Волнивъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣв-
ницкій.—IV. Церковное хозяйство. Герей.

Къ вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ.

(Въ школь и общество).

Грустно и досадно бываетъ иногда читать и выслуши-
вать разсужденія нѣкоторыхъ отечественныхъ идеологовъ
политико-экономистовъ и даже педагоговъ, когда они, пыта-
ясь принципиально выяснитъ причины социальнихъ язвъ и
недуговъ, отрицательно и пренебрежительно относятся къ
непосредственнымъ мѣрамъ борьбы съ этими недугами, къ
иниціативѣ и усиліямъ, обнаруживаемымъ людьми живого
порыва и дѣятельной христіанской любви.

На глазахъ у всѣхъ насъ люди извѣстной среды обще-
ственной всякаго пола и возраста во множествѣ гибнутъ отъ
страшнаго застарѣлаго порока; и вотъ люди изъ того же

общества болѣе чуткіе, любящіе ближняго, энергичные, спѣшатъ къ погибающимъ, протягиваютъ руку помощи, убѣждаютъ, умоляютъ несчастныхъ бросить порокъ во имя Бога, ради спасенія своего человѣческаго достоинства и, чтобы слабымъ облегчить возможность спасенія, сплачиваютъ ихъ въ тѣсный союзъ. И слышатъ слабые, бѣдные рабы порока этотъ неотразимый призывъ братской любви со стороны нравственно сильныхъ, искренно, самоотверженно идущихъ спасать ихъ добрыхъ людей,—довѣрчиво отдаются ихъ руководству, поддержкѣ, и—дивное диво!—на самомъ дѣлѣ находятъ здѣсь силы побороть въ себѣ зло, обрѣтаютъ новую свѣтлую жизнь. И такимъ путемъ избѣгаютъ вѣрной гибели не единицы, не десятки, а тысячи, десятки, даже сотни тысячъ несчастныхъ, обезволенныхъ порокомъ людей, превращаясь изъ отрицательнаго элемента, изъ язвы общества въ его жизненную, созидательную, нравственную силу, именно благодаря непосредственному участию въ ихъ мрачной судьбѣ энергичныхъ, вдохновленныхъ любовію лицъ живого дѣятельнаго порыва, нравственной инициативы. Казалось бы, при такихъ очевидныхъ результатахъ не могло быть никакихъ поводовъ и основаній сомнѣваться въ цѣлесообразности и плодотворности борьбы съ общественными пороками путемъ непосредственнаго нравственно-религіознаго, любовно-участливаго воздѣйствія на порочную слабую волю погибающихъ, путемъ пробужденія въ нихъ личнаго самосознанія, отвращенія къ гибельному пороку, наконецъ,—путемъ сплоченной общей борьбы самихъ слабыхъ порочныхъ людей со своимъ недугомъ.

Но вотъ выступаютъ на сцену наши отечественные идеологи, несомнѣнно въ глубинѣ души вдохновляемые тѣми же лучшими стремленіями видѣть родной народъ, родное общество свободнымъ отъ всѣхъ соціальныхъ и нравственныхъ язвъ и недуговъ, и безпощадно, скептически обрушиваются всею тяжестью своихъ соціально-экономическихъ теорій на живое плодотворное дѣло борьбы съ общественной порочно-

стью, находя его неправильно поставленнымъ, а потому—безцѣльнымъ и даже въ извѣстныхъ отношеніяхъ прямо вреднымъ. „Вы,—говорятъ они торжественно и важно практически борцамъ съ общественной порочностію, вдохновляемымъ любовію къ погибающимъ и стремящимся сейчасъ же неотложно сподручными нравственными средствами и воздѣйствіями придти къ нимъ на помощь,—вы напрасно и безцѣльно тратите силы. Для борьбы со зломъ, для искорененія общественной порочности надо узнать ея причины и устранить ихъ, а безъ того всѣ ваши усилія—безцѣльные палліативы. А причины всѣхъ золъ общественныхъ ясно и неопровержимо указываетъ наука въ несовершенствахъ современнаго соціально-экономическаго строя: въ ту же сторону прежде всего и направляйте свои благія усилія, если хотите видѣть торжество добродѣтели и уничтоженія порока. Безъ этого всѣ ваши усилія—ничто, ваша дѣятельность не достигнетъ прочныхъ результатовъ!“

Что сказать на такія рѣчи? Несомнѣнно, въ нихъ есть значительная доля неоспоримой истины, но истины односторонней, подсказанной идеологіей экономическаго матеріализма, которая подчиняетъ всю жизнь человѣческую безусловному господству особыхъ соціально-экономическихъ законовъ, ставитъ ее въ исключительную зависимость отъ однихъ внѣшнихъ чувственно-матеріальныхъ условій и факторовъ существованія. Неоспоримо, конечно, громадное вліяніе соціальныхъ и экономическихъ причинъ на развитіе и укорененіе порочности въ обществѣ; но отрицать только въ виду этого всякую возможность ослабленія и устраненія порочности путемъ непосредственной борьбы съ ней нравственными средствами—воздѣйствіемъ на умъ и волю отдѣльныхъ членовъ общества—будетъ очевидной односторонностію, идущей въ разрѣзъ со всей исторіей человѣчества. Эта исторія и общимъ ходомъ, и множествомъ отдѣльныхъ фактовъ ясно доказываетъ, что человѣчество никогда не было въ полномъ рабствѣ матеріальныхъ и экономическихъ условій своего

существованія, напротивъ, его духовная природа, его воля и умъ, всегда подчиняла ихъ себѣ и видоизмѣняла или ради осуществленія и торжества нравственныхъ идеаловъ, или подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Человѣкъ по природѣ—не рабъ матеріальной стороны существованія, и временно дѣласть его такимъ предварительное забвеніе нравственныхъ запросовъ, пренебреженіе къ своему духовно-личному достоинству. И когда наступало лишь пробужденіе человѣческаго духа, оно завершалось побѣдой надъ земными, матеріальными, экономическими условіями жизни и всегда вело къ ихъ улучшенію, совершенствованію. Такъ всегда было и бывасть, а по идеологіи матеріалистической должно бы быть обратное: матеріально-экономическое и социальное улучшеніе жизни должно бы вести къ подъему духовно-нравственной жизни и уменьшенію порочности, но, пока-что подтвержденія такой идеологіи жизнь не дала.

Между тѣмъ эта идеологія, не оправдываемая ни прошлымъ, ни настоящимъ человѣчества, можетъ оказать,—да и оказываетъ уже,—свое отрицательное вліяніе на нравственно-умственное совершенствованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на социальную-экономическую прогрессъ человѣчества, благодаря своей распространенности. Въ самомъ дѣлѣ, отвергая, якобы на основаніи науки, цѣлесообразность и полезность непосредственной борьбы съ общественной порочностью, безъ предварительнаго устраненія экономическихъ, матеріальныхъ и социальныхъ причинъ послѣдней, она неизбежно парализуетъ энергію непосредственныхъ самоотверженныхъ борцовъ противъ общественныхъ недуговъ, лишая ихъ увѣренности въ достиженіи положительныхъ результатовъ одной нравственно-просвѣтительной идейной дѣятельности. А ожидать, сложа руки, въ бездѣйствіи, когда будутъ устранены, во исполненіе чаяній нашихъ идеологовъ, всѣ отрицательные матеріальные, экономическіе, социальные факторы и условія изъ жизни человѣчества, и надѣяться, что тогда исчезнутъ пороки, и возсіяетъ новая нравственность,—не значить ли все это удалять

достижимое сейчасъ въ известной степени благополучіе и нравственное оздоровленіе общества въ туманное, утопическое, трудно осуществимое отдаленное будущее? И вотъ вслѣдствіе увлеченія известной части общества односторонней идеологіей 'экономическаго матеріализма, у насъ предъ глазами развивается странный и вредный для дѣла антагонизмъ, недовѣріе между идеологами, послѣдователями этой соціальной теоріи, и людьми, вѣрящими въ соціальный прогрессъ и въ оздоровленіе общественной среды при посредствѣ нравственно-просвѣтительнаго и религіознаго воздѣйствія на общество.

Люди, стремящіеся къ одной цѣли, воодушевляемые, въ сущности, одной любовью къ ближнему, однимъ желаніемъ нравственнаго и матеріальнаго благополучія, преуспѣянія роднаго народа, изъ-за этого теоретическаго антагонизма ослабляютъ успѣхъ самаго дѣла, задерживаютъ, замедляютъ осуществленіе своей общей святой завѣтной цѣли. Это-то и грустно и досадно замѣчать всякому, кому дѣйствительно дорого благо и счастье родины, религіозно-нравственное, умственное и экономическое развитіе роднаго народа. И какъ же было бы хорошо, если бы обѣ стороны признали, наконецъ, каждая другъ за другомъ цѣнность, полезность и необходимость своихъ усилій, своей дѣятельности и, соединившись рука объ руку, шли дружно къ достиженію общей возвышенной цѣли. Но пока этой солидарности не существуетъ, намъ, вѣрящимъ въ силу и торжество духа, въ побѣду религіозно-нравственныхъ началъ, необходимо защищать свою позицію отъ нападковъ со стороны противоположной; необходимо поддерживать въ себѣ бодрость и вѣру въ дѣйствительную пользу своей дѣятельности, которая подвергается безпощадной критикѣ со стороны нѣкоторыхъ идеологовъ, способной иногда внушить мрачное недовѣріе и разочарованіе въ собственныхъ силахъ.

Такое именно недовѣріе и разочарованіе въ цѣлесообразности и полезности одной нравственно-просвѣтительной борьбы

съ общественной порочностію можетъ возбудить статья, помѣщенная въ „Вѣстникѣ воспитанія“ (январь 1909 г.) и касающаяся одной изъ главныхъ современныхъ социальныхъ язвъ — алкоголизма въ его отношеніи къ школѣ. Статья „Алкоголизмъ и школа“, принадлежащая перу г. В. Канеля, съ фактической стороны представляетъ отрадную попытку освѣтить всесторонне алкогольный вопросъ, указать причины алкоголизма и правильную постановку борьбы съ нимъ, главнымъ образомъ въ школьной сферѣ, поскольку эта всенародная язва касается школы, непосредственно проникаетъ въ школьную жизнь. Но односторонняя идеологія автора приводитъ его къ безотраднѣмъ выводамъ относительно почти всѣхъ современныхъ способовъ и мѣръ борьбы съ алкоголизмомъ, отодвигая безнадежно практическое и коренное рѣшеніе алкогольной проблемы въ туманную даль будущаго, связывая безусловно уничтоженіе этой общественной язвы съ переустройствомъ общества и школы на новыхъ началахъ.

Авторъ, вооружившись авторитетными именами извѣстныхъ европейскихъ ученыхъ, философовъ, социологовъ, статистиковъ, прикосновенныхъ къ разсматриваемому вопросу, представляетъ сначала въ настоящемъ потрясающе-мрачномъ свѣтѣ картину современнаго алкоголизма, какъ всенароднаго, общеевропейскаго бѣдствія. Но потомъ, согласно цѣли своей статьи, онъ подробно и обстоятельно изображаетъ разрушительныя завоеванія алкоголизма въ школьной сферѣ не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Приводимыя въ статьѣ свидѣтельства специальныхъ изслѣдователей алкоголизма въ школѣ, — Коровина, Малыгина, Горячкина (у насъ), также французскихъ, нѣмецкихъ, австрійскихъ, голландскихъ врачей, — неопровержимо показываютъ, какъ глубоко и широко успѣло уже захватить алкогольное зло повсюду дѣтей и юношей, обучающихся въ школахъ. Оказывается, пьянство, знакомство съ алкоголемъ въ этой средѣ — явленіе всеобщее, обычное; для большинства учащихся регулярное, постоянное употребленіе этого яда становится

своего рода режимомъ, привычкой. Дѣти и юноши, обучающіеся въ школахъ и совсѣмъ незнакомые съ алкоголемъ въ той или другой формѣ, могутъ считаться прямо рѣдкими исключеніями. Есть отъ чего придти въ ужасъ и пробудиться отъ постыднаго равнодушія, устремиться лучшимъ честнымъ силамъ общества на борьбу съ такимъ вопіющимъ порокомъ!..

И сознание неотложной необходимости борьбы со страшнымъ зломъ еще болѣе обостряется отъ представленія тѣхъ разрушительныхъ послѣдствій, какія вноситъ алкоголь въ психическую и тѣлесную организацію неокрѣпшихъ юныхъ человѣческихъ существъ. „Алкоколь, говоритъ авторъ, для дѣтей во всѣхъ его видахъ представляетъ разрушительный ядъ. Онъ наноситъ огромный ущербъ не только физическому развитію, но вліяетъ самымъ пагубнымъ образомъ на умственные способности, на формированіе нравственнаго міросозерцанія. Я прямо таки считаю преступленіемъ, — цитируетъ авторъ профессора Цигена, — когда дѣтямъ даютъ ежедневно нѣкоторое количество алкоголя. Далѣе въ статьѣ обстоятельно, на основаніи ученыхъ авторитетовъ, Годжа, Гауле, излагаются анатомо-физиологическія основы разрушительнаго дѣйствія алкогольнаго яда на нервную систему, на головной мозгъ, на образованіе нервныхъ клѣтокъ и крови въ молодомъ организмѣ. Не менѣе губительно оказывается вліяніе этого яда и на психическую жизнь: приводимыя авторомъ экспериментальныя данныя профессора Крепелина показываютъ намъ, какъ подъ вліяніемъ алкоголя ослабляются и разстраиваются всѣ психическіе акты—вниманіе, воспріятіе впечатлѣній, способность къ ассоціаціи и двигательные процессы. Изъ приведенной въ статьѣ таблицы Бора, изслѣдовавшаго 591 ученика одной вѣнской школы, можно наглядно убѣдиться въ прямой зависимости успѣховъ учениковъ отъ употребленія ими алкоголя: не употреблявшіе вовсе алкоголя дали 12% малоуспѣшности, а употреблявшіе ежедневно пиво—66,6% малоуспѣшности.

Но этимъ зло не ограничивается. Вліяніе алкоголя глубже: онъ, разрушая устойчивость нервной системы, парализуя или ослабляя психическія силы, создаетъ цѣлыя кадры людей, не способныхъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ жизнью, выносить ея удары. Мюллеръ и Бэръ видятъ въ спиртныхъ напиткахъ тѣхъ скрытыхъ агентовъ, которые производятъ нашихъ юныхъ неврастениковъ, жертвъ нравственной распущенности, легкомысленныхъ самоубійцъ, малодушныхъ и совершенно безхарактерныхъ слабовольныхъ людей, негодныхъ къ жизни. По утверженію профессора Тарновскаго и Риббинга, большинство случаевъ утраты цѣломудрія среди юношества происходитъ подъ вліяніемъ вина; оно же приводитъ молодыхъ людей и въ дома терпимости, эти расадники другой язвы современнаго общества — сифилиса.

Таково-то значеніе алкоголизма въ жизни современной школы! Послѣ обстоятельнаго и глубоко-вѣрнаго изображенія г. Канелемъ въ своей статьѣ адски-разрушительнаго и широко распространеннаго вліянія на подростующія поколѣнія алкоголя, трудно представить еще другое какое-нибудь общественное зло болѣе вредное, болѣе гибельное. Тутъ первымъ движеніемъ, первымъ порывомъ каждой честной любящей ближняго души должна бы явиться, какъ мы говорили уже, рѣшимость вступить сейчасъ же, неотложно въ борьбу съ этимъ ужаснымъ врагомъ всѣми мѣрами, всѣми сподручными средствами и сплотиться для успѣха ея всѣмъ честнымъ людямъ, не взирая на различіе убѣжденій.

Въ частности, предъ школой здѣсь встаетъ ея прямая, не подлежащая оспариванію обязанность: вооружиться противъ общественнаго, гибельнаго порока, глубоко проникшаго и въ ея чистую среду всѣми просвѣтительно-воспитательными средствами и способами. Это несомнѣнно—священный и прямой долгъ всѣхъ руководителей школьнаго дѣла, и тѣмъ болѣе прямой долгъ, что константируемое теперь господство алкоголизма въ школѣ нельзя отчасти не приписать пренебрежительному отношенію къ этому долгу прежнихъ учите-

лей и воспитателей, конечно, не сознательно допущенному. Отсюда, понятно, мы должны бы съ благодарностію и радостнымъ участіемъ привѣтствовать пробудившееся среди школьныхъ дѣятелей, уже лѣтъ десять назадъ, сознание необходимости активной борьбы съ алкоголизмомъ, должны бы все воспитательно-просвѣтительныя практическія начинанія въ этомъ направленіи встрѣчать ободреніемъ и поддержкой. будутъ ли то школьныя общества трезвости, особые уроки, разъясняющіе всесторонне гибельность алкоголизма, или моральное воздѣйствіе въ видѣ проповѣди. Тутъ для насъ цѣнно и дорого уже одно то, что борьба начата, что практикуемые способы и средства ея веденія сподручны и осуществимы сейчасъ и, главное, что они несомнѣнно ослабляютъ зло, распространяя чрезъ школу и въ обществѣ здравыя понятія и трезвыя взгляды на одолѣвшее его алкогольное зло.

Такимъ образомъ, думается, долженъ бы смотрѣть на отношеніе школы къ алкогольному вопросу и каждый непредубѣжденный человѣкъ; подобныхъ же взглядовъ, какъ будто, держится и почтенный авторъ разсматриваемой статьи, говоря: „мы понимаемъ горячее желаніе призвать на помощь все силы и выступить на борьбу съ алкоголемъ въ школахъ“. По односторонняя идеологія заставляеть его уклониться въ сторону, подвергнуть безпощадной критикѣ существующія въ школахъ мѣры и приемы антиалкогольной борьбы и указать новый, по его мнѣнію, единственно радикальный и дѣйствительный путь къ побѣдѣ надъ алкоголизмомъ, къ уничтоженію его вліянія въ школахъ. „Все ваши мѣры что такое? Со всемъ орудіе пустое. Тутъ надо средство отыскать другое“, — какъ будто перефразируетъ статья извѣстнаго „метафизика“. И вотъ для открытія дѣйствительныхъ путей и средствъ къ уничтоженію алкоголизма авторомъ устанавлиются сначала общепризнанныя соціально-экономическія причины развитія и укорененія этого порока въ современномъ обществѣ, а потомъ, логически, единственно вѣрный путь къ устраненію зла указывается въ борьбѣ съ ненормальностями существу-

ющаго строя, въ созданіи новыхъ разумно-здоровыхъ общественно-экономическихъ нормъ жизни. Но чтобы провести эту, отзывающуюся тавтологіею, идею въ приложеніи къ школѣ, автору по необходимости пришлось прибѣгнуть къ явно искусственному представленію какого-то особеннаго „школьнаго“ алкоголизма въ параллель общественно-народному и потомъ устанавливать съ немалыми усиліями аналогію между причинами общественнаго и школьнаго алкоголизма. А отсюда уже логически авторъ выводитъ, что и для школы, какъ и для общества, единственно вѣрный и дѣйствительный путь къ устраненію зла заключается въ радикальномъ переустройствѣ всей школьной жизни на новыхъ началахъ.

Разъ подчинившись обаянію односторонней идеологіи и влиянію ея представителей въ родѣ Каутскаго, Энгельса, авторъ не замѣчаетъ уже здѣсь ни странной искусственности въ мотивировкѣ своихъ выводовъ, ни излишней прямолинейности и неосуществимости въ жизни своихъ „требованій“. По его утвержденію оказывается, напр., что причины „школьнаго“ алкоголизма заключаются въ аналогичныхъ съ общественной жизни ненормальностяхъ современной школы въ родѣ неудовлетворительности санитарныхъ условій, несовершенства школьныхъ программъ, нивелировки учащихся, обилія предметовъ обученія, системы отбѣтокъ и экзаменовъ, стѣсненія свободы и стремленія къ коллективизму и т. д. Всѣ эти школьные ужасы вызываютъ у автора патетическое восклицаніе: „приходится удивляться скорѣе не тому, что алкоголизмъ охватилъ значительное количество школьниковъ, а тому, что въ этой тяжелой обстановкѣ попадаются еще и такіе юноши, которые никогда не пили и чувствуютъ отвращеніе къ водкѣ!“ Очевидно, при такомъ представленіи дѣла остается одинъ спасительный выходъ, который и указывается въ статьѣ настойчиво, нѣсколько разъ. „Необходимо уничтожить тутъ почву,—говоритъ авторъ:—на которой алкоголизмъ даетъ пышные плоды въ средѣ учащихся. А для этого необходимо кореннымъ образомъ измѣнить господствующую си-

стему воспитанія и обученія. Строй школы долженъ быть такимъ, чтобы въ немъ сохранялось уваженіе къ личности ученика, дѣтское стадо чувствовало бы себя обществомъ, авторитетъ наставника признавался бы свободно... и была бы общественно вліятельной педагогическая корпорація“...

Что же касается усилій современнаго общества и школы бороться со зломъ алкоголизма путемъ воздѣйствія на волю человѣка одними нравственно-просвѣтительными и религіозными средствами, то, по автору, вѣрному своей идеологии, всѣ они не могутъ привести къ желанной цѣли, по-просту говоря, являются самообольщеніемъ, напраснымъ трудомъ. И, слѣдомъ за такимъ утвержденіемъ, г. Канель, не безъ уничтожающей ироніи, старается показать якобы полную бесплодность подобныхъ усилій, энергически и единодушно тѣмъ не менѣе пробудившихся за послѣднія десятилѣтія почти у всѣхъ народовъ, во всѣхъ государствахъ. Въ разрушительной работѣ помогаютъ автору и здѣсь громкія имена многочисленныхъ, цитируемыхъ въ статьѣ, ученыхъ всѣхъ націй, которые блестяще, повидимому, подтверждаютъ мысли автора.

„Сама жизнь уже давно.—пишетъ онъ,—показала всю тщету антиалкогольной проповѣди въ школахъ, ведущейся въ повышенномъ тонѣ, съ массой лубочныхъ аксессуаровъ. Посмотрите, съ какой гордостію апостолы трезвости говорятъ о поднятомъ ими въ школахъ шумѣ, направленномъ противъ спиртныхъ напитковъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ проповѣдь идетъ во всю съ 1902 г.; хвалятся успѣхами трезвенники въ Англіи; въ Германіи и во Франціи антиалкогольная проповѣдь занимаетъ въ школахъ также видное мѣсто, и у насъ въ Россіи были сдѣланы попытки бороться съ алкоголизмомъ въ школахъ путемъ организациі обществъ трезвости. И такъ, на антиалкогольную пропаганду въ школахъ затрачено много силъ и энергіи. Но каковы дѣйствительные успѣхи этой борьбы?“—торжественно вопрошаетъ авторъ и самъ же даетъ уничтожающій отвѣтъ несчастнымъ мечтателямъ:—„забывая на минуту о ничего не стоящихъ „обѣщаніяхъ“ и искрен-

нихъ рѣшеніяхъ, мы увидимъ, что всюду алкоголизмъ процвѣтаетъ, не смотря на проповѣдь. Пьютъ и въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи, пьютъ во французскихъ и германскихъ школахъ, и, наконецъ, Бельгія, гдѣ даже учителямъ министромъ запрещено пить, является наиболѣе алкоголизированной страной! Нѣтъ, не это нужно въ цѣляхъ борьбы съ социальнымъ зломъ!.. Мы встаемъ противъ насажденія обществъ трезвости среди учащихся, противъ алкогольной проповѣди въ школѣ, если ужъ самъ Дюкло зло смѣется надъ методами антиалкогольнаго преподаванія въ школахъ“.

Такъ разсуждаетъ нашъ авторъ, и намъ уже, въ самомъ дѣлѣ, не согласиться ли съ нимъ и не бросить ли всѣ эти обманчивыя, напрасныя мѣры антиалкогольной борьбы? Вѣдь, кажется, ясно доказана ихъ бесплодность: подумать только—цѣлыхъ десять, а то и больше, лѣтъ, какъ пробудившееся сознаніе культурныхъ народовъ борется и въ обществѣ и въ школахъ съ тысячелѣтнимъ порокомъ и хоть бы что! Самый пустой успѣхъ: какіе-нибудь сотни тысячъ трезвенниковъ, выхваченныхъ изъ власти порока, или миллионъ англійскихъ школьниковъ, сознательно посвященныхъ во вредъ алкоголизма и тѣмъ защищенныхъ уже отъ него на всю жизнь. Все это—пустое, а надо придумать иной радикальный путь къ уничтоженію зла, надо выдумать орудіе другое!“

Не правда ли, чѣтатель, грустно, обидно и досадно становится на душѣ послѣ ознакомленія съ содержаніемъ статьи г. Канеля? Ради оправданія предвзятой теоріи, изъ-за подчиненія явно односторонней идеологіи авторъ незамѣтно для себя самого, вмѣсто уясненія поставленнаго имъ жизненнаго вопроса объ отношеніи школы къ алкоголизму, какъ общественному злу, далъ во многихъ отношеніяхъ ложное освѣщеніе всему дѣлу и вмѣстѣ приближенія къ практическому разрѣшенію алкогольной проблемы, отодвинулъ это настойчиво-необходимое разрѣшеніе ея въ утопическое будущее, отвергнувъ цѣлесообразность современныхъ способовъ борьбы

со зломъ. Развѣ не искусственно придумалъ онъ особенный школьный алкоголизмъ, порождаемый будто бы самой школой? Его, вѣдь, въ сущности нѣтъ, а есть на дѣлѣ только вотъ чего: дѣти и юноши, обучающіеся въ школахъ, не перестаютъ пить, какъ всѣ ихъ внѣшкольные сверстники, какъ взрослые—отцы и матери, и пьютъ они потому, что пришли въ школу изъ пьющаго общества и еще потому, что до послѣдней поры никто не вразумлялъ ихъ насчетъ позорности этого порока, но вовсе не отъ системы экзаменовъ или стѣсненія коллективизма. Если же такъ, то не первая ли обязанность школы показать дѣтямъ всю гадость пьянства, которое царитъ за стѣнами школы, и оградить ихъ отъ соблазна, сплотивши ихъ въ союзъ? Развѣ, далѣе, не явно односторонне и пристрастно оказывается отношеніе автора къ современному антиалкогольному направленію въ воспитательномъ дѣлѣ, очевидно лишь въ оправданіе своей идеологии? Но да не смущается сердце практическихъ борцовъ противъ алкоголизма въ обществѣ и школѣ подобнымъ отрицательнымъ отношеніемъ къ ихъ дѣлу нѣкоторыхъ экономистовъ—теоретиковъ.

Намъ слѣдуетъ одно помнить, что среди общихъ причинъ порочности главное мѣсто занимаетъ нравственная неразвитость, а не одни социальное-экономическія условія, какъ думаютъ наши идеологи. Измѣнить послѣднія—не задача школы, а первая—ея прямая воспитательная цѣль. И здѣсь главное мѣсто и значеніе воздѣйствія на личную волю воспитательными средствами. И такъ нѣтъ основаній отказываться отъ инициативы въ борьбѣ съ порокомъ въ ожиданіи благоприятной перемѣны общественнаго строя и общей реформы школьныхъ порядковъ. Притомъ частная инициатива и воздѣйствіе на личную волю и на измѣненіе нравственнаго самосознанія общества идейной моральной проповѣди исторически показали свою силу и вліяніе въ измѣненіи общественныхъ и экономическихъ нормъ и правовыхъ порядковъ. Стоитъ прослѣдить хотя бы исторію отмѣны рабства,

учрежденія „Краснаго Креста“, да и всѣхъ идейно-культурныхъ пріобрѣтеній человѣчества. Ясно, что способы и средства, какіе усваиваются нынѣ школой въ борьбѣ съ порокомъ пьянства вполне себя оправдываютъ и могутъ дать въ будущемъ реальные результаты. Несомнѣнно, хорошо бы и радикально устранить самые поводы къ пороку переустройствомъ школы, но это не можетъ служить оправданіемъ бездѣтельности теперь. Въдѣ „пока солнышко еще взойдетъ, роса можетъ глаза выѣсть“. Наконецъ и то сказать, что лично нравственный способъ борьбы съ порокомъ будетъ необходимъ и при водвореніи идеальныхъ жизненныхъ условій не только въ обществѣ, а и въ школѣ. Такова ужъ слабая, склонная къ злу, природа человѣческая! Религіозно-нравственный элементъ въ жизни человѣческой—необходимое условіе всякаго прогресса. „Прогрессъ долженъ вѣрить въ Бога... Атеистъ, а слѣдовательно и всякій, выкидывающій за бортъ религію и нравственность, плохой вожакъ человѣческаго рода (В. Гюго)“.

Свящ. *Аввасій Веселіцкій.*

Говорить ли Ветхий Заветъ о спасительной силѣ вѣры?

На прошлогоднемъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, въ одномъ изъ общихъ засѣданій его, миссіонеромъ, отстаивавшимъ рационалистически-еврейскій характеръ секты адвентистовъ, было высказано, что Ветхому Завету, на которомъ по преимуществу утверждается догма этой секты, совершенно чуждо ученіе объ оправданіи вѣрою,—что во всей ветхозавѣтной Библии, которую, признавался этотъ миссіонеръ, онъ прочиталъ отъ перваго слова до послѣдняго нѣсколько разъ, онъ не нашелъ мѣстъ, говорящихъ о вѣрѣ оправдывающей и о значеніи ея для человѣка. Заявленіе сего о. миссіонера почему-то ни у кого не вызвало замѣчаній, хотя таковыя и должны бы проситься на языкъ у людей, имѣющихъ посто-

янное обращеніе съ Библіей по самому роду своей общественной дѣятельности. Отсюда же нѣтъ препятствій предполагать, чтобы взгляды его, однажды пущенный въ оборотъ и притомъ въ высококомъ собраніи, не нашель въ комъ-либо довѣрія себѣ и не иолучилъ даже правъ нѣкотораго господства въ миссіонерствующей средѣ. Между тѣмъ утвержденіе, что Ветхому Заѡвѣту чуждо ученіе о вѣрѣ, оправдывающей, есть неправильное утвержденіе. Напротивъ, Ветхому Заѡвѣту не только не чуждо это ученіе, а неоспоримо присуще, и въ исторіи раскрытія мессіанскихъ идей и чаяній оно занимаетъ довольно примѣтное мѣсто.

Въ журнальной статьѣ мы не намѣрены освѣщать затронутый вопросъ всесторонне и во всей его глубинѣ. Мы ограничиваемъ свою задачу въ данномъ случаѣ простой библейской справкой по данному вопросу и укажемъ ветхозаѡвѣтныя цитаты объ оправданіи вѣрою, приводимыя въ Новомъ Заѡвѣтѣ.

Первое по времени происхожденія ветхозаѡвѣтное свидѣтельство о вѣрѣ оправдывающей съ указаніемъ ея значенія для человѣка находимъ въ Быт. 15, 6 ст. „*Вѣрова Авраамъ Богу,*—читаемъ мы здѣсь,—*и вѣрнися ему въ правду*“. Это сказано въ повѣствованіи о четвертомъ богоявленіи Аврааму, когда Богъ впервые открылъ ему ясно и опредѣленно, что наслѣдникомъ его, съ которымъ связывались для Авраама великія обѣтованія, будетъ именно прямой потомокъ его, имѣющій произойти изъ его собственныхъ чреслъ (4 ст.). Ближайшимъ предметомъ вѣры Авраама является здѣсь этотъ будущій потомокъ, обѣщанный отъ него Богомъ,—а сущность его вѣры составляетъ то искреннее и безусловное преданіе имъ своего ума и воли Богу, то всецѣлое воспринятіе имъ *свидѣтельства* Божія *въ себя* (сн. 1 Иоанн. 5, 10), въ глубину своего духа, которое ап. Павелъ выставляетъ идеальнымъ свойствомъ Авраамовой вѣры и называетъ „упованіемъ паче упованія“, т. е. вѣрою вопреки свидѣтельству его омертвѣвшей, старческой плоти (Римл. 4, 18—19). Независимо

отъ этой параллели, но въ полномъ согласіи съ нею, еврейскій глаголь *heetin* = *повторилъ* самъ по себѣ выражаетъ какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ своего употребленія въ глѣбильныхъ формахъ, идею твердой, несумпительной вѣры (Исх. 4, 1; Ис. 105, 24; Іер. 12, 6 и мн. др.), при коренномъ значеніи—утверждать, какое онъ имѣеть въ видѣ Каль. — Эта вѣра Аврама — сильная и глубокая— „*вмѣнися ему въ правду*“. Слово *sedakah* = *правда* обозначаетъ конкретное обнаруженіе права, какъ нормы божественной воли, въ жизни человѣка, будетъ ли этимъ обнаруженіемъ отдѣльное *праведное дѣло* (Втор. 24, 13), или постоянное *состояніе правоты*, какъ оно должно быть присуще человѣку соотвѣтственно святости Божіей, обозначаетъ иначе *праведность* человѣка (Ис. 56, 1) ¹⁾. Такъ какъ здѣсь вѣра Авраамова представляется не столько мимолетнымъ актомъ и скоропреходящимъ дѣйствіемъ, сколько устойчивымъ и постояннымъ свойствомъ его, то и *правда* обозначаетъ не только праведное дѣло, но и праведность какъ состояніе правоты. *Вмѣнитъ* первоначально значить: *поставитъ въ счетъ* (Лев. 25, 27. 50. 52), а потомъ *приписать кому-либо какое-либо свойство иногда и чуждое для него* (Притч. 17, 28) ¹⁾. Здѣсь слово это сохраняетъ оба момента своего значенія, и *вмѣнитъ въ праведность* будетъ значить: признать за добродѣтель и поставить въ заслугу, достойную награды (Ис. 105, 31). Всѣмъ выраженіемъ бытописателя дается понять, по мысли преосвящ. митрополита Филарета, что 1) Авраамъ не имѣлъ праведности собственной и естественной, 2) что онъ не пріобрѣлъ ея внѣшними дѣлами добродѣтели и 3) что онъ снискалъ себѣ оправданіе отъ Бога своею вѣрою; причемъ эта вѣра въ каждомъ отдѣльномъ обнаруженіи признается дѣйствіемъ добродѣтельнымъ, въ сово-

¹⁾ См. Записки на кн. Бытія митр. Филарета, стр. 86; см. наше изслѣд. „Мессія по изображенію пр. Исаи“, стр. 264; ср. стр. 300 и 307.

²⁾ Записки на кн. Бытія, тамъ же.

купности же таковыхъ обнаруженій, какъ отличавшее Аврама свойство, она поставляется ему въ заслугу, берется Богомъ въ основаніе праведности его предъ Своимъ судомъ вмѣсто какихъ-либо внѣшнихъ дѣлъ добродѣтели. Такое пониманіе разсматриваемаго изреченія находитъ себѣ подтвержденіе въ толкованіи его ап. Павломъ (Римл. 4, 3—5).

Приведенное изреченіе процитовано въ Новомъ Завѣтѣ три раза: однажды ап. Іаковомъ (2, 23) и два раза ап. Павломъ (Римл. 4, 3 и Гал. 3, 6). Замѣчательно, что всѣ три раза оно приведено апостолами при нарочитомъ раскрытіи ими вопроса, какъ и чѣмъ оправдывается человѣкъ предъ Богомъ,—и свидѣтельству объ оправданіи Авраама они усвояютъ высокое значеніе краснорѣчиваго предудказанія (Римл. 4, 23—24) о томъ, что въ Новомъ Завѣтѣ 'человѣкъ можетъ и долженъ оправдываться предъ Богомъ чрезъ вѣру въ Иисуса Христа. Особенно ясно это раскрыто ап. Павломъ, по ученію котораго спасеніе человѣка, какъ дѣло милости Божіей, и можетъ быть воспринято имъ только вѣрою, а не внѣшними дѣлами, не какими-либо заслугами съ его стороны; эта вѣра на Авраама привлекла милость оправданія, она же служитъ условіемъ спасенія и всякаго человѣка, вводя его такимъ образомъ въ наслѣдіе обѣтованія, даннаго Аврааму, а изъ него, во исполненіе обѣтованія, во-очію являя отца вѣрующихъ (Римл. 4 гл.; Гал. 3, 6—9). Признавая, что вѣра, служитъ началомъ оправданія, ап. Іаковъ, по особымъ цѣлямъ своего посланія, поясняетъ, что эта вѣра должна быть не мертвой, а дѣятельной, должна выражаться въ соответствующихъ дѣлахъ, какъ въ Авраамѣ, у котораго „вѣра содѣйствовала дѣламъ его, и дѣлами вѣра достигла совершенства“ (2, 22).

Другое ветхозавѣтное свидѣтельство о спасительномъ значеніи вѣры для человѣка находится у пр. Исаи въ 28 гл., 16 ст. „*Вѣруйяй вонь*“ (т. е. въ камень краеугольный), гласитъ оно, „*не постыдится*“. И оно точно также процитова-

но въ новозавѣтномъ Писаніи три раза: разъ ап. Петромъ (1 Петр. 2, 6) и два раза ап. Павломъ (Римл. 9, 33 и 10, 11).

Въ этомъ свидѣтельствѣ подь камнемъ, къ вѣрѣ въ который призываетъ пророкъ своихъ современниковъ, разумѣется, по толкованію новозавѣтнаго Писанія¹⁾ и по внутреннему смыслу самаго пророчества, Мессія. Пророкъ Исаія обличаетъ въ данномъ мѣстѣ ложныя и несбыточныя надежды іудейскихъ вельможъ на союзъ съ Египтомъ, съ помощію котораго они думали обезопасить свою страну отъ нашествія царя ассирійскаго, и указываетъ, что единственно надежною и не постыдною защитою для нихъ можетъ быть въ этомъ случаѣ лишь грядущій Мессія—этотъ краеугольный Камень и оплотъ Сіона, положенный въ основаніи его Самимъ Богомъ. Но спасительною эта защита можетъ быть только для вѣрующихъ: „*вѣруяй вошь*, говоритъ пророкъ разумѣя Камень, *не постыдится*“.

Вѣрующій въ Камень обозначенъ въ еврейск. текстѣ глѣбильнымъ причастіемъ отъ того же глагола *aman*, употребленнаго и въ Быт. 15, 6 ст. Значеніе глагола предполагаетъ въ человѣкѣ твердую, стойкую вѣру. Пророкъ Исаія пользуется различными формами этого глагола для выраженія идеи религіозной вѣры (43, 10; 53, 1) и вмѣстѣ той нравственной твердости и внѣшней безопасности, которую гарантируетъ людямъ эта вѣра. Въ этомъ отношеніи обращаетъ вниманіе выраженіе его въ 7 гл. 9 ст., которое въ точномъ переводѣ съ еврейскаго значить: „если вы не вѣрите, то вы не утверждены“ (см. 30, 21). Результатъ этой спасительной вѣры выраженъ въ славянскомъ текстѣ словами: „*не постыдится*“; въ точномъ же переводѣ съ еврейскаго онъ долженъ быть переданъ словами: „*не постышитъ*“ . Но по смыслу эти выраженія равнозначущи, потому что выраженіи „*не постышитъ*“ есть отрицательное описаніе той твердости, какую сохраняетъ при всякомъ положеніи вѣрующій человѣкъ бла-

¹⁾ См. указанныя выше цитаты.

годаря своей вѣрѣ въ крѣпко утвержденный Камень-Мессію, въ противовѣсъ непостоянству, колеблемости и гибельной растерянности людей невѣрующихъ: *не постышитъ*— не по отношенію къ другимъ (какъ въ Ис. 5, 19; 60, 22; Суд. 20, 37), но по отношенію къ себѣ (см. Пс. 54, 9), самого себя не приведетъ въ состояніе поспѣшности или торопливости. Руководясь мессіанскою вѣрою въ жизни, человекъ бодро смотритъ въ свое будущее, которое полно для него свѣтлыхъ обѣтованій; при встрѣчѣ съ бѣдствіями, когда невѣрующій обнаруживаетъ растерянность и губитъ себя необдуманними средствами мнимой самозащиты, вѣрующій не смущается, зная, что бѣдствія временны,—въ Мессіи онъ видитъ камень опоры и поруку спасенія, чрезъ вѣру въ Него вдохновляется мужествомъ и терпѣніемъ, силою ея отражаетъ постигшую опасность и предупреждаетъ новую,—словомъ, не приводитъ себя въ стостояніе гибельной во всѣхъ отношеніяхъ торопливости. Въ приведенныхъ словахъ пророка содержался для современниковъ его урокъ, что имъ необходимо вѣровать въ духовное бытіе, грядущее явленіе и краеугольное значеніе Мессіи для іудейскаго царства, чтобы считать послѣднее безопаснымъ со стороны сосѣдей, а не искать у иностранцевъ помощи съ опасностью для него и для чистоты самой вѣры¹⁾.

Слова пророка приводятся въ Новомъ Завѣтѣ ап. Павломъ, какъ свидѣтельство, для убѣжденія іудеевъ въ необходимости вѣры въ Иисуса Христа, чтобы не быть имъ отверженными отъ Бога (Римл. 9, 33), и въ другомъ мѣстѣ какъ свидѣтельство, удостовѣряющее спасительность этой вѣры, т. е. непостыдное и несомнѣнное достиженіе всѣхъ надеждъ, какія связываются съ христіанскою вѣрою (Римл. 10, 11). Ап. Петръ извлекаетъ изъ словъ пророка наставленіе къ духовно-нравственному совершенствованію христіанскаго обще-

¹⁾ См. наши изслѣд. „Мессія по изображенію пр. Исаи“, стр. 326—327.

ства, къ устроению имъ изъ себя „духовнаго дома“, прочнаго и украшеннаго добродѣтелями его членовъ, по началамъ непостыдной вѣры въ краеугольный Камень этого дома церкви. Иисуса Христа (1 Петр. 2, 4—10). Нравственныя приложенія, извлекаемыя тѣмъ и другимъ апостоломъ изъ разсматриваемаго пророческаго изреченія, нѣсколько разнообразны по своимъ отгѣнкамъ; но всѣ они проникнуты одной идеей о спасительности Христіанской вѣры, — идеей, которая пророчесвенно содержится, какъ видѣли, въ самомъ изреченіи пр. Исаи.

Наконецъ, третье и послѣднее свидѣтельство Ветхаго Завѣта о спасительности вѣры, воспроизводимое новозавѣтнымъ Писаніемъ, читаемъ у пр. Аввакума въ словахъ: „*праведникъ (Мой) отъ вѣры живъ будетъ*“ (2, 4). Замѣчательно, что и это свидѣтельство процитовано въ Новомъ Завѣтѣ тоже три раза, и всѣ три раза ап. Павломъ (Римл. 1, 17; Гал. 3, 11 и Евр. 10, 38).

Полнѣе приводимое мѣсто читается у пророка такъ по греко-славянскому тексту: „*аще усумнится, не благоволятъ душа Моя въ немъ; праведникъ же (Мой) отъ вѣры живъ будетъ*“. Это чтеніе позволяетъ видѣть въ той и другой половинѣ стиха выраженіе одной цѣльной мысли о спасительности вѣры, въ первомъ полустижіи—отрицательное, а во второмъ—положительное. Такъ именно и понято греко-славянское построеніе рѣчи даннаго мѣста въ цитаціи его, находимой въ посланіи ап. Павла къ Евреямъ, гдѣ оно соотвѣтственно этому пониманію видоизмѣнено и читается уже такъ: „Праведный отъ вѣры живъ будетъ; и аще обинется (по-русски: „а если кто поколеблется“), не благоволятъ душа Моя о немъ“ (10, 38). Но подлинный еврейскій текстъ даннаго мѣста содержитъ противопоставленіе кичливаго беззаконника праведнику и безбожной кичливости перваго—богобоязненной вѣрѣ второго. „Вотъ, гласитъ это мѣсто въ буквальномъ переводѣ съ еврейскаго, душа надменная не успокоится, а праведный своею вѣрою живъ будетъ“. Различіе

между тѣмъ и другимъ чтеніемъ сводится къ тому, что еврейскій текстъ не даетъ нравственной оцѣнки кичливому поведенію беззаконника, какъ это дѣлаетъ греко-славянскій текстъ, ограничиваясь простымъ изображеніемъ его неспокойствія, какъ того тяжелаго душевнаго настроенія, которое достается ему въ удѣлъ вслѣдствіе его кичливости. Подробное раскрытіе эта мысль и находитъ себѣ ниже, въ 5—6 и дальнѣйшихъ стихахъ. Равнымъ образомъ и слова второго полустишія: „праведникъ отъ вѣры живъ будетъ“ по первоначальному и непосредственному своему смыслу не содержатъ моральнаго акцента, т. е. не говорятъ того, что жизнь праведнаго есть результатъ и выраженіе Божія благоволенія къ нему за вѣру его, какъ это предполагается теченіемъ греко-славянскаго чтенія даннаго мѣста. Въ противоположность первому полустишію они говорятъ только о томъ, что вѣра праведника обезпечиваетъ ему жизнь, т. е. тѣ спокойствіе, миръ и радость даже среди горестей, которыхъ лишень кичливый беззаконникъ. Но если подлинное чтеніе мѣста и не выдаетъ противоположную судьбу беззаконника и праведника за выраженіе неблаговоленія Божія къ первому и благоволенія Его ко второму, то эта мысль не чужда ему по контексту, въ которомъ оно содержится довольно чувствительно, такъ что представленное различіе между еврейскимъ и греко-славянскимъ чтеніемъ пророческаго изреченія не существенно.

Подъ кичливымъ беззаконникомъ въ рѣчи пр. Аввакума разумѣютъ вавилонскаго царя Навуходоносора, нашествіе котораго угрожало Іудеѣ и предсказывалось пророкомъ (см. 1, 9—11); а подъ праведникомъ разумѣютъ всякаго богобоязненнаго іудея. Утѣшая и ободряя народъ свой, пророкъ говоритъ, что этотъ нечестиво-надменный и кичливый царь, въ ненасытной жадѣ завоеваній подобный „бродящему воину“ „не успокоится“ онъ „расширяетъ душу свою, какъ адъ“ (2, 5), въ жадѣ неправедныхъ приобрѣтеній (9 ст.); но этой ненасытной жадностью онъ и погубитъ себя, ибо надменная душа его не спокойна въ немъ, ни въ комъ онъ не видитъ нравственной

поддержки, его преслѣдуетъ страхъ мести отъ угнетенныхъ и порабощенныхъ, которая и разразится надъ нимъ, по волѣ Божіей, въ посрамленіе его надменности (ст. 7—8 и 9). Напротивъ, праведный и богобоязненный іудей „своею вѣрою живъ будетъ“. Среди самыхъ страшныхъ испытаній онъ найдетъ въ своей вѣрѣ нравственную поддержку, не растеряется и не надѣлаетъ непоправимыхъ ошибокъ; въ живительномъ источникѣ своей вѣры и сердечнаго упованія на Бога онъ почерпнетъ спокойствіе среди горестей и силы къ бодрому перенесенію ихъ, и такимъ образомъ, благодаря своей вѣрѣ, онъ останется цѣль и невредимъ, „живъ будетъ“.

Такимъ образомъ, въ словахъ пр. Аввакума вполне ясно, какъ видимъ, выражена мысль объ охраняющей, нравственно-воспитывающей и спасающей человѣка силѣ вѣры. Поэтому ап. Павелъ, полагавшій эту силу въ основаніе своего ученія объ оправданіи вѣрою безъ дѣлъ закона, находилъ въ данныхъ словахъ краснорѣчивое для христіанъ изъ евреевъ подтвержденіе своего ученія и въ раскрытіи его три раза приводитъ разсматриваемыя слова (Римл. 1, 17; Гал. 3, 11 и Евр. 10, 38). При этомъ заслуживаетъ вниманія, что въ посланіи къ Галатамъ апостоль пользуется пророческимъ изреченіемъ, какъ доказательствомъ того положенія, что обрядовый законъ Моисеевъ самъ по себѣ не имѣлъ силы оправдать человѣка, а получалъ эту силу при условіи и въ зависимости отъ вѣры подзаконныхъ людей. Оттого-то онъ и престалъ, по мысли апостола, потерявъ для христіанъ свою нравственно-обязательную силу, что былъ для евреевъ только внѣшнимъ способомъ свидѣтельствовать предъ Богомъ свои внутреннія расположенія и вѣру въ грядущаго Искупителя, съ пришествіемъ Его утратившимъ и это значеніе для человѣка. Въ посланіи же къ Евреямъ тотъ же апостоль пишетъ, что Авель, Енохъ, Ной, Авраамъ и всѣ вообще патріархи, пророки и всѣ ветхозавѣтные праведники угодили Богу и совершали великія дѣла своею вѣрою (11 гл.).

Итакъ, вотъ какое важное значеніе признавалось въ Ветхомъ Заветѣ за вѣрою и принадлежало ей въ дѣлѣ оправданія человѣка предъ Богомъ.

Кромѣ представленныхъ могутъ быть находимы въ Библии и другія свидѣтельства объ этомъ спасительномъ значеніи вѣры (напр., Исаія 7, 9; Іовил. 2, 32 и др.), но они или не столь прямы, или не воспроизводятся въ новозавѣтномъ Писаніи (какъ Ис. 7, 9). Но и приведенныхъ свидѣтельствъ вполне достаточно для того, чтобы, оставивъ всякое сомнѣніе, утверждать, что ветхозавѣтному откровенію при-суща мысль о спасающей и оправдывающей человѣка силѣ вѣры. Эту вѣру въ Бога и въ грядущаго Мессію обыкновенно пробуждали и поддерживали въ своемъ народѣ пророки. И если, напр., пророкъ Исаія въ разсмотрѣнномъ нами изреченіи внушаетъ своимъ современникамъ эту вѣру, какъ единственный и безусловно необходимый якорь спасенія, и въ то же время представляетъ Мессію основаніемъ Сіона уже предположеннымъ, а самое царство еврейское существующимъ силою Его заступленія, то, очевидно, онъ одушевленъ былъ убѣжденіемъ, что вѣра въ Бога и въ грядущаго Мессію не изсякла въ народѣ и никогда не изсякнетъ въ немъ, что „святое сѣмя“ (6, 13) всегда будетъ жить въ народѣ, какъ носитель этой спасительной вѣры, какъ нетлѣнный и неѹкрушимый зачатокъ царства Божія на землѣ. Апостоль же Павелъ представляетъ намъ цѣлый сонмъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, которые, дѣйствительно, „вѣрою побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ“ и пр. (Евр. 11, 33 и д.),—кратко сказать, вѣрою оправдывались и спасались. Можно сказать, что и все зданіе ветхозавѣтныхъ учрежденій основано было на этой вѣрѣ и ею держалось.

Мы недоумѣваемъ, зачѣмъ понадобилось упоминаемому нами миссіонеру, когда онъ устанавливалъ и опредѣлялъ рационалистически-еврейскій характеръ секты адвентистовъ,

отказывать ветхозавѣтному откровенію въ признаніи спасительнаго значенія за вѣрою, или даже въ свидѣтельствахъ о необходимости ея для человѣка. Смѣемъ думать, что для прямой его цѣли совсѣмъ не было нужно прибѣгать къ такой передержкѣ.

А. Волгинъ.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Преподаватель математики Иванъ Григорьевичъ Любомудровъ, окончилъ курсъ въ Московской академіи въ 1842 году. Онъ зналъ предметъ свой и усердно относился къ своему дѣлу. Не мало заботился онъ о томъ, чтобы ученики учились по его предмету. Не были у него заброшены и мы, ученики четвертаго отдѣленія, какъ у Михаила Миныча Никольскаго: онъ насъ спрашивалъ наравнѣ съ учениками второго отдѣленія. Но математика въ то время была въ загонѣ въ семинаріи. Многіе, полагая, что у нихъ не математическая голова, не прилагали никакихъ усилій, чтобы овладѣть трудною наукою, и плохо готовили уроки, или даже совсѣмъ не готовили. Отвѣтственности большой они за это не подвергались. Само начальство семинарское снисходительно относилось къ малоуспѣшности учениковъ по этому предмету. На экзаменѣ по математикѣ спрашивали только немногихъ, и для отвѣтовъ вызывали большею частію такихъ, которые аттестованы наставникомъ знающими и занимавшимися. При такихъ условіяхъ трудно и знающему и усердному наставнику достигать блестящихъ успѣховъ своего преподаванія. Не смотря на его заботы, половина учениковъ его класса оставались почти полными невѣждами въ математикѣ. Ему приходилось заниматься только съ тѣми, которые не хотѣли уклоняться отъ этой опальной науки. А такихъ все-таки находилось до-

¹⁾ См. №№ 37-й за 1908 г.

статочное количество, и такіе получали отъ него нужное знаніе и были довольны его преподаваніемъ. Вызоветъ онъ, бывало, къ доскѣ кого либо изъ лѣнтяевъ, боявшихся математики, какъ науки, трудной для ихъ головы. Такой или ничего не скажетъ, или станетъ путать. „Остолопъ“! Такимъ словомъ обыкновенно называлъ онъ неучей, и послѣ неуча-остолопа долженъ былъ вызывать кого-либо другого изъ группы занимавшихся математикою.

Были изучаемы въ низшемъ отдѣленіи семинаріи и другіе предметы богословскаго характера, введеніе которыхъ нарушало и расширяло строй наукъ, приуроченныхъ къ этому классу уставомъ 1814 года. Таковы: Православное Исповѣданіе Петра Могилы, руководство къ познанію и употребленію церковныхъ богослужебныхъ книгъ, чтеніе и толкованіе пятокнижія Моисеева и историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта. Эти прибавочныя науки, позднѣйшими распоряженіями включенныя въ разрядъ наукъ, предназначенныхъ для изученія въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, стояли на степени наукъ побочныхъ и особеннаго вниманія къ себѣ не возбуждали. Даже сами наставники, казалось намъ, занимались ими нехотя, не считая ихъ преподаваніе прямымъ своимъ дѣломъ. Никакихъ особенностей касательно преподаванія этихъ предметовъ въ моихъ воспоминаніяхъ не сохранилось... Скажу только, что мы изучали Православное Исповѣданіе Петра Могилы по приказу, но въ то же время сознавали и говорили, зачѣмъ это, когда мы хорошо изучили православный христіанскій катихизисъ Филарета. Такая мысль объ излишествѣ этого изученія новаго катихизиса, по изложенію менѣе строгаго, чѣмъ катихизисъ Филарета, были и у наставниковъ. Поэтому они не особенно усердствовали, вынужденные преподавать навязанный имъ лишній предметъ. Такъ по крайней мѣрѣ я могу сказать о Михайлѣ Минычѣ Никольскомъ, который, будучи преподавателемъ исторіи, долженъ былъ давать уроки и по Православному Исповѣданію. Изложено катихизическое ученіе въ Православномъ Исповѣданіи языкомъ

довольно пространнымъ, не такимъ сдержаннымъ и строгимъ, какъ у Филарета. Потому Михаилъ Минычъ, задавая намъ уроки, дѣлалъ сокращенія въ текстѣ исповѣданія, и иногда довольно значительныя, для облегченія насъ, обязанныхъ безъ нужды изучать другой катихизисъ. Это введеніе Православнаго Исповѣданія въ составъ учебныхъ предметовъ въ семинаріи сдѣлано было по настоянію оберъ-прокурора Протасова, который считалъ катихизисъ Филарета не вполне православнымъ, а Православное Исповѣданіе, по его мнѣнію, болѣе точно излагаетъ православное ученіе восточной церкви, хотя въ немъ справедливо замѣчали въ иныхъ мѣстахъ католическій оттѣнокъ. Этого мало, что мы въ низшемъ отдѣленіи семинаріи изучали Православное Исповѣданіе. Когда мы переходили въ богословскій классъ или въ высшее отдѣленіе семинаріи, снова должны были повторять Православное Исповѣданіе, которое, по мысли вводителю его въ учебный курсъ, должно было руководственнымъ регуляторомъ при изложеніи богословской системы

Древніе языки не были забыты, но собственно только не были забыты. Если въ училищѣ они стояли на первомъ планѣ и были главными предметами, то здѣсь, въ семинаріи, они стояли на послѣднемъ мѣстѣ. Предполагалось, и совершенно вѣрно, что по нимъ дана достаточная подготовка въ училищѣ, и снова подвергать учениковъ усиленнымъ упражненіямъ въ изученіи классическихъ языковъ считалось дѣломъ излишнимъ, особенно въ виду того, что теперь вниманіе учениковъ направлено было на занятія другаго рода, главнымъ образомъ на писаніе сочиненій. Впрочемъ, чтобы мы не забыли латыни, главнаго предмета училищнаго курса, насъ заставляли писать сочиненія на латинскомъ языкѣ. Изъ четырехъ мѣсячныхъ сочиненій три было русскихъ и одно латинское. Для классическихъ занятій древними языками назначены были послѣобѣденные часы. Занятія состояли въ томъ, что мы переводили какого-либо писателя, по латинскому языку: въ низшемъ отдѣленіи Лактанція, въ сред-

немъ Цицерона, а по греческому избранныя мѣста изъ древнихъ писателей и отцовъ церкви по христомати. Приходилъ наставникъ въ классъ, поднималъ и заставлялъ переводить по ряду мѣсто изъ какого-либо писателя сначала одного ученика, потомъ другого, третьяго и т. д. Тѣ переводили, а онъ, гдѣ нужно, поправлялъ ихъ. Занятія такого рода казались намъ очень скучными, и мы значенія имъ не придавали и къ нимъ мало готовились. Пользы большой они намъ не приносили, и чрезъ нихъ капиталъ знанія, вынесенный нами изъ училища, почти нисколько не увеличивался.

Преподавались и новые языки,—нѣмецкій и французскій, но преподавались слабо. Они не имѣли особыхъ спеціальныхъ преподавателей, но преподаваніе ихъ предоставлялось наставникамъ другихъ предметовъ, Уставомъ введенныхъ въ составъ семинарскихъ наукъ. И эти преподаватели новыхъ языковъ мѣнялись почти каждый курсъ. Такая мѣна допускалась потому, что за преподаваніе языка полагалось добавочное вознагражденіе, которое служило дополненіемъ къ основному жалованью, и для того, чтобы не было обиды и нареканій, старались это добавочное вознагражденіе нынѣ давать одному наставнику, а на другой курсъ другому. Понятно, что при такомъ порядкѣ преподавателями языковъ могли являться люди, мало знакомые съ тѣмъ языкомъ, за преподаваніе котораго брались, и такіе конечно не могли успѣшно вести порученное имъ дѣло. Для учениковъ изученіе новыхъ языковъ не было обязательнымъ. Объявлено было только, что кто желаетъ и рассчитываетъ быть въ первомъ разрядѣ, тому нужно записаться на французскій или нѣмецкій языкъ. Собственно преподаваніе новыхъ языковъ предназначалось для учениковъ низшаго и средняго отдѣленія, но заявляли желаніе изучать новые языки и ученики высшаго отдѣленія. Въ классѣ новыхъ языковъ сходились вмѣстѣ ученики и низшаго и средняго отдѣленія, изъявившіе желаніе изучать тотъ или другой; къ нимъ присоединялись и ученики высшаго отдѣленія, пожелавшіе изучать языки.

Нѣкоторые изъ учениковъ, заявившіе желаніе изучать тотъ или другой языкъ, въ продолженіе курса и низшаго и средняго отдѣленія, ходили на уроки только одного языка; а другіе въ одномъ отдѣленіи изучали одинъ языкъ, а въ другомъ—другой. Я, напр., въ низшемъ отдѣленіи изучалъ нѣмецкій языкъ, а въ среднемъ французскій. Уроки для новыхъ языковъ назначались послѣ обѣда, и ихъ въ недѣлю полагалось два. На уроки въ семинаріи въ мое время ходили исправно; безъ уважительныхъ причинъ опущенія уроковъ не допускалось. Но по отношенію къ урокамъ по новымъ языкамъ, какъ предмету необязательному, общей исправности не замѣчалось: иные изъ записавшихся на какой-либо языкъ и изъявившихъ желаніе изучать его позволяли себѣ безнаказанно уклоняться отъ исправнаго посѣщенія уроковъ, и наставники въ этомъ отношеніи не были особенно требовательны и взыскательны.

Нѣмецкій языкъ преподавалъ намъ, когда я былъ въ низшемъ отдѣленіи, Ѳеодоръ Гавриловичъ Бѣляевъ, преподаватель логики и психологіи въ первомъ среднемъ отдѣленіи,— а французскій языкъ, на который я записался по переходѣ въ среднее отдѣленіе, Григорій Еѣимовичъ Вознесенскій, преподававшій церковную исторію и литургику въ первомъ отдѣленіи. Тотъ и другой разговорною рѣчью на томъ языкѣ, который преподавали, не обладали, а знали языкъ настолько, сколько нужно было для того, чтобы умѣть переводить съ французскаго или нѣмецкаго языка на русскій. Изучали мы по тому и другому языку грамматику и переводили нѣкоторыя статьи изъ учебной христоматіи, по нѣмецкому языку Рильфеердина, а по французскому Перелогова. Ѳ. Г. Бѣляевъ, преподававшій нѣмецкій языкъ, былъ болѣе усердный преподаватель, чѣмъ Григорій Еѣимовичъ Вознесенскій, у котораго я учился французскому языку. Ѳеодоръ Гавриловичъ даже заставлялъ насъ, конечно желающихъ, учить наизусть нѣкоторыя стихотворенія нѣмецкихъ поэтовъ. И я до сихъ поръ (черезъ шестьдесятъ лѣтъ) хорошо помню изученное

мною, по его заказу, стихотвореніе Шиллера „Идеалы“, ни разу не издавши его въ книгѣ, по выходѣ изъ низшаго отдѣленія.

Я изучалъ новыя языки, нѣмецкій и французскій, не могу сказать, усердно, но исправно. Я неопустительно ходилъ на уроки и исполнялъ все, что задавалъ учитель. Но языкомъ тѣмъ и другимъ не владѣлъ, какъ слѣдуетъ, а получилъ только начальныя основанія къ дальнѣйшему усовершенствованію въ знаніи этихъ языковъ. Притомъ, какъ бы ни былъ усерденъ наставникъ и ученикъ его, въ два урока въ недѣлю трудно достигнуть значительныхъ результатовъ въ знаніи языковъ, въ особенности въ виду того, что эти уроки, въ ряду другихъ, стояли на послѣднемъ мѣстѣ. Полное обладаніе языками можетъ быть достигнуто не классическими уроками, а домашнимъ возможно частымъ упражненіемъ. Я свободно сталъ читать нѣмецкія и французскія книги въ академіи, когда въ видахъ научныхъ мнѣ нужно было знакомиться съ тѣми или другими научными сочиненіями, нѣмецкими и французскими. И классическія упражненія въ этомъ случаѣ имѣли малую долю вліянія. Но все-таки я благодаренъ семинаріи, что она дала мнѣ первое начало къ изученію тѣхъ языковъ, которое впоследствии для научныхъ цѣлей оказались такъ необходимыми.

Помню, на экзаменѣ по нѣмецкому языку меня вызвали вмѣстѣ съ учениками средняго отдѣленія (а я былъ въ пизшемъ), и я стоялъ рядомъ съ ними, предъ столомъ экзаменатора, инспектора семинаріи Виталія. Мой отвѣтъ показался ему гораздо лучшимъ, чѣмъ отвѣты старшихъ учениковъ, и я не разъ, по его приглашенію, долженъ былъ поправлять ихъ ошибки. Когда кончился мой экзаменъ, онъ приглашаетъ меня по-нѣмецки говорить что-нибудь; но въ разговорной рѣчи я оказался несостоятельнымъ.

Проф. *Василій Птѣвицкій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Церковное хозяйство.

Въ безконечныхъ печатныхъ спорахъ между духовною властію и приходскою общиною за право завѣдыванія церковнымъ хозяйствомъ пропускались безъ вниманія какъ то вкравшіяся по церковному хозяйству различныя аномаліи, особенно со стороны бухгалтеріи. Кто бы ни завѣдывалъ церковнымъ хозяйствомъ, но манкировать его отчетностію не похвально, а тѣмъ болѣе преступны въ этомъ дѣлѣ произволь и злоупотребленіе.—Прежде всего бросается въ глаза отсутствіе однообразія въ веденіи церковныхъ приходо-расходныхъ книгъ. Установленная десятки лѣтъ тому назадъ форма для церковной отчетности постепенно забывалась, видоизмѣнялась по произволу, такъ что въ настоящее время даже въ одномъ благочинническомъ округѣ прих.-расходныя книги ведутся съ замѣтною разностію, что, конечно, усложняетъ ревизію книгъ и составленіе благочиннической отчетности. Во всякихъ, кажется, вѣдомствахъ денежная отчетность проводится по строго опредѣленной формѣ; такая форма, въ возможно упрощенномъ видѣ, должна быть и для церковной отчетности.—Въ связи съ точною записью всѣхъ денежныхъ поступленій должно слѣдовать строгое воспрещеніе храненія при церкви негласныхъ суммъ. Сокрытіе церковныхъ суммъ, хотя бы и не изъ корыстныхъ видовъ, есть своего рода воровство и, какъ такое, должно быть строго преслѣдуемо. Но такъ какъ въ сокрытіи церковныхъ суммъ косвенно виновата епархіальная администрація, инертно и не всегда съ должнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ относящаяся къ нуждамъ подвѣдомыхъ ей церквей, то желательно расширить право расходованія церковныхъ суммъ для городскихъ церквей до 1000 р., а для сельскихъ до 500 р. До этого предѣла церковныя суммы могутъ расходоваться, такъ сказать, явочнымъ порядкомъ, т. е. о такомъ расходованіи извѣщается епархіальное начальство, причемъ извѣщеніе удостоверяется мѣстнымъ благочиннымъ.—За правильность церковнаго хозяйства

и исправное веденіе его отчетности отвѣчаютъ по закону причтъ и церковный староста и это не будетъ несправедливостію тамъ, гдѣ обѣ стороны окажутся фактически виновными, особенно при наличности злоупотребленій. Кто сдѣлалъ погрѣшность, тотъ и отвѣчай за нее. Но мѣра наказанія не должна быть примѣняема къ невинной сторонѣ. Намъ, напр., приходилось наталкиваться на такія несообразности по церковной отчетности: по книгѣ прихода значится билетами по сберегательной кассѣ 300 р., между тѣмъ, по самой книжкѣ кассы записано болѣе 500 р., или: за извѣстный мѣсяць кружечнаго и кошельковаго дохода значится 21 р., тогда какъ однимъ только лицомъ за этотъ мѣсяць дано при требѣ 20 р., которые, по заявленію самого же церковнаго старосты, должны находиться въ числѣ кружечныхъ. Очевидно, что здѣсь виновенъ кругомъ одинъ церковный староста, какъ бухгалтеръ и казначей церковныхъ суммъ; вина же причта развѣ только въ томъ, что онъ просмотрѣлъ такую неправильность и не донесъ о ней, куда слѣдуетъ. При каждой церкви должна быть особая актовая книга для записи усмотрѣнной погрѣшности по веденію церковнаго хозяйства; документъ этотъ оказывается далеко не лишнимъ въ настоящее время оппозицій и своеволій со стороны гг. церковныхъ старостъ, особенно городскихъ, для которыхъ совѣты и замѣчанія со стороны причтовъ ровно никакого значенія не имѣютъ. Наличіемъ актовой книги правая сторона гарантировала бы себя отъ незаслуженныхъ нареканій и отвѣтственности. Чтобы подъ видомъ смѣшенія поступающихъ на храмъ суммъ не практиковалось укрывательства ихъ, для этого всякое разовое поступленіе, не менѣе хотя бы 5 руб., непременно нужно отмѣчать по книгѣ прихода въ числѣ пожертвованій отъ извѣстнаго лица. Желательно, чтобы составители церковныхъ отчетовъ записывали на приходъ въ концѣ отчетнаго года, хотя бы съ приблизительною бухгалтерскою точностію, % отъ денежнаго капитала въ билетахъ. Отсутствие этой записи въ настоящее время ведетъ къ большой путаницѣ при

составленіи благочиннической вѣдомости. — Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ епархіяхъ контролированіе церковной отчетности по истеченіи каждаго трѣхлѣтія передано въ вѣдѣніе благочинническихъ совѣтовъ. По личному опыту мы знаемъ и говоримъ, что контроль этотъ одинъ изъ самыхъ ненадежнѣйшихъ. Помимо другихъ причинъ за слабость этого контроля уже то говорить, что во главѣ благочинническаго совѣта стоитъ о. благочинный, первѣйшій ревизоръ и контролеръ церковнаго хозяйства и отчетности во время двукратной годовой ревизіи церковей. Если были какія неисправности, онъ долженъ ранѣе знать и разоблачать ихъ; а если онъ въ свое время замалчивалъ эти неисправности, то онъ не станетъ выдавать себя въ позднѣйшее время и тѣмъ заявлять о своей бездѣятельности. Остальнымъ членамъ совѣта едва-ли удобно поднимать руку на своего ближайшаго начальника-благочиннаго открытымъ заявленіемъ о замѣченныхъ по церковной отчетности злоупотребленіяхъ или упу-щеніяхъ.

По нашему мнѣнію, какъ ни обременены въ настоящее время Д. Консисторіи бумажнымъ дѣлопроизводствомъ, но онѣ не должны оставлять безъ своего контроля отчетности по хозяйству церковей епархіи.

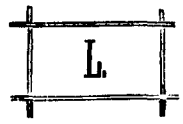
Іерей.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 16-го сентября 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 39.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года сентября 27-го дня.

Содержаніе: I. „Параличъ“ Русской Церкви. Свящ. В. Пестряковъ.— II. На
выставкѣ картинъ Полѣнова „Изъ жизни Христа“. Н. Колосовъ.—
III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—

„Параличъ“ Русской Церкви.

Болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ **Θ. М. Достоев-**
скій обмолвился крылатымъ словомъ: „Русская Церковь въ
параличѣ съ Петра Великаго“, сказалъ онъ ¹⁾. Въ устахъ
Достоевскаго этотъ рѣзкій отзывъ о Церкви имѣетъ свое
объясненіе. Слова эти сказаны человекомъ глубоковѣрующимъ,
преданнымъ православію, убѣжденнымъ въ томъ, что „право-
славіе для народа все“, что „отъ судебъ православія зави-
ситъ судьба Россіи“. Какъ любящій сынъ, онъ безсозна-
тельно преувеличивалъ нестроенія въ церковной жизни съ
добрымъ и искреннимъ желаніемъ врачеванія и исправленія
того, что казалось ему несовершеннымъ. Такое „болѣзнен-
ное“ опредѣленіе состоянія Церкви² объясняется отчасти и

¹⁾ Записная книжка **Θ. М. Достоевскаго** изд. 1883 г. стр. 356.

личнымъ характеромъ Достоевскаго, склоннаго по своей природѣ всюду видѣть и все объяснять патологическими причинами. Крылатое слово (кстати сказать, взятое изъ записной книжки писателя, гдѣ предполагаются наброски мыслей), сказанное не изъ вражды, приобрѣло у насъ право широкаго гражданства, пестритъ теперь въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ. Въ послѣдніе годы, въ рѣчахъ о положеніи Русской Церкви, кажется, ни одно слово не повторялось такъ часто, какъ слово „параличъ“: ревнители православія изъ нехристіанъ, рясофорные обновленцы, кадетскій папа Милюковъ, (съ думской кафедры) даже православные богословы освободительнаго толка всѣ въ одинъ голосъ твердятъ о полной дезорганизаціи Церкви, о крайней ея болѣзненности, о полномъ ея параличѣ. Дошло дѣло до того, что „теперь не трудно встрѣтиться и съ вопросомъ о томъ, кому принадлежитъ будущее въ исторіи: официальной ли церкви, или расколу. Въ догматахъ, говорятъ, разницы между ними нѣтъ; обрядовая же разница, во-первыхъ, неважна, во-вторыхъ, безпристрастная историческая наука въ послѣднее время по обрядовымъ вопросамъ высказывается въ такомъ направленіи, что трудно сказать, кто тутъ правъ, и кто виноватъ. А между тѣмъ, проявленіе соборнаго начала въ старообрядчествѣ, несомнѣнно показывая его живучесть, свидѣтельствуетъ въ то же время о его вѣрности духу вселенской Церкви, чего нельзя сказать о Церкви официальной“¹⁾.

До народной толщи,—простого вѣрующаго народа,—мысль о параличѣ Церкви не доходить,—онъ по прежнему вѣруетъ въ ея спасительную силу,—но интеллигентные круги, воспитывающіеся на газетахъ, главнымъ образомъ лѣваго толка, мысль о параличномъ состояніи нашей Церкви усвоили прочно, твердятъ ее на всѣ лады и часто не допускаютъ даже возраженій; какъ, въ самомъ дѣлѣ, воз-

¹⁾ О возстановленіи соборности въ Русской Церкви. СІВ. 1905 г. стр. 8.

ражать противъ того, что ежедневно твердятъ газеты, что считаютъ за аксіому Петровъ, Михайлъ и самъ Милуковъ?! Не удивительно, что слово это, набившее оскомину, намозолившее глаза, вошедшее въ ежедневный обиходъ, не вызываетъ уже ни объясненій, ни возраженій¹⁾.

Параличъ болѣзнь серьезная и тяжелая; поражая отдѣльные органы, она прекращаетъ ихъ функціи; поражая весь организмъ или главнѣйшіе органы, она ведетъ къ смерти. Не бесполезно поэтому разсмотрѣть діагнозъ, сдѣланный опытными „врачами“ церковнаго тѣла, тѣ причины, какія привели, по ихъ мнѣнію, къ параличу Церкви.

Причинъ этихъ указывалось не мало, но между ними всѣми врачами указывается одна самая главная,—единогласно признаваемая всѣмъ почтеннымъ консилиумомъ. Эта причина,—порабощеніе Церкви государствомъ, приведшее къ пышному расцвѣту въ ней бюрократическаго клерикализма, даже не столько порабощеніе, сколько добровольное устремленіе высшихъ церковныхъ властей подъ сѣнь казенной государственной опеки, а нерѣдко и льстивое угодничество ей. Оторвавшись отъ своихъ подлинно церковныхъ христіанскихъ основъ и пойдя по пути государственнаго бюрократизма, Церковь какъ бы впитала въ себя его тлетворный духъ и внутренне сроднилась съ нимъ²⁾.

„Подчинившись свѣтской власти,—пишетъ другой авторъ,—пошедши въ услуженіе ей, высшіе представители нашей Церкви и логически и психологически послѣдовательно замѣнили дѣло религіозное, служеніемъ господствующему политическому режиму. Съ особымъ усердіемъ настаивая на

¹⁾ Болѣе увлекающіеся „врачи“ (Розановъ) говорятъ уже и о смерти Церкви, которая, подобно четверодневному Лазарю уже смердитъ, такъ что для своего обновленія и возрожденія нуждается въ новомъ божественномъ чудѣ. Но этотъ отзывъ о Церкви, какъ совсѣмъ уже крайній и противорѣчащій очевидности, встрѣчается рѣже, чѣмъ рѣчь о „параличѣ“.

²⁾ Московскій еженедѣльникъ. 1907 г. № 16. Отчего наша Церковь въ параличѣ, стр. 36

теоріи подчиненія Богомъ установленнымъ властямъ, синодальная власть, а за нею и епархіальныя начальства, низвели Христову Церковь на степень освятительницы всякаго *Statu quo*... И мы, любящіе нашу Православную Церковь, молимъ Бога, да освободитъ Онъ нашу Православную Церковь отъ тяжелой покровительственной руки государства, если это покровительство необходимо переходить въ порабощеніе¹⁾.

Въ поискахъ за тѣмъ, когда собственно началось подчиненіе Православной Церкви и порабощеніе ея свѣтской властью, врачи церковраго недуга нѣсколько расходятся, хотя большинство обыкновенно указываетъ на Петровскую эпоху, на церковную реформу Петра Великаго. „Однимъ росчеркомъ пера подъ духовнымъ Регламентомъ, пишетъ Мережковскій, „въ 25 день Генваря 1721 году“, Петръ рѣшаетъ всемірно-историческій вопросъ, подчиняетъ церковь государству, православіе—самодержавію. Однимъ ударомъ и обезгавилъ онъ русскую Церковь, уничтоживъ патріаршество, и обмірщилъ Русское государство, снявъ съ него церковный обликъ, разоривъ церковное домостроительство древней Руси. Отнынѣ дѣятельность Церкви становится лишь духовною политикою, часто болѣе обширной и важной—политики государственной; сама Церковь становится однимъ изъ колесъ огромной машины, пальцемъ отъ ноги желѣзнаго колосса“²⁾. Другіе начало подчиненія Русской Церкви видятъ еще въ Московской Руси, въ которой обнаружилось рѣшительное стремленіе правительства подчинить Церковь своему опредѣляющему вліянію (Павловъ), въ византійскихъ традиціяхъ, перешедшихъ къ намъ съ принятіемъ христіанства (ex-архимандритъ Михаилъ), даже въ лицѣ святого равноапостольнаго Константина Великаго, взявшаго христіанство подъ свое покровительство, прекратившаго гоненія на христіанъ со стороны язычниковъ.

¹⁾ Библіотека „Вѣкъ“—Историческій грѣхъ, стр. 6.

²⁾ Новый путь. 1903 года. Записки религіозно философскихъ собраній. Рефератъ Д. Мережковскаго стр. 67.

Первая причина параличнаго состоянія Русской Церкви всего чаще указываемая—причина внѣшняя—нашла, говорятъ, для себя благопріятную атмосферу и въ условіяхъ внутренней жизни, въ самомъ содержаніи ея религіозно-нравственнаго идеала. „Въ двухъ словахъ этотъ роковой недугъ господствующаго религіознаго міровоззрѣнія можно опредѣлить какъ аскетическій индивидуализмъ. Необъятная ширина и глубина истиннаго христіанства, объединяющаго въ своемъ универсальномъ идеалѣ всѣ блага земли и неба, всѣ обѣтованія живота нынѣшняго и грядущаго, въ нашемъ церковномъ міросозерцаніи отразились какъ-то слишкомъ узко и односторонне, только той стороною, которая обращена лишь къ небу, касается индивидуальной личности и ея потустороннихъ загробныхъ интересовъ. Все же, что относится къ области настоящей земной жизни и коллективной общественной организаціи вѣрующихъ, трактуется у насъ какъ что-то низшее недостойное участливаго вниманія Церкви и даже очень часто какъ нѣчто прямо вредное для дѣла спасенія“... На почвѣ этой идейной особенности нашего церковно-религіознаго міровоззрѣнія находитъ свое полное объясненіе и главный практическій недугъ нашей Церкви—ея полное равнодушіе къ освободительному движенію въ особенности къ его социаль-экономическимъ задачамъ“¹⁾.

Таковы двѣ главнѣйшія причины, которыя привели будто-бы русскую Православную Церковь къ параличу. Изъ нихъ вторая, какъ относящаяся къ самому внутреннему содержанію православія,—важнѣе первой, внѣшней, но первую чаще выдвигаютъ, на нее чаще указываютъ. Разберемся въ этихъ причинахъ, насколько онѣ дѣйствительны и въ силѣ ли были произвести настолько существенныя разстройства въ Церкви, чтобы привести ее къ параличу“.

Начало „паралича“ видятъ въ церковной реформѣ Петра Великаго, въ учрежденіи имъ Синода, вообще въ той госу-

¹⁾ Отчего наша Церковь въ параличѣ? стр. 44.

дарственной точкѣ зрѣнія на Церковь, какую онъ проводилъ, и какой придерживались нѣкоторые изъ его преемниковъ. Не рассматривая реформу Петра Великаго подробно, мы не можемъ не признать, что она касалась все же внѣшней стороны, формъ церковной жизни, что Петръ Великій, при всемъ своемъ самовластїи, не простиралъ своей руки на то, что составляетъ существо церковной жизни и за Церковью: во весь синодальный періодъ сохранялось право и полная свобода вѣровать, молиться, творить добро и спасаться. Когда говорятъ о томъ, что Петръ Великій своей реформой совершенно разстроилъ церковную жизнь, то забываютъ, что и въ предшествующій періодъ (патріаршій) въ церковной жизни были свои нестроенія, что такъ называемое выборное начало, приходъ, (не говоря уже о духовномъ просвѣщенїи) далеко не были на такой идеальной высотѣ, какъ нѣкоторымъ кажется. Несправедливо, на примѣръ, утвержденіе Мережковскаго, будто „расколъ есть безсознательный бунтъ русскаго христіанства—„крестьянства“ противъ языческаго и господскаго обмірщенія Россїи въ петербургскомъ періодѣ русской исторїи“¹⁾:

Расколъ вѣдь появился, окрѣпѣ и создалъ самыхъ стойкихъ своихъ защитниковъ раньше Петра Великаго.

Зависимость Церкви отъ государства можетъ принимать разные виды, здѣсь могутъ быть уклоненія въ неправильную сторону, но эта зависимость никогда не въ силахъ парализовать Церковь. Если вдуматься во всѣ рѣчи о порабощенїи Православной Церкви свѣтской властью, то въ большинствѣ ихъ одна цѣль, то скрытая, то открыто выражаемая,—это отдѣленіе Церкви отъ государства. „Свободная церковь въ свободномъ государствѣ“—объявленіе религіи частнымъ дѣломъ cadaquo—вотъ конечная цѣль, идеаль многихъ; но вѣдь это только теорїя, полезная инымъ въ данномъ случаѣ, но въ жизни неосуществимая. Тѣсная связь Церкви съ

¹⁾ Новый Путь II, стр. 67.

государствомъ происходитъ оттого, что всякій православный, въ каждый данный моментъ, мыслится и является вѣрующимъ и вмѣстѣ гражданиномъ, и какъ нельзя въ каждомъ данномъ лицѣ раздѣлить гражданина и вѣрующаго, то такъ же и въ цѣломъ народѣ. Замѣчательно, что даже тѣ, кто настойчиво требуютъ въ Россіи отдѣленія Церкви отъ государства, радуются и привѣтствуютъ тѣхъ представителей Церкви, которые перебѣгаютъ въ ихъ лагерь, начинаютъ вѣрить въ ихъ счастливую (проектируемую) государственность. Отчего Пазерскіе, Петровы, Гапоны такъ любы имъ? Отчего, далѣе, къ Православной Церкви навязываются съ предложеніями, даже съ требованіями, осудить въ политической жизни одно, одобрить другое, сдѣлать третье, зачѣмъ отъ нея требуютъ вмѣшательства въ государственную жизнь, въ политическую борьбу, зачѣмъ упрекаютъ „въ полномъ безсиліи и безгласіи въ отношеніи вопросовъ общественныхъ, экономическихъ и правовыхъ?.. Очевидно допускаютъ возможность взаимодѣйствія политическаго и религіознаго началъ, допускаютъ служеніе (а слѣдовательно и зависимость) Церкви государству, но только въ извѣстномъ опредѣленномъ—освободительномъ направленіи. Обвиненіе Православной Церкви въ подчиненіи и угодничествѣ свѣтской власти всего чаще имѣютъ своею цѣлію обратить Церковь въ служебное орудіе освобожденія. „Нашимъ освободителямъ нужна церковная реформа, конечно, не изъ радѣнія о вѣрѣ и Церкви Православной, а въ расчетахъ и соображеніяхъ иного рода. Въ Западной Европѣ церковная реформація подготовила паденіе монархіи и сыграла въ ея паденіи очень большую роль. За нее и хватаются, какъ за обходный путь послѣ того, какъ непосредственный штурмъ Русскаго государства масонско-инородческой революціей потерпѣлъ неудачу. Потряса церковную власть, Западно-европейская реформація потрясла и монархическій принципъ, взбунтовавъ народный умъ противъ всякаго авторитета, поколебавъ престижъ и уваженіе къ власти вообще, лишивъ ее ореола святости.

Съ паденіемъ авторитета церкви и вѣры въ Бога, естественно, колеблется и принципъ державной власти, исходящей отъ Бога¹⁾. Если внимательно относиться къ тому, что совершается у насъ на глазахъ, то нельзя не согласиться съ приведенной мыслью автора. Что отдѣленіе Церкви отъ государства преслѣдуетъ не интересы православія, а чисто политическія цѣли, этого не скрываютъ и нѣкоторые болѣе болтливые „ревнители православной Церкви“, трактующіе о ея парализномъ состояніи. Такъ, Милюковъ, съ думской кафедрой засвидѣтельствовавшей парализное состояніе Русской Церкви, тамъ же высказался, что „смѣшеніе религіознаго принципа съ національнымъ и государственнымъ является кореннымъ препятствіемъ для государственнаго обновленія Россіи, и что только созданіе виѣвѣроисповѣднаго состоянія осуществитъ индивидуальную свободу совѣсти“. Но приведенную нами выше мысль А. Волынца необходимо расширить: въ отдѣленіи Церкви отъ государства есть и другая цѣль: ослабленіе и самой Церкви, ибо для многихъ она неменѣе ненавистна, какъ и монархія.

Второй причиной паралича Русской православной Церкви является будто бы одностороннее пониманіе ею христіанскаго идеала, какъ индивидуально аскетическаго, „черезъ что полнo-жизненная правда евангельскаго христіанства превратилась у насъ въ урѣзанную полуправду какого-то фальсифицированнаго христіанства“. Здѣсь упрекомъ православію ставится то, что составляетъ самую его душу, величайшее его преимущество, какъ религіи духа, поставившей во главу угла совершенство личности, высшимъ идеаломъ коего является всесовершенный Отецъ Небесный. Православіе вовсе не отрицаетъ „коллективной общественной организаціи вѣрующихъ“ и не трактовало ея, какъ нѣчто ея недостойное, ибо

¹⁾ А. Волынецъ. Церковь и государство. „Кіевлянинъ“ 10-го іюля 1909 года.

и сама Церковь является общественной организаціей взаимно спасающихся людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ православіе всегда утверждало, что христіанинъ долженъ прежде всего искать царствія Божія и правды Его; въ духовной личности человека, въ ея совершенствѣ, въ доброй непорочной совѣсти (1 Петр. 3, 16) оно видѣло творческую силу и залогъ не только индивидуальнаго спасенія, но и правильной здоровой общественности, общественнаго блага, и было въ этомъ случаѣ мудрымъ зодчимъ, устраивающимъ прочный фундаментъ прежде зданія, такъ какъ совершенный Божій человекъ—на всякое дѣло благое уготованъ, такъ какъ люди, достигшіе индивидуально-аскетическаго совершенства, оказывали огромное облагораживающее вліяніе и на общественную жизнь, создавали народныя движенія, были свѣтомъ для міра, солью земли. Упрекъ въ односторонности православнаго идеала, направляющаго мысль человека прежде всего къ небесному, вѣчному, объясняется господствующимъ въ жизни матеріалистическимъ направлениемъ. Вѣра только въ однѣ внѣшнія формы жизни, какъ залогъ общаго счастья—эта величайшая ложь нашего времени, ведетъ къ тому, что въ разговорахъ о благоустроеніи общества, объ общемъ счастьи, совершенно забываютъ первое для этого условіе—необходимость устроить, по завѣтамъ Христа, личную жизнь человека, и Церкви, которая призываетъ къ этому, дѣлаютъ упрекъ въ односторонности ея идеала. Не такъ смотрятъ на это люди, которые, хотя и признаютъ несовершенства въ нашемъ церковномъ устроеніи и жаждутъ его обновленія, но въ то же время чувствуютъ правду православія, его животворящую силу, сохранили въ душѣ вѣру въ Церковь, пониманіе ея духа. Вотъ что пишетъ одинъ изъ искреннихъ ревнителей православной Церкви: „Какъ ни важно правильное устройство церкви во внѣшнихъ ея формахъ, тѣмъ не менѣе было бы гибельной ошибкой забывать, что оно важно не само по себѣ, не какъ извѣстная конституція, а лишь по тѣмъ дарамъ святости, которые мы въ себѣ при этомъ возвращаемъ. Можно имѣть со-

вершенно правильное устройство внѣшнихъ формъ и все-таки создать не Церковь Божію, а мерзость заустѣнія на мѣстѣ святѣ, если мы збудемъ необходимое содержаніе христіанской жизни, которое все заключается въ святости, въ стяжаніи даровъ духовныхъ. Правильное устройство Церкви нужно только для того, чтобы взаимнымъ содѣйствіемъ освящать другъ друга тѣми дарами, которые каждому посылаетъ Господь, *Если мы имѣемъ этотъ духъ, эту святость, то и при внѣшнемъ неправильномъ устройствѣ—создаемъ Тѣло Христово.* Если не думаемъ объ этихъ дарахъ святости, то будемъ созидать не Тѣло Христово, а просто какую-то республику, при томъ же очень плохую¹⁾.

Мы далеки отъ мысли представлять жизнь современной Русской православной Церкви въ идеальномъ свѣтѣ, чуждой несовершенствъ, не требующей никакихъ исправленій. Что здѣсь многое требуетъ усовершенія, сознаютъ все православные люди, сознаетъ правящая Церковь—іерархія, принимающая мѣры къ исправленію этихъ несовершенствъ. Но глубоко прискорбны и оскорбительны для всякаго православнаго христіанина эти крикливыя и глубоко несправедливыя утвержденія о томъ, что Русская Церковь въ параличѣ, что она не способна, не въ силахъ выполнять нынѣ своихъ высокихъ задачъ. Въ обращеніи со святыми словами и понятіями необходима осторожность, уваженіе къ нимъ, если они дѣйствительно дороги для насъ; и какъ многіе „врачи“, объявляющіе крикливо о параличѣ нашей Церкви, напоминаютъ намъ тѣхъ дѣтей, которыя, пользуясь добротою, любовію и довѣріемъ отца, объявляютъ его одержимымъ тяжкимъ неизлѣчимымъ недугомъ съ тѣмъ, чтобы скорѣе забрать въ свои руки и расточить отцовское достояніе по своей волѣ.

Священникъ В. Пестряковъ.

¹⁾ О возрожденіи Русской Церкви. Изданіе „Религіозно-философской Библіотеки“. 1905 г. стр. III-я.

На выставкѣ картинъ Полѣнова „Изъ жизни Христа“.

(Непосредственное впечатлѣніе).

О серіи картинъ В. Д. Полѣнова „Изъ жизни Христа“ такъ много говорили и писали, что популярность этихъ картинъ выросла до необычайныхъ размѣровъ. Естественно поэтому, что желаніе видѣть много на шумѣвшее произведеніе могло зародиться даже въ душѣ, не особенно отзывчивой на впечатлѣнія художественнаго характера. Намъ лично крупное произведеніе маститаго художника на религіозную тему представлялось прямо событіемъ, мимо котораго пройти, казалось, было совершенно невозможно. Когда стало извѣстно, что картины Полѣнова „Изъ жизни Христа“ появились на Казанской выставкѣ „Современнаго русскаго искусства“, мы рѣшили во чтобы то ни стало посѣтить эту выставку. Обстоятельства сложились для насъ довольно благопріятно, и во второй половинѣ іюля мы отправились въ Казань. Думаемъ, что на основаніи сказаннаго читатель пойметъ то чувство почти благоговѣйнаго трепета, съ какимъ мы подходили къ огромному и красивому зданію Казанской художественной школы, гдѣ помѣстилась художественная выставка „Современнаго русскаго искусства“. Намъ предстояло увидѣть преломленіе въ художническомъ сознаніи талантливаго мастера не одного какого-либо момента изъ сверхчеловѣческой, Божественной жизни,—намъ предлагалось художественное опредѣленіе всей Христовой жизни отъ плѣнительнаго въ своей простотѣ ея начала и до трагическаго, великаго ея конца. Намъ было извѣстно, что художникъ выполненію своей грандіозной задачи посвятилъ огромную сумму труда, вниманія, изученія, времени, средствъ. По названію же серіи картинъ, данному ей самимъ художникомъ, можно было думать, что онъ имѣетъ дать художнически-наглядное представленіе не о жизни Иисуса, сына плотника, какъ это въ наше время склонны дѣлать

многіе художники и ученые, а о жизнь Сына Божія, Богочеловѣка, *Христа*. На Казанской выставкѣ „Современнаго искусства“ кромѣ картинъ Полѣнова было представлено много другихъ—картинъ передвижниковъ, союза русскихъ художниковъ, весенней академической выставки и т. дал. Миную всѣ эти отдѣлы выставки, мы прежде всего направились въ залъ, гдѣ были размѣщены картины Полѣнова. И—должны сознаться—увы! первое впечатлѣніе отъ прославленныхъ картинъ было у насъ впечатлѣніемъ самага горькаго разочарованія. вмѣсто того мягкаго, но сильнаго свѣта, вмѣсто того высокаго благородства и неземнаго величія, вмѣсто той ласкающей и живительной теплоты, какими, казалось намъ, должны бы были дышать картины изъ жизни Богочеловѣка Христа, мы увидѣли нѣчто такое сѣрое и будничное, что мы видимъ каждый день вокругъ себя въ своей собственной „человѣческой, только человѣческой“ жизни. Такая особенность нашего впечатлѣнія, какъ оказалось потомъ, объяснялась тѣмъ, что художникъ въ своемъ творествѣ вовсе и не задавался цѣлью воспроизвести жизнь Христа, какъ Богочеловѣка. Онъ не хотѣлъ даже рисовать Его, какъ личность, какъ характеръ, какъ активное творческое начало. Оказалось, что въ картинахъ г. Полѣнова центральное мѣсто занялъ не Христосъ, не Его Божественный Ликъ, а та обстановка, что Его окружала въ Его дѣятельности—эти дивныя палестинскіе пейзажи, эта ослѣпительная яркость восточнаго солнца, эта чарующая гладь голубыхъ озеръ, эти рѣзкія и строгія очертанія горъ, особенности древне-еврейскаго быта и под. Обстановка дѣятельности Христа, фонъ, на которомъ вырисовывается Его личность,—вотъ что занимало художника въ его грандіозной работѣ, а потому-то картины, способныя, быть можетъ, занять исключительное мѣсто въ ряду другихъ пейзажей и жанровъ, оставляютъ сравнительно слабое впечатлѣніе, будучи выставлены подъ самостоятельнымъ названіемъ „Изъ жизни Христа“. Въ этихъ картинахъ нѣтъ не только Христовой Богочеловѣческой жизни, но нѣтъ жизни и просто

человѣческой: въ нихъ живетъ только природа и живетъ быть, одушевленные умной и смѣлой кистью опытнаго и вдумчиваго мастера. Это особенно ярко замѣтно на такихъ картинахъ, какъ, напр., „Другіе суда“, „Повели къ правителю“ и под. Здѣсь внѣшняя рамка дѣятельности Иисуса Христа выступаетъ впередъ такъ упорно и рѣзко, что за нею не видно... рѣшительно ничего. На первой картинѣ мы видимъ лишь великолѣпно исполненный пейзажъ моря, на второй же лишь панораму города при красивомъ вечернемъ освѣщеніи. На этой послѣдней картинѣ „Повели къ правителю“ не видно не только Иисуса, но не видно просто никого. Немногія фигуры людей занимаютъ здѣсь мѣсто, гораздо меньшее, чѣмъ третъестепенное. На задній планъ отступаетъ фигура Иисуса Христа и всѣхъ вообще людей и въ большинствѣ другихъ картинъ Полѣнова. Таковы, напр., „Стали искать“, „Поселился въ Капернаумѣ Приморскомъ“, „Въ Канѣ Галилейской“, „По засѣяннмъ полямъ“, „Прибыль въ Свой городъ“, „Наставленіе ученикамъ“, „Повели на распятіе“, „Вошли на Голгоѳу“, „Часто собирались у Геѳсиманіи“, „Вошли на Голгоѳу“, „Стерегли“ и под. Вездѣ въ этихъ картинахъ прежде всего привлекаетъ вниманіе фонъ, обстановка, подробности, аксессуарная сторона дѣла. Самая же сущность извѣстной темы художникомъ не только не рѣшается, но даже и не затрогивается: онъ прямо обходитъ ее. Замѣтно это даже на такихъ картинахъ, гдѣ художникъ подходитъ къ моментамъ, въ которыхъ Христосъ больше всего долженъ бы вступать, какъ исключительная и единственная въ міровой исторіи Личность, какъ Божій Сынъ, какъ Богочеловѣкъ. Это—„Возвратился въ Галилею въ силѣ духа“, „Онъ училъ“, „Привели дѣтей“, „У Марѳы и Маріи“, „Кто изъ васъ безъ грѣха?“ „Тайная вечеря“, „Прискорбна душа моя“, „Повицень смерти“, „Предалъ духъ“ и др.

Къ сожалѣнію, и здѣсь очень часто въ г. Полѣновѣ художникъ пейзажистъ и жанристъ побѣждаетъ художника мыслителя и психолога, стоящаго лицомъ къ лицу предъ

Тѣмъ, Кто есть единая Истина, и созерцающаго единственную въ мірѣ драму. Въ первой изъ названныхъ картинъ личность Іисуса, запечатлѣнная—дѣйствительно—силою и вмѣстѣ кротостію великаго духа, высоко-вдохновенная и нечеловѣчески гармоническая, почти теряется на фонѣ роскошной картины палестинской природы. На картинѣ „Онъ училъ“ совсѣмъ не видно Того Іисуса, Который говорилъ, какъ власть имѣющій, и Который Своимъ ученіемъ увлекалъ за Собою множество народа. Здѣсь Іисуса окружаетъ только незначительная горсточка людей, какъ бы случайно забредшихъ въ высокія и пустынные горы. Эта же излишняя и противорѣчащая исторіи простота замѣтна и на картинѣ „Принесли дѣтей“. На основаніи того, что апостолы, не желая утруждать Учителя, не хотѣли пускать къ Нему дѣтей, можно думать, что этихъ дѣтей было больше тѣхъ 2—3 малютокъ, что видны на картинѣ Полѣнова. Христа, какъ полнѣйшаго обладателя и носителя Божественной мудрости, мы видимъ на картинахъ „У Марѣи и Маріи“ и „Кто изъ васъ безъ грѣха?“ Однако и въ данномъ случаѣ ясно, что художникъ большее вниманіе обратилъ не на то, чтобы наилучшимъ образомъ одухотворить Христовъ Божественный Ликъ, а на то, чтобы вѣрнѣе и красивѣе передать бытовья картины древне-еврейской жизни—на первой картинѣ семейной, домашней, на второй—уличной, массовой, народной. Въ картинахъ же „Тайная вечеря“, „Прискорбна душа Моя“, „Повиненъ смерти“ и „Предаль духъ“ наибольшій интересъ художника сосредоточенъ на томъ, чтобы правдивѣе и ярче показать то эффекты освѣщенія, какъ въ картинахъ „Тайная вечеря“ и „Повиненъ смерти“, гдѣ томный свѣтъ луны причудливо борется съ красными бликами комнатныхъ лампадъ, то ночной мракъ и ночную мертвую и пугающую неподвижность, какъ на картинахъ „Прискорбна душа Моя“, гдѣ Геосиманскій садъ изображенъ погруженнымъ въ ночную темноту и какъ бы застывшимъ въ ней, и—„Предаль духъ“, гдѣ на фонѣ ночного неба четко и мрачно выступаютъ чер-

ные и неподвижные силуэты деревьевъ, словно таящiе въ себѣ великую и грозную тайну. Опредѣленнiе, чѣмъ на другихъ картинахъ, Христосъ представленъ въ этюдахъ: „Нашли въ храмѣ среди учителей“, „Былъ въ пустынѣ“, „Марiя Магдалина“, „Самарянка“, „Удалился въ пустынное мѣсто“... Здѣсь уже видимъ Божественный характеръ, здѣсь видимъ сверхчеловѣческую дѣятельность нечеловѣческаго духа, здѣсь видимъ проявленiя вѣчной, абсолютной жизни. Въ названныхъ картинахъ Христосъ выступаетъ передъ нами, уже какъ великiй Сердцевѣдъ, великiй Подвигположникъ и Страдалецъ за человѣка и за человѣческой грѣхъ. Здѣсь передъ нами Божественный Спаситель, хотя и носящiй смиренный зракъ человѣческой, зракъ рабiй. Въ простотѣ и смиренiи здѣсь однако воочию открывается небесное и святое. При обзорѣнiи этихъ картинъ незамѣтно для насъ первое впечатлѣнiе отъ произведенiя г. Полѣнова разсѣивалось, уступая мѣсто высокому и спокойному эстетическому наслажденiю. Сила же обаятельности Христова ученiя и Христова образа, сила дѣйственности Его на человѣческую душу художественно воспроизведена на картинахъ Полѣнова: „Иуда раскаялся“, „Сотникъ“, „На разсвѣтѣ пришла Марiя“, „Стояла у гроба“. На этихъ картинахъ уже совсѣмъ отдыхаетъ и успокаивается наша душа, находя въ нихъ Того Христа, Который всѣмъ ищущимъ Его давалъ покой, отраду и утѣшенiе. На лицѣ Иуды изображенъ не только ужасъ отчаянiя хриstopродавца, но и безысходность его состоянiя: на картинѣ Полѣнова изображенъ тотъ моральный тупикъ, который неминуемо ведетъ къ висѣлицѣ. На лицѣ сотника мы ясно читаемъ психологiю человѣка, въ душѣ котораго начался болѣзненный, но спасительный переворотъ. Необычайная кротость, изумительное терпѣнiе и безпримѣрность всепрощенiя только что Распятаго буквально растопили сердце сотника, суроваго и твердаго, какъ металлъ его оружiя, и на его лицѣ, какъ и въ его душѣ, загорается что-то новое, небывалое, мягкое, женственнiе и радостное: язычникъ пе-

перождается въ христiанина, распинатель преобразуется въ сораспинаемаго. Очаровательна по своей трогательности картина, изображающая Марію Магдалину у гроба Спасителя. Безсильная побороть свою скорбь, свою неизмѣримую сердечную тугу и душевную тоску по Распятомъ, но Праведномъ Равви, она, одинокая, смиренная, робкая и молчаливая, идетъ къ Его гробу и становится у гигантскаго дерева, оберегающаго входъ въ пещеру. Онъ вотъ здѣсь... Совсѣмъ близко... Онъ... Единый, святой, великій, Божественный... Мертвый, но безконечно дорогой, любимый, сладостный. Такъ близко... И ощущеніе этой близости успокаиваетъ. Но продолжаетъ тяготить горечь потери. Однако, смутная надежда на что-то опять какъ будто умиротворяетъ душу. Все это переплетеніе различныхъ переживаній живо представлено для насъ на картинѣ Полѣнова въ образѣ Маріи, одиноко стоящей у гроба въ предразсвѣтной тьмѣ іосифовскаго сада. Но уже полный и высокій художническій восторгъ испытали мы при видѣ послѣдней картины въ серіи Полѣнова— „Возвѣстила плачущимъ“.

— Нѣтъ больше смерти! Онъ воскресъ! Я Его видѣла! Я Ему поклонилась. Радуйтесь!

Этотъ бурный крикъ обрадованной, сіяющей отъ счастья женщины ярко переданъ на картинѣ Полѣнова. Именно такъ: на картинѣ переданъ крикъ. Онъ становится намъ почти слышенъ, едва мы вглядываемся въ экстатически блестящіе глаза равноапостольной мирноносицы. Слышати этотъ крикъ другія женщины еще не вѣрятъ, еще сомнѣваются, подобно ученикамъ Крестителя на знаменитой картинѣ Иванова; онъ еще какъ бы не въ состояніи опомниться отъ тяжелаго и жуткаго кошмара. Но глаза Маріи, ихъ неподдѣльная радость, ихъ зажигательный блескъ ясно говорятъ, что женщины повѣрятъ, что онѣ убѣдятся, что вотъ-вотъ и ихъ поблекшіе отъ слезъ глаза загорятся жизнью и веселіемъ, и онѣ всецѣло раздѣлятъ радость Маріи и вмѣстѣ съ нею пойдутъ на встрѣчу Воскресшему туда... въ Галилею...

Очень жаль, конечно, что В. Д. Полѣновъ въ большинствѣ картинъ „Изъ жизни Христа“ не далъ намъ образа Иисуса, какъ Спасителя міра. Но у насъ нѣтъ никакихъ основаній думать, что онъ сдѣлалъ это умышленно или тенденціозно. Мы могли бы обвинять художника лишь въ томъ, что онъ сузилъ свою задачу, отказавшись отъ изображенія Христа, какъ Богочеловѣка. Но вѣдь въ этомъ случаѣ художникъ могъ руководиться своими особыми мотивами, можетъ быть, чисто технического и вовсе не религіознаго характера. Въ правѣ ли мы поэтому обвинять его? Конечно, нѣтъ. Что же касается послѣднихъ картинъ г. Полѣнова, то вольный или невольный тонъ ихъ вполне говоритъ за то, что Христосъ, какъ Спаситель, понятенъ и близокъ сердцу художника, что христіанскія религіозныя настроенія не чужды чуткой художнической душѣ, что сладостный Ликъ Богочеловѣка ее могуче къ Себѣ влечетъ и глубоко ее волнуетъ. Въ изображеніи Христа и Христовой жизни г. Полѣновъ сдѣлалъ то, что могъ. Выявленіе же въ искусствѣ всего Божественнаго могущества Христова, всего необъятнаго величія Его духа, — это можетъ быть доступно лишь исключительному художническому генію, какого пока у насъ еще нѣтъ.

П. Колосовъ.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Въ среднемъ отдѣленіи, по Уставу 1814 года, главнымъ предметомъ должна была быть философія, почему это отдѣленіе называлось у семинаристовъ философіею, какъ низшее, по главному предмету—словесностию, а высшее—богословіемъ. Но во время моего обученія въ семинаріи, послѣ протасов-

¹⁾ См. № 38-й за 1909-й г.

скої реформы. значительно сокращено было преподаваніе философіи, хотя прежнсе названіе философіи за среднимъ отдѣленіемъ осталось. Изъ философскихъ наукъ мы изучали только логику и психологію, и обѣ эти науки мы должны были проходить въ первый годъ философскаго курса, или курса средняго отдѣленія; логику до Рождества, а психологію послѣ Рождества до вакаціи. А на второй годъ, вмѣсто философіи, намъ преподавали патристику или ученіе объ отцахъ Церкви и ихъ твореніяхъ. Логикку изучали мы по руководству Повицкаго; а по психологійи выдавались намъ записки, въ основаніи которыхъ стояла, кажется, психологія Кедрова, написанная ораторскимъ широкоувѣщательнымъ стилемъ, съ нравственными выводами и наставленіями. Ректоръ на экзаменѣ, выслушавши отвѣты учениковъ по психологійи, державшихся этого широкоувѣщательнаго руководства, въ заключеніе экзамена сказалъ: ваша психологія настоящая проповѣдь. Этимъ онъ отмѣтилъ ся мало научный характеръ, а нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей показалось, что ректоръ похвалилъ нашу психологію.

Патристику, на преподаваніе которой назначался весь второй годъ курса средняго отдѣленія, мы изучали по запискамъ, выдаваемымъ наставникомъ. Записки были очень обширны. Въ нихъ сообщались подробныя біографическія свѣдѣнія объ отцахъ Церкви и ихъ сочиненіяхъ, съ указаніемъ содержанія важнѣйшихъ изъ нихъ. Наша патристика знакомила насъ со всѣми видными представителями отеческой литературы первыхъ девяти вѣковъ, начиная съ Климента римскаго и Игнатія Богоносца и кончая Козьмою Маюмскимъ и Іоанномъ Дамаскинскимъ. Въ качествѣ добавленія къ обзорнѣю отцовъ Церкви древняго періода сообщались свѣдѣнія изъ отечественныхъ писателей о святомъ Димитріи Ростовскомъ.

Логика, психологія и патристика въ среднемъ отдѣленіи были главными предметами. По нимъ давались сочиненія, и успѣхи по нимъ и составляемыя на основаніи этихъ успѣ-

ховъ списки наставниковъ имѣли рѣшающее значеніе при оцѣнкѣ достоинства учениковъ и составленіи общаго разряднаго списка. Поэтому этими предметами занимались очень усердно, и уроки по нимъ готовили исправно. Особенно труднымъ для изученія предметомъ считалась логика, которую первѣе всего изучали перешедшіе изъ словесности ученики. Первый пунктъ въ ней,—законы мышленія,—пзложенъ былъ не совсѣмъ вразумительно, но крайней мѣрѣ для многихъ, только приступающихъ къ трудной наукѣ философіи. Папуганные этимъ первымъ пунктомъ, слабосильные ученики уже потомъ со страхомъ относилась и ко всѣмъ дальнѣйшимъ отдѣламъ науки и не могли надлежащимъ образомъ овладѣть тѣмъ научнымъ матеріаломъ, какой она предлагала. Одинъ мой товарищъ (который по малоуспѣшности уволень былъ изъ семинаріи) корпѣлъ надъ логикою, до переутомленія старался учить уроки по ней, но послѣ, когда кончились уроки по логикѣ, онъ чистосердечно признавался, что онъ не понимаетъ, что это за наука, и ничего не помнитъ изъ ея содержанія.

Наставниками по этимъ главнымъ предметамъ средняго отдѣленія семинаріи были у меня сначала Михаилъ Васильевичъ Тихонравовъ, а потомъ, когда Михаилъ Васильевичъ Тихонравовъ перешелъ въ первое высшее отдѣленіе для преподаванія богословскихъ предметовъ въ качествѣ помощника ректора, Дмитрій Оеодоровичъ Доброхотовъ.

Михаилъ Васильевичъ Тихонравовъ былъ человѣкъ весьма талантливый, высокаго религіознаго настроенія, и, какъ наставникъ, весьма усердный, всею душою преданный своему дѣлу. По семинаріи онъ былъ товарищемъ Дмитрія Васильевича Носиѣхова, бывшаго профессоромъ философіи въ Кіевской духовной академіи. Въ свое время оба эти, одинаково талантливые, юноши считались славою и украшеніемъ своего курса. Михаилъ Васильевичъ Тихонравовъ кончилъ курсъ въ Московской академіи въ 1846 году со степенью магистра богословія, и его курсовое сочиненіе „О

христіанскомъ мученичествѣ“ было отмѣчено конференціею академіи, какъ одно изъ самыхъ выдающихся по своему достоинству сочиненій, и было удостоено печати, что въ то время было рѣдкостію. Ему не удалось, какъ его товарищу по семинаріи Поспѣхову, занять каѳедру въ Академіи. Но если бы такая ему была предоставлена, онъ несомнѣнно съ честію поддержалъ бы достоинство своей каѳедры, и явился бы профессоромъ, могу сказать, незауряднымъ.

Будучи человѣкомъ высокаго религіознаго настроенія, М. В. Тихомировъ, много занятъ былъ вопросомъ о томъ, какой родъ жизни избрать себѣ. У него была серьезная мысль о принятіи монашества. Не рѣшаясь быстро привести ее въ исполненіе, онъ нарочито ѣздилъ въ Сергіеву Лавру, чтобы посоветоваться съ уважаемыми имъ опытными людьми, подобно ему исполненными религіознаго духа, какъ лучше ему поступить, избрать ли монашество, или семейную жизнь. Объ этой цѣли его поѣздки въ Лавру тогда открыто говорили въ семинаріи, и ждали, что скоро, послѣ возвращенія изъ Сергіева Посада, онъ сдѣлается монахомъ. Но этого не послѣдовало. Долго занимавшаго его вопроса объ избраніи рода жизни онъ такъ и не успѣлъ рѣшить. Господь Самъ указалъ ему иной блаженный путь,—путь къ преждевременному вѣчному упокоенію. Онъ скоропостижно скончался на четвертомъ году своей службы. Съ нимъ случился припадокъ болѣзни, похожій на холеру, когда онъ былъ въ банѣ семинарской больницы. Но изъ бани онъ уже не возвращался на свою квартиру, а перенесенъ былъ въ больницу, гдѣ чрезъ нѣсколько часовъ и скончался. Это было 1-го іюля 1850 года.

Внимательный ко всѣмъ своимъ ученикамъ, онъ меня (вспоминаю объ этомъ съ глубокою благодарностію) разыскалъ своимъ особеннымъ расположеніемъ. Я часто бывалъ въ его квартирѣ, квартирѣ секретаря Правленія семинаріи, которая находилась въ архіерейскомъ монастырѣ, — бывалъ потому, что онъ пригласилъ меня быть руководителемъ при заняті-

яхъ его брата, учившагося въ духовномъ училищѣ. Разъ даже на масляницу онъ предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ къ его отцу въ село Лемешекъ, отстоящее отъ Владимира въ тринадцать верстахъ, и въ трехъ верстахъ отъ Боголюбова.

Преподавалъ намъ въ среднемъ отдѣленіи Михаилъ Васильевичъ Тихонравовъ логику, преподавалъ съ возможною вразумительностію, и не его вина, если находились тупицы, которыя затруднялись понимать простыя логическія формулы. Но эта сухая наука была какъ бы не по дунѣ его. Негдѣ было разойтись ему, при изъясненіи логическихъ законовъ. Изъ сухой области логики мысль его стремилась въ другую область съ болѣе сочною почвою и искала широкихъ вопросовъ философскаго или религіознаго характера. И нужно было оказаться малѣйшему поводу, чтобы онъ оставилъ толкованіе скучныхъ логическихъ формулъ и пустился въ разъясненіе болѣе глубокихъ и широкихъ научно-жизненныхъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, въ трактатѣ о силлогизмѣ для уясненія его приведено выраженіе: всѣ люди смертны. Кай человекъ. Слѣдовательно и Кай смертенъ. Это, случайно встрѣченное въ учебникѣ, выраженіе дало поводъ нашему профессору сдѣлать отступленіе отъ изъясненія рядовыхъ параграфовъ учебника и начать иную лекцію о предметѣ, очевидно его глубоко занимавшемъ. По поводу приведеннаго выраженія онъ началъ говорить о смерти и нашемъ безсмертіи, и говорилъ горячо, съ одушевленіемъ, отъ сердца. Рѣчь его текла неудержимымъ потокомъ, и длилась долго. Мы съ большимъ удовольствіемъ слушали такую, цвидимому, импровизованную рѣчь, выходящую изъ ряда обычныхъ уроковъ, и она производила на насъ сильное впечатлѣніе. Мы не заявляли ему, но желали, чтобы онъ чаще дѣлалъ подобныя отступленія отъ сухихъ логическихъ уроковъ въ область вопросовъ, глубоко интересовавшихъ его религіозно-философскую мысль. И онъ угадывалъ это наше желаніе, а мы не разъ слышали отъ него горячія одушевлен-

ныя рѣчи о предметахъ, не входящихъ въ программу логики, по имѣющихъ большое жизненное значеніе, и занимавшихъ христіански настроенную мысль.

Къ чести Михаила Васильевича Тихонравова можно сказать, что онъ какъ-то хорошо умѣлъ узнавать своихъ учениковъ и оцѣнивать ихъ дарованія. Внимательно прочитывая ихъ сочиненія, онъ замѣчалъ проблески недюжинныхъ дарованій у такихъ лицъ, которыя считались самыми заурядными или даже слабыми. Благодаря его проицательности, выдвигались имъ наверхъ такіе ученики, которые числились въ разрядѣ самыхъ посредственныхъ учениковъ, и оцѣнка его оказывалась всегда вѣрною. Разъ поднятые имъ изъ низовъ списка уже потомъ твердо удерживали свое высокое мѣсто. Такъ имъ замѣченъ былъ, какъ особенно даровитый, Александръ Михайловичъ Воскресенскій. Въ низшемъ отдѣленіи семинаріи онъ стоялъ въ спискахъ во второмъ десяткѣ; такое же мѣсто занималъ онъ сначала и въ спискахъ средняго отдѣленія. Но Михаилъ Васильевичъ сразу поставилъ его на второе мѣсто, и это мѣсто за нимъ утвердилось, его удержалъ онъ и въ высшемъ отдѣленіи. Выдвинутый Михаиломъ Васильевичемъ, какъ даровитый ученикъ, А. М. Воскресенскій чрезъ годъ богословскаго курса посланъ былъ въ Кіевскую академію, и здѣсь былъ профессоромъ академіи. Если бы Михаилъ Васильевичъ не замѣтилъ и не выдвинулъ его, онъ вѣроятно кончилъ бы курсъ неважнымъ студентомъ и не видѣлъ бы академіи.

Для религіозно-настроеннаго М. В. Тихонравова изъ наукъ, порученныхъ главному наставнику средняго отдѣленія семинаріи, правилась болѣе всего патрологія. „Не по мнѣ эта наука“, говорилъ онъ мнѣ, преподавая намъ логику, и не особенно правилась ему и психологія. „Другое дѣло (говорилъ онъ) патрологія. Въ этой наукѣ я сытости не находилъ“. По мнѣ не пришлось слушать отъ него уроки по этой наукѣ, въ которой онъ сытости не находилъ. Въ первый же годъ моего пребыванія въ среднемъ отдѣленіи, по представле-

пію ректора Евѣмїя, переведенъ онъ былъ въ первое высшее отдѣленіе семинаріи помощникомъ ректора по преподаванію богословскихъ наукъ. Здѣсь для него открылась родная близкая ему, сфера, и онъ съ увлеченіемъ предавался занятіямъ богословскими предметами, и съ увлеченіемъ читалъ свои уроки, правившіеся его слушателямъ. Мы, его ученики по второму среднему отдѣленію, желали попасть въ его отдѣленіе, по переходѣ на богословскій классъ. Но онъ скончался предъ самою вакаціею въ тотъ годъ, когда мы окончивали философскій курсъ, и мы такимъ образомъ лишены были удовольствія слушать его увлекательные уроки по богословію.

Преемникомъ М. В. Тихонравова, по преподаванію главныхъ предметовъ средняго отдѣленія, былъ Димитрій Оедоровичъ Доброхотовъ, окончившій курсъ въ Московской Академіи со степенью магистра въ 1848 году. Всѣ признавали его умъ и дарованія; всѣ признавали его, какъ М. В. Тихонравова, весьма желательнымъ человѣкомъ. Но у него не было такого усердія къ педагогическому дѣлу, какъ у его предшественника. Въ Исторіи Владимірской семинаріи ¹⁾ сказано, что онъ читалъ свои предметы краснорѣчиво и увлекательно. Какъ бывший ученикъ его, не могу подтвердить этого приговора. Какъ умный и даровитый человѣкъ, онъ, конечно, могъ бы прекрасно выполнять свое дѣло. Но онъ мало прилагалъ стараній къ тому, къ урокамъ никогда не готовился и скупъ былъ на разъясненія уроковъ въ классѣ. Мы слышали отъ него замѣчанія, и замѣчанія всегда дѣльные; но они вырывались у него какъ-то случайно. Съ перваго появленія его въ семинарію у насъ ходилъ слухъ, что онъ хочетъ поступить на гражданскую службу въ какое-то министерство, и имѣетъ сильныхъ покровителей, которые обѣщаютъ ему блестящую карьеру. Этимъ мы объясняли то, что онъ не относится къ своему дѣлу съ такимъ горячимъ усердіемъ, съ какимъ относятся другіе новички-наставники. Онъ дѣйствительно скоро вышелъ изъ семинаріи, прослуживъ въ ней около двухъ лѣтъ, и опредѣленъ былъ на гражданскую службу чиновникомъ особыхъ порученій при Главноуправляющемъ путями сообщенія и публичными зданіями. При его талантности можно было ожидать, что онъ быстро пойдетъ вверхъ по бюрократической чиновничьей лѣстницѣ. Но недолго пришлось служить ему: онъ скоро скончался по оставленіи службы въ семинаріи.

¹⁾ Вып. 11.262.

Тяготился онъ чтеніемъ ученическихъ сочиненій и не любилъ, чтобы подавали ему большія сочиненія. Разъ или два я подавалъ сочиненіе, писанное на данную или философскую тему, въ пять листовъ. Принявъ это сочиненіе, онъ, не пересмотрѣвъ и не перелистовавъ его, отдалъ мнѣ его тотчасъ же назадъ, приказавъ мнѣ все, тутъ написанное, сокращенно изложить на полулистѣ. Послѣ, въ видѣ извиненія, онъ говорилъ мнѣ, что онъ потому не терпитъ большихъ сочиненій, что, когда подавались они ему, въ нихъ всегда находилось много лишняго, а это служило къ умаленію достоинства сочиненія. Нужно писать кратко; вредно распыляться въ многоглаголаніи. Между тѣмъ его собственныя сочиненія, писанныя въ Академіи, попадавшія на руки семинаристовъ, были очень обширны. На этотъ разъ могла имѣть приложеніе латинская пословица: *Quod licet Jovi, non licet bovi*.

Очень красивый собой, всегда чисто одѣтый, съ изящными манерами, Дм. О. Доброхотовъ очень правился свѣтскому обществу и имѣлъ большой успѣхъ въ немъ. Въ праздничные отпускные и вакаціальные дни онъ обыкновенно отправлялся въ Москву: говорили, что онъ принятъ въ аристократическомъ семействѣ, которое побуждаетъ его перемѣнить семинарскую службу на новую гражданскую, и общается ему въ этомъ свое содѣйствіе.

Къ ученикамъ онъ относился въ высшей степени деликатно, никогда не позволялъ себѣ никакого рѣзкаго обиднаго слова, хотя иной разъ безтактность того или другого ученика могла вызвать его на строгій выговоръ. Въ классѣ онъ допускалъ иногда фамиллярныя бесѣды съ учениками, не нарушая притомъ приличнаго авторитетнаго тона наставника. Мы цѣнили его благородный характеръ и уважали его.

Проф. *Василій Пъвницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 22-го сентября 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Годъ

Л

Руководство

для

Сельскихъ пастырей

Выходитъ еженедѣльно.

Цѣна годовому изданію на шестъ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей.

№ 40.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года октября 4-го дня.

Содержаніе: I. Задачи миссіонерства, вызываемыя потребностями нашего времени. Прот. Вас. Говоровъ. — II. Пій X-й. (Окончаніе). В. Поповъ. — III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. Вас. Пѣвницкій.

Задачи миссіонерства, вызываемыя потребностями нашего времени.

Манифестъ 17 апрѣля 1905 года о свободѣ вѣроисповѣданія полагаетъ начало новой эры въ исторіи нашей внутренней миссіи. Вѣроисповѣдныи законъ служитъ какъ бы гранью между прошедшимъ вообще въ исторіи Русской Церкви и настоящимъ, потому что съ этого времени Русская Церковь, бывшая раньше подъ опекою гражданской власти, предоставляется самой себѣ въ дѣлѣ миссіонерскомъ, т. е. въ дѣлѣ охраненія и усовершенствованія своихъ чадъ въ истинахъ вѣры и благочестія; а расколь и сектантство получили возможность устроить свою церковную жизнь на новыхъ началахъ религіозной свободы, воспользовавшись при этомъ благоприятными условіями для борьбы съ православіемъ, — тѣми

условіями, которыя создались закономъ 17 октября 1906 года объ устройствѣ церковныхъ общинъ. Отсюда вся постановка нашей внутренней миссіи должна совершенно измѣниться, миссіа должна быть поставлена на новыхъ правовыхъ и бытовыхъ началахъ.

Въ миссіонерскомъ отношеніи вѣроисповѣдный законъ важенъ потому, что онъ характеризуетъ переживаемую нами эпоху. Начало же этой эпохи надо полагать нѣсколько раньше. Въ русскомъ передовомъ обществѣ съ конца прошлаго столѣтія постепенно зрѣла мысль, что репрессивныя мѣры въ дѣлѣ миссіонерскомъ не даютъ благихъ результатовъ, что расколъ и сектантство пробиваютъ себѣ къ русскому народу дорогу уже не окольную, а прямую, что ограничительные законы противъ того и другого и правительственное содѣйствіе Церкви въ борьбѣ съ религіозными заблужденіями— мѣры палліативныя и временныя, терпимыя лишь дотолѣ, пока само христіанское общество, проникшись евангельскими истинами, не сознаетъ себя способнымъ ограждать себя отъ внѣшнихъ враговъ собственными силами. Одновременно росло также сознаніе, что расколо-сектантство есть религіозное заблужденіе на пути къ исканію истины тѣхъ людей, которые не знаютъ православной вѣры, что это болѣзнь духовная, и излѣчить ее можно не временными мѣрами, предпринимаемыми спеціальными миссіонерами и миссіонерскими учрежденіями, а болѣе радикальными, при помощи систематическаго усвоенія вѣрующими евангельскихъ истинъ и примѣненія ихъ на практикѣ.

Не такъ давно, еще на нашей памяти православные пастыри терпѣли отъ волостныхъ писарей и мировыхъ посредниковъ стѣсненія въ правѣ трудиться на пользу народнаго образованія въ виду того, что духовенство якобы распространяетъ суевѣріе. Нерѣдко оно совсѣмъ устранялось отъ просвѣтительной дѣятельности среди народа. Тѣмъ временемъ лютеранскіе пасторы свободно прилагали свое усердіе къ

просвѣщенію русскихъ. Трудами ихъ и насаждена штунда среди простаго народа.

Ө. М. Достоевскій такъ описываетъ распространеніе у насъ штунды. „Секта распространяется въ Херсонской губ. насторомъ съ фанатической быстротой, переходитъ и въ другія губерніи. Сектанты измѣнили образъ жизни, не пьянствуютъ. Новообращенные такъ разсуждаютъ: „У нихъ, т. е. у штундистовъ, потому хорошо и потому они такъ честно и благообразно живутъ, что нѣтъ постовъ...“ „Логика, говоритъ Достоевскій, мизерная, но какой-то есть смыслъ, особенно если смотрѣть на постъ, какъ на одинъ лишь обрядъ. Да откуда бѣдный человѣкъ могъ бы узнать спасительную, глубокую цѣль поста? Да онъ и всю свою вѣру знаетъ, какъ одинъ лишь обрядъ. Значить, противъ обряда и протестуетъ.“

Но почему онъ такъ вдругъ сталъ протестовать? Гдѣ причина, его подвинувшая?—Причина общая та, что возсіялъ ему свѣтъ новой жизни съ 19 февраля... Главное,—правды захотѣлось, правды во что бы то ни стало, даже жертвуя всѣмъ, что было до сихъ поръ ему свято. Потому что никакимъ развратомъ, никакимъ давленіемъ и уничтоженіемъ не истребить, не искоренить въ сердцѣ народа нашего жажду правды... Въ этомъ явленіи можетъ заключаться какъ бы нѣчто пророческое... Ну, что если нѣчто подобное развернется по всей Руси? Что если весь народъ вдругъ скажетъ себѣ, разглядѣвъ свою нищету: не хочу безобразія, не хочу пить вина, а хочу правды и страха Божія? Что возжаждетъ онъ правды, въ томъ, конечно, явленіе отрадное. А между тѣмъ вмѣсто правды можетъ выйти чрезвычайная ложь, какъ у штундистовъ.

Ну, какой же, въ самомъ дѣлѣ, нашъ народъ протестантъ и какой онъ нѣмецъ? И къ чему ему учиться по-нѣмецки, чтобы пѣть псалмы? И не заключается ли все, чего онъ ищетъ,—въ православіи? Не въ немъ ли одномъ и правда и спасеніе народа русскаго, а въ будущихъ вѣкахъ и всего

человѣчества?.. Да, но покаместъ это сбудется, пасторъ-то вотъ всталъ пораньше, съ первыми птицами, да и пришелъ къ народу, чтобы сказать ему правду—православную правду. Но народъ нашъ пошелъ за пасторомъ, а не за православіемъ,—не изъ благодарности только, а за то, что отъ него первую правду увидѣлъ. Ну, и вышло, что „у него хорошо потому, что постовъ нѣтъ“. „А что же наши священники? Что объ нихъ слышно?—А наши священники тоже, говорятъ, просыпаются.—Духовное наше сословіе, говорятъ, давно уже начало обнаруживать признаки жизни. Съ умиленіемъ читаемъ мы назиданія владыкъ по церквамъ своимъ о проповѣдничествѣ и благообразномъ житіи. Наши пастыри рѣшительно принимаютъ за сочиненіе проповѣдей и готовятся произнести ихъ. Поспѣютъ ли только въ время? Поспѣютъ ли проснуться съ первыми птицами? Пасторъ-то все-таки птица иная, залетная, и гарантированъ иначе. Да и служба совсѣмъ другая, начальство и пр...“ (Т. IX, стр. 237—241).

Мы привели эту цитату, потому что здѣсь изображается сектантская дѣятельность нашихъ дней; только оно успѣло уже осложниться: нынѣ не пасторы только проповѣдуютъ русскимъ о правдѣ Божіей, а всѣ покорные слуги ихъ, имъ же имя „легионъ“. Въ то время, какъ пастырей Церкви не допускали учить своихъ чадъ, и чада находились подъ гражданскою опекою, являлись враги и сѣяли на нашемъ невоздѣланномъ полѣ сѣмя полными горстями. Времени утеряно много, и теперь потребно большое напряженіе всѣхъ силъ, какія только можно призвать къ миссіи, чтобы назначеніе ея можно было выполнить.

Переживаемое нами время, характеризуется быстрымъ культурнымъ движеніемъ во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ; захватило оно и религіозную жизнь. Параллельно съ этимъ поднимается протестъ противъ настоящихъ формъ церковной жизни и несовершенствъ христіанскаго общества, У однихъ этотъ протестъ проявляется въ добрыхъ начинаніяхъ, на началахъ любви, въ родѣ учрежденія „Крестовоздвиженскаго

Трудового Братства“ Н. Н. Неплюева; у другихъ онъ выражается полнымъ равнодушіемъ къ существующему укладу церковной жизни, какъ у интеллигентовъ; у третьихъ—въ усиленной пропагандѣ вѣроученія „евангелическихъ христіанъ“, т. е. штундистовъ. Общій характеръ всѣхъ этихъ протестовъ—нѣмецкая тенденція и полное непониманіе православія. Протестъ „евангелическихъ христіанъ“, обнимаетъ самый широкій кругъ людей и принимаетъ въ послѣдніе дни обостренное, боевое положеніе по отношенію къ православію. Штундисты составляютъ нынѣ сплоченную, организованную массу. На почвѣ закона они устраиваютъ всероссійскіе съѣзды въ разныхъ мѣстахъ. Составляются проекты „уставовъ союза евангелическихъ христіанъ“, какъ, напр., въ Харьковѣ. Задачею союза здѣсь служатъ—учрежденіе школъ, изданіе книгъ и брошюръ, духовно-нравственныхъ газетъ, чтеніе докладовъ, рефератовъ, взаимныя дружескія увѣщанія, нравственная и матеріальная поддержка, учрежденіе больницъ, сберегательныхъ кассъ, мастерскихъ, магазиновъ, столовыхъ и особенно развитіе благотворительной дѣятельности, какъ лучшаго рычага успѣшной пропаганды.

Эти проекты не остаются на бумагѣ, они систематически осуществляются на практикѣ. Какъ свидѣлствуютъ спеціальныя миссіонеры и какъ сами мы видимъ всюду, штундисты сплотили цѣлыя кадры миссіонеровъ, завели пѣвческіе хоры, школы, молитвенные дома, создали большую сектантскую литературу, научную и простонародную и т. д. Сектантскіе брошюры и листы разносятся иногда нищими; штундисты придумали особаго рода календари съ картиною пастыря, спасающаго овцу, съ подписью „семейный другъ“; на оборотной сторонѣ ежедневнаго листка отпечатаны выдержки изъ св. Писанія съ тенденціозными объясненіями. Особенное вниманіе обращено штундистами на „пѣвческія собранія“, на которыхъ разучиваются „псалмы“ и „духовныя стихотворенія“, употребляющіеся на молитвенныхъ собраніяхъ и въ до-

машнемъ быту. Организованы также разъѣздные хоры, которые сопровождаютъ штундистскихъ миссіонеровъ и своимъ стройнымъ пѣніемъ сильно вліяютъ на чувства вѣрующихъ.

Такое же оживленіе обнаруживается и у старообрядцевъ. Оказательство раскола всюду свободное, совершаются крестные ходы, собираются съѣзды. Дѣятельность раскола нѣсколько иного характера. Она выражается по преимуществу въ публичныхъ собесѣдованіяхъ. Старообрядцы привлекаютъ вѣрующихъ стойкостью своихъ убѣжденій и соотвѣтствующую практическую жизнь, зажиточностью, трудолюбіемъ и патрiархальностію семейнаго быта.

Проповѣдь вожаковъ штундистскихъ имѣетъ большое вліяніе на вѣрующихъ. Прежде всего надо отмѣтить то обстоятельство, что проповѣдники умѣютъ подойти къ душевному настроенію простаго, невѣжественнаго человѣка и вызвать интересъ къ слушанію проповѣди. Они созываютъ жаждущихъ Слова Божія въ просторныя аудиторіи, какъ въ Харьковѣ и Одессѣ, на главныхъ улицахъ; кромѣ того, сами заходятъ въ семейные дома, въ мастерскія, пекарни, въ столовыя и пр. и читаютъ Слово Божіе съ своими комментаріями. Особенно стараются появляться, на постоянное или временное жительство, въ глухихъ мѣстахъ, помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ нѣтъ ни храма, ни школы. Проповѣди сектантовъ, какъ имѣли случай мы сами лично убѣдиться, обнаруживаютъ духовную скудость и невѣжество ихъ, но для невѣжественныхъ слушателей эти недостатки незамѣтны. Напротивъ, проповѣдники имѣютъ успѣхъ, потому что и языкъ и примитивная мораль проповѣди вполне доступны простому человѣку; съ текста они прямо переходятъ къ простой морали, бьютъ на сердце вѣрующихъ, касаются самага больнаго мѣста въ жизни христіанъ православныхъ: пьянства, сквернословія и пр.; въ догматическія толкованія они не входятъ, потому что не въ состояніи этого дѣлать, да и слушатели къ тому не способны. Это живая и, большею частью, импровизированная проповѣдь привлекаетъ слушателей; почему рабо-

чіе въ тѣ часы, когда совершается Божественная Литургія, и посѣщаютъ штундистскія собранія. Послѣ прослушанія ряда проповѣдей слушатели дѣлаются послѣдователями секты. На вопросъ приходскаго священника, зачѣмъ ходятъ въ собранія,—простодушные отвѣчаютъ: „тамъ ничего дурного не говорятъ“.

Съ особенною интенсивностью проповѣдническая дѣятельность расколо-сектантскихъ вожаковъ проявляется въ послѣдніе 2—3 года; она проявлялась и раньше, но не была она такъ замѣтна и совершалась втайнѣ, теперь же открыто, дерзновенно, на почвѣ закона, съ явнымъ ущербомъ для православія и съ поруганіемъ надъ нимъ. Миссіонеръ Айвазовъ въ отчетѣ своемъ по Харьковской епархіи („Миссіонерское Обзор.“, сент. 1907) приводитъ слова одного священника С. А. о пропагандѣ сектантской: „Подъ вліяніемъ пропаганды хлыстовъ и штундистовъ, говоритъ этотъ священникъ, въ слободѣ К. среди православнаго населенія въ приходѣ развить крайній индиферентизмъ къ церкви. Какъ на фактъ, характеризующій отношеніе православныхъ къ богослуженію, долженъ указать на то, что въ праздникъ Преображенія Господня въ храмѣ было не болѣе 70 душъ. Глушленія, насмѣшки и издѣвательства надъ причтомъ сдѣлались самымъ обычнымъ явленіемъ въ приходѣ“. Это не единичное явленіе и составляетъ характерную черту послѣдователей расколо-сектантства, какъ людей невѣжественныхъ.

Общая оживленная дѣятельность расколо-сектантства и составляетъ ту особеннность нашего времени, которая ставитъ нашей внутренней миссіи особенныя исключительныя задачи.

Кромѣ проповѣди, оживленіе обнаруживается въ богослужебной практикѣ и вообще въ практической жизни расколо-сектантства. Миссіонеры говорятъ (Айвазовъ), что большинство совращеній православныхъ въ штунду произошло именно благодаря штундовымъ общественнымъ богомоленіямъ. Это вѣрно особенно относительно тѣхъ захолустныхъ мѣстъ,

гдѣ нѣтъ ни храма, ни школы. Здѣсь православные идутъ въ воскресные дни на сектантскія богомоленія отъ скуки. Сектантское богомоленіе производитъ впечатлѣніе на нихъ строгостію общаго пѣнія, удобопонятностью его содержанія и строгою дисциплиною; вѣрующимъ пріятно принимать активное участіе въ хоровомъ пѣніи; въ увлеченіи этой стороной они не замѣчаютъ безмысленныхъ дѣйствій, въ родѣ верченій и пр., незамѣтно для себя дѣлаются послѣдователями секты. А когда это совершится,—сектантская дисциплина дѣлаетъ ихъ точными исполнителями всего вѣроученія и пропагандистами его. Штундовые „пресвитеры“ нерѣдко прибѣгаютъ и къ дисциплинарнымъ мѣрамъ для пропаганды; напр., не допускаютъ до крещенія, а тѣмъ болѣе до чаши тѣхъ штундистовъ, въ семьѣ которыхъ еще остаются православные члены. Такой способъ пропаганды сектантской не только сопровождается большимъ успѣхомъ, но еще выработаетъ изъ рядового сектанта миссіонера.

Расколо-сектантство численно увеличивается естественнымъ приростомъ. Въ одной епархіи сдѣланъ статистическій подсчетъ раскольниковъ за 25 лѣтъ. За это время, если вѣрить отчетамъ, обращается изъ раскола въ православіе 0,21%, а приростъ раскольническаго населенія выражается въ 1,32%, слѣдовательно, одинъ обращается, а 6—7 рождается.

Ряды расколо-сектантства пополняются еще незаконнымъ усыновленіемъ. Берутъ дѣтей бѣдныхъ родителей или подкидышей, вписываютъ ихъ въ свои паспорта, воспитываютъ ихъ въ своей вѣрѣ, а затѣмъ дѣлаютъ ихъ миссіонерами въ разныхъ мѣстахъ. Такіе примѣры теперь учащаются.

Что касается бытовой стороны расколо-сектантства, то она особенно привлекаетъ православныхъ простецовъ. Ихъ привлекаетъ трезвая, степенная и трудовая жизнь сектантовъ. Другая сторона ихъ жизни—ненависть и нетерпимость къ людямъ иной вѣры съ ними, ненависть, доходящая до изувѣрства, до причиненія вреда ближнему или его имуществу,—

прикрывается внѣшнимъ благочестіемъ, и прозелитизмъ растеть.

Въ ряду причинъ современнаго развитія у насъ расколо-сектантства мы подчеркиваемъ религіозное невѣжество русскаго народа. Религіозное невѣжество присуще не только простому классу, но и интеллигенціи. Отсюда слѣдуетъ равнодушіе къ вѣрѣ по преимуществу послѣднихъ и исканіе истины простымъ народомъ тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Поиски истины по разнымъ дебрямъ вѣроученій однихъ и равнодушіе другихъ продолжается до тѣхъ поръ среди русскихъ, пока не прольется свѣтъ Христовъ въ духъ ученія Православной Церкви во всѣ слои общества—и высшаго и низшаго. Сила расколо-сектантства заключается въ стройной организаціи внѣшней борьбы. Съ этой силой справиться можно, хотя съ большимъ напряженіемъ. Необходимо только выяснитъ положеніе и сущность миссіонерскаго дѣла, выяснитъ задачи его, необходимо знать противныя силы и мѣры успѣшной борьбы съ этими силами. Это мы по мѣрѣ возможности и постараемся сдѣлать.

Протоіерей *Димитрій Говоровъ*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пій Х-й.

(Окончаніе¹⁾).

Коснемся образа жизни папы: онъ наиболѣе рельефно обозначить его внутренней обликъ. Съ самаго Саланцо (мѣсто перваго служенія нынѣшняго папы въ санѣ священника) Пій Х-й встаетъ очень рано: въ Саланцо бывали случаи, когда Сарто открывалъ самъ двери храма, стараясь не беспокоить привратника; будучи епископомъ, Сарто въ разговорѣ съ однимъ изъ лицъ указалъ на то, что онъ считаетъ

¹⁾ См. № 5-й за 1909-й г.

для себя достаточнымъ употребить на сонъ четыре часа — Около 5 часовъ утра въ спальную комнату папы входитъ его личный адъютантъ, чтобы разбудить папу, но послѣдній настолько привыкъ пробуждаться въ „свое время“, что адъютантъ большей частью застаётъ папу уже проснувшимся и нерѣдко вставшимъ съ постели и читающимъ бревіарій. Въ 6 часовъ папа читаетъ мессу въ своей скромной маленькой церкви съ незатѣйливой и небогатой утварью; обычай служить ежедневно утромъ мессу для папъ сдѣлался закономъ, отъ котораго онъ не отступаетъ. Въ сослуженіи съ папой принимаетъ участіе его личные секретари Bressan и Pescini. По окончаніи мессы и нѣсколькихъ минутъ личныхъ молитвъ папа приступаетъ къ завтраку, обычно состоящему изъ чашки кофе съ молокомъ и масла. Если бываетъ хорошая погода, и голосъ папы не обнаруживаетъ признаковъ усталости и хрипоты, то папа выходитъ на прогулку въ свой садъ; прогулка продолжается обычно не менѣе пол-часа и не больше часа. Затѣмъ папа возвращается въ свои покои, тогда уже статсъ-секретарь кардиналъ Merry del Val при разборкѣ корреспонденціи бесѣдуетъ съ папой о дѣлахъ. Послѣ девяти часовъ начинаются у папы частныя аудіенціи. Наблюдавшій аудіенціи описываетъ такую картину пріемовъ: въ первую очередь къ папѣ допускаются римскія знатныя фамиліи; ихъ смѣняетъ цѣлая группа напудренныхъ и надушенныхъ французскихъ дамъ, которыя бесѣдуютъ на взволнованную западно-католическій міръ тему о Комбѣ; въ концѣ бесѣды у папы испрашивается бесѣдовавшими благословеніе для нихъ лично, для ихъ семей, друзей и знакомыхъ даже до семи поколѣній. Затѣмъ слѣдовали американцы, которыхъ бываетъ въ Римѣ очень много между ноябремъ и маемъ; всѣ они одѣты въ черные сюртуки; сбивающимся языкомъ, обнаруживающимъ нетвердое знаніе латини, они произносятъ извиненія и, по данному намеку куратора объ окончаніи аудіенціи, быстро вынимаютъ каждый изъ своего кармана фотографію папы, прося послѣдняго сдѣлать надпись. За

ушедшими тянется рядъ еще посѣтителей съ своими просьбами и докладами и больше всего епископы, всѣхъ расъ и границъ: изъ Рима, Бразиліи, Китая, Южной Африки и Австраліи. Не въ примѣръ Льву XIII Пій X-й принимаетъ и не христіанъ. Въ одинъ изъ первыхъ моментовъ своей дѣятельности папа принялъ проф. Палаццо изъ Падуи. Характерны въ данномъ случаѣ нѣкоторыя частности. На просьбу объ аудіенціи со стороны профессора папѣ докладываютъ, что Палаццо израильтянинъ. Папа распорядился допустить Палаццо, замѣтивъ впрочемъ, что о немъ говорилъ много хорошаго падуанскій епископъ. Вообще нужно сказать, что папа Пій X-й питаетъ довѣріе и симпатію къ евреямъ, что объясняется его личнымъ знакомствомъ съ ними во время служенія въ Мантуѣ въ санѣ епископа. Папа находился въ дружественныхъ отношеніяхъ со многими еврейскими семействами. Рассказываютъ, что на одномъ изъ пріемовъ у Льва XIII епископъ Сарто, будучи спрошенъ, „каковы христіане въ Мантуѣ“, отвѣтилъ: Ваше Святительство! лучшіе христіанѣ въ Мантуѣ—іудеи.

Предъ полуднемъ папа позволяетъ себѣ маленькій перерывъ и подкрѣпленіе: онъ съѣдаетъ два не круто сваренныхъ яйца и выпиваетъ нѣсколько глотковъ вина. Ровно въ 12 ч. папа кончаетъ пріемъ посѣтителей, всегда почти съ математической точностью, и садится за обѣдъ. И въ „обѣденномъ“ этикетѣ Пій X-й не придерживается традицій. Со времени Урбана VIII папы держались строгого обычая обѣдать безъ постороннихъ лицъ. Папа Левъ XIII-й строго держался этого обычая, Пій же X-й уже на первыхъ порахъ своего понтификатства пригласилъ съ собой обѣдать своего секретаря монсиньора Bressan. Сначала въ Ватиканѣ это обстоятельство объясняли незнаніемъ папою правилъ этикета, и когда церемоніймейстеръ имѣлъ смѣлость напомнить папѣ обычай, Пій X-й постарался лишь справиться, отъ кого онъ ведетъ начало. Нерѣдко папа въ настоящее время приглашаетъ къ своему столу, особенно въ праздники, своихъ

сестеръ, родственниковъ, епископовъ и старыхъ друзей. Подобную привычку Пій X-го нельзя объяснить только общительностью папы: она покоится безспорно и на гигиеническихъ соображеніяхъ: Пій X-й имѣетъ навѣкъ привычку ѣсть очень скоро, что вредно отзывается на пищеварительныхъ функцияхъ его желудка. Желая исполнить совѣты врачей и сохранить свое здоровье, папа и приглашаетъ къ своему столу болѣе близкихъ и знакомыхъ гостей съ цѣлью имѣть возможность обмѣниваться разговорами и тѣмъ давать возможность дольше продолжать столъ. Если раньше папскій столъ отличался необыкновенною пышностью и роскошью, а количество блюдъ доходило до невѣроятной цифры, то теперь Пій X-й и въ этомъ отношеніи выдѣляется своей скромностью и непритязательностью. Когда папа узналъ, что для приготовленія ему пиши въ Ватиканѣ имѣются семь поваровъ, то воскликнулъ: „какъ это можно! семь поваровъ, чтобы сварить мнѣ кашлю супа“ (um mir ein bißchen Suppe zu kochen). Вкусъ у папы непритязательный: его блюдомъ въ дѣтствѣ и юности были—вареное мясо, сыръ и фрукты; въ настоящее время папа любитъ зелень, овощи, рыбу и дичь съ ячневой крупой (polenta) и жаркое изъ печени. Когда бываютъ гости, то подаютъ артишоки и вядчину. Нѣкоторые изъ бывшихъ на обѣдѣ заявляютъ о простотѣ пиши папы, упоминая о рисѣ, горохѣ, рыбѣ съ зеленью, сырѣ, фруктахъ и кофе. Будучи патриархомъ Венеціи, Сарто приглашалъ къ своему столу иногда и крестьянъ. За обѣдомъ папа любитъ и вино и съ удовольствіемъ нерѣдко вспоминаетъ, какъ столѣтнее венгерское, которое Францъ-Иосифъ прислалъ еще его предшественнику Льву XIII, однажды воскресило его силы и сбросило съ плечъ цѣлыхъ 20 лѣтъ. Не любитъ Пій X-й и многочисленнаго штата слугъ, который прислуживалъ бы за столомъ и стоялъ сзади обѣдающихъ. Послѣ обѣда папа прежде имѣлъ привычку еще посидѣть за столомъ нѣкоторое время и покурить; въ этомъ случаѣ папа любилъ тосканскія сигары и „демократическій“ табакъ; о послѣднемъ онъ обыч-

но говорилъ: „Хоть меньше стоять, да больше пахнетъ“. Въ настоящее время, хотя Пій X-й и воздерживается отъ куренія, въ видахъ сохраненія здоровья, однако очень любить табачный дымъ. Одно изъ лицъ (Санфермо—викарій Сарто по Венеціи) рассказывало, что папа на позволеніе покурить (папа былъ патріархомъ Венеціи) послѣ стола, всегда охотно не только давалъ разрѣшеніе на просьбу, но и выражалъ по этому поводу свое удовольствіе.

По окончаніи обѣда, если на очереди стоятъ какія-либо важныя и срочныя дѣла, папа занимается съ статсъ-секретаремъ, если же такихъ дѣлъ не бываетъ, то работаетъ съ своими личными секретарями (Bressan и Pescini).

Затѣмъ бываютъ такъ называемыя коллективныя аудіенціи. При предшественникѣ Пія X-го онѣ устраивались очень торжественно и по строго соблюдаемымъ правиламъ церемоніала. Церемоніймейстеръ объявлялъ мужчинамъ, чтобы они были въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, а дамы въ въ черныхъ платьяхъ и темныхъ вуаляхъ. При этомъ самъ папа выходилъ на эти аудіенціи очень пышно, въ сопровожденіи кардиналовъ, одѣтыхъ въ богатыя одежды вооруженныхъ тѣлохранителей; самый же выходъ сопровождался стройнымъ пѣніемъ Сиктинской капеллы. Нынѣшній папа Пій X-й не придерживается прежняго церемоніала; къ коллективнымъ аудіенціямъ допускаются посѣтители въ разныхъ костюмахъ, такъ что эти аудіенціи со стороны пестроты одежды представляютъ очень любопытную и интересную картину. Къ коллективнымъ аудіенціямъ допускаются преимущественно иностранцы. Всѣ допущенные къ аудіенціи идутъ въ особую огромную залу и становятся въ два ряда, напряженно поглядывая на дверь слѣва, откуда чрезъ извѣстный промежутокъ времени выходитъ папа. Папа выходитъ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ прелатовъ. Какъ только онъ приблизится къ ожидающимъ, послѣдніе становятся на колѣни; причемъ наиболѣе близко стоящіе къ папѣ и благочестивые цѣлуютъ ему руку. Папа идетъ обычно улыбаясь и склоняя голову на-

право; съ тѣми, которыхъ представляетъ папѣ архіепископъ, папа бесѣдуетъ. Такимъ образомъ онъ проходитъ весь рядъ желающихъ его видѣть. Нѣкоторые преподносятъ ему адреса; папа просматриваетъ ихъ, благодаритъ подносящихъ, обычно по-итальянски, и передаетъ подношеніе одному изъ прелатовъ. Потомъ папа снова проходитъ рядъ, преподавая общее благословеніе, причемъ въ этотъ моментъ нѣкоторые изъ присутствующихъ протягиваютъ вѣнки и амулеты, чтобы послѣ чрезъ ихъ, какъ внѣшніе знаки папскаго благословенія, имѣть возможность преподать апостольскую благодать и своимъ друзьямъ и знакомымъ. Папа быстро направляется въ дверь, и аудіенція оканчивается.

Послѣ аудіенціи папа, если погода хорошая, отправляется на прогулку, приглашая съ собой очень часто Bressan'a, если же погода неблагоприятная для прогулки, то папа или прохаживается по комнатамъ Ватикана, или отправляется въ свою рабочую комнату. Въ послѣдней папа занимается дѣлами обычно до 9 часовъ. Въ девять часовъ папа ужинаетъ; меню состоитъ обыкновенно изъ супа, мясного блюда, сыра и фруктовъ. Иногда папа довольствуется болѣе легкою пищею, ограничиваясь салатомъ и двумя некруто сваренными яйцами.

Когда папа былъ венеціанскимъ патріархомъ, то, по окончаніи ужина, распоряжался быстро собирать со стола и любилъ вечерокъ провести за картами. Къ этому времени приходили къ Сарту знатные близко знакомые изъ венеціанцевъ, и папа съ удовольствіемъ въ интимномъ кругу проводилъ время за „зеленымъ сукномъ“. Любимыми играми Сарты были или *tresette* или *scopone*; особенно искуснымъ папа считался въ послѣдней игрѣ. Въ настоящее время папа, въ силу своего положенія, не можетъ разрѣшать себѣ прежняго удовольствія; впрочемъ, при таинственности и секретности жизни Ватикана на этотъ счетъ сказать достовѣрное что-либо довольно трудно. Большею частью папа по окончаніи ужина отправляется въ свою спальную комнату и, за рѣдкими

исключеніями, старается въ 10¹/₂ часовъ быть уже въ постели.

На основаніи указанныхъ фактовъ первыхъ шаговъ Пія X-го и образа его жизни вполне можно назвать справедливымъ сужденіе о папѣ, какъ человѣкѣ скромномъ, нетребовательномъ, добромъ и простомъ. Въ его поведеніи, нѣтъ и тѣни того, что напоминало бы намъ величіе Николая I-го, Григорія VII, Иннокентія III и Льва XIII; въ его образѣ жизни нѣтъ и сотой доли того, что бы дѣлало современный Ватиканъ подобнымъ строю жизни папъ эпохи авиньонскаго плѣненія и расцвѣта ренессанса. Современныя условія жизни и характеръ Пія X-го дѣлаютъ даже какъ бы невѣроятными прошедшія картины теократическаго господства папства и его универсальнаго всевластія. Знаменитая историческая „Каносса“ кажется не былью, а какимъ-то далекимъ легендарнымъ сказаніемъ. Идея папизма прошла уже свои стадіи развитія. Однако было бы ошибочнымъ судить о папѣ по его внѣшнимъ дѣйствіямъ и строго обыденной регулярной жизни. Мы, думаемъ, не ошибемся, если назовемъ папу практически-умнымъ человѣкомъ, скрывающимъ подъ своей внѣшней простотой свою внутреннюю политику. Папа Пій X-й—прямой представитель основной идеи, лежащей въ понятіи папизма, какъ характернаго элемента западнаго христіанства; только эта идея или точнѣе ея защита скрывается подъ новыми формами. Каносса, можно думать, прошла безвозвратно. *Папа Пій X-й въ своей простотѣ и подъ ея покровомъ защищаетъ тѣ же традиціи папизма.*

Истинно апостольскаго, новаго для католицизма у папы, современнаго намъ, такъ же, какъ и у его знаменитыхъ предшественниковъ, нѣтъ. Ручательствомъ и оправданіемъ высказанной мысли служить та законодательная дѣятельность папы, когда онъ проявляетъ себя не какъ частное лицо, а какъ представителя Церкви. Дѣятельность Пія X-го, какъ преемника Петра, достаточно сказала въ пятнадцатое его

управленіе римско-католическимъ міромъ. Мы остановимся на болѣе выдающихся стадіяхъ понтификатства Пія X-го.

Съ чувствомъ глубокаго интереса западно-европейская пресса прислушивалась къ Ватикану въ 1903 г., когда уже мѣсто Льва XIII-го занялъ Пій X-й, но Ватиканъ былъ молчаливъ и спокоенъ. Папа въ теченіе цѣлаго мѣсяца не произнесъ ни одной публичной рѣчи, не высказалъ ни одной мысли о своихъ намѣреніяхъ и планахъ. Напрасно представители печати интервьюировали прелатовъ и кардиналовъ, — Ватиканъ молчалъ о своихъ планахъ. Нарождались разнаго рода предположенія, досужіе слухи и анекдоты. Когда Пію было сказано однимъ изъ близкихъ лицъ, что свѣтъ интересуется тѣмъ, что дѣлаетъ папа, то послѣдній отвѣтилъ: „скажите, что папа молится“. По мнѣнію папы, такой отвѣтъ долженъ былъ удовлетворить всѣхъ любопытныхъ и указать имъ на то, въ чемъ заключается главная миссія апостольскаго служенія. Однако, такой отвѣтъ не могъ удовлетворить большинства, которое хотѣло видѣть болѣе оцутительныя данныя и извѣстную опредѣленную программу. Но вотъ, наконецъ, вечеромъ, 3-го октября 1903 года, по улицамъ Рима продавцы газетъ особенно оживленно выкрикивали „Osservatore Romano“ — официальный органъ Ватикана. Это было первое печатное слово Пія X-го къ патріархамъ, примасамъ, архіепископамъ, епископамъ *racem et communionem cum apostolica sede habentibus*.

Энциклика была снабжена большимъ папскимъ гербомъ. Указывая своимъ соработникамъ на тяжелое и безотрадное состояніе общества, папа призываетъ ихъ *restaurare ognicosa in Christo* (*Instaurare omnia in Christo*). Эти слова легли въ основу содержанія всѣхъ частныхъ мыслей энциклики. Подчеркивалась здѣсь между прочимъ мысль о свободѣ и независимости церкви.

Впечатлѣніе отъ этой энциклики не было однообразно-опредѣленнымъ. Прогрессивныя органы печати не удовлетворялись программой папы и старались перевести папскій де-

визъ въ болѣе конкретную и приблизительно такую форму: идеаль папы мистической, папа будетъ служить мессы и бороться противъ пороковъ. Клерикальные органы истолковали девизъ папы по своему въ томъ смыслѣ, что папа имѣеть крѣпкую и горячую вѣру и будетъ защищать созданныя исторіей католицизма формы. Въ обществѣ были мнѣнія самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ; оптимисты ожидали наступленія религіозной весны, пессимисты и скептики не предвѣщали ничего хорошаго въ будущемъ. До папы доносились голоса критики энцикли, которая въ большинствѣ случаевъ стояла не на его сторонѣ, и это обстоятельство немало огорчало папу. Однако какой-либо систематической и интенсивной работы въ области реализаціи девиза „обновленія всего во Христѣ“ со стороны папы Пія X-го въ теченіе почти четырехъ лѣтъ мы не видимъ. Это относительное затишье было знаменательнымъ и зловѣщимъ. Курія во главѣ въ папой зорко слѣдила за новымъ теченіемъ богословской мысли въ римской церкви, которое не осталось незамѣченнымъ еще и для предшественника современнаго папы Льва XIII-го, и готовилась нанести ему смѣлый ударъ. Теченіе это извѣстно подъ именемъ модернизма, или новокатолицизма¹⁾. Хорошія стороны этого теченія, поскольку оно поставляетъ своей задачей сблизить религію съ жизнью и современной наукой, исходя изъ мысли о воспріятіи Божества и тайнъ христіанскаго откровенія внутреннимъ чувствомъ, кажется, могли бы служить лучшими союзниками намѣренія папы *instaurare omnia in Christo*. Но такимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Папа оказался прямымъ сыномъ окаменѣвшихъ формъ средневѣковой системы римскаго католичества. 3-го іюля 1907 г. издается декретъ „*Lamentabili*“, предметомъ кото-

¹⁾ Мы не останавливаемся подробно на этомъ теченіи, такъ какъ о немъ было не мало статей въ нашей духовной журналистикѣ. (Странички, Богословскій вѣстникъ, Церковный вѣстникъ, труды Кіевской дух. Академіи).

раго служить указаніе, довольно подробное, на errores modernistarum de ecclesia, revelatione, Christo, sacramentis. Это рѣшительное выступленіе повело къ болѣе открытому шагу—именно къ осужденію всего модернизма, какъ съ ногъ до головы системы заблужденій. 7-го сентб. 1907 года была обнародована энциклика Pascendi dominici gregis, имѣвшая въ виду именно цѣлостное и подробное осужденіе модернизма. Содержаніе ея хорошо извѣстно читающей публикѣ, такъ что нѣтъ нужды останавливаться на немъ; скажемъ лишь нѣсколько словъ о ея основныхъ положеніяхъ, имѣющихъ характеръ принципиальныхъ цѣлей. Сгущая краски въ формулировкѣ и оцѣнкѣ модернистскихъ положеній, энциклика стремится оставить непоколебимымъ весь окаменѣвшій организъмъ римско-католической церкви; вмѣсто мистицизма подчеркиваются права рационализма, ведущаго къ позитивизму въ религіи: Оома Аквинать трактуется тѣмъ же непогрѣшимымъ или, по крайней мѣрѣ, авторитетнымъ „докторомъ“ богословія. Право, предоставляемое рационалистическому методу въ его схоластической постановкѣ, лишаетъ христіанское богословіе даже критико-историческаго пути въ разработкѣ христіанской доктрины. Демократическая струя модернизма, имѣющая въ виду создать живой организъмъ въ полномъ смыслѣ слова, а не одну іерхическую церковь, нашла въ энцикликѣ такъ же для себя преграду. Словомъ, папа своей энцикликой Pascendi имѣлъ въ виду оградить status quo римско-католической церкви непроходимой стѣной. Нельзя, конечно, оспаривать того, что модернизмъ имѣетъ свои крайности, но характерно то, что папа, желавшій instaurare omnia in Christo, не замѣтилъ хорошихъ его сторонъ, которыя могли бы оказать существенную услугу папѣ, если бы онъ дѣйствительно желалъ обновленія римской церкви.

Практическіе результаты энциклики Pascendi-connier—мѣры успокоенія взволновавшихся нелокорныхъ сыновъ.—Анагема, преслѣдованіе профессоровъ модернистовъ, закрытіе прогрессивныхъ богословскихъ журналовъ—вотъ оружіе, кото-

рымъ пользуется *curia romana* для подавленія модернизма. Въ отвѣтъ на энциклику папы послѣдовала антиэнциклика модернистовъ. Послѣдняя—характерное явленіе. Вскрытіе подтасовокъ энциклики и историческихъ погрѣшностей въ ней является серьезнымъ знаменемъ и для правовѣрныхъ католиковъ, принимающихъ „догматъ“ о непогрѣшимости папы.

Думаемъ, что папа отлично сознаетъ важный кризисъ римскаго католичества. Въ мысляхъ и разговорахъ о будущихъ судьбахъ церкви папа утѣшаетъ себя словами: „Богъ создалъ церковь, Онъ и сохранитъ ее“. Въ душѣ же все таки онъ переживаетъ безпокойство и тяжелыя страданія: онъ жалуется на то, что нѣтъ у него дѣятельныхъ работниковъ въ осуществленіи его плановъ, часто открыто говоритъ, что все идетъ плохо, и нерѣдко находитъ утѣшеніе въ слезахъ. Тяжесть современнаго положенія вещей и папской тиары проглядываетъ въ жизни папы въ очень разнообразныхъ формахъ. Папа томится Ватиканомъ и скучаетъ по Венеціи. При приемѣ одного изъ венеціанцевъ папа спросилъ: „ну, что новаго въ Венеціи“?—Ничего, Ваше Святѣйшество.—На это папа съ печальной улыбкой замѣтилъ: „счастливый городъ, въ немъ никогда не бываетъ ничего новаго!“

Итакъ, едвали можетъ подлежать сомнѣнію то, что Пій Х-й, при своей простотѣ и симпатичности чертъ личнаго характера, въ жизни церкви, какъ ея высшій представитель и глава, является прямымъ послѣдователемъ и выразителемъ подлиннаго духа началъ традиціоннаго западнаго католицизма: подкладкою девиза *instaurare omnia in Christo* въ дѣйствительности является не духъ Христа, а духъ историческаго условнаго преданія съ такими же условными, по оледенѣвшими формамп. Какъ бы изслѣдователи ни разгадывали генетическіе корни появленія энциклики *Pascendi*, и какія бы ни открывали стороннія вліянія, вдохновившія папу на такой шагъ, останется все-таки яснымъ то, что энциклика *Pascendi*—энциклика папы Пія Х-го. Она одна уже даетъ видное мѣсто Пію Х-му въ цѣпи римскихъ первосвященни-

ковъ и отбѣнить его имя крупными буквами. За эту энциклику историки ультрамонтанскаго лагеря по-справедливости будутъ пѣть папѣ панегирики и считать его неустрашимымъ апостоломъ и ревностнымъ *defensor'омъ fidei*. Правда, быть можетъ, папа и не раздѣляетъ въ душѣ всего содержанія энциклики, но тогда печально то, что сила традиціи и „вѣковая система“ подавляютъ личность настолько, что стираютъ ея индивидуальность и благія желанія подводятъ въ дѣйствительности къ привычному шаблону. Однако на жизнь можно реагировать энцикликами и внѣшними мѣрами, но задержать ростъ ея не въ силахъ никто, и если модернизмъ дѣйствительно носить въ себѣ жизненныя начала, то онъ и будетъ развивать свое теченіе. Какими дѣйствіями заявить о себѣ папа Пій X-й въ дальнѣйшемъ, объ этомъ скажетъ будущее. Въ настоящее время папѣ 75 лѣтъ, и здоровье его довольно крѣпко. Но ожидать инициативы и шаговъ къ обновленію жизни римской церкви отъ Пія X-го, для котораго высшимъ идеаломъ счастья и благополучія—состояніи покоя („счастливый городъ—въ немъ никогда не бываетъ ничего новаго“) едва ли возможно. *Roma semper eadem!*¹⁾.

Доцентъ Кіев. Акад. *В. Поповъ*.

¹⁾ Матеріалъ для данной статьи мы заимствовали въ фактической части изъ книги—*Ignis Ardens—Piust und der päpstliche. Hof. Autorisierte deutsche Uebersetzung von Maria Teftor. Berlin—Leipzig 1908 г. ss. 1—267.*—Желающимъ познакомиться съ подлинными текстами актовъ Пія X-го, имѣющихъ авторитетное для Римской Церкви значеніе, мы отсылаемъ къ книгѣ *Denzinger'a Enchiridium Symbolorum, definitionum et declaratum de rebus fidei et morum. Editio decima. Friburgi Brisgovial. 1908 г.*

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹).

Кромѣ указанныхъ мною главныхъ предметовъ, намъ преподавали въ среднемъ отдѣленіи нѣсколько другихъ наукъ, слывшихъ у насъ подъ именемъ побочныхъ. И для этихъ побочныхъ наукъ было нѣсколько особыхъ наставниковъ. Намъ преподавали: 1) священное писаніе (объ учительнѣхъ и пророческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта), 2) герменевтику, 3) библейскую исторію, 4) русскую гражданскую исторію, 5) физику, 6) естественную и исторію и сельское хозяйство, 7) древніе языки и 8) новые языки для желающихъ.

Учебною книгою по Священному Писанію было „Краткое руководство къ чтенію книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта“ митрополита Амвросія (Подобѣдова). Но это руководство считалось мало удовлетворительнымъ, и потому наставники находили нужнымъ выдавать свои записки. Впрочемъ, не каждый изъ наставниковъ составлялъ свои записки. Они получали ихъ готовыми отъ своихъ предшественниковъ, и разъ составленные, онѣ съ нѣкоторыми измѣненіями и добавленіями, переходили изъ курса въ курсъ, отъ одного наставника къ другому. Записки эти не отличались богатствомъ содержанія. Въ нихъ больше сообщалось внѣшнихъ бібліографическихъ свѣдѣній о писателяхъ о книгахъ, чѣмъ о внутреннемъ содержаніи книгъ. Чтеніе и толкованіе текста Писанія было дѣломъ второстепеннымъ. Подвергались изъясненію только нѣкоторыя избранныя мѣста, имѣющія пророческое или прообразовательное значеніе.

По герменевтикѣ тоже были записки, и также не высокаго достоинства. Въ нихъ говорилось объ общихъ употребительныхъ методахъ толкованія Писанія. Практическаго

¹) См. № 38-й за 1909 г.

значенія свѣдѣнія, сообщаемыя герменевтикою, не имѣли, и наука эта могла бы быть совершенно исключена изъ курса семинарскихъ наукъ, безъ всякаго ущерба для основательнаго изученія Священнаго Писанія.

Преподавателями по Священному Писанію и герменевтикѣ во второмъ среднемъ отдѣленіи при мнѣ были сначала Михайлъ Васильевичъ Миловскій, а потомъ Петръ Григорьевичъ Кліентовъ.

М. В. Миловскій кончилъ курсъ въ Московской академіи со степенью кандидата въ 1842 году, и по окончаніи курса первоначально служилъ въ Тобольской семинаріи. Во Владимірѣ перемѣщенъ онъ въ 1846 году, и служилъ въ семинаріи до 1849 года, когда поступилъ священникомъ въ городъ Шугъ. Онъ высоко ставилъ предметъ свой, и имѣя авторитетъ умнаго наставника, умѣлъ заставить учениковъ усердно занаматся по его предмету, не смотря на то, что въ то время онъ причислялся къ разряду наукъ побочныхъ. Мы видѣли, что онъ самъ внимательно относится къ своему дѣлу, и за это платили ему съ своей стороны полнымъ вниманіемъ. Онъ былъ требователенъ по отношенію къ своимъ ученикамъ, и когда спрашивалъ ихъ на урокахъ, выражалъ недовольство, если они не давали ему отчетливаго знанія того, что онъ преподавалъ и разъясндзъ намъ. Но при отсутствіи хорошаго руководства, при неполнѣ удовлетворительныхъ запискахъ по Священному Писанію, мы и у хорошаго наставника не получали должнаго ознакомленія съ этимъ важнымъ предметомъ богословскаго курса.

М. В. Миловскаго смѣнилъ Петръ Григорьевичъ Кліентовъ,—смѣнилъ, но не могъ замѣнить. Миловскій былъ наставникъ умный, усердный къ своему дѣлу, но о П. Гр. Кліентовѣ нельзя этого сказать. При немъ изученіе Священнаго Писанія пошло не къ лучшему, а къ худшему.

П. Г. Кліентовъ, сынъ московскаго протоіерея; кончилъ курсъ въ Московской академіи въ 1848 году, вмѣстѣ съ Дм. Ѳ. Доброхотовымъ, но на службу во Владимірскую

семинарію опредѣленъ 15 декабря 1849 года. О прїѣздѣ его во Владиміръ намъ сообщили прежде всего Дм. Ѳ. Доброхотовъ, причемъ онъ просилъ насъ доставить ему записки, по какимъ мы изучали Священное Писаніе и герменевтику. Записки эти мы дали Дм. Ѳ. Доброхотову. На другой или на третій день послѣ того на урокъ по герменевтикѣ къ намъ является въ классъ невиданный прежде никѣмъ изъ насъ очень высокій мужчина. (Обыкновенно новыхъ наставниковъ вводилъ въ классъ и представлялъ ученикамъ ректоръ; но на этотъ разъ ректоръ не вводилъ Кіентова, а предоставилъ ему самому отрекомендовать себя). Мы встали, догадавшись, что это нашъ новый наставникъ, о прибытіи котораго предупредилъ насъ Дм. Ѳ. Доброхотовъ, и прочитали молитву. По раскланявшись съ нами, Кіентовъ садится на стулъ передъ столомъ, вынимаетъ тетрадь, данную нами Дм. Ѳ. Доброхотову, и, не говоря ни одного вступительнаго слова, начинаетъ читать по нашей тетради тотъ урокъ, который, по нашему указанію Дм. Ѳ. Доброхотову, слѣдовало разъяснить намъ. Прочитавъ нѣсколько страницъ изъ записокъ, бывшихъ у насъ въ употребленіи, и составленныхъ въ прежніе годы, онъ встаетъ, и, отъ себя ничего не сказавши, собирается уходить, не дождавшись звонка. Мы молитвою проводили его, какъ молитвою и встрѣтили его.

Я рассказалъ, какъ вступилъ на кафедру П. Гр. Кіентовъ потому, что это покачалось намъ страннымъ и необычнымъ. Но этотъ случай былъ характерный, опредѣляющій всю его послѣдующую педагогическую дѣятельность. Какимъ являлся онъ въ началѣ, такимъ оказался и впоследствии. Намъ казалось, что и Дм. Ѳ. Доброхотовъ, сообщая намъ о прибытіи новаго наставника, съ двухсмысленною улыбкою говорилъ о немъ, особенно, когда просилъ насъ указать, до какого пункта или до какой страницы въ запискахъ дошли мы у прежняго наставника. Мы не слышали его собственныхъ изъясненій. Онъ только читалъ намъ записки, доставшіяся ему отъ его предшественниковъ, да спрашивалъ уче-

никовъ, и они отвѣчали ему по тѣмъ запискамъ, какія у насъ, и до его прибытія, ходили по рукамъ. Въ Исторіи Владимірской Семинаріи говорится о немъ: „Несомнѣннымъ можно считать то, что въ болѣе ранній періодъ своего наставничества во Владимірской семинаріи онъ ясно и толково излагалъ свой предметъ, что въ связи съ нѣкоторыми особенностями его, какъ человѣка, создало ему среди учениковъ репутацію наставника умнаго и ученаго“¹⁾. Я былъ его ученикомъ или слушателемъ въ самый ранній періодъ его наставничества, и рѣшительно не могу подтвердить того, что въ Исторіи семинаріи признается несомнѣннымъ. Въ своихъ объясненіяхъ онъ твердо держался записокъ, не имъ составленныхъ, и не выходилъ за ихъ предѣлы. Свободной, ясной и толковой рѣчи мы отъ него не слышали. Не знаю, когда утвердилась за нимъ репутація наставника умнаго и ученаго; да и сомнительно, была ли когда за нимъ такая репутація. А въ мое время онъ считался у однихъ безталаннымъ наставникомъ, который кое-какъ едва кончилъ курсъ въ академіи, у другихъ отъявленнымъ лѣнтяемъ, совершенно неприлежавшимъ къ своему дѣлу.

Сказано еще въ Исторіи семинаріи, что „на урокъ Св. Писанія у Кліентова практиковался нерѣдко способъ разъясненія какого-нибудь пункта путемъ диспута между лучшими учениками, что вносило нѣкоторое оживленіе“. Ничего подобнаго въ наше время, въ ранній періодъ его наставничества, не было. Развѣ въ позднѣйшее время онъ пользовался такою методою. „Онъ былъ врагъ многорѣчія (говорится далѣе въ Исторіи семинаріи). Это вѣрно, если понимать это такъ, что онъ крайне былъ скупъ на разъясненія въ классѣ. „Сочиненія по его предмету писались не болѣе двухъ страницъ“. Но въ наше время онъ не давалъ никакихъ темъ для сочиненій. Задавать сочиненія ученикамъ лежало на обязанности только главнаго наставника. Назначался помощникъ

¹⁾ Исторія Владимірской семинаріи. Выв. II, Гр. 264.

главному наставнику для разбора и рецензій ученическихъ сочиненій. Но такимъ былъ во второмъ среднемъ отдѣленіи въ мое время не Кліентовъ, а другой паставникъ, Иванъ Аввакумычъ Патлушковъ.

„Ступайте. Единицу-съ“ Говорилъ Кліентовъ ученику, если отвѣтъ его былъ неудовлетворительный (отмѣчаетъ о немъ историкъ Владимірской семинаріи, на основаніи рукописи пѣкоего П. В.). Это вѣроятно, если было, то въ позднѣйшіе годы его наставнической службы. Въ наше время въ семинаріи не было пятибальной системы. Самою высшею отмѣткою тогда было 1+, 1, что означало отлично хорошо, весьма хорошо, среднею отмѣткою было 2, а самую низшею 3, 3—, что означало „слабо и худо“.

Мало полезное преподаваніе Кліентовымъ Священнаго Писанія, какъ видно, извѣстно было и начальству, почему онъ, послѣ преобразованія семинаріи, по уставу 1867 года, перемѣщенъ былъ съ должности наставника на должность помощника инспектора. Но это слѣдовало сдѣлать гораздо раньше. Еще въ 1850 году, въ самые первые годы службы Кліентова, ревизовавшій семинарію инспекторъ Московской академіи архимандритъ Сергій (Лянидевскій), впоследствии митрополитъ московскій, хорошо знавшій Кліентова, въ своемъ отчетѣ отмѣтилъ недостаточно благоуспѣнное преподаваніе Священнаго Писанія Кліентовымъ, что зависѣло (объяснялось въ отчетѣ) не отъ недостатка усердія, а отъ трудности для него сего предмета, и Правленію семинаріи предписывалось войти въ соображеніе, не удобно ли будетъ на классъ Священнаго Писанія перемѣстить кого-либо изъ болѣе способныхъ паличныхъ наставниковъ, съ переводомъ Кліентова на его мѣсто¹⁾. Но это предписаніе Правленію почему-то въ то время осталось неисполненнымъ, конечно, не ко благу семинаріи.

¹⁾ Исторія Влад. семинаріи Вып. II, стр. 375.

Библейскую исторію преподавалъ намъ Иванъ Аввакумовичъ Павлушковъ, товарищъ по академіи М. В. Тихомировъ (1846 г.), служившій первоначально по окончаніи курса, не долгое время помощникомъ инспектора въ Вологодской семинаріи. Состоя преподавателемъ семинаріи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ священникомъ въ церкви богоугодныхъ заведеній (Петро-Павловской). Мои воспоминанія о немъ согласуются съ тою характеристикою, какая дана ему въ Исторіи Владимірской семинаріи²⁾. Онъ былъ человѣкъ очень добрый и не требовательный, и мы любили его за его доброту и снисходительность, и учились у него хотошо, хотя онъ не считался у насъ даровитымъ наставникомъ. Его трудъ наставника много облегчался тѣмъ, что по его предмету было хорошее учебное руководство „Начертаніе церковно-библейской исторіи“ Филарета, митрополита московскаго. Онъ пользовался этимъ руководствомъ, по нему задавалъ намъ уроки и почти не дѣлалъ къ нему никакихъ добавленій. Учебникъ этотъ намъ нравился, и мы тсердно его изучали, и многіе съ буквальною точностію передавали слова учебника, когда приходилось имъ отвѣчать наставнику. Въ 1850 году, когда ревизовалъ семинарію инспекторъ Московской академіи архимандритъ Сергій, мнѣ пришлось отвѣчать предъ ревизоромъ по библейской исторіи; билетъ, вынутый мною, былъ о Самсонѣ. Вызванный къ столу, я отчетливо передалъ о Самсонѣ все, что значилось въ учебникѣ, и мой отвѣтъ признанъ былъ вполне удовлетворительнымъ. Хорошо отвѣчали и другіе, вызванные для отвѣта по библейской исторіи (вызывали не всѣхъ учениковъ, а только нѣсколькихъ изъ нихъ). Отвѣты учениковъ произвели хорошее впечатлѣніе на ревизора въ пользу наставника, и онъ далъ одобрителный отзывъ о Павлушковѣ, какъ наставникѣ, и вслѣдствіе этого отзыва Московское академическое правленіе выразило признательность

²⁾ Исторія Вл. сем. Вып. II, стр. 264.

П. А. Павлушкову за усердіе и благоразумное дѣйствованіе на учениковъ ¹⁾).

П. А. Павлушковъ, какъ я замѣтилъ выше, раздѣлялъ трудъ главнаго наставника по разсмотрѣнію и рецензій ученическихъ сочиненій, темы для которыхъ всегда давалъ только главный наставникъ. Но онъ не обладалъ способностію зоркаго критика, и оцѣнки сочиненій, имъ дѣлаемыя, иногда вызывали нареканія. Случалось, что слабое сочиненіе удостоивалось у него хорошей похвалы, а хорошее аттестовалось имъ, какъ слабое и мало удовлетворительное. Обиженные ученики или считавшіе себя обиженными за несправедливую, по ихъ мнѣнію, оцѣнку ихъ сочиненія, заявляли ему свои претензій и готовы были заавлять свои жалобы на него главному наставнику, въ видахъ поправленія или возвышенія балла на сочиненіи. Одинъ ученикъ, которому сдано было сочиненіе съ худою отмѣткою на немъ Ив. Аввакумыча, получивши это сочиненіе, встаетъ и говоритъ: „Иванъ Аввакумычъ! Вы мнѣ поставили тройку (тогда низшій баллъ) на сочиненіи; а я его списалъ у Филарета московскаго“. „Чтожь? (спокойно сказалъ Иванъ Аввакумычъ) мнѣ оно не поправилось“.

Русскую гражданскую исторію преподавалъ намъ тотъ же Михаилъ Миннычъ Никольскій у котораго я слушалъ уроки въ низшемъ отдѣленіи по общей гражданской исторіи. Изучали мы русскую исторію по руководству Устрялова. Съ книгою Устрялова приходилъ въ классъ Михаилъ Миннычъ, и прочитывалъ изъ нея страницы, служащія къ уясненію предстоящаго намъ урока, дѣлая притомъ иногда довольно обширныя добавленія изъ другихъ книгъ. Учениковъ онъ не любилъ спрашивать, и, повидимому, тяготился этою обязанностию наставника, и если спрашивалъ, то довольствовался и не отчетливою передачею урока. При такой нетребовательности наставника, можно было не учиться по его предмету.

¹⁾ Исторія Влад. семинаріи. Вып. II, стр. 375.

Но мы любили русскую исторію; насъ, по крайней мѣрѣ значительное большинство изъ насъ, весьма интересовала судьба и прошедшая жизнь нашей родины. Въ занятіяхъ русскою исторіею многіе изъ насъ не ограничивались одними классическими уроками, а старались дополнять ихъ черезъ чтеніе книгъ, болѣе подробно, чѣмъ учебникъ, излагающихъ историческія судьбы нашего отечества, и Михаилъ Миничъ готовъ былъ служить намъ въ этомъ отношеніи, доставляя желающимъ изъ насъ, по нашему требованію, тѣ или другія нужныя намъ книги. Потому успѣхи по русской гражданской исторіи были гораздо лучше, чѣмъ успѣхи по общей гражданской исторіи. Многіе изъ насъ вполне удовлетворительно могли выдержать самый строгій экзамень по этому предмету.

Проф. *Василій Пьвницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 29-го сентября 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣоть **№ 41.** Подписка принимается въ редак-
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. ци журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года октября 11-го дня.

Содержаніе: I. Миссія православія среди евреевъ. Свящ. В. П...—II. Задачи миссіонерства, вызываемыя потребностями нашего времени. (Окончаніе). Прот. Д. Говоровъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—IV. Замятка. Постановленіе Могилевскаго енархіальнаго съѣзда по поводу вѣроисповѣдныхъ законопроектвъ Государственной Думы.

Миссія православія среди евреевъ.

Небольшой нѣкогда еврейскій народъ, разбросанный нынѣ по всѣмъ странамъ и народамъ міра, всего чаще презираемый ими, проникнутый вездѣ сознаніемъ своего религіознаго и національнаго единства, представляетъ въ настоящее время грозную силу не только физическую и экономическую, но и духовную. Въ количественномъ отношеніи еврейство превосходитъ нынѣ многія европейскія національности, имѣющія свое самостоятельное политическое существованіе (второстепенныя державы). Объ экономической силѣ еврейства, о силѣ еврейскаго капитала, вліяющаго уже на первоклассныя государства, на ихъ правителей, политнку и всю внутреннюю жизнь, говорить много не приходится: для наблюдательныхъ людей это очевидно само собою; въ

ежедневной прессѣ, въ капитальныхъ изслѣдованіяхъ по еврейскому вопросу значеніе и сила еврейскаго капитала раскрыты съ достаточной полнотою и ясностію.

Еврейство является огромной духовной силою. Силу народамъ даетъ духовное содержаніе, религіозное и національное, носителемъ котораго является данный народъ.

Чѣмъ крѣпче эти идеи вошли въ народную душу, тѣмъ живучѣе и устойчивѣе будетъ самый народъ, тѣмъ больше данныхъ на то, что никакая, ни внѣшняя физическая, ни духовная сила не въ состояніи будетъ покорить его уничтожить. Религія и націонализмъ—это фундаментъ, это вмѣстѣ и рычаги, при которыхъ только и возможна прочная государственная жизнь. Въ этомъ отношеніи еврейство, и безъ государственной самостоятельной территоріи, является государствомъ между государствами и при томъ болѣе прочнымъ, чѣмъ многіе изъ самостоятельныхъ государствъ. Въ то время, какъ христіанскій міръ, особенно высшіе его слои—интеллигенція,—все болѣе отступаетъ отъ тѣхъ идеаловъ, на которыхъ онъ возникъ и выросъ; въ то время какъ невѣріе, космополитизмъ и социализмъ—религія будущаго, какъ его нѣкоторые называютъ,—все болѣе развѣдаетъ христіанскій міръ и его сознаніе, еврейство никакихъ уступокъ въ своемъ міросозерцаніи не дѣлаетъ, ни отъ одной іоты своего закона не отступаетъ, оставаясь въ существѣ такимъ же, какимъ оно было тысячу лѣтъ назадъ. Въ религіозномъ отношеніи іудейство не знаетъ того сектантства, въ широкомъ смыслѣ этого слова, какое развѣдаетъ христіанство; въ политическомъ не знаетъ партійности; живя, по внѣшнимъ условіямъ, космополитомъ, каждый еврей мыслить себя представителемъ одного избраннаго племени и на жизнь среди другихъ народовъ смотритъ какъ на временное плѣненіе. Идея націонализма, развѣнчанная и ослабленная въ своемъ значеніи въ широкихъ кругахъ европейскаго общества, для еврейства сохраняетъ свою силу и значеніе.

Развитіе просвѣщенія, политическая эмансипація, т. е. уравниеніе еврейства въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ—мѣра, которая могла бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, содѣйствовать ассимиляціи евреевъ, на самомъ дѣлѣ мало достигаютъ этой цѣли: доказываютъ это тѣ народы, у которыхъ евреи имѣютъ всѣ права, и гдѣ еврейскій вопросъ стоитъ не менѣе остро, чѣмъ въ тѣхъ странахъ гдѣ они въ правахъ ограничены.

Тягота еврейскаго вопроса значительною своею частію ложится на славянскіе православные народы, особенно на Россію, такъ какъ, вслѣдствіе своей природной мягкости, малой сопротивляемости, отсутствію предпріимчивости, славянскіе народы, въ частности—русскіе, представляютъ весьма удобную почву для еврейской эксплуатаціи.

Не смотря на существующія ограниченія и даже народныя эксцессы, весьма тяжелые, еврейство все же предпочитаетъ славянскій міръ всякому другому, хотя бы съ самыми широкими свободами и правами въ послѣднемъ для еврейства. Вопросъ о равноправіи у насъ евреевъ съ остальнымъ населеніемъ—вопросъ будущаго; фактически, шагъ за шагомъ права эти и приобрѣтаются ими, но, разумѣется, расширеніе правъ еврейства самого вопроса не разрѣшаетъ.

Если всмотрѣться въ природу еврейскаго вопроса, то не трудно видѣть, что это вопросъ прежде всего вопросъ религіозный; еврей, принявшій искренно христіанство, перестаетъ быть евреемъ, ассимилируется съ тѣмъ народомъ, среди котораго онъ живетъ. Это указываетъ на всю важность христіанской, въ частности, православной миссіи среди евреевъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы находимъ возможнымъ имѣть отдѣльную, правильно организованную миссію для далекихъ отъ насъ китайцевъ и японцевъ, то какъ же не имѣть ея для шести—семи милліоновъ евреевъ, живущихъ среди русскихъ, всесторонне вліяющихъ на нашу жизнь, составляющихъ у насъ государство въ государствѣ?

На миссію среди евреевъ многіе смотрять совершенно безнадежно; противъ этой миссіи приходится слышать не мало возраженій, на которыхъ нельзя не остановиться вниманіемъ.

Указываютъ на то, что благодаря фанатизму и кагальному устройству евреевъ, число обращеній изъ іудейства весьма ничтожно, такъ что спеціальная миссія среди нихъ никакихъ результатовъ имѣть не можетъ. Ссылаются при этомъ на опыты заведенія такихъ миссій въ Вильнѣ—при Свято-Духовскомъ Братствѣ, въ Кіевѣ—при Владимірскомъ Братствѣ и въ Житомирѣ. Эти опыты противоеврейской миссіи оказались малопродуктивными и прекратили свое существованіе. Судить не беремся, что причина и что слѣдствіе—число ли обращеній создаетъ миссію, или наоборотъ, но во всякомъ случаѣ на миссію среди евреевъ какъ на безплодную, смотрѣть не соглашаемся. Мы, къ прискорбію, не располагаемъ цифрами, но высказываемъ смѣлое предположеніе, что для нѣкоторыхъ епархій, съ спеціальной даже противосектантской миссіей, число евреевъ во много разъ превосходитъ количество обращеній изъ сектантства. Вотъ тому маленькое доказательство изъ прошлаго. Въ Кіевскомъ Свято-Владимірскомъ Братствѣ за первые 25 лѣтъ его существованія, какъ то видно изъ братскаго отчета, евреевъ крещено было 617, молоканъ „1“; раскольниковъ воссоединено было 55, католиковъ 111, униатовъ 19, лютеранъ 22 ¹⁾. Это только въ одномъ Братствѣ, не считая приходскихъ и особенно городскихъ церквей. На основаніи этихъ цифръ едва ли можно сказать, что миссія среди евреевъ—дѣло безплодное.

Указываютъ на то, что переходъ евреевъ въ православіе по убѣжденію—весьма рѣдкое явленіе, что евреи обычно крестятся ради выгодъ, всего чаще для обхода существующихъ для нихъ правоограниченій.

¹⁾ Кіевскія епарх. вѣдомости 1890 года, № 6, стр. 68.

Печальныхъ случаевъ возвращенія евреевъ изъ православія снова въ іудейство было, правда, не мало, особенно въ послѣдніе освободительные годы, но все же обобщать этихъ случаевъ нельзя, да и упрекъ за такіа печальныя явленія нужно отчасти относить и къ намъ, православнымъ, принимающимъ евреевъ въ свою Церковь безъ должнаго испытанія и прочной увѣренности въ томъ, что принимающій крещеніе дѣлаетъ это по убѣжденію, а не по корыстнымъ видамъ. Случаи отпаденія крещенныхъ евреевъ не только не говорятъ о бесполезности противоеврейской миссіи, но, напротивъ, доказываютъ ея пользу. Многимъ священникамъ, живущимъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, особенно по городамъ, приходилось испытывать тяжелое чувство, когда евреи изъявляли желаніе принять крещеніе: необходимъ опытъ для того, чтобы разобратъся въ искренности человѣка; еще большій опытъ нуженъ для того, чтобы подготовить къ крещенію, поддержать настроеніе, любовь ко Христу, къ Православной Церкви. Въ послѣднее время такіе прозелиты изъ іудеевъ, переходя отъ одного священника къ другому, получаютъ обычно отказъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ; а между тѣмъ, почему знать, быть можетъ, мы отталкиваемъ человѣка искренняго, дѣйствительно жаждущаго свѣта Христовой истины? Организованная по епархіямъ, хотя бы въ губернскихъ городахъ, противоеврейская миссія оказала бы помощь малоопытнымъ священникамъ; туда можно было бы направлять евреевъ, желающихъ принять крещеніе.

Свящ. В. П...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Задачи миссіонерства, вызываемыя потребностями нашего времени.

(Окончаніе ¹⁾).

Мы уже видѣли, съ какимъ врагомъ наша миссія имѣетъ дѣло. Теперь требуется выяснитъ современные задачи миссіонерства. Но для этого считаемъ необходимымъ, въ добавленіе къ вышеизложенному, подробнѣе высказаться о постановкѣ миссіонерскаго дѣла въ виду условій, созданныхъ вѣроисповѣднымъ закономъ.

Прежде полагали, что вся сущность миссіонерства заключается въ дѣятельности специальныхъ миссіонеровъ и разныхъ миссіонерскихъ учрежденій. На нихъ возлагались всѣ надежды. Этотъ взглядъ ошибочный, каковымъ онъ и оказался на дѣлѣ. Дѣятельность специальныхъ миссіонеровъ сводилась къ публичнымъ собесѣдованіямъ, на которыхъ допускались диспуты съ иномыслящими. Такіе опыты проходили или безъ результатовъ, или сопровождались возбужденіемъ страстей съ печальными даже инцидентами, въ видѣ кулачныхъ расправъ и кровопролитій, какъ это имѣло мѣсто въ Ставрополѣ 7 іюня 1905 года послѣ бесѣды съ раскольниками о. Крючкова, или въ томъ же году въ Харьковѣ со штундистами. Съ апрѣля 1905 года вѣра православная, ея охраненіе и утвержденіе ввѣряются гражданскими законами не этимъ лицамъ и учрежденіямъ, а всему обществу православному, и потому миссіонерство нельзя теперь отдѣлять отъ жизнедѣятельности всей Церкви вообще, теперь миссіонеры всѣ православно-вѣрующіе во Христа и, главнымъ образомъ, пастыри Церкви. Этотъ взглядъ совершенно согласенъ съ полномочіями, какія даны Спасителемъ пастырямъ и всѣмъ вѣрующимъ. Пастырямъ заповѣдано Спасителемъ идти въ міръ и проповѣдывать евангеліе всей тва-

¹⁾ См. № 40-й за 1909 г.

ри; имъ заповѣдано совершать таинства во спасеніе вѣрующихъ; имъ и всѣмъ вѣрующимъ обѣщано соупутствіе въ ихъ вѣрѣ знаменій, т. е. чрезвычайныхъ и спасительныхъ дѣлъ, совершаемыхъ по силѣ вѣры и по благодати, подаваемой въ таинствахъ (Мр. 16, 15—18),—заповѣдано вообще выразить свою вѣру въ соотвѣтствующихъ ей добрыхъ дѣлахъ. Вотъ три фактора, посредствомъ которыхъ осуществляется и должно осуществляться миссіонерское дѣло въ Церкви Божіей: проповѣдь, совершеніе таинствъ и вообще богослуженія и добрыя дѣла, соотвѣтствующія евангельскому ученію. Съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія мы и должны ставить задачи для современнаго миссіонерства.

Какова проповѣдническая дѣятельность у насъ, и каковы задачи миссіонерства въ этомъ отношеніи?

Никто не можетъ умалить значенія проповѣди нашихъ избранныхъ проповѣдниковъ, и нельзя ставить въ одинъ уровень съ ними сектантскихъ проповѣдниковъ. Русская Церковь никогда не оскудѣвала въ пастыряхъ, сильныхъ словомъ, и нынѣ есть таковыя. Но ихъ не всякій слушаетъ, и не всѣ могутъ слушать. Во-первыхъ, есть много въ нашемъ отечествѣ укромныхъ уголковъ, въ родѣ хуторовъ, поселковъ, помѣщичьихъ имѣній, куда не заѣзжаютъ проповѣдники. Этими уголками открыто теперь пользуются проповѣдники сектантскіе, и множество этихъ пунктовъ уже использованы ими: они сдѣлались разсадниками расколо-сектантства. Аудиторіями этихъ проповѣдниковъ служатъ не только спеціальныя помѣщенія, но и семейные дома, въ городахъ мастерскія, особенно пекарни, морскіе экипажи, и военныя казармы и пр. Эти аудиторіи принадлежатъ православнымъ пастырямъ, между тѣмъ въ нихъ не вездѣ заведены проповѣди. Во-вторыхъ, нашими проповѣдниками миссіонерами произносятся по преимуществу проповѣди догматическаго характера, съ систематическимъ изложеніемъ вѣроученія, что не по силамъ простымъ слушателямъ. Догматы вѣры должны быть изучаемы въ школѣ. Въ храмѣ же за церковнымъ богослуженіемъ,

послѣ литургіи, когда молящіеся достаточно утомились стояніемъ, такая проповѣдь мало можетъ дѣйствовать на слушателей. Большое вліяніе имѣютъ проповѣди, приспособленныя къ жизни. На практикѣ, при этомъ, замѣтно, что пастыри, особенно молодые, не имѣютъ навыка къ импровизаціи, не обнаруживаютъ начитанности въ твореніяхъ святоотеческихъ, что такъ любитъ простой народъ. А за послѣдніе годы по разнымъ епархіямъ замѣтно большое оскудѣніе въ кандидатахъ на священство изъ окончившихъ семинарскій курсъ. За неимѣніемъ таковыхъ поставляются люди съ образованіемъ духовнаго училища, или безъ всякаго, и при томъ не мѣстные уроженцы, а изъ другихъ мѣстъ (Черниг. еп. и др.). При такихъ условіяхъ немислимо успѣхъ проповѣдничества, какъ миссіонерскаго средства. Наши неопытные проповѣдники должны потерять свои позиціи въ борьбѣ съ расколо-сектантствомъ.

Имѣя все это въ виду, мы думаемъ, что задача нашихъ проповѣдниковъ-миссіонеровъ заключается прежде всего въ томъ, чтобы кругъ слушателей не ограничивался молящимися въ храмѣ, а заключалъ бы всѣхъ жаждущихъ Слова Божія и живущихъ не только около храма, но и въ самыхъ отдаленныхъ отъ храма мѣстахъ. Пастыри въ миссіонерскихъ цѣляхъ должны сами разлѣзжать почаще съ словомъ евангельскимъ по разнымъ уголкамъ своего прихода, навѣщать семейные дома, мастерскія и пр., пользоваться всякимъ случаемъ для воздѣйствія на паству и словомъ устнымъ и словомъ печатнымъ, въ видѣ брошюръ и листовъ; однимъ словомъ, должны парализовать такія же дѣйствія сектантовъ, и не только парализовать, а и главнымъ образомъ предупредить. Эти мѣры и пожеланія давно извѣстны, о нихъ и раньше говорилось, но приходится повторять ихъ и теперь въ виду того, что этимъ требованіямъ не удовлетворяетъ самый идеальный пастырь, да и не можетъ удовлетворить потому, что онъ заваленъ работою, которая не имѣетъ никакого отношенія къ пастырскому служенію,—мы разумѣемъ

канцелярскую работу. Въ интересахъ миссіонерскихъ необходимо избавить пастыря отъ сложной канцелярской переписки. Во-вторыхъ, неотложною задачей пастырей-миссіонеровъ должно быть—сдѣлать проповѣдь живымъ словомъ, дѣйствующимъ на сердце вѣрующихъ; пастырь всецѣло долженъ отдаться проповѣди и всегда быть готовымъ къ импровизаціи, а для этого долженъ имѣть хорошую школьную подготовку, какъ въ отношеніи пріобрѣтенія необходимыхъ знаній, такъ и въ выработкѣ внѣшнихъ пріемовъ проповѣди, на что, кстати скажемъ, обращено строгое вниманіе католиковъ и протестантовъ. Для усвоенія вѣрующими истинъ догматическихъ пастырь долженъ пользоваться школьнымъ учительствомъ.

Съ проповѣдничествомъ, такимъ образомъ, должно быть тѣсно связано учительство въ школахъ. Школа самый лучший помощникъ для пастыря въ миссіонерскомъ дѣлѣ. При помощи ея сближается молодое поколѣніе православныхъ и сектантовъ, сглаживаются обостренныя отношенія и между родителями. По собственнымъ наблюденіямъ говоримъ, что школа чрезъ нѣсколько лѣтъ существованія среди раскольниковъ сближаетъ послѣднихъ съ православными настолько, что они начинаютъ посѣщать православное богослуженіе. Расколъ будетъ отстаивать свою непогрѣшимость до тѣхъ поръ, пока не проникнетъ лучъ свѣта въ его среду путемъ школьнаго образованія.

Хотя учительство, понимаемое въ широкомъ смыслѣ, принадлежитъ пастырямъ Церкви, но это дѣло можетъ раздѣлить и каждый вѣрующій, въ особенности младшіе члены причта. Они окажутъ большую услугу въ миссіонерскомъ отношеніи, если будутъ популяризировать пастырскую проповѣдь среди вѣрующихъ. Отсюда задача пастыря-миссіонера—организовать группу способныхъ и преданныхъ Церкви людей, которые содѣйствовали бы распространенію свѣта Христова словомъ и раздачею листовъ и брошюръ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, въ частныхъ домахъ, мастерскихъ и пр.

Въ этомъ смыслѣ каждый нищій можетъ быть полезнымъ членомъ Церкви.

Какова задача пастыря-миссіонера, какъ совершителя таинствъ и богослуженія?

Богослуженіе имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ воспитательномъ отношеніи. Раскольники и сектанты прекрасно понимаютъ это и пользуются богослуженіемъ, какъ могущественнымъ орудіемъ, воздѣйствія на вѣрующихъ. Какъ выше сказано, въ храмахъ старообрядческихъ и на сектантскихъ молитвенныхъ собраніяхъ обращаютъ вниманіе вѣрующихъ благочиніе, сознательное отношеніе ко всему совершающемуся и выработанная церковная дисциплина. Сектантскія собранія, кромѣ того, привлекаютъ удобопонятностью молитвъ и общимъ хоровымъ пѣніемъ. Отсюда ясно, куда должны быть направлены цѣли нашей миссіи. Онѣ должны быть направлены къ тому чтобы дать удовлетвореніе вѣрующимъ цѣлесообразной постановкой и отиравленіемъ церковныхъ богослуженій. Богослуженіе должно привлекать и воспитывать вѣрующихъ. Мы должны считаться съ тѣмъ печальнымъ фактомъ, о которомъ сообщается официально, — объ уклоненіи вѣрующихъ отъ посѣщенія богослуженія даже въ великіе праздники (сообщеніе изъ Харьк. еп. см. выше). Богослуженіе должно привлекать и воспитывать вѣрующихъ внятностью чтенія и пѣнія. Много теперь пишутъ и говорятъ о малодоступности нашего богослужебнаго языка. Малопонятность во многомъ происходитъ отъ манеры въ чтеніи и пѣніи. Непонятный смыслъ молитвъ и пѣснопѣній объясняется мірянамъ во время школьнаго ихъ возраста, многое можно объяснить и послѣ—путемъ катехизическихъ поученій. Но многое въ богослуженіи остается все-таки неудобовразумительнымъ. Мы не принадлежимъ къ числу сторонниковъ рѣзкихъ перемѣнъ въ богослужебномъ языкѣ; языкъ русскій не замѣнитъ всего, что выражается славянскимъ. Но намъ кажется, что въ интересахъ миссіи слѣдовало бы приблизить славянскую рѣчь къ конструкціи русскаго языка и выпол-

нить эту задачу слѣдуетъ постепенно и послѣ согласія вѣрующихъ. Даже въ нашихъ сокращенныхъ молитвословахъ, которые находятся на рукахъ вѣрующихъ въ постоянномъ употребленіи, помѣщаются такія молитвы и пѣснопѣнія, которыя не подь силу понять и изучившему славянскій языкъ; напр., 9-й ирмосъ канона на Рожд. Хр.: „Любити убо намъ, яко безбѣдное страхомъ“, и пр. пѣснопѣній съ такой конструкціей въ богослужебномъ употребленіи очень много. Затемняется смыслъ такихъ молитвословій еще невнятнымъ чтеніемъ. Что касается церковнаго пѣнія, то посколькѣ повсюду вошло у насъ въ употребленіе партесное пѣніе, наложительно сказать, что оно не питаетъ вѣрующаго сердца; послѣднему болѣе сродно пѣніе по крюкамъ, пѣніе знаменнаго распѣва. Такимъ образомъ, задача миссіонерства въ отношеніи богослуженія сводится къ тому, чтобы сдѣлать его наиболѣе доступнымъ и понятнымъ для всѣхъ при помощи школьныхъ разъясненій и катихизическихъ поученій,—пѣніе же вводить надо простое, обиходное, миссія должна стремиться къ тому, чтобы въ чтеніи и пѣніи церковномъ принимали участіе всѣ вѣрующіе.

Далѣе, въ практикѣ церковной всѣми замѣчается недостатокъ дисциплины. Молящіеся не знаютъ, когда совершать крестное знаменіе, когда — поклоненіе, колѣнопреклоненіе; въ важные моменты нарушаютъ тишину хожденіемъ, разговорами и больше того, особенно при совершеніи таинства брака, или же полушопотомъ вычитываютъ привычныя молитвы вмѣсто того, чтобы внимательно слушать то, что читается и поется. Кромѣ того, отсутствуетъ единообразіе въ совершеніи обрядовъ и въ порядкахъ церковныхъ: что не допускается въ одномъ мѣстѣ, то допускается въ другомъ, и часто по мотивамъ, не имѣющимъ отношенія къ церковной жизни, такъ, напр., относительно молитвъ объ инославныхъ и пр. Въ миссіонерскомъ отношеніи это явленіе нежелательное.

Сюда же мы относимъ всѣ порядки церковныя по хозяйственной части. Веденіе церковнаго хозяйства возбуждаетъ

въ настоящее время ропотъ со стороны вѣрующихъ. Въ № 5 „Церк. Вѣстника“ за этотъ годъ сообщается, что собраніе церковныхъ старостъ г. Казани констатировало фактъ, что православные отпадаютъ въ магометанство по причинѣ неупорядоченія матеріальной стороны церквей, которыя несутъ налоговъ на епархіальныя нужды 93%; что свѣчные заводы не оказываютъ никакой помощи церквамъ. Храмы остаются безъ всякихъ средствъ и подвергаются разрушенію. Это собраніе показываетъ, что среди лучшихъ прихожанъ явилось раздраженіе противъ порядковъ церковныхъ. Нашей миссiи не слѣдуетъ оставлять этого безъ вниманія. Миссіонерство, въ виду всего вышеннеложенаго, должно стремиться къ тому, чтобы практикою, а гдѣ нужно, и законодательнымъ порядкомъ ввести въ церковную жизнь дисциплину, единообразіе и порядокъ веденія хозяйства согласно съ потребностями времени.

Заговоривъ о церковной дисциплинѣ, мы должны нѣсколько расширить этотъ вопросъ. При измѣнившихся условіяхъ жизни нашей отечественной Церкви, церковная дисциплина должна захватить собою жизнь семейную и общественную. Новые вѣроисповѣдныя государственныя законы освобождаютъ раскольниковъ и сектантовъ отъ всякихъ ограниченій въ устройствѣ церковно-общественной жизни и въ пропагандѣ, а Православная Церковь перестала быть опекаемой гражданскою властью. Отсюда ясно, что взаимныя ограничительныя законовъ государственныхъ должны выработаться церковныя правила воздѣйствія на чадъ Церкви, для огражденія ихъ отъ совращенія и сохраненія въ православіи. Необходима теперь точная, чисто церковная дисциплина во всемъ укладѣ частной и общественной жизни православныхъ.

Мы не имѣемъ въ виду регламентировать всѣхъ формъ и отношеній частной и общественной жизни, куда необходимо внести церковную дисциплину. Мы остановимся только на самомъ главномъ въ этомъ вопросѣ.

До 17 апр. 1905 г. государственные законы касались религіознаго быта православной семьи. Такъ, законъ обязывалъ родителей приводить къ исповѣди своихъ дѣтей, достигшихъ семилѣтняго возраста (209 ст. Улож. о наказ.) и препятствовалъ отступленію отъ Православной Церкви (192 ст. Улож. о нак.). Нарушеніе этого закона сопровождалось для виновныхъ тѣмъ или другимъ наказаніемъ. Теперь эти узаконенія отмѣнены. Кромѣ этого, раньше законодательство отказывало отступнику въ законной принадлежности къ другому исповѣданію и оставляло его въ вѣдѣніи православнаго духовенства. Теперь отпаденіе отъ православія въ другое христіанское исповѣданіе не подлежитъ преслѣдованію и не влечетъ за собою какихъ-либо невыгодныхъ въ отношеніи личныхъ или гражданскихъ правъ послѣдствій. Затѣмъ, отпавшее отъ православія лицо, по достиженіи совершеннолѣтія, признается принадлежащимъ къ избранному имъ для себя исповѣданію и пользуется всѣми правами членовъ послѣдняго. Такимъ образомъ, новыми законоположеніями, во-1-хъ, члены Православной Церкви не ограждаются отъ совращенія; во-2-хъ, открывается безпрепятственный путь къ переходу православныхъ въ секты.

Отсюда ясно, что задача нашего миссіонерства въ настоящее время заключается въ томъ, чтобы, съ упраздненіемъ государственной дисциплины, неотложно выработать правила церковной дисциплины въ отношеніяхъ семейной и общественной жизни православныхъ, чтобы предохранить ихъ отъ религіознаго индифферентизма и отступленія и утверждать ихъ въ вѣрѣ. Съ изданіемъ новыхъ законовъ, пастырь-миссіонеръ долженъ стать обязательно въ болѣе близкія отношенія къ семейному укладу пасомыхъ, потому что семья есть основа церковнаго строя. Церковную дисциплину миссія должна внести въ семью и потому, что въ ней нерѣдко бывають члены отпавшіе, которые совращаютъ другихъ, неотпавшихъ, вліяють, разумѣется, и на дѣтей. Мы далеко не охватили этимъ всѣхъ проявленій жизни, подлежащихъ воз-

дѣйствию церковной дисциплины; но этого достаточно, чтобы видѣть, насколько широки задачи нашей миссіи въ упорядоченіи жизни семейной и общественной на церковныхъ началахъ.

Каковы теперь задачи миссіонерства въ отношеніи вообще практической жизни православныхъ?

По свидѣтельству миссіонеровъ, однимъ изъ главныхъ побужденій къ переходу изъ православія въ сектантство является у прозелитовъ убѣжденіе, что у нихъ нравственный уровень, и личный и общественный, вообще выше, что заповѣди Евангелія находятъ болѣе широкое и болѣе послѣдовательное примѣненіе у „евангелическихъ христіанъ“. И намъ приходилось слышать отъ совратившихся въ секты такіе доводы послѣ увѣщанія: „когда я былъ православный, тогда я пьянствовалъ, сквернословилъ, билъ жену, дѣтей, оставлялъ ихъ безъ пропитанія, а теперь я, оставивъ православіе, сдѣлался хорошимъ человѣкомъ. Кто меня просвѣтилъ; къ тому я теперь и обращаюсь“. Отсюда дѣлается умозаключеніе, что Православная Церковь не есть святая и непорочная. Подобные отзывы, не смотря на ихъ утрировку и несостоятельность, требуютъ вниманія со стороны нашей миссіи. При усиленной агитаціи и пропагандѣ расколо-сектантской, всякія явленія обобщаются, обращаются на пользу пропаганды и во вредъ Церкви. Нельзя не отмѣтить того факта, что среди православнаго русскаго народа дѣйствительно замѣчается большой упадокъ нравственности, и это, очевидно, имѣетъ рѣшающее значеніе въ религіозной жизни. Чтобы привлечь невѣрныхъ, чтобы укрѣпить въ православіи чадъ Церкви и сдѣлать ихъ болѣе устойчивыми въ отношеніи всякихъ стороннихъ вліяній, необходимо, слѣдовательно, поднять общій уровень нравственности православныхъ. Нравственная жизнь ихъ чудодѣйственно повліяетъ на расколъ и сектантство. Поднять уровень нравственности, упорядочить жизнь семейную, общественную—вотъ задача нашей миссіи.

Какимъ же путемъ этого можно достигнуть?—Мы указали выше на миссіонерскія мѣры: упорядоченіе проповѣдничества, упорядоченіе богослужебной практики. Теперь мы подходимъ къ коренному вопросу, отъ рѣшенія котораго, по нашему мнѣнію, зависть успѣхъ миссіонерскаго дѣла во всѣхъ отношеніяхъ, къ вопросу объ оживленіи приходскаго строя. Обстоятельствами времени требуется вызвать къ активной дѣятельности всѣхъ чадъ Православной Русской Церкви, а это возможно будетъ тогда, когда сорганизуется приходъ по типу христіанскихъ общинъ первыхъ вѣковъ христіанства и старыхъ временъ Церкви Русской. Въ организованной приходской жизни всѣ члены будутъ соединены общими интересами въ дѣлахъ Церкви. Общность интересовъ заставитъ каждого вѣрующаго слѣдить за жизнію общества и каждого члена въ отдѣльности и содѣйствовать общему преуспѣянію въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Безъ приходской организаціи невозможно для обыкновеннаго смертнаго проявленіе христіанской любви во всей силѣ и въ наилучшей формѣ, потому что нѣтъ тѣсной внутренней связи между членами. Хотя и есть объединяющій всѣхъ христіанъ извѣстнаго района центръ—церковь, хотя и есть пастырь одинъ для всѣхъ, но связь между пастыремъ и пасомыми и послѣднихъ между собою чисто внѣшняя, формальная. Церковь нынѣ перестаетъ быть центромъ жизнедѣятельности многихъ чадъ. Пастырь для пасомыхъ важенъ потому, что онъ ведетъ метрическія записи и всякую переписку и совершаетъ требоисправленія; во внутреннюю жизнь прихожанъ онъ не можетъ входить. Въ церковно-общественной жизни православные находятся въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ раскольники и сектанты. Эти имѣютъ преимущество въ томъ, что составляютъ организованныя общины, которыми руководятъ полноправные вожаки; во внутреннемъ управленіи общины не стѣснены никакими ограниченіями; когда потребуется, составляютъ съѣзды и общія собранія безъ разрѣшенія начальства. Общинное устройство опекаетъ каждого члена съ дѣтства и не

даетъ ему возможности выйти изъ общины. Напротивъ послѣднія пополняются постоянно прозелитами. Этого у православныхъ нѣтъ. Намъ приходилось вести дѣла объ изыятіи православныхъ дѣтей изъ-подъ опеки раскольниковъ и сектантовъ. Не смотря на строгіе консисторскіе указы объ изыятіи дѣтей изъ семействъ расколо-сектантскихъ, мы не могли этого сдѣлать, потому что столкнулись съ вопросомъ, гдѣ и какъ устроить этихъ дѣтей-сиротъ, чтобы они получили православное воспитаніе. При организаціи приходовъ подобныя явленія недопустимы. Православныя дѣти всѣхъ прихожанъ были бы предметомъ заботъ цѣлой общины, и никто не могъ бы ихъ похитить. Труженики и радѣтели миссіонерскаго дѣла взываютъ о ненормальностяхъ нашей церковно-общественной жизни, препятствующей успѣхамъ миссіи. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за истекшій 1908 г. № 18, въ статьѣ „Приходъ и миссія“. Преосвященный Андрей, еп. Мамадышскій, пишетъ: „Почему Церковь теряетъ свое вліяніе на всемъ инородческомъ Поволожьи? Потому, что церковное дѣло ни для кого не интересно, потому что у самыхъ искреннихъ, религіозныхъ, истинно-церковныхъ людей систематически отбивали и отбиваютъ всякое желаніе служить Церкви, имѣтъ хоть какое-нибудь отношеніе къ Церкви и къ духовенству. Православный христіанинъ въ своемъ храмѣ только гость. Онъ имѣетъ право только стоять въ храмѣ или около храма: въ храмѣ онъ можетъ ради Христа давать, а около храма принимать. И только! Если онъ видитъ хотя бы и вопіющія безобразія въ церковной жизни, онъ имѣетъ право только во всѣхъ смыслахъ слова уходить изъ Церкви, но правъ заботиться о церковной жизни ему не дано. И что же выходитъ?—Выходитъ то, что любой чернорабочій магометанинъ: ямщикъ, торговецъ, старуха, дома непригодная ни къ чему,—всѣ они являются убѣжденными пропагандаторами магометанства. И въ то же время православный буквально не пошевелитъ пальцемъ, если узнаетъ, что его сосѣдь ушелъ въ инославіе или иновѣріе, а интеллигентъ при этомъ ска-

жетъ: „ну, что же, такое его убѣжденіе“! А у говорящаго это нѣтъ рѣшительно никакого убѣжденія.

Ясно, что задачи мисіонерства должны быть направлены къ тому, чтобы пробудить въ православномъ народѣ живой интересъ къ дѣламъ религіознымъ, церковнымъ. Если это пробужденіе совершится въ добромъ направленіи, то послѣдствіемъ его будетъ быстрое развитіе народнаго образованія, подъемъ нравственности, общественной и индивидуальной, широкое развитіе благотворительности, этого лучшаго показателя христіанскаго направленія жизни. А для этого пробужденія необходимы измѣненія внѣшнихъ формъ церковно-общественной жизни, чѣмъ и занято теперь высшее церковное управленіе, и что составляетъ теперь предметъ обширной духовной литературы. Всѣ сознали необходимость реформированія церковныхъ приходовъ. Это работа сложная, гигантская и на пути своемъ встрѣчаетъ и встрѣтитъ много препятствій теоретическаго и практическаго характера¹⁾, но она безспорно должна принести хорошіе плоды въ смыслѣ мисіонерскомъ. Приходской вопросъ есть коренной вопросъ и для мисіонерства. Уже сдѣланы первые шаги въ дѣлѣ реформированія приходовъ учрежденіемъ по нѣкоторымъ мѣстамъ церковныхъ совѣтовъ и приходскихъ собраній. За короткое время послѣдніе проявили благотворительную дѣятельность въ жизни церковной. Но эти опыты частичные. Въ общемъ же дѣятельность церковно-мисіонерская идетъ по старому пути, только съ бѣльшею энергією; выражается она въ составленіи проектовъ объ открытіи разныхъ церковно-патріотическихъ пастырствъ, Братствъ имени патр. Гермогена (въ Москвѣ), сестричествъ, о созывѣ съѣздовъ, о возвышеніи служебныхъ правъ и положенія мисіонеровъ свѣтскихъ, объ изысканіи матеріальныхъ средствъ и способовъ денежныхъ сборовъ и пр.

¹⁾ См. брошюру автора „Возрожденіе прихода въ русской церкви“ изъ журнала „Вѣра и Разумъ“ № 19 за 1906 г.

Тѣмъ временемъ, пока у насъ составляются проекты, расколь и сектантство, сплоченные въ своихъ общинныхъ организаціяхъ, ведутъ дѣятельную работу, наполнили всѣ веси и города на всемъ пространствѣ православной Россіи и уловляютъ въ свои сѣти сотни и тысячи нашихъ братій. Съ отмѣною ограничительныхъ законовъ, раскольники и сектанты дѣйствуютъ съ ожесточеннымъ напоромъ, точно прорвалась гдѣ-то плотина, и на нивы Божіи нахлынули рѣки изъ стоячихъ мутныхъ водъ. Затоплены низменные мѣста съ жилищами темнаго русскаго народа.

Но есть еще острова, которыхъ нельзя затопить,—это единицы и семьи вѣрныхъ чадъ Церкви Православной, которыхъ несравненно болѣе *семи тысячъ* (3 Цар. 19, 18), и которыя находятъ успокоеніе въ лонѣ православія. Они должны составить общины христіанскія, или приходы. Они должны возродиться къ активной живой дѣятельности, и будутъ они, въ приходской организаціи, неодолимыми для вражескихъ силъ. И когда это совершится, т. е. когда самымъ дѣломъ будутъ призваны всѣ вѣрующіе къ активной работѣ, тогда не понадобятся спеціальныя миссіонеры и миссіонерскія учрежденія. Миссіонерскія функціи будетъ выполнять сама Церковь—пастыри и пасомые.

Но, быть можетъ, возрожденіе прихода есть облеченная въ ходячее выраженіе мечта, которою нынѣ церковные дѣятели стараются только утѣшить искателей идеальныхъ формъ церковно-общественной жизни?—Нѣтъ, опытъ первыхъ христіанъ говоритъ, что лучшей организаціи христіанской быть не можетъ, какъ община, и частичные опыты нашихъ дней—въ учрежденіяхъ церковныхъ совѣтовъ и собраній—говорятъ о томъ же. Вновь учрежденные институты уже вызвали дремлющія силы прихожанъ. Благодаря этимъ учрежденіямъ, замѣчается улучшеніе въ христіанскомъ обществѣ, ослабляется пьянство и другіе пороки, развивается благотворительность въ лучшей формѣ; порочные люди, если не за совѣсть,

то за страхъ предъ собраніемъ прихожанъ, сдерживаютъ свои порочныя наклонности и пр.

Но, быть можетъ, проектируемые приходы выродятся въ общины сектантскія съ духомъ нѣмецкимъ, или въ учрежденія совершенно не церковныя, какъ нѣкоторые опасаются¹⁾, и тѣмъ сослужать только службу для расколо-сектантства?—Будущее въ рукахъ Божіихъ. Но мы видимъ, что при настоящемъ строѣ церковной жизни создались такія затрудненія, что возникаетъ по нѣкоторымъ мѣстамъ вопросъ о закрытіи храмовъ за переходомъ православныхъ прихожанъ въ сектантство („Кіевлянинъ“ 28 янв. с. г.), что явилась необходимость въ нарочитыхъ учрежденіяхъ—миссіонерскихъ братствъ при всѣхъ церквахъ Харьковской епархіи. Въ Сумскомъ уѣздѣ, по послѣднимъ отчетамъ, штундизмъ растетъ не по днямъ, а по часамъ; гдѣ были десятки, тамъ теперь сотни. Слѣдовательно, при настоящемъ строѣ церковной жизни можно ожидать только возрастающихъ завоеваній со стороны расколо-сектантства. Сама жизнь диктуетъ дѣятельность сиѣшную, не на бумагѣ, а на дѣлѣ, въ смыслѣ организаціи новыхъ формъ церковныхъ. Мы видимъ, что *разногласія* въ лонѣ Русской Церкви, крайне обострились, по отсюда должны непремѣнно открыться *искусные* дѣятели на поприщѣ религіозно-нравственномъ, миссіонерскомъ (1 Кор. 11, 19). Эти искусные и должны составить то ядро въ приходѣ, которое будетъ противостоять напору расколо-сектантства. За этими искусными, лучшими прихожанами послѣдуютъ слабые въ вѣрѣ. Это ядро искусныхъ будетъ малое по численности, но ему принадлежитъ будущее, какъ *молодому стаду* Христову принадлежитъ царство Божіе. „Къ чему нашему народу, скажемъ словами О. М. Достоевскаго, учиться у сектантовъ по-нѣмецки, чтобы пѣть псалмы? Не заключается ли все, чего ищетъ онъ, въ православіи? Не въ немъ

¹⁾ Брошюра Л. А. Тихомирова: „Современное положеніе приходскаго вопроса“.

ли однимъ и правда и спасеніе народа русскаго, а въ будущихъ вѣкахъ и всего человѣчества?“ Будущее не принадлежитъ расколо-сектантству. Хотя съ изданіемъ новыхъ вѣроисповѣдныхъ законовъ оно получило благоприятныя условія для своего виѣшняго распространенія, но здѣсь же и начало его умаленія: оно потеряло обаяніе гонимыхъ за правду. Не къ нему, а къ малому стаду преданныхъ православію людей обратятся ищущіе правды Божіей и найдутъ для своей души пищу и питье здѣсь, а не въ организаціяхъ сектантскихъ нѣмецкаго духа. Русскій православный народъ, по выраженію того же писателя, носитель Христа, Богоносець, — онъ по природѣ миссіонеръ. Надо только выйти ему изъ тьмы невѣжества и просвѣтиться свѣтомъ Евангелія по указанію Церкви Божіей, надо его вызвать къ живой, активной дѣятельности. Это есть первая и высшая задача нашей внутренней миссіи. Это главнѣйшая задача, предъ которой всѣ временныя мѣропріятія миссіонерскія не имѣютъ никакой цѣны.

Протоіерей *Димитрій Говоровъ*.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

По физикѣ, во время моего пребыванія въ среднемъ отдѣленіи семинаріи, смѣнились два наставника. Одинъ годъ преподавалъ намъ физику Иванъ Григорьевичъ Любомудровъ, у котораго я учился математикѣ. Но когда онъ въ концѣ перваго учебнаго года (1848—9) опредѣленъ былъ смотрителемъ Муромскаго духовнаго училища, на его мѣсто перешелъ Григорій Θεодоровичъ Соколовъ, бывшій до того времени, по окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи, исправляющимъ должность смотрителя Владикавказскаго духовнаго училища.

¹⁾ См. № 40-й за 1909-й г.

Иванъ Григорьичъ Любомудровъ былъ исправный наставникъ, довольно знающій свой предметъ и старательно готовившійся къ урокамъ. Но по связи съ математикой физика у учениковъ семинаріи была въ числѣ мало чтимыхъ наукъ. И этого предубѣжденія противъ физики и математики не могли поколебать распоряженія высшей власти въ протасовскій періодъ, направленные къ возвышенію этихъ наукъ и къ возбужденію къ нимъ большаго вниманія въ семинаріяхъ. „Ни объ одномъ изъ богословскихъ предметовъ семинарскаго курса не было проявлено въ этотъ промежутокъ времени, говоритъ историкъ Владимірской семинаріи, ¹⁾ столько заботливости, ни одному не удѣлено столько вниманія, сколько предметамъ математическимъ и естественно-научнымъ“. Но все напрасно. Оставалось прежнее невнимательное отношеніе учениковъ къ этимъ наукамъ. У учениковъ меньше было старанія усвоить уроки учителя, чѣмъ у учителя преподавать ихъ. Желаящіе, впрочемъ, у Ив. Гр. Любомудрова могли получать и получали достаточныя свѣдѣнія на преподаваемой имъ наукѣ. По физику, подъ его руководствомъ, мы изучали чисто теоретически, имѣя подъ руками физику Ленда, признанную тогда лучшею учебною книгою по этому предмету. Физическаго кабинета мы не видали,—не видали никакихъ физическихъ аппаратовъ и инструментовъ, и никакихъ физическихъ опытовъ не показывали, намъ, въ поясненіе теоретическаго изложенія научныхъ формулъ. Въ этомъ заключался существенный недостатокъ преподаванія физики Любомудровымъ.

При преемникѣ Ив. Гр. Любомудрова, Григоріи Θεодоровичѣ Соколовѣ дѣло изученія и преподаванія физики пошло значительно хуже. Стремясь изъ Владикавказа на родину, Григорій Θεодоровичъ рѣшился проситься на опроставшуюся во Владимірской семинаріи каѳедру физико-математи-

¹⁾ Исторія Владимірской семинаріи, И. Малицкаго. Вып. II, стр. 319--320.

ческихъ наукъ, знаніемъ которыхъ онъ не владѣлъ надлежащимъ образомъ, надѣясь изучить ихъ, когда придется преподавать ихъ. Но на это не стало у него терпѣнія и энергіи, и онъ явился и потомъ остался навсегда неумѣлымъ хозяиномъ-распорядителемъ въ дѣлѣ, ему порученномъ или имъ взятомъ на себя. Ученики сразу замѣтили, что онъ плохой знатокъ своего дѣла; въ особенности это рѣзко замѣтно было, когда ему приходилось дѣлать математическія вычисленія. На его вялое и неумѣлое преподаваніе ученики отвѣчали ему полнымъ невниманіемъ, и физика, стоявшая порядочно при прежнемъ усердномъ наставникѣ, теперь стала предметомъ, совершенно заброшеннымъ. Не успѣвъ сначала списать авторитетъ у учениковъ, онъ потомъ падалъ въ ихъ мнѣніи до возможно низкаго уровня. Малая освѣдомленность его въ своемъ предметѣ отмѣчена была въ отчетѣ и ревизора. Архимандритъ Сергій, ревизовавшій Владимірскую семинарію въ 1850 году, въ своемъ отчетѣ о Гр. Θ. Соколовѣ замѣтилъ, что „ошибки учениковъ не возбуждали въ немъ желанія обнаружить мѣру своихъ познаній“. И Правленіемъ Московской академіи ему поставлена на замѣчаніе недостаточность вниманія его къ своему дѣлу и сравнительно меньшая благоуспѣшность учениковъ ¹⁾.

Въ исторіи Владимірской семинаріи разсказывается о разныхъ безобразіяхъ, какія допускались въ классѣ Григорія Θεодоровича, вслѣдствіе паденія его наставническаго авторитета. Занимались у него (говорится тамъ) ²⁾ только нѣсколько человѣкъ; остальные вели себя въ классѣ на его урокахъ такъ свободно и непринужденно, какъ будто наставникъ здѣсь совсѣмъ и не присутствовалъ. Болѣе благонамѣренные занимались своими дѣлами, или толковали о разныхъ предметахъ, а озорники доходили чуть ли не до игры въ чехарду(?). Въ послѣдніе годы службы Григорія Θεодоровича его авторитетъ

¹⁾ Исторія Влад. семинаріи. Вып. 11, стр. 375.

²⁾ Тамъ же, стр. 262—3.

среди учениковъ палъ окончательно, и начались издѣвательства, носившія, правда, шутливый характеръ, но дѣлавшія Григорія Ѳеодорыча мученикомъ своей профессіи. Рассказываютъ, что со времени открытія Московско-Нижегородской желѣзной дороги любимымъ развлеченіемъ учениковъ на урокахъ Григорія Ѳеодорыча являлось воспроизведеніе въ лицахъ отхода поѣзда отъ платформы. Одинъ, при помощи заслонокъ отъ печи, давалъ сигналъ къ выходу поѣзда, другой изображалъ свистокъ, третій пыхтѣлъ локомотивомъ, и наконецъ цѣлая группа топала и стучала, симулируя вагоны. Все это взбиралось на парты, смѣялось, шумѣло. Въ концѣ концовъ Григорій Ѳеодорычъ выходилъ изъ себя, и пинками, толчками разгонялъ участниковъ безобразія, давая при этомъ поводъ къ взрыву смѣха, къ гаму и шуткамъ“. Въ наше время (т. е. когда я учился у Григорія Ѳеодорыча въ концѣ сороковыхъ годовъ) подобныя сцены были невозможны. Имя Григорія Ѳеодорыча не было у насъ въ почетѣ. Но среди насъ дисциплина держалась строже, и мы вели себя по отношенію къ нему добропорядочнѣе: на урокахъ его сидѣли тихо и не шумѣли, и никакихъ дерзкихъ выступленій противъ него мы не позволяли себѣ.

Въ 1870 году я посѣщаль родныя страны, и Григорій Ѳеодорычъ, послѣ преобразованія семинаріи въ 1869 году оставшійся заштатомъ, не успѣвъ повидать меня во Владимірѣ, нарочито приѣзжалъ ко мнѣ въ Вязники, гдѣ я имѣлъ пресбываніе, чтобы просить моего содѣйствія къ опредѣленію его бібліотекаремъ Кіевской духовной академіи (онъ женатъ былъ на кіевлянкѣ). Это было въ іюль мѣсяцѣ, а 6 августа того же 1870 года онъ скончался.

Естественная исторія и сельское хозяйство, въ годы моего обученія въ семинаріи, были новыми предметами. Они начали преподаваться въ семинаріи только съ 1846-го года, когда я поступилъ изъ училища въ семинарію. Когда положено было ввести эти предметы въ курсъ семинарскихъ наукъ, семинарія, для приготовленія наставниковъ по этимъ

предметамъ, по распоряженію Св. Синода, должны были избрать и послать способныхъ воспитанниковъ въ Горыгорѣцкую земледѣльческую школу, чтобы они тамъ изучили курсъ сельскаго хозяйства. Изъ Владимірской семинаріи (въ 1843 году) отпращены были въ Горыгорѣцкую школу два воспитанника Ставровскій и Дубенскій. Пробывъ три года въ школѣ, они въ 1846 году явились въ семинарію, и открыли курсъ своихъ чтеній по естественной исторіи и сельскому хозяйству. Часы для ихъ уроковъ назначены были въ среднемъ отдѣленіи и частію въ высшемъ. Дубенскій былъ преподавателемъ въ первомъ отдѣленіи, а Ставровскій во второмъ. Я въ среднемъ отдѣленіи слушалъ уроки Ставровскаго, а въ высшемъ Дубенскаго. Оба они, открывъ уроки въ семинаріи, произвели хорошее впечатлѣніе на учениковъ и снискали репутаціи умныхъ наставниковъ.

Николай Яковлевичъ Дубенскій былъ живой, бойкій человекъ, обладавшій блестящимъ даромъ слова. Онъ могъ живо и увлекательно читать свои лекціи, если бы видѣлъ полное вниманіе къ нимъ со стороны учениковъ. Но того онъ не замѣчалъ, а потому не всегда, а изрѣдка отъ него слышалась занимательная, большею частію, импровизованная рѣчь. Скоро послѣ своего появленія на учебной службѣ въ семинаріи, онъ вошелъ въ сношеніе съ свѣтскимъ обществомъ, и пріобрѣлъ извѣстность среди владимірскаго дворянства, какъ даровитый человекъ и ученый знатокъ сельскаго хозяйства. Онъ избранъ былъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, и въ литературѣ заявилъ себя многими дѣльными статьями, относящимися къ предмету его спеціальности, и за эти статьи неоднократно получалъ награды. Въ семинаріи онъ прослужилъ десять лѣтъ (обучавшимся въ Горыгорѣцкой школѣ на казенный счетъ семинаристамъ поставлено было въ непремѣнную обязанность прослужить въ званіи наставниковъ не менѣе шести лѣтъ, если они по истеченіи этого срока захотятъ поступить въ священники, а если они не захотятъ поступить въ духовное званіе,—то десять лѣтъ).

Выслуживъ узаконенный срокъ, Н. Я. Дубенскій вышелъ на гражданскую службу, служилъ въ Департаментѣ удѣловъ, но блестящей карьеры себѣ не составилъ. Онъ сильно началъ служить Бахусу и страдалъ запоемъ; вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ оставить службу. Въ послѣдніе годы онъ велъ жизнь интеллигентнаго, сбившагося съ пути, пролетарія, вынужденнаго выпрашивать себѣ у знакомыхъ какой-либо подачки для удовлетворенія крайнихъ нуждъ его. Скончался онъ въ 1892 году въ Судогодской больницѣ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, почти половину своей жизни вращаясь въ разныхъ мѣстахъ, какъ бездомный скиталець-пролетарій.

Василій Алексѣевичъ Ставровскій былъ болѣе скромный челоѣкъ, чѣмъ Дубенскій. Онъ не заявлялъ себя, внѣ семинаріи, ни литературною, ни общественною дѣятельностію, и мало былъ извѣстенъ свѣтскому обществу. Но репутація его, какъ умнаго челоѣка, у учениковъ чтилась такъ же, какъ и Дубенскаго. Можно даже сказать, что ученики его больше любили, чѣмъ Дубенскаго; онъ держалъ себя по отношенію къ ученикамъ ближе, чѣмъ его товарищъ, и никогда не позволялъ себѣ такихъ рѣзкостей, какія иногда срывались изъ устъ Дубенскаго. Служилъ онъ въ семинаріи тоже около десяти лѣтъ и скончался въ 1857 году, когда Дубенскій оставилъ службу въ семинаріи.

Проф. *Василій Пьвницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Постановленіе Могилевскаго епархіальнаго съѣзда по поводу вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ Государственной Думы.

Могилевскій епархіальный съѣздъ обсуждалъ заявленіе нѣкоторыхъ депутатовъ о томъ, что съѣзду духовенства необходимо выразить въ такой или иной формѣ свое отноше-

ніе къ вопросу о положеніи Православной Церкви, которая послѣдними постановленіями Государственной Думы низведена въ разрядъ не только инославныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, но и иновѣрныхъ. Постановленіе съѣзда выражено въ такой формѣ:

„Съѣздъ духовенства Могилевской епархіи вѣрить и надѣется, что вѣрный сынъ Православной Церкви и ея мощный покровитель Государь Императоръ не допуститъ совершиться печальному и чреватому безмѣрными послѣдствіями низведенію Православной Церкви, вопреки прямому смыслу основныхъ законовъ, съ положенія господствующей, какъ единственной выразительницы вѣчной Христовой истины, до одинаковаго значенія въ искони православномъ государствѣ съ неистиннымъ ученіемъ другихъ вѣроученій. Надѣется съѣздъ, что и другое государственное учрежденіе, рядомъ съ Государственной Думой вѣдающее интересы и нужды государства, не осмѣлится поднять руку на народную святыню. Но если; по невѣдомымъ судьбамъ Промысла, и собратъ забывшій свой долгъ и потерявшій въ свободѣ свою совѣсть Думы встанетъ на ложный путь равнодушія къ правдѣ, то покорнѣйше просить его преосвященство отъ своего имени и отъ имени духовенства епархіи предстательствовать предъ Державнымъ Покровителемъ вѣры православной, вручить дѣла о вѣрѣ и Церкви освященному собору Россійской Православной Церкви, который одинъ можетъ справедливо почитаться компетентнымъ судьей въ этихъ дѣлахъ и вопросахъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 6-го октября 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 42.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года октября 18-го дня.

Содержаніе: I. Значеніе христіанскаго идеала въ общественной жизни. Кир. Тихоміровъ.—II. Миссія православія среди евреевъ. (Окончаніе). Свяш. В. П.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—IV. Забѣтка. Къ сожалѣнію.

Значеніе христіанскаго идеала въ общественной жизни.

„Ищите прежде царства Божія
и правды Его, и все приложится
вамъ (Мф. 6, 33).

Въ настоящее время вопросы о христіанствѣ и именно вопросы о его сущности, о его отношеніи къ наукѣ, къ искусству, о его значеніи для общественной и государственной жизни, сдѣлались животрепещущими вопросами для всѣхъ тѣхъ членовъ образованнаго общества, которые еще не утратили интереса къ духовной жизни человѣчества. Вопросъ, предложенный читателямъ въ настоящемъ очеркѣ, есть вопросъ весьма сложный, и обстоятельное разрѣшеніе его мо-

жетъ быть сдѣлано только послѣ обзрѣнія многовѣковой жизни человѣчества и указанія вліянія христіанскаго идеала, или вообще христіанства, на науку, на искусство, на общественную нравственность, — однимъ словомъ, вліянія христіанскаго идеала на всѣ тѣ историческія явленія, въ которыхъ совершался переходъ людей отъ дохристіанскаго ихъ состоянія къ тому состоянію, въ которомъ мы видимъ ихъ въ настоящее время. — Конечно, невозможно и думать о томъ, чтобы изложить въ одномъ очеркѣ все обиліе историческихъ данныхъ, относящихся къ этому предмету; и потому мы ставимъ предъ собою болѣе скромную задачу, именно — только въ самыхъ общихъ чертахъ указать на значеніе христіанскаго идеала въ общественной жизни.

Идеалы составляютъ высшее содержаніе человѣческой жизни и сообщаютъ ей высшее достоинство. Они суть то, что есть прочнаго въ преходящемъ, неизмѣннаго и вѣчнаго во временномъ. Хотя и были эпохи въ исторіи, когда человѣчество теряло идеалы, предаваясь недостойному человѣка существованію, но эти времена проходили, и человѣчество вновь оживало и возвышалось. И это совершалось не иною силою, какъ введеніемъ въ человѣчество новаго идеала, — путемъ *не революцій*, а реформъ. Если потому и въ нашу эпоху атеистическій и материалистическій духъ времени разрушаетъ высочайшіе идеалы жизни, то это есть временная болѣзнь, которая пройдетъ, когда путемъ осмотрительныхъ и разумныхъ реформъ вновь будетъ введенъ и оживленъ въ обществѣ высочайшій идеаль жизни. Мы говоримъ объ „идеалѣ“, а не „идеалахъ“, потому что у языческихъ народовъ и сами идеалы были несовершенны, и потому неизбежно должны были падать и смѣнялься, а съ христіанствомъ введенъ въ человѣчество идеаль совершенный и неизмѣнный, хотя и онъ нерѣдко помрачался и искажался въ исторіи. Но во всякомъ случаѣ незыблемость этого идеала, какъ вообще силы христіанства, достаточно сказались въ теченіе тысячелѣтій на европейскихъ государствахъ. Между

тѣмъ какъ языческія государства одно за другимъ переходили и падали, христіанскія государства вотъ уже второе тысячелѣтіе живутъ и долго будутъ жить, такъ какъ имѣютъ въ себѣ въ настоящее время весьма достаточно силъ. Греція и Римъ, славнѣйшія древнія языческія государства, которыхъ граждане были столь же разсудительны, столь же мужественны, столь же патріотичны, столь же эстетичны, столь же риторичны и дипломатичны, какъ и мы, тѣмъ не менѣе по истеченіи тысячелѣтія прешли и погибли; между тѣмъ христіанскія государства, имѣющія не меньше враговъ, какъ и древнія языческія, по прошествіи тысячелѣтія своего существованія находятся въ полномъ расцвѣтѣ. Слѣдовательно, въ христіанствѣ, которое по ученію Іисуса Христа будетъ не-смѣняемою религіею до скончанія міра, мы имѣемъ высочайшій и совершеннѣйшій идеаль жизни.

Христіанскій идеаль—больше, чѣмъ религіозное убѣжденіе; онъ есть сила, охватывающая всѣ стороны души; онъ есть то, что роднитъ и соединяетъ духовно не только въ вѣрованіи, упованіи, въ чувствѣ, но и въ единствѣ стремленій и даже навыковъ и традицій,—онъ есть начало общественное. Неизгладимый слѣдъ его лежитъ на всемъ,—на законодательствѣ, бытѣ общественномъ, искусствѣ, наукѣ и т. д. Евангельскимъ идеаломъ живутъ и движутся его духомъ и идеями безсознательно даже тѣ, которые отрицаютъ его. Многія идеи и чувства, выраженные въ нагорной проповѣди Іисусомъ Христомъ, отчасти и цѣликомъ въ качествѣ непреложныхъ истинъ и руководящихъ нормъ жизни вошли въ умственный и нравственный обиходъ культурнаго человѣчества, создавъ и давая въ немъ все то лучшее, что оно по наивности приписываетъ себѣ,—своей наукѣ, политикѣ, философіи, своему „прогрессу“. Современная цивилизація, несомнѣнно, обязана христіанскому идеалу понятіями о правахъ и достоинствѣ человѣческой личности, идеею братства, равенства, свободы, уничтоженіемъ рабства, семейнаго деспотизма, смягченіемъ военныхъ жестокостей, широкимъ разви-

тѣмъ благотворительности и филантропіи и многими другими, часто неувимыми вліяніями на право, семейную, общественно-политическую жизнь, на науку, на искусство, особенно на литературу. Таково значеніе христіанскаго идеала для жизни цѣлаго человѣчества и отдѣльныхъ обществъ.

Поэтому глубоко ошибаются тѣ, (а ихъ не мало въ наше время), которые при устроеніи личной или общественной жизни, забывъ Бога, евангельскій идеаль, всѣ упованія свои возложили на самихъ себя, на свой разумъ и силу, а въ нынѣшнее время въ особенности—на точную науку. Но мы уже видѣли „благотворные“ результаты дѣятельности такихъ реформаторовъ“. Кажется, опытъ былъ (года 3—4 тому назадъ) достаточно полонъ и достаточно поучителенъ; кажется, онъ ясно доказалъ намъ, что наше время можетъ вызвать изъ нѣдръ общества такія грозныя, до сихъ поръ дремавшія въ немъ стихіи самолюбія и жестокости, которыя способны разорвать въ клочки и растащить по частямъ весь выработанный вѣками религіозно-нравственный міръ нашъ, если не встрѣтятъ могучаго противовѣса въ другихъ болѣе человѣчныхъ, болѣе общественныхъ началахъ нашей жизни, популярнымъ выраженіемъ которыхъ служилъ система христіанской нравственности. Мы уже испытали въ послѣдніе годы, до степени какого звѣрства и полнаго уничтоженія человѣческаго достоинства доходятъ инстинкты озлобленнаго самолюбія, когда они работаютъ въ средѣ, безсильной дать отпоръ въ твердо установленныхъ привычкахъ и убѣжденіяхъ религіозно-нравственной жизни. При отсутствіи этихъ истинно консервативныхъ началъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этихъ словъ, сила, самая ничтожная по размѣрамъ и самаго низшаго разбора по своему качеству, можетъ, какъ показалъ опытъ, принимать видъ чего-то грознаго и непобѣдимаго. Но эта мнимая грозность: и непобѣдимость, въ сущности, есть только наша собственная ничтожность, наша неспособность дать должный отпоръ тому, что само завлечетъ себя силою и беретъ на себя руководство нашими судьбами и нашею

волею. При подобной нравственной слабости и простотѣ возможны самыя дикія, самыя невообразимыя явленія, разъ только общество живетъ безъ религіозно-нравственнаго идеала, лишенное *внутри себя* духовно-христіанской структуры.

Науки и просвѣщеніе, культура и цивилизація двинулись далеко впередъ и идутъ съ году на годъ гигантскими шагами; и кто въ состояніи назначить имъ предѣлъ, дальше котораго онѣ не пойдутъ? А между тѣмъ наше время есть время общаго недовольства и разочарованія въ жизни и при томъ тогда, когда, повидимому, нѣтъ и особой причины для унынія и разочарованія. Не въ наше ли время возбуждено множество великихъ и практическихъ вопросовъ всеобщаго благосостоянія? Усилія науки, прикладныхъ знаній не направлены ли къ тому, чтобы увеличить общую сумму средствъ къ удовлетворенію всѣхъ потребностей человѣка? Культура не замыкается уже въ кругу классовъ избранныхъ; съ каждымъ поколѣвіемъ она все больше и больше проникаетъ въ народныя массы. Самыя массы эти сдѣлались, по видимому, предметомъ бѣльшаго попеченія, чѣмъ когда бы то ни было. Коротче сказать, если судить о наличности идеаловъ по количеству и широтѣ практическихъ цѣлей, по возвышенности и красотѣ принциповъ, то наше время можетъ гордиться своими идеалами.

Но для всякаго, кто сумѣетъ провѣрить отношеніе этихъ практическихъ цѣлей и высокихъ принциповъ къ *внутренней жизни человека*, станетъ ясно, что подъ этимъ шумомъ общественной жизни, подъ этими громкими фразами скрывается нѣкоторая *пустота* нашего „я“, слѣдовательно, того творческаго начала, которое одно можетъ создать дѣйствительный идеалъ. Формы нашей общественной жизни сдѣлались разнообразнѣе, предпріятія многочисленнѣе, но это потому, что самыя *условія* жизни сдѣлались сложнѣе, запросы разнообразнѣе, орудія мысли, экономическаго производства, сообщенія и т. д.—лучше. Мы ѣздимъ по желѣзнымъ дорогамъ, пользуемся телеграфомъ, телефономъ; устраиваемъ школы,

банки, разныя ассоціаціи и.. врядь ли можемъ отдать себѣ отчетъ въ нашемъ душевномъ настроеніи. Попробуемъ добраться чрезъ этотъ „строй экономическихъ предпріятій“ до внутренняго существа человѣка; допросимъ это прогрессирующее общество, какіе мотивы, какое міросозерцаніе, какой религіозно-правственный „строй“ лежитъ въ основаніи всей этой видимой горячки? Молчаніе... Только отъ времени до времени выдаетъ это общество свой грустный секретъ. То лопнувшій банкъ открываетъ картину невообразимаго хищничества; то судебный процессъ снимаетъ завѣсу съ мрачной семейной драмы; то страшный застой по желѣзнымъ дорогамъ и „несчастные случаи“ вскрываютъ секретъ печестнаго отношенія къ своему дѣлу желѣзнодорожной администраціи; то печати удается поймать за руку нечестивыя продѣлки тѣхъ, кому законъ ввѣрилъ защиту чести, имущества и свободы ближнихъ. Наилучшія общественныя формы дѣлаются орудіемъ своекорыстія; высокіе принципы вырождаются во фразы, лишеныя смысла; ими прикрываются часто возмутительныя инстинкты, гнусныя цѣли. И все это *безъ всякаго отпора* со стороны общества.

Среди этого хаоса человѣкъ не находитъ точки опоры для разумнаго и здраваго протеста; онъ не видитъ даже ближайшаго будущаго своей страны; онъ не знаетъ, куда унести его теченіе. Жизнь дѣлается неприятною и тяжелою обязанностью. Она похожа на длинную скучную и безсвязную лѣтопись, чтеніе которой можно прервать на любой страницѣ. Оборвалась страница—и человѣкъ сходитъ съ своего поприща безъ сожалѣнія.. Чего же не достаетъ этимъ людямъ? Общественныхъ и политическихъ партій, формулъ, принциповъ? Но и того, и другого, и третьяго они вездѣ теперь могутъ найти въ изобиліи,—языкъ отказывается исчислить всѣ эти заглавія разныхъ принциповъ, умъ не можетъ уловить всѣхъ оттѣнковъ партій.

Всего страшнѣе, если такимъ нравственнымъ хаосомъ, такую бессмысленною борьбою первобытныхъ духовныхъ атомовъ, не примиримыхъ другъ съ другомъ и несорганизовав-

шихся ни въ какое стройное цѣлое, замѣнится религіозно-нравственное міросозерпаніе нашего простого народа. Что это міросозерпаніе не останется безъ переменъ къ худшему, объ этомъ едва ли нужно говорить. Оно уже и теперь замѣтно уклонилось въ сторону отъ того идеала, который въ теченіе вѣковъ обособлялъ русскій народъ отъ вліянія другихъ религіозныхъ и соціальныхъ ученій; оно уже и теперь во многихъ отношеніяхъ распатано, во многихъ мѣстахъ получило трещины и пробоины. Уже мы видимъ зарожденіе на нашихъ глазахъ новаго типа дикаря, не вѣрующаго въ патриархальные системы нравственности и открыто смѣющагося надъ ними. Это существо съ предприимчивымъ умомъ и расчетливымъ мозгомъ человѣка, съ безчувственно-алчнымъ сердцемъ волка; оно ужаснѣе и отвратительнѣе всякаго звѣря. Кулачество и міроѣдство, составляющія почти обычное зло нашей деревни, убѣдительно всего говорятъ о томъ, насколько нашъ русскій селянинъ огрубѣлъ, находясь внѣ вліянія христіанскаго идеала и ученія Православной Церкви.

Гдѣ же спасеніе и выходъ изъ печальнаго положенія вещей, созданнаго современной цивилизаціей?—вотъ вопросъ, который серьезно задаетъ себѣ наше время. На него давно и вразумительно отвѣтила исторія. Она ясно говоритъ намъ, что возрожденіе или оживленіе человѣчества послѣ эпохъ разслабленія и изнеможенія совершалось не силою интеллектуальною, не силою экономической или политической, а силою нравственною. Поучительный примѣръ представляетъ возрожденіе человѣчества Исусомъ Христомъ. До Его пришествія на землю вниманіе древняго человѣчества приковано было преимущественно къ внѣшнему міру, высокое значеніе личности не было опознано, и верховные идеалы древнихъ культурныхъ народовъ по отношенію къ человѣку носили внѣшній характеръ. Вопросы о достоинствѣ человѣка, о правахъ личности, о братствѣ народовъ и многомъ другомъ тому подобномъ, если случайно когда и затрогивались, то всегда вскользь и никогда не выдвигались на первый планъ. Конечною цѣлью стремленій такъ наз. античнаго міра былъ

культъ физической красоты и грубой мускульной силы. Эстетикъ грекъ свои силы отдалъ первому, гордый владыка міра римлянинъ служилъ второму. Оба эти идеала были, наконецъ, достигнуты: Акрополь сіялъ небывалой красотой; слово крѣпкаго, могучаго Рима было закономъ для отдаленныхъ окраинъ земли. Но во имя чего было жить теперь активному міру? Новой идеи, которая бы властно захватила общество, не являлось, а старая отжила свой вѣкъ. Безъ воодушевляющаго же идеала, человѣкъ не можетъ жить, народная доблесть гибнетъ, общество разлагается. Не могъ продолжать свое существованіе и античный, греко-римскій міръ,—онъ палъ, долженъ былъ пасть, потому что идеалы, которые его воодушевляли, были *временны*, и, когда сила ихъ была исчерпана, ему нечѣмъ стало жить, некуда было дальше идти. Для возрожденія одряхлѣвшаго организма требовалось вдохнуть въ него новыя силы, необходимо было для духовной жизни человѣчества найти новыя начала. И вотъ на развалинахъ античнаго міра возгорѣлось новое солнце, новая путеводная звѣзда—ученіе Господа Иисуса Христа, которымъ (ученіемъ) центръ тяжести *извилъ* переносится внутрь человѣка. Духъ человѣка признается источникомъ общественной, политической и всякой другой жизни. Возвышеніе человѣческаго сердца, нравственное усовершенствованіе, духовный ростъ личности становятся главною задачею общества. Все остальное имѣетъ второстепенное значеніе. „*Ищите прежде всего царства Божія и правды Его, и все приложится вамъ*“, придетъ къ вамъ само собою, говоритъ Спаситель міра. Подъ „царствомъ Божиимъ“ разумѣется не только небесная жизнь, а и совершенная жизнь на землѣ,—жизнь основанная не на господствѣ насилія, грубаго эгоизма, а на началахъ всеобщей любви, Божіей любви, Божіей справедливости, признанія всѣхъ законныхъ правъ личности. Наступленіе этого „царства“ обусловлено нравственнымъ перерожденіемъ человѣка, обновленіемъ всего его внутренняго существа. „Истинно, говорю тебѣ,—сказалъ Иисусъ Христосъ Никодиму:—если кто

не родится свыше, не можетъ увидѣть царствія Божія“ (Іоанн. 3, 3). Въ другомъ мѣстѣ Іисусъ Христосъ говорилъ: „Царство Божіе не придетъ примѣтнымъ образомъ; и не скажутъ: вотъ оно здѣсь, или: вотъ, тамъ. Ибо вотъ, царствіе Божіе внутри васъ есть“ (Лук. 17 20—21). Вотъ новый идеаль,—идеаль не временный, а вѣчный. Идеалы древней Греціи и Рима можно было перерости, потому античный міръ и палъ. Новый идеаль, указанный Спасителемъ, не имѣетъ границъ; его нельзя пережить. „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“ (Матѣ. 5, 48),—вотъ завѣтъ Іисуса Христа людямъ. Только этотъ завѣтъ является залогомъ безконечной будущности нашей цивилизаціи. Ничего подобнаго до Спасителя люди никогда не слышали. Евангеліе впервые дало міру столь возвышенное и совершенное понятіе объ истинномъ смыслѣ жизни и тѣмъ поставило передъ человѣкомъ такой идеаль, который никогда не можетъ быть достигнутъ, но приближаясь къ которому, человѣчество будетъ становиться чище, нравственнѣе, совершеннѣе.

Божественный Сердцевѣдецъ, Христосъ Спаситель первый указалъ міру, что единственный источникъ общественной жизни есть духъ человѣка, и что, чѣмъ онъ совершеннѣе, тѣмъ совершеннѣе будетъ и все, имъ созданное. „Если вы хотите, чтобы измѣнилась окружающая васъ жизнь, говорить христіанскій идеаль, измѣнитесь сами, воспитайте сердце“. Общественная, братская, любовная жизнь, царство Божіе на землѣ возможны, только ихъ надо искать не гдѣ-нибудь вокругъ, не въ чемъ-нибудь внѣшнемъ, а внутри себя, въ своемъ сердцѣ. Сердце же не область вліянія науки, а царство религіи. Наука расширяетъ умственный горизонтъ человѣка, развиваетъ интеллектуальныя силы, увеличиваетъ нашу власть надъ природой, но возродитъ духовно человѣка, нравственно его возвыситъ она безъ содѣйствія религіи не можетъ. Научное образованіе можетъ измѣнить формы зла, сдѣлать ихъ болѣе утонченными, но уничтожить зло,

облагородить нравы—этого образованію не дано. Не наукѣ путемъ обновленія сердца вести людей къ усовершенствованію общественной жизни, такъ какъ знаніе, наука—это орудіе, которое можетъ быть и благотворно, и губительно, смотря по тому, какъ мы пользуемся имъ. Однако научное просвѣщеніе само по себѣ даетъ лишь дрессировку разума, и если человѣкъ по своей природѣ—хищная личность, то образованіе только изощряетъ ему зубы и оттачиваетъ когти. Наука не можетъ заставить человѣка измѣнить свою волю. Страхомъ или принужденіемъ можно заставить его отказаться отъ дурного дѣйствія, не отъ дурной воли, которая есть движеніе внутреннее, неподверженное внѣшней силѣ. Нравственное обновленіе человѣка обуславливается добровольнымъ подчиненіемъ силѣ, обладающей такую привлекательностью, которая обязываетъ совѣсть, глубоко волнуетъ чувствованія и склонности, вызываетъ къ дѣятельности все, что есть добраго въ нихъ, и даетъ возможность высшимъ сторонамъ человѣческой природы торжествовать надъ низшими. Такою силою для общества можетъ быть только христіанскій идеаль.

Источникъ всѣхъ дѣйствій человѣка есть его воля, и для того, чтобы человѣкъ дѣйствительно сталъ на сознанный имъ разумный, вѣрный путь жизни, недостаточно признанія ума, а нуженъ подвигъ, внутреннее движеніе воли. Удовлетворите должнымъ образомъ потребностямъ сердца; дайте сердцу такую задачу, которая бы плѣняла, чаровала его; поставьте предъ нимъ евангельскій идеаль, который однимъ только обаяніемъ своего величія покорилъ бы волю человѣка, и вы получите жизнь такую, какою она должна быть и можетъ быть. Ненормальность общественной нашей жизни, мрачный и безотраднѣйшій фонъ ея объясняются исключительно пренебреженіемъ къ потребностямъ сердца, являются результатомъ злой воли человѣка. Поэтому думалось бы, что наука о правильномъ воспитаніи сердца, воли должна имѣть у насъ самое широкое примѣненіе, какъ основная наука жизни. Между тѣмъ въ нашихъ школахъ преобладаетъ исключительно интелле-

ктуализмъ. Учениковъ много и многому учать, но почти совсѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма мало воспитываютъ, т. е., весьма мало сообщаютъ имъ нравственнаго содержанія. А потому отъ многоученія ученики не улучшаются. Заботамъ и средствамъ объ умственномъ образованіи отнюдь не должны уступать заботы и средства нравственнаго образованія или воспитанія сердца и воли. Заучивши на школьной скамѣ нѣсколько фактовъ изъ жизни Иисуса Христа, ученики считаютъ себя достаточно ознакомленными съ Евангелиемъ и затѣмъ часто всю жизнь не берутъ его въ руки. Вы не найдете ни одного человѣка, окончившаго хотя бы начальную школу, который не зналъ бы басенъ Крылова, и встрѣтите сотни людей съ ученымъ дипломомъ, которые не въ состояніи вамъ передать содержаніе нагорной проповѣди Иисуса Христа. Что удивительнаго послѣ этого, если люди при всемъ блескѣ культуры остаются по своей духовной природѣ грубыми звѣрями, если они не вѣрятъ въ лучшее будущее своей страны, въ братство, любовь къ ближнему, въ возможность царства Божія на землѣ; если они не хотятъ трудиться для того, чтобы большинство стало образомъ и подобіемъ Бога. Какъ мы можемъ избѣжать обычныхъ намъ нравственныхъ паденій, если не проникнемся духомъ Евангелія, если не поймемъ и не прочувствуемъ все величіе этой книги, какъ основы нашей частной и общественной жизни?

Не говорить ли все это ясно о томъ, что успѣхи современной культуры, цивилизаціи, основанные на началахъ экономическаго матеріализма, доставляютъ образованнымъ членамъ общества только внѣшнія удобства жизни, и одни они, безъ внутренняго-нравственнаго перерожденія, безъ переустройства общества въ духѣ христіанскаго идеала, въ духѣ любви и правды,—сдѣлать жизнь человѣческую и свѣтлую, и отрадною не въ силахъ. Первопричина всѣхъ нестроеній и бѣдъ общественной жизни заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ отрѣшенности современнаго человѣка отъ живой вѣры въ личнаго Бога. При вѣрѣ въ Бога человѣкъ носитъ

въ себѣ абсолютный идеаль, имѣеть въ себѣ абсолютное благо и абсолютную цѣль; тогда и независимо отъ всякаго человѣческаго общества онъ предполагаетъ въ себѣ полноту жизни и возвышается на степень абсолютной цѣнности своей личной жизни. Но отрѣшившись отъ вѣры въ Бога, гдѣ остается человѣку искать идеаль для своей жизни, гдѣ усмотрѣть высочайшее благо, гдѣ положить задачу и цѣль своей жизни? Не иначе, какъ въ человѣческомъ обществѣ; но мы видѣли и знаемъ цѣну общественныхъ идеаловъ и ихъ значеніе.

Итакъ, удовлетвореніе всѣхъ человѣческихъ стремленій къ лучшему будущему, несомнѣнно, лежитъ на пути Христовомъ, на пути къ достиженію христіанскаго идеала,— иныхъ путей нѣтъ и не будетъ.

Кир. Тихомировъ.

Миссія православія среди евреевъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Говорятъ далѣе, что изъ всѣхъ тысячъ крещенныхъ іудеевъ на всемъ протяженіи русской исторіи, не было ни одного имени, которое было бы большимъ приобрѣтеніемъ для Церкви; что крещенные іудеи не дали ни одного энтузіаста, проповѣдника, подвижника, что такъ свойственно вообще неофитамъ съ высокимъ подъемомъ религіознаго чувства;— что среди крещенныхъ іудеевъ наблюдается по отношенію къ православнои вѣрѣ только холодность и индиферентизмъ. Этому явленію нѣкоторое объясненіе нужно искать тоже въ насъ самихъ, въ томъ предубѣжденіи и недоверіи, которое крѣпко живетъ въ насъ въ отношеніи къ евреямъ. „Хоть и крещеный, а все же жидъ“, приходится нерѣдко слышать; православные еврейскаго происхожденія даже во

¹⁾ См. № 41-й за 1909 г.

второмъ и третьемъ поколѣніи стыдливо скрываютъ свое еврейское происхожденіе, такъ какъ многіе изъ насъ забываютъ, что въ Церкви Христовой нѣтъ ни эллиновъ, ни іудеевъ. Холодность нѣкоторыхъ крещеныхъ іудеевъ къ православной вѣрѣ объясняется и тѣмъ, что новообращенные изъ нихъ не имѣли послѣ крещенія нарочитаго и глубокаго религіозно-нравственнаго вліянія и попеченія, не были введены въ церковную жизнь, въ кругъ церковныхъ идей. На основаніи личнаго опыта и по свидѣтельству другихъ священниковъ утверждаемъ, что среди крещеныхъ евреевъ встрѣчаются и добрые христіане, и когда слышишь огульное осужденіе, а порою оскорбленіе такихъ евреевъ тяжело дѣлается и за тѣхъ, отъ кого это слышишь, и за тѣхъ, къ кому эти слова относятся. Въ такомъ, напр., названіи какъ „моченый“ еврей не оскорбляется ли и само великое христіанское таинство крещенія?

Сейчасъ у меня на глазахъ прихожанинъ изъ евреевъ (извозчикъ). Евреи его ненавидятъ, какъ ренегата, а православные (товарищи по профессіи) тѣснятъ, лишаютъ заработка и на каждомъ шагу оскорбляютъ, какъ бывшаго еврея; въ очередь (правило для извозчиковъ) не пускаютъ; какъ зачумленный стоитъ бѣднякъ въ сторонкѣ, ожидая рѣдкаго пассажира, а если и попадаетъ сѣдокъ, то въ догонку ему несутся насмѣшки, ругань обидное слово: „жидъ“. Бѣды одна за другою сыпятся на голову бѣдняка: сколотилъ хатенку—погорѣла;—надѣялся получить страховку—прогорѣло страховое общество („Надежда“); занялся мелкой торговлей,—обворовали до нитки. Бьется человѣкъ, какъ рыба объ ледъ, не встрѣчая нигдѣ ни помощи, ни ласки, ни добраго слова, и все же сохраняетъ постоянное добродушіе: ни злобы, ни вражды нѣтъ и тѣни.

А вотъ и другой случай. Крестилъ я молодую и интеллигентную еврейку; она собиралась выйти замужъ за русскаго—мелкаго чиновника; былъ назначенъ и день свадьбы, но послѣ крещенія женихъ къ обѣщанному ему приданому потребовалъ прибавить еще одну тысячу рублей. Разумѣется.

евреи стали злорадствовать, нѣкоторые совѣтуютъ разойтись съ женихомъ, такъ какъ въ своемъ домогательствѣ денегъ женихъ достаточно сказался, но дѣвушка отвѣчаетъ одно: „я обѣщала“, „слово дала“.

Приводимъ эти примѣры въ подтвержденіе той мысли, что среди крещеныхъ іудеевъ встрѣчаются люди добрые, и что православная миссія среди нихъ не есть дѣло совсѣмъ безнадежное. Если и теперь, безъ спеціальной миссіи, бываетъ не мало случаевъ обращенія евреевъ въ христіанство и при томъ случаевъ добрыхъ и симпатичныхъ, то неужели не увеличилось бы число такихъ случаевъ, если бы нашлись энергичные и самоотверженные проповѣдники Христа среди евреевъ? Если справедливо, что еврейство не дало православію ничего выдающагося, то не менѣе справедливо и то, что у насъ нѣтъ энергичныхъ проповѣдниковъ Христа въ ихъ средѣ. Между тѣмъ высокій примѣръ для этого мы имѣемъ уже на зарѣ нашей родной исторіи въ лицѣ преподобнаго Феодосія Печерскаго, который по ночамъ, тайно отъ всѣхъ ходилъ въ еврейскую слободу, гдѣ жили отдѣльно отъ кіевлянъ евреи и тамъ велъ съ ними бесѣды о вѣрѣ ¹⁾).

Говорить о полномъ безплодіи миссіи среди евреевъ— это значить не вѣрить въ силу благовѣстія евангельскаго; это значить забывать тѣ дивныя по силѣ и вдохновенію мѣста изъ посланія ап. Павла къ Римлянамъ, гдѣ онъ говоритъ объ отношеніи іудеевъ и язычниковъ къ христіанскому благовѣстію, и гдѣ пророчески Апостоль вѣщаетъ объ избранномъ нѣкогда народѣ Божиѣмъ: яко ослѣпленіе отъ части Израилеви бысть, дондеже исполненіе языковъ видеть, и тако весь Израиль спасется, яко же есть писано: приндетъ отъ Сіона избавляяй и отвратитъ нечестіе отъ Іакова, и сей имъ отъ Мене завѣтъ, егда отгиму грѣхи ихъ (Римл. 11, 25—27). Спеціальная противоеврейская миссія въ будущемъ можетъ быть прямо необходимой; разъ пройдутъ вѣроиспо-

¹⁾ Исторія Церкви. Годубинскаго. Т. I, 2-я половина стр. 819.

вѣдныя законы въ редакціи Государственной Думы, возможно, что и еврейство изъ спокойнаго (въ религіозномъ отношеніи) состоянія перейдетъ въ воинствующее по отношенію къ православію, и къ этому нужно быть готовыми.

Чтобы дѣйствовать на извѣстный народъ путемъ измѣненія началъ и идей, его воспитывающихъ и имъ управляющихъ, чтобы поставить правильно и прочно въ немъ миссію, необходимо знать эти начала. Нужно сознаться, что, живя съ евреями близко въ теченіе долгихъ вѣковъ, мы, въ сущности, очень мало знаемъ о еврействѣ, о ихъ внутренней жизни, о ихъ вѣроученіи. И это справедливо не только въ отношеніи широкихъ круговъ русскаго общества и русскаго народа, но также и представителей богословской науки. Вѣроученіе евреевъ изложено въ талмудѣ съ его комментаріями, который пользуется у нихъ авторитетомъ большимъ, чѣмъ Библия. По ученію Талмуда, „грѣхъ противъ талмуда тяжелѣе грѣха противъ Библии, и читающій Библию, не читая мишны и гемары, не признаетъ никакого Бога“. Между тѣмъ талмудъ доселѣ переведенъ лишь частями. Неужели наши академіи—съ обязательнымъ изученіемъ древне-еврейскаго языка, давшія не мало выдающихся лингвистовъ (Протоіерей Павскій, профессоръ Болотовъ) безсильны предъ талмудомъ. и неужели переводъ и изученіе этого памятника, воспитывающаго десятки милліоновъ людей, не представляетъ интереса и значенія?

Насколько вообще въ русскомъ, даже интеллигентномъ обществѣ, мало знакомы съ вѣроученіемъ евреевъ и источниками его, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что нѣкоторые противники еврейства, раскрывая причины характера современнаго еврейства и его отношеній къ христіанамъ, отрицательно относятся къ Ветхому Завѣту; трактуя его какъ обыкновенную книгу, требуютъ изгнанія преподаванія Ветхаго Завѣта изъ христіанскихъ школъ; т. е. въ борьбѣ съ еврействомъ поднимаютъ руку на то, что „ввѣрено было“ евреямъ, какъ святыня, и что сохранило такое же значеніе

и для христіанскаго міра. (Эта тенденція встрѣчается въ изслѣдованіи по еврейскому вопросу Шмакова, въ статьяхъ покойнаго генерала Драгомирова, въ постановленіяхъ кievскаго клуба націоналистовъ о преподаваніи Закона Божія):

Разъ будетъ основательно обслѣдованъ источникъ еврейскаго вѣроученія, тогда, возможно, появится у насъ и полемическая противо-еврейская литература, въ настоящее время крайне бѣдная. Въ этой области мы имѣемъ не больше десятка—двухъ брошюръ полемическаго характера, при чемъ основой ихъ является обыкновенно Ветхій Завѣтъ, что для евреевъ не такъ убѣдительно, какъ если бы полемика съ ними строилась на изученіи талмуда, полного всякихъ противорѣчій и несообразностей, проникнутаго духомъ нетерпимости и вражды къ гоимъ, т. е. христіанамъ.

Правильная постановка преподаванія Закона Божія Ветхаго Завѣта въ народныхъ училищахъ и среднихъ школахъ можетъ оказать существенную пользу миссіи среди евреевъ. Не отрицая значенія спеціальной миссіи, необходимо признать, что главнымъ миссіонеромъ всегда и вездѣ является народъ во всей своей массѣ, а особенно грамотные и болѣе развитые его представители. Въ настоящее время назидательная и мессіанская сторона Ветхозавѣтной исторіи въ большинствѣ школъ раскрывается слабо. Весьма часто ученики обстоятельно знаютъ, на примѣръ, исторію царя Давида, но не имѣютъ никакого представленія о его пророчествахъ; довольно подробно расскажутъ жизнь пророка Даніила, но ничего не слышали о его пророчествѣ, предрекавшемъ время пришествія Мессіи. Мессіанскій элементъ—это сущность, это душа Ветхаго Завѣта, которой нельзя не знать всякому православному, и раскрывать ее необходимо какъ въ школѣ, такъ и въ проповѣди. Въ настоящее время въ бесѣдахъ съ евреями по вопросамъ вѣры православные всего чаще отдѣляются насмѣшками надъ еврейскими обычаями и вѣрованіями. Знаніе мессіанской стороны Ветхаго Завѣта даетъ православнымъ полемическій матеріалъ не только въ бесѣ-

дахъ съ евреями, но также и съ нѣкоторыми сектантами юдаистическаго направленія. На IV всероссійскомъ миссіонерскомъ Сѣздѣ было ярко отмѣчено, что юдаистическія тенденціи сильно проникають наше сектантство (субботники, Новый Израиль, адвентисты и др.).

Обновленіе приходской жизни, оживленіе приходской благотворительности можетъ во многихъ случаяхъ оказать существенную помощь миссіи среди евреевъ. Нерѣдко приходится православнымъ, при сравненіи жизни своей съ жизнью евреевъ, слышать упреки въ отсутствіи у православныхъ взаимопомощи нравственной и матеріальной, что такъ широко и прочно поставлено у евреевъ. Тѣсно сплоченный и организованный приходъ сможетъ оказать поддержку и новопрсвѣщеннымъ евреямъ, въ которой они иногда такъ сильно нуждаются. Извѣстно, какъ относятся евреи къ отступникамъ отъ ихъ вѣры. При первыхъ признакахъ въ еврей наклонности къ христіанству по отношенію къ нему принимаются самыя крутыя мѣры¹⁾; черезъ это терпятъ даже родственники крещеныхъ. Отказываясь отъ своей вѣры и своего народа, не имѣя ни средствъ, ни убѣжища, прозелиты изъ евреевъ часто крайне нуждаются въ защитѣ, помощи, всесторонней поддержкѣ, что и можетъ оказать приходъ скорѣе, чѣмъ одинъ священникъ своими собственными силами.

Священникъ В. П.

¹⁾ Вотъ частный случай, показывающій, какъ евреи относятся къ лицамъ, желающимъ принять христіанство. Корреспондентъ львовской „Gaz. Narod.“ сообщаетъ объ ужасномъ преступленіи, обнаруженномъ недавно въ г. Островцѣ, Привислинскаго краа. Въ подземельяхъ, находящихся подъ рынкомъ, благодаря анонимнымъ доносамъ, полиція обнаружила молодую дѣвушку еврейку, прикованную цѣпями къ стѣнкѣ. Родные братья, узнавши, что дѣвушка эта желаетъ принять христіанство, въ теченіе двухъ лѣтъ подвергали бѣдную мученицу жестокимъ истязаніямъ и заключенію. Видъ освобожденной, сообщаетъ „Gaz. Narod.“, ужасенъ, она вся была покрыта ранами, изъ которыхъ сочилась кровь, и исхудала до того, что поразительно напоминала скелетъ. Братья арестованы, и дѣлу данъ надлежащій ходъ.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Дѣльные были наставники по естественной исторіи и сельскому хозяйству. Но науки эти плохо прививались въ семинаріи, не смотря на заботы и предписанія свыше о томъ, чтобы на нихъ обращено было большее вниманіе. По характеру своему онѣ слишкомъ отдалены были отъ той цѣли, ко- торой должна была служить семинарія, и не имѣли непосредственной связи съ главными предметами семинарскаго курса. А предметовъ этихъ было очень много; программа семинарская загромождена была обиліемъ наукъ, которыя обя- заны были изучать семинаристы. Поневолю приходилось дѣ- лать изъ нихъ выборъ и сосредоточивать вниманіе не на всѣхъ, а только на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Новыя науки, такъ чуждыя богословскому курсу, попали при этомъ въ чи- сло наукъ опальныхъ, т. е. такихъ, какими можно слег- ка заниматься, и малая успѣшность по которымъ не могла много вредить ученикамъ. Усердно занимались этими наука- ми только немногіе, можно сказать, нѣсколько единицъ изъ цѣлаго класса. Любители сельскаго хозяйства встрѣчались по преимуществу въ классѣ В. Ал. Ставровскаго, и онъ имѣлъ ихъ въ особенномъ вниманіи, чѣмъ поддерживалъ ихъ усердіе къ изученію преподаваемой имъ науки.

Никакого печатнаго руководства по этимъ наукамъ у учениковъ не было. Наставники выдавали по нимъ свои за- писки. Въ этихъ запискахъ сообщалось немножко свѣдѣній изъ химіи, немножко изъ минералогіи, побольше изъ бота- ники и зоологіи. Но эти свѣдѣнія не приведены были въ систему, и имѣли отрывочный видъ, такъ что можно сказать, что мы изучали не науку (естественную исторію), но нѣчто изъ науки. Да для полнаго изученія наукъ, составляющихъ

¹⁾ См. № 41-й за 1909-й г.

естественную исторію, не было достаточно и времени въ распоряженіи наставника и учениковъ. При томъ эти науки изучались не сами по себѣ, а въ видѣ введенія и приложенія ихъ къ наукѣ сельскаго хозяйства, насколько значіе ихъ необходимо для успѣховъ сельскаго хозяйства.

Сельское хозяйство введено было въ семинаріяхъ съ тѣмъ, чтобы семинаристы, получивъ въ школѣ полезныя свѣдѣнія по этому предмету, по выходѣ изъ семинаріи поступивъ на мѣста священниковъ, распространяли эти свѣдѣнія въ народѣ,—сами вели образцовое хозяйство и своимъ примѣромъ научали другихъ, какъ нужно вести его. Но эта цѣль не достигалась. Агрономовъ и скотоводовъ семинаріи не образовали. Кой-какія свѣдѣнія по сельскому хозяйству семинаристы, поступивъ на мѣста, не прилагали къ дѣлу. Да при тѣхъ условіяхъ, при какихъ они могли вести свое хозяйство, они и не могли ничего сдѣлать къ улучшенію и возвышенію сельскаго хозяйства въ народѣ. Для этого требуется капиталъ, котораго у начинающихъ дѣло сельскихъ священниковъ не было,—требуется свободное время, которымъ тоже не всегда могъ располагать священникъ. Пользы никакой не принесла введенная въ семинаріи наука сельскаго хозяйства. И изучавшіе эту науку въ семинаріи священники вели свое хозяйство такъ же, какъ ихъ предшественники, не изучавшіе науки сельскаго хозяйства. Здѣсь практика рѣшала дѣло. А этой практики, при изученіи сельскаго хозяйства, въ семинаріяхъ не было. Не было никакихъ опытныхъ полей; никакихъ другихъ сельскохозяйственныхъ заведеній. Изъ извѣстныхъ мнѣ, близкихъ по курсу, священниковъ я знаю только одного, который серіозно занялся сельскимъ хозяйствомъ, по вступленіи на приходъ. Но занявшись сельскимъ хозяйствомъ, онъ нашелъ неудобнымъ совмѣщать это занятіе съ должностію приходскаго священника, и не снимая сана, оставилъ приходъ, снималъ въ аренду чужія имѣнія и служилъ въ Меленковскомъ земствѣ. Но это примѣръ исключительный, и наука, имъ выслушанная

въ семинаріи, мало была виновна въ успѣхѣ его сельскохозяйственной дѣятельности.

Не могу умолчать о томъ, что чрезъ эти новыя науки — естественную исторію и сельское хозяйство, введенныя въ семинарію для цѣлей, стороннихъ по отношенію къ той идеѣ, осуществленію которой должны служить семинаріи, и не принесшія на практикѣ осязательной пользы, проторгалось въ семинарію новое вѣяніе, мало благопріятное для утвержденія въ воспитанникахъ духа вѣры и благочестія, о насажденіи котораго особенно должны были заботиться семинаріи. Наставники этихъ наукъ любили щеголять предъ воспитанниками либеральными воззрѣніями и нерѣдко развивали матеріалистическія ученія, не согласныя съ вѣрою Церкви, могущія поколебать въ слабыхъ умахъ сложившіяся православныя убѣжденія. Отголоски такихъ ученій встрѣчались въ ихъ запискахъ, которыя они намъ выдавали. Но чаще и свободнѣе они высказывали свои, несогласныя съ преданіемъ Церкви, воззрѣнія въ устныхъ бесѣдахъ въ классѣ предъ учениками. Они указывали дѣйствіе естественныхъ силъ природы тамъ, гдѣ мы привыкли видѣть проявленіе силъ божественныхъ. Для примѣра я укажу нѣсколько либеральныхъ заявленій нашихъ наставниковъ по естественной исторіи. Въ трактатѣ объ образованіи земной поверхности говорится о сотвореніи міра не такъ, какъ говорится въ Библіи, и какъ передается въ ученіи Церкви. Предполагаюгъ (говорится въ запискахъ по минералогіи), что наша планета чрезъ длинный періодъ лѣтъ дошла до нынѣшняго состоянія. Первоначально она была въ расплавленномъ видѣ, и постепенно охлаждалась, и не днямъ творенія, а нѣсколькимъ тысячелѣтіямъ нужно было пройти, чтобы изъ этой расплавленной массы образовалась нынѣшняя земля, и на ней все разнообразіе видимыхъ нами породъ и организмовъ, до человѣка включительно. — Разъ въ устной бесѣдѣ на урокъ, наставникъ, возставая противъ предразсудковъ и суевѣрій, объяснялъ естественными причинами возникновеніе такихъ явленій, предъ которыми

штуцикъ становится простая необразованная мысль, и при этомъ готовъ былъ расширять до безграничныхъ размѣровъ область, для однихъ необъяснимыхъ, а для другихъ совершенно понятныхъ и естественныхъ явленій. При этой бесѣдѣ, довольно занимательной, одинъ ученикъ изъ усердныхъ читателей новой науки, не въ видѣ возраженія, а въ простосердечномъ желаніи найти объясненіе для него необъяснимаго явленія, задаетъ такой вопросъ: „А скажите, г. наставникъ, отчего у мужчинъ растутъ борода, а у женщинъ не растутъ?“ При этомъ вопросѣ сталъ втупикъ ученый, желавшій и надѣявшійся все объяснять естественными причинами. Немного помолчавши и какъ будто немного смутившись, онъ сталъ говорить: „для чего это различіе,—на это много можно сказать, а отъ чего это,—тутъ трудно что нибудь сказать“. — Другой разъ наставникъ ведетъ бесѣду въ нѣсколько игривомъ тонѣ. Между прочимъ онъ задаетъ вопросъ: кто, по вашему, святѣе, отецъ Василій (такъ называлъ онъ св. Василія Великаго), или отецъ Пароеній (тогдашній владимірскій архіепископъ)? и отдаетъ преимущество въ святости отцу Пароенію. При нынѣшнихъ условіяхъ жизни (пояснялъ онъ) труднѣе отцу Пароенію нести подвигъ, чѣмъ въ старое время Василію Великому.

Многихъ изъ насъ непріятно корбило, когда мы слышали подобные вопросы и сужденія. Мы, старые семинаристы сороковыхъ годовъ, утверждены были въ вѣрѣ, и преданное ученіе Церкви считали святынею, посягательство на которую казалось намъ непростительнымъ дерзновеніемъ. Новая воззрѣнія и сужденія, разногласящія съ ученіемъ Церкви, преподносимыя намъ, мы пропускали мимо ушей. Они не соблазняли и не увлекали насъ, не проторгались вънутрь нашего сознанія, а отскакивали отъ насъ, какъ камни, брошенные въ твердую стѣну. Я не ручаюсь за всѣхъ, но изъ извѣстныхъ мнѣ товарищей ни одинъ не поддавался разлагающему вліянію раціоналистическихъ и матеріалистическихъ ученій. Другое, болѣе гибельное, вліяніе отъ этихъ,

не сродныхъ Церкви вѣяній, было бы въ позднѣйшіе годы, „когда молодежь и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ стала терять прежнюю преданность вѣрѣ церковной, и стала склонять слухъ къ нашептываніямъ лжеименнаго разума.

Проф. *Василій Пивницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Къ сожалѣнію¹⁾

Въ настоящее время часто упрекають духовенство въ томъ, что оно въ своей жизни не оправдываетъ своего высокаго званія, а напротивъ, только унижаетъ его. Во многихъ обвиненіяхъ, правда, нѣтъ и малѣйшей доли истины, но въ нѣкоторыхъ недостаткахъ, къ сожалѣнію нашему, мы должны признаться. Въ нынѣшнее время, „время свободы совѣсти“, нѣкоторые изъ насъ—пастырей при встрѣчахъ съ своими пасомыми и мирянами иноприходными, вмѣсто осѣненія ихъ благословеніемъ во имя св. Троицы, какъ подобаетъ, сами подають имъ руку. Это особенно замѣтно въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ много, такъ называемой „интеллигенціи“. Послѣдняя, въ свою очередь, считаетъ даже унижительною для себя подходить къ пастырю „подъ благословеніе“, но и этого мало. Къ вѣщшему нашему горю, ученики многихъ церковно-приходскихъ школъ и особенно—земскихъ—во главѣ съ ихъ просвѣтителями-учителями, кажется, совсѣмъ не имѣють и не хотятъ имѣть никакого понятія объ іерейскомъ благословеніи. И все это—отъ того, что многіе оо. законоучители и завѣдующіе не только не требуютъ отъ учителей, чтобы они брали у нихъ благословеніе—въ примѣръ всѣмъ ученикамъ, но даже при послѣднихъ сами пода-

¹⁾ Изъ Тульск. епарх. вѣдом.

ютъ имъ руку. Равнымъ образомъ виновны сами мы и въ томъ, что первые протягиваемъ руку ко „всей вообще интеллигенціи“, вмѣсто осѣненія Божиимъ благословеніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, почему же ранѣе, какъ о томъ мы слышимъ отъ старичковъ—нашихъ сотрудниковъ, благословеніе отъ пастыря принимали всѣ—не одни простые, а и ученые и знатные? Нѣтъ сомнѣнія, что, главнымъ образомъ, такъ относились въ данномъ случаѣ къ пастырямъ отъ того, что послѣдніе, не подчиняясь въ рукопожатіи свѣтскому обычаю, всегда настаивали на іерейскомъ благословеніи, объясняя въ случаѣ нужды своимъ пасомымъ его смыслъ и значеніе. Такъ и мы, по примѣру нашихъ старичковъ-сопастырей, должны внушать своимъ прихожанамъ, что чрезъ іерейское благословеніе низводится на приѣмлющаго оное Божіе благословеніе и что—за подачу руки мы подлежимъ отвѣтственности предъ своимъ начальствомъ. Если же и послѣ этого „не принимающіе благословенія“ останутся въ своемъ упорствѣ, тогда при встрѣчахъ съ таковыми опять-таки не должно пастырю подавать имъ руку, а лучше только поклониться. Рукопожатіе пастыря съ „интеллигенціей“ можетъ быть вредно особенно для тѣхъ „простыхъ-неученыхъ прихожанъ“, которые дорожатъ іерейскимъ благословеніемъ. Когда послѣдніе будутъ видѣть своего пастыря—не благословляющимъ, а подающимъ руку, у нихъ можетъ зародиться сомнѣніе въ великомъ значеніи іерейскаго благословенія—„для вѣрующаго“. Да и вообще рукопожатіе іерея даетъ поводъ предполагать въ служителѣ вѣры безразличное отношеніе какъ къ подачѣ руки, такъ и къ осѣненію во имя Божіе, и подчиненіе себя свѣтскому обычаю. Указанный недостатокъ (гдѣ онъ существуетъ) трудновато, повидимому, исправить. Но въ этомъ случаѣ на помощь намъ должны придти оо. благочинные. Послѣдніе должны требовать отъ своихъ подчиненныхъ—пастырей повсемѣстнаго, по возможности, исполненія означеннаго благочестиваго обычая, а намъ тогда легче будетъ искоренить нашъ недостатокъ, указывая на требованія отъ

насъ со стороны начальства. Конечно, и здѣсь иногда необходимо—предварительное слово о великой важности и значеніи іерейскаго благословенія для вѣрующаго ¹⁾).

Скажемъ еще нѣсколько словъ о нашихъ поѣздкахъ по желѣзнымъ дорогамъ. У насъ во всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ есть св. иконы. И вотъ, мы видимъ обычно такую картину... Залъ станціи полонъ пассажирами... Отворяется дверь. Входитъ батюшка. И что же? онъ не только не осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, но даже не снимаетъ и шапки или шляпы. Только иногда, надвинувъ послѣднюю „набекрень“, (сдвинувъ совсѣмъ на затылокъ), преспокойно, вынимаетъ изъ кармана (куда часто кладетъ и св. просфору и пр.) папиросу и закуриваетъ. Сами судите,—какое впечатлѣніе долженъ произвести такой батюшка на публику, зорко слѣдящую за каждымъ шагомъ своихъ служителей вѣры. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ подобныхъ поступковъ публика будетъ видѣть въ насъ—не столько пастырей, своихъ руководителей въ дѣлахъ вѣры и нравственности, сколько,—такъ себѣ—людей безразличныхъ, пожалуй „поповъ-пріятелей“, но и только... Также нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что нѣкоторые изъ благочестивыхъ мірянъ, видящихъ такую картину, со слезами душевными смотрятъ на подобныхъ „сущихъ іереевъ“. И если такъ мы будемъ вести себя, то пожалуй и при всемъ нашемъ краснорѣчивомъ словѣ объ іерейскомъ благословеніи, врядъ ли будутъ подходить къ намъ подъ благословеніе. Итакъ, указанные недостатки, при всей своей по видимому незначительности, сильно унижаютъ высокое званіе пастыря. Первый говоритъ о приниженности, челоуѣкоугодіи и—безразличномъ отношеніи пастыря къ дѣламъ вѣры, а второй вообще—о нерадѣніи къ своему великому сану, ради котораго пастырь, по ученію свв. отцовъ, весьма осторожно и осмотрительно долженъ устроить „каждый шагъ своей жизни“.

Свящ. А. Матвѣевъ,

¹⁾ Слово прежде всего и главнымъ образомъ необходимо. Пастырю прежде всего необходимо учить, выяснять, увѣщевать, а не требовать.
Ред.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 12-го октября 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 43—44.

1909-го года 25 октября—1 ноября.

Содержаніе: I. Слѣды организованной приходской благотворительности въ древней Руси. Свящ. В. Пестряковъ.—II. Епархіальная хроника. Р.—III. Мои воспоминаія. (Продолженіе). Проф. В. Цѣвницкій.—

Слѣды организованной приходской благотвори- тельности въ древней Руси.

Вопросъ о приходской благотворительности у насъ на Руси обсуждался въ послѣднее время довольно полно и разносторонне. Въ ряду мнѣній по этому вопросу мы хотѣли бы остановиться на одномъ—пессимистическомъ, утверждающемъ, что организованной благотворительности у насъ никогда на Руси не было, что такая благотворительность если и возможна, то только въ отдаленномъ будущемъ, когда поднимется и разовьется у насъ просвѣщеніе и культура.

Для выясненія вопроса о томъ, существовала ли на Руси организованная благотворительность, прежде всего слѣдуетъ

обратить вниманіе на дѣятельность въ этомъ отношеніи святого равноапостольнаго князя Владиміра; въ свидѣтельствѣ о немъ древнихъ нашихъ писателей, почти современниковъ, есть такія указанія, которыя дѣлають не невѣроятнымъ предположеніе о томъ, что Св. Владиміръ и былъ у насъ основателемъ и первымъ организаторомъ приходской благотворительности.

Принятіе св. Владиміромъ христіанства сопровождалось кореннымъ перерожденіемъ всего его существа; но широкая его натура, ни въ чемъ незнавшая середины, и въ христіанствѣ сохранила это свое свойство и имѣла благодѣтельное вліяніе на устроеніе имъ Русской Церкви; будучи просвѣтителемъ всего русскаго народа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и первымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ благотворителемъ, оказавшемъ огромное вліяніе на своихъ современниковъ.

О широкой благотворительности св. князя Владиміра мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ, дополняющихъ другъ друга. Лѣтописецъ о немъ пишетъ: „Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжъ и взимати всяку потребу—питье и яденье и отъ скотъницъ кунами. Устрои же и се рекъ: яко немощніи и больніи не могутъ долѣзти двора моего—повелѣ пристроити кола и вскладаше хлѣбы, мяса рыбы, овощъ разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ возити по городу, въпрошающимъ, кдѣ больній и нищъ, не моги ходити? Тѣмъ раздаваху на потребу“. „Житіе“ св. Владиміра неизвѣстнаго автора къ указанному въ лѣтописи ничего не прибавляетъ, лишь кратко подтверждаетъ его. „Баху же нищія, приходяще на дворъ его по вся дни и пріимаху кто чего требоваше, а недужнымъ, не могущимъ ходити повелѣ слугамъ, да въ дома приносятъ имъ“ Митрополитъ Илларионъ въ своемъ похвальномъ словѣ нѣсколько точнѣе опредѣляетъ лицъ, которымъ благотворилъ св. Владиміръ. „Кто исповѣсть, пишетъ Илларионъ, многія твоя нощныя милостыни и дневныя щедроты, яже къ убогимъ творяще, къ сирымъ же и къ болящимъ, къ должнымъ, и къ вдо-

вамъ и къ всѣмъ требующимъ милостыни... просящимъ подавая, нагія одѣвая, жадныя и алчныя насыщая, болящимъ всяко утѣшеніе посылая, должныя искупая, работныя свободяя. Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ поминаема суть“. Согласное свидѣтельство трехъ писателей о широкой благотворительности князя Владиміра придаетъ этому свидѣтельству степень значительной достовѣрности. Изъ этихъ свидѣтельствъ явствуется, что Владиміръ, повидимому, руководился тою мыслию, что въ его народѣ не должно быть нищеты, и стремился къ тому, чтобы удовлетворить не минимальныя только потребности бѣдняковъ, но и даетъ нѣкоторое довольство, удовлетворить „всяку ихъ потребу“: меду въ тѣ времена было больше, чѣмъ теперь, но онъ былъ предметомъ торговли и для бѣдняковъ не былъ уже крайне необходимъ, и князь всегда разсылаетъ его въ бчелкахъ для больныхъ, не могущихъ долѣзти до двора княжескаго.

Милосердіе князя Владиміра не ограничивалось только столичными бѣдняками, но простиралось далеко за предѣлы Кіева; есть основаніе думать, что Владиміръ положилъ основаніе организованной благотворительности по *всей Руси*. Іаковъ Мнихъ въ своемъ похвальномъ словѣ князю Владиміру говоритъ слѣдующее: „Не могу сказати многія его милости, не токмо въ дому своемъ милостыню творяще, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единомъ, *но по всей земли Русской*, и въ градѣхъ и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагія одѣвая, алчныя кормя и жадныя напаяя, странныя покоя милостію; нищія и сироты и вдовицы и слѣпыя и хромыя и трудоватыя, вся милуя и одѣвая, и накормя, и напаяя“. Заявленіе это (весьма категорическое) можетъ быть или риторической прикрасой (какъ и подобаетъ въ похвальномъ словѣ), или достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, что всего вѣроятнѣе. Какъ писатель, Іаковъ Мнихъ, не можетъ быть признанъ особенно блестящимъ риторомъ, способнымъ „свободно“ обращаться съ ораторскими приѣмами. Кромѣ того, въ народной памяти, всегда точно сохраняющей

выдающіяся дѣянія національныхъ любимцевъ и героевъ, для Іакова Мниха былъ извѣстный контроль въ его писаніяхъ о князѣ Владимірѣ: при томъ уваженіи, какимъ окружена была память Владиміра, трудно допустить, чтобы Іаковъ Мнихъ рѣшился говорить неправду о Владимірѣ, пусть эта неправда даже служила къ вящей славѣ Владиміра.

„Великіе люди, къ которымъ несомнѣнно принадлежалъ Владиміръ, имѣютъ наклонность создавать великіе и широкіе планы“ ¹⁾. Необходимо допустить, что эта широта плановъ направлена была княземъ и на благотворительность, на дѣло, которое онъ любилъ, которому такъ энергично и самоотверженно служилъ. Предполагая, что Владиміръ желалъ, а по словамъ Іакова Мниха, дѣйствительно благодѣтельствовалъ бѣднякамъ *всей* Руси; предполагая въ немъ естественную заботу о томъ, чтобы помощь бѣднякамъ не прекращалась и послѣ его смерти, необходимо найти тѣ средства и тѣ лица, которыя давали бы ему возможность творить добро по всей Руси, такъ какъ одному человѣку, даже недюжинной энергіи, это было не подъ силу. Вѣроятно же всего, что сотрудниками князя въ дѣлѣ благотворенія могло быть духовенство, особенно епископы, какъ люди болѣе другихъ постигавшіе духъ евангельскаго ученія о любви къ ближнему, а средствомъ для этого служила десятина, дарованная Владиміромъ Церкви. Что, давая десятину, князь Владиміръ имѣлъ въ виду не только обезпеченіе епископовъ, но и организованную помощь бѣднымъ на Руси, — это доказывается какъ прямыми свидѣтельствами, такъ и нѣкоторыми соображеніями. Въ похвальному слову князю Іаковъ Мнихъ пишетъ; „И церковь (Владиміръ) созда каменну во имя Пресвятыя Богородицы, прибѣжище и спасеніе душамъ вѣрнымъ и десятину ей вда, тѣмъ поны набдѣти и сироты и вдовицы и нищя“.

Трудно допустить, чтобы Іаковъ Мнихъ просто сочинилъ помощь сиротамъ и вдовицамъ изъ десятины, какую

¹⁾ Исторія Русской Церкви. Е. Голубинскаго. I, 187 стр.

далъ князь и церква Успенія или Десятинной; едва ли Іаковъ Мнихъ рѣшилъ бы (пусть только на словахъ и на пергаментѣ) навязывать митрополиту и духовенству компаніоновъ, въ лицѣ бѣдняковъ, по употребленію десятины, если бы этого не было въ дѣйствительности.

По свидѣтельству лѣтописи, князь Владиміръ далъ отъ имѣнія своего (отъ частнаго личнаго владѣнія) и отъ градъ своихъ (отъ государственныхъ доходовъ). Какъ бы ни были благотворителенъ и щедръ Владиміръ къ епископамъ и духовенству, все же десятая часть великокняжескаго и государственнаго дохода для одной Десятинной церкви и митрополита было бы ничѣмъ не объяснимою расточительностію, если не допустить, что часть десятины шла на помощь бѣднякамъ. Владиміръ Святой велъ весьма дѣятельныя сношенія съ Западомъ; оттуда, по мнѣнію профессора Голубинскаго, онъ заимствовалъ и десятину, какъ способъ обезпеченія духовенства, съ той разницею, что онъ обезпечилъ ею только одно высшее духовенство¹⁾. Но если Владиміръ отъ Западной Церкви позаимствовалъ десятину, то почему онъ не могъ позаимствовать и тѣхъ цѣлей, какія преслѣдовала десятина въ Западной Церкви, особенно для столь дорогаго и близкаго ему дѣла, какъ благотвореніе? Характеризуя начало среднихъ вѣковъ въ отношеніи благотворительности, Ульгорнъ пишетъ: „къ среднимъ вѣкамъ перешли и всѣ формы благотворительности, какъ онѣ уже образовались, вмѣстѣ съ госпиталемъ и монастыремъ, какъ центрами благотворенія, причемъ все это развилось съ безконечно болѣе плодотворнымъ разнообразіемъ. Ни въ какой періодъ не дѣлалось еще такъ много для бѣдныхъ, какъ въ средніе вѣка. Въ какихъ огромныхъ размѣрахъ производилась тогда раздача милостыни, какое было изобиліе учреждений самаго разнообразнаго свойства, какое множество госпиталей для всякаго рода страдальцевъ. Въ средневѣковый періодъ именно все то, что только заражда-

¹⁾ Ibid.

лось въ древней Церкви, впервые достигло своей зрѣлости¹⁾. Если Владиміръ съ Запада позаимствовалъ десятину, то почему же онъ не могъ использовать десятину, вполне по западному образцу, т. е. не для обезпеченія только епископовъ, но и для дорогого и близкаго ему дѣла благотворенія? Допустивъ употребленіе десятины при Владимірѣ на помощь бѣднымъ, мы сдѣлаемъ понятными и нѣкоторыя поступки Владиміра не совсѣмъ ясныя. Свою десятину Владиміръ, по словамъ лѣтописца, закрѣпляетъ клятвою: „аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ“. О духовенствѣ особенно заботиться, безпокоиться Владиміру незачѣмъ было: закрѣпляютъ десятину грозными прещеніями оно могло и само; князю ясно было, что кого духовенство будетъ обслуживать, тотъ и содержать его будетъ. Не имѣлъ ли въ виду князь своими прещеніями защитить прежде всего интересы бѣдняковъ? Духовенство прибыло къ намъ на Русь въ 991 году; понятно, что съ того времени князю нужно было обезпечить духовенство и достаточными средствами, особенно митрополита, дабы расположить его и привлечь къ новой странѣ щедрымъ даяніемъ. Между тѣмъ десятину Владиміръ даетъ церкви Богородицы только въ 996 году при ея освященіи, т. е. тогда, когда уже была крещена значительная часть народа. Повокрещенная Русь дала уже контингентъ христіанъ бѣдняковъ, заслуживающихъ нарочитаго вниманія Церкви, и не эта ли Божья рать, собравшаяся на всероссійское торжество освященія храма въ достаточномъ количествѣ, расположила князя къ дарованію митрополиту десятины съ тѣмъ, чтобы онъ удѣлялъ отъ нея бѣднымъ? Десятина получалась духовенствомъ отъ личныхъ княжескихъ доходовъ, отъ государственныхъ и отъ вотчинныхъ. Первые двѣ собирались и вручались самимъ княземъ; собирать десятину отъ вотчинниковъ митрополитъ могъ самъ чрезъ лицъ, какихъ онъ самъ найдетъ для себя болѣе удобнымъ. Контроль этихъ послѣднихъ

¹⁾ Ульгорнъ. Новая заповѣдь Христова о любви; стр. 349.

сборовъ со стороны князя при посредствѣ Анастаса Корсу-
нянина, (если принять во вниманіе религіозное воодушевле-
ніе и уваженіе князя къ пастырямъ) можетъ быть объясненъ
лишь тѣмъ, что десятина шла не на одни только нужды ду-
ховенства, а и на помощь бѣднякамъ.

Въ какой формѣ могла выразаться благотворительность
при Владимірѣ: была ли это только поручная, болѣе или
менѣе щедрая подачка бѣднымъ, или же при Владимірѣ за-
ведены были особыя благотворительныя учрежденія? Про-
фессоръ Голубинскій въ своей исторіи категорически отри-
цаетъ существованіе у насъ благотворительныхъ учрежденій:
богадѣленъ, больницъ, какъ при Владимірѣ, такъ и долгое
время спустя, но есть нѣкоторыя данныя, которыя позволя-
ють сдѣлать обратное предположеніе. Для всякаго большого
общественнаго дѣла (въ данномъ случаѣ—благотворительно-
сти) отъ инициатора нужно желаніе, средства и надлежащій
примѣръ. Что желаніе и средства у князя Владиміра были,
въ этомъ нельзя сомнѣваться; были у князя и примѣры ор-
ганизованной благотворительности. Выше мы сказали, что
Владиміръ велъ весьма оживленныя сношенія съ Западомъ,
оттуда онъ позаимствовалъ десятину, какъ средство обезпе-
ченія духовенства; тамъ же существовала и организованная,
главнымъ образомъ духовенствомъ, благотворительность, о
которой не могъ не знать Владиміръ. Нѣтъ, впрочемъ, осо-
бой надобности именно на Западѣ искать для Владиміра
примѣровъ организованной благотворительности; примѣры для
этого онъ могъ найти и на востокѣ—у грековъ. IX—XI
вѣка—мрачная эпоха въ исторіи византійскаго государства;
тѣмъ не менѣе организованная благотворительность существо-
вала у грековъ и въ это время. За сто лѣтъ до Владиміра
престолъ константинопольскаго патріарха занимаетъ замѣча-
тельный во всѣхъ отношеніяхъ дѣятель патріархъ Фотій, по-
ложившій отпечатокъ своей личности на всѣ стороны цер-
ковной жизни. Въ его дѣятельности не маловажное мѣсто
занимала благотворительность и ея развитіе. „Нѣкоторыя его

письма съ глубокимъ чувствомъ и великимъ сознаниемъ важности этой задачи — трактуютъ о благотворительности. Къ ней онъ призываетъ во имя гуманности и во имя Бога¹⁾. — „Патріархъ Фотій, какъ всегда и вездѣ, и въ благотворительности показывалъ свою неутомимую дѣятельность. Въ рукахъ его сосредоточены были всѣ благотворительныя заведенія. Но онъ не ограничивался тѣмъ, что уже было. Онъ старался объ основаніи и устроеніи новыхъ благотворительныхъ учреждений, чѣмъ увѣковѣчиваетъ свою память. Средства для сего доставлялись и частными лицами: онъ получаетъ право принимать духовныя завѣщанія *ad pias causas*—сдѣланныя въ цѣляхъ благотворительныхъ, но онъ не считалъ незаконнымъ употреблять и церковныя деньги“²⁾).

Широкая общественная благотворительность не была чужда и византійскимъ императорамъ; въ этомъ отношеніи императорская власть дѣятельно помогала Церкви. Особую славу въ этомъ отношеніи оставилъ послѣ себя императоръ Романъ I. О Константинѣ Порфирогенитѣ извѣстно, что онъ близъ Софійской церкви устроилъ богадѣльную престарѣлыхъ³⁾, и этотъ фактъ тѣмъ большую имѣетъ для насъ цѣнность, что объ этомъ могла рассказывать Владиміру его бабка Ольга, посѣтившая Константинополь, и тѣ лица, которыя ее сопровождали.

Въ ряду древне-русскихъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему вопросу, весьма важное мѣсто занимаетъ такъ называемый уставъ Владиміра⁴⁾. Древнѣйшій списокъ

¹⁾ Очерки внутренней исторіи Византійско-Восточной Церкви въ IX, X и XI вѣкахъ. А. Лебедевъ. Москва 1876 года стр. 53.

²⁾ Ibid. 55.

³⁾ Ibid. 92.

⁴⁾ Историческая критика и до настоящаго времени не сказала еще своего рѣшительнаго мнѣнія относительно устава и въ оцѣнкѣ его существуетъ большое разнообразіе. Одни историки приписываютъ уставъ именно Владиміру (митр. Макарій); другіе (Карамзинъ, Голубинскій) считаютъ его позднѣйшей поддѣлкой. Проф. Суворовъ относитъ происхожденіе

устава въ Софійской Новгородской Кормчей XIII вѣка говорить, между прочимъ, слѣдующее: „Се церковные люди: игумень, попь, дьяконъ, дѣти ихъ, попадья и кто въ клиросѣ, игуменья, чернецъ, черница, проскурница, паломникъ, лѣвецъ, прощеникъ, задушный человекъ, стороникъ, слѣпецъ, хромецъ, монастыреве, *больницъ, гостиници, страннопріимницъ то люди церковные, богадельные*, митрополить или пискущъ вѣдаетъ межи ими судъ обида, или котора, или вражда“¹⁾. Если даже допустить, что уставъ св. Владиміра есть произведеніе подложное (написанное будто бы съ цѣлью закрѣпленія и расширенія судныхъ правъ духовенства), явившееся не позднѣе XIII вѣка, то и тогда общее всѣмъ спискамъ указаніе на существованіе у насъ благотворительныхъ учрежденій должно быть признано имѣющимъ за собою нѣкоторое фактическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какой былъ смыслъ многочисленнымъ переписчикамъ, начиная съ составителя, говорить о такихъ учрежденіяхъ, употреблять такіе термины, которыхъ никто не понималъ и не зналъ; и если составитель устава имѣлъ корыстную цѣль—расширеніе судныхъ правъ духовенства и умноженіе доходовъ съ пошлинъ, то что же это была за корысть и расширеніе правъ епископа, если суду его поручалась цѣлая категория лицъ, никому невѣдомыхъ, и учрежденія, никогда не существовавшія?

Указаніе древнѣйшаго списка устава на больницы и страннопріимницы и на разныхъ бѣдняковъ, какъ людей *цер-*

старшаго русскаго устава, съ именемъ Владиміра къ концу XIV вѣка и высказывать мнѣніе, что онъ составленъ подъ католическимъ вліяніемъ. Профессоръ Павловъ полагаетъ, что „этотъ памятникъ составилъ изъ частныхъ и, по всей вѣроятности, разновременныхъ записей о подлинныхъ распоряженіяхъ св. Владиміра по дѣламъ Церкви. Нѣкоторыя изъ этихъ записей, именно тѣ, въ которыхъ исчисляются суды и люди церковные, надобно думать, сдѣланы были еще при самомъ Владимірѣ или вскорѣ послѣ него“. „Курсъ церковнаго права“. А. С. Павлова. 1902 г. 149 стр.

¹⁾ Исторія Русской Церкви. Е. Голубинскаго I, 626 стр.

ковныхъ богадѣльнъ, заставляеть думать, что въ XIII вѣкѣ у насъ существовали благотворительныя учрежденія, о нихъ всѣ знали, а изъ предшествующей эпохи самое выдающееся лицо, которому можно было бы приписать инициативу этого дѣла, есть князь Владиміръ—заступникъ и печальникъ всѣхъ бѣдныхъ. Предположительно, съ большей или меньшей вѣроятностію, можно думать, что по распоряженію Владиміра, при церквахъ строились особые дома, отдѣльные отъ помѣщеній причта. Съ матеріальной стороны это дѣло не могло встрѣтить особыхъ препятствій; если въ древности, вслѣдствіе богатства лѣсного матеріала, легко и скоро строились обѣтныя церкви, то также легко могли сооружаться и богадѣленные дома. Такіе дома, устроенные при церквахъ, принимали въ себя всѣхъ, кто въ нихъ приходилъ, и потому, какого рода бѣдняки въ нихъ сосредоточивались въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, оттого они и получали свое названіе: собирались безпріютные безпомощные старики—это была богадѣльня, въ другомъ мѣстѣ могли собираться больные и т. д. Заботиться о такихъ домахъ призрѣнія должно было духовенство, особенно епископы. Съ этой (отчасти) цѣлью епископамъ дарована была десятина и сами призрѣваемые бѣдные во всѣхъ дѣлахъ (быть можетъ кромѣ душегубства), подчинены были суду епископа.

Съ начинаніями (вѣроятными) князя Владиміра въ дѣлѣ благотворительности случилось то же, что случается со многими широкими планами и большими дѣлами; въ послѣдующихъ поколѣніяхъ они не встрѣтили себѣ энергичной поддержки и сочувствія ни въ преемникахъ Владиміра, ни въ духовенствѣ; послѣ него организованная благотворительность у насъ гложеть и чахнетъ, но во всякомъ случаѣ не уничтожается совершенно, и мысли, имъ проведенныя въ жизнь, на долгое время сохраняются въ сознаніи народа и отдѣльныхъ лучшихъ его представителей.

Сохраняется долгое время взглядъ на епископскіе доходы отъ судовъ, какъ на источникъ помощи разнаго рода бѣдня-

камъ: „то (суды церковныя) дано клирошанамъ на потребу и старости и въ недугъ впадшихъ, чадъ многихъ кормленіе, нищихъ кормленіе, обидимыхъ помоганіе“¹⁾. Долгое время сохраняется обычай, по которому нищія у насъ селились при церквахъ въ особыхъ келліяхъ; явленіе это въ позднѣйшее время пріобрѣтаетъ довольно широкое распространеніе; указаніе на это сохранилось въ писцовыхъ книгахъ позднѣйшаго времени. Въ описаніи, на примѣръ, церковныхъ земель Ростовскаго уѣзда не рѣдко вмѣстѣ съ духовенствомъ указываются и живущіе при церквахъ разные бѣдняки: „въ селѣ Кузьмицино живетъ панъ Богданъ Степановъ да келья нищая“²⁾.; въ селѣ Осневѣ при церкви живутъ: „дьячокъ вдовый Василій Яковлевъ, пономарь Амоско, просвирница Аѳимьица, да три кельи нищихъ питаются отъ церкви Божіи“³⁾; въ селѣ Василевѣ „двѣ кельи, а въ нихъ живутъ нищія, питаются отъ церкви Божіи“⁴⁾. Въ иогостѣ на рѣчкѣ на Сочилкѣ „тринадцать мѣстъ нищихъ келлій“⁵⁾. Такія келліи существовали при многихъ церквахъ. Селились бѣдные при церквахъ какъ потому, что здѣсь имъ оказывали помощь богомольцы, такъ, быть можетъ, и потому, что церковь удѣляла имъ нѣкую толику отъ своихъ собственныхъ щедротъ. Между прочимъ, извѣстный Владимірскій соборъ обратилъ вниманіе на положеніе призрѣваемыхъ Церковію и на то, что епископы заставляли нищихъ и призрѣваемыхъ работать на себя: „сѣно сѣчи или провозъ дѣяти“. Это принужденіе къ работѣ могло имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если нищія были матеріально зависимы отъ Церкви.

Замѣчательнымъ дѣятелемъ въ отношеніи благотворительности въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи является

¹⁾ Голубинскій I/1 545 стр.

²⁾ Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ XVII в. (по писцовымъ книгамъ А. А. Титова Москва 1896 года. стр. 14).

³⁾ Ibid. стр. 20.

⁴⁾ Ibid. стр. 29.

⁵⁾ Ibid. стр. 34.

преподобный Θεодосій Печерскій. Не довольствуясь широкую помощью бѣднымъ изъ своихъ и монастырскихъ средствъ, преподобный Θεодосій устроилъ для бѣдняковъ при Печерскомъ монастырѣ цѣлое благотворительное учрежденіе,—надо думать, довольно обширное: онъ „сотвори дворъ близъ монастыря своего и церковь возгради въ немъ святаго первомученика Стефана, ту же повелѣлъ пребывати нищимъ, и слѣпымъ, и хромымъ, и трудоватымъ (больнымъ) и отъ монастыря подавали имъ еже на потребу и отъ всего сущаго монастырскаго десятую часть даяше имъ“. Благотворительное учрежденіе, устроенное преподобнымъ Θεодосіемъ, оборудованное и въ религіозномъ и въ матеріальномъ отношеніи, напоминаетъ учрежденія гораздо позднѣйшей эпохи (напримѣръ, учрежденія юго-западныхъ братствъ). Примѣръ преподобнаго Θεодосія, этого великаго подвижника Русской земли, является прекраснымъ отвѣтомъ на пререкаемый въ послѣднее время вопросъ и о томъ, возможна ли благотворительность въ наше время при монастыряхъ, совмѣстима ли она съ самымъ шоческимъ званіемъ и служеніемъ?

Если въ древности, на зарѣ церковной и государственной жизни у насъ на Руси существовали зачатки организованной приходской благотворительности (быть можетъ, даже въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ мы это себѣ представляемъ), то можно ли сомнѣваться, что такая благотворительность возможна и въ настоящее время? Не только возможна, но и необходима, и вопросъ о приходской благотворительности давно уже у насъ назрѣлъ и требуетъ своего разрѣшенія. По адресу Церкви все чаще раздаются упреки въ равнодушіи къ бѣдности, нищетѣ и горю. Соціальные утописты своими обѣщаніями всеобщаго благополучія все болѣе увлекаютъ широкія народныя массы, и вмѣстѣ съ тѣмъ и отвлекаютъ ихъ отъ Церкви, такъ какъ грядущій „рай“ проектируется безъ Бога и вѣры во Христа, нашего Искупителя. Благотворительность въ послѣднее время сдѣлала въ Россіи огромные шаги впередъ, но съ прискорбіемъ нужно сознаться, что

эта благотворительность часто возникает и развивается не под руководством Церкви и ея христіанскимъ вліяніемъ, а независимо и вдали отъ нея. Тысячи существуютъ нынѣ благотворительныхъ заведеній, обществъ, союзовъ, гдѣ роль Церкви ограничивается официальнымъ молебномъ предъ открытіемъ ихъ, (иногда обходится уже и безъ этого). Такъ умалилась и сократилась роль Церкви въ томъ дѣлѣ, которое, по справедливости, должно бы находиться въ ея рукахъ. Уроки исторіи и ея примѣры не бесполезны бываютъ, если ихъ воскрешаютъ не только въ памяти, но и въ живой дѣйствительности. Примѣръ тому—русская церковно-приходская школа. Возрожденная 25 лѣтъ тому назадъ державною волею въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III, она въ настоящее время широкою сѣтью покрыла всю Русскую землю, вызвала за это время пожертвованій изъ скудныхъ народныхъ лептъ около 100 милліоновъ рублей. Не пора ли Церкви подумать и позаботиться и о другой сѣти благотворительныхъ приходскихъ учрежденій, гдѣ находила бы себѣ пріютъ и помощь приходская бѣднота, немощь, горе и скорбь всякаго рода? Была бы энергія—средства найдутся, ибо не оскудѣлъ еще добротою и милосердіемъ нашъ добрый русскій народъ, и, быть можетъ, эти жертвы на дѣло любви и милосердія, превзошли бы даже размѣры жертвъ на народное просвѣщеніе.

Священникъ *В. Пестряковъ*.

Епархіальная хроника.

Застарѣлые и современные недостатки въ характерѣ взаимныхъ отношеній между членами церковныхъ причтовъ. Отрицательныя черты въ состояніи нравовъ духовной среды и въ отношеніи къ своему дѣлу низшихъ членовъ причта. Жалобы на мнимое безправіе діаконовъ и псаломщиковъ. Проектъ выбора псаломщиковъ изъ крестьянъ, какъ мѣра къ поднятію церковно-бытовой и приходской жизни.

(Епарх. вѣдомости Вятскія, Смоленскія, Симбирскія).

Взаимоотношенія между членами причта въ весьма многихъ случаяхъ далеко не бываютъ такими, какими они дол-

жны бы быть. Трудно сказать, кто первый въ русской художественной литературѣ подмѣтилъ въ нашемъ духовенствѣ иногда до болѣзненности развитую склонность къ сутяжничеству. Но для всякаго, даже не особенно усерднаго читателя, извѣстно, что эту склонность съ большимъ искусствомъ подчеркиваютъ и Гусевъ-Оренбургскій, и Елеонскій, и Потапенко, и всѣ вообще бытописатели нашей духовной жизни. О любви нашего духовенства къ ссорамъ и тяжбамъ рассказываютъ и всѣ наши анекдотисты и шутники. Неуживчивость и сутяжничество иныхъ батюшекъ и особенно о.о. діаконѣвъ вошли въ притчу и даже въ пѣсню. При этомъ нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что ссоры и кляузничество въ средѣ нашего духовенства поднимаются обыкновенно буквально изъ-за пустяковъ, на которыхъ органически невозможно остановиться сколько-нибудь и чѣмъ-нибудь занятой мысли. Начинается ссора изъ-за смѣшного, но въ продолженіи своемъ становится серьезной, раздраженной и открытой. Здѣсь не умѣютъ сдерживать себя и не привыкли съ чѣмъ-либо считаться и такъ или иначе дорожить общественнымъ мнѣніемъ. Обыкновенно священникъ или діаконъ съ своей обидою въ буквальномъ и метафорическомъ смыслѣ слова идутъ на площадь, демонстрируютъ свое потѣшное дѣло передъ публикою, идутъ въ консисторію, въ судъ, въ газеты, всюду, куда только можно. И вотъ растетъ та слава о духовенствѣ, которая не въ честь ему, а въ позоръ и во вредъ.

Скучна, очевидно, жизнь нашего духовенства, если оно находитъ возможнымъ удѣлять слишкомъ много времени и энергіи подкапыванію другъ подъ друга, подглядыванію, ссорамъ, кляузамъ, судбищу. Но неужели жизнь духовенства и должна быть скучной? Ужели пастырское служеніе не захватываетъ лучшихъ и благозвучнѣйшихъ струнъ человѣческой души? Ужели въ немъ нѣтъ ничего, на чемъ бы съ любовію, съ восторгомъ, съ энтузіазмомъ могла остановиться благородная мысль или великое желаніе? Думается, что просто нелѣпно ставить такой вопросъ, ибо что можетъ быть выше идеи

пастырства по его внутреннему смыслу, и что можетъ нужнѣе культурно-просвѣтительной работы нашего пастырства въ данный моментъ! Зачѣмъ же иные батюшки наши или вообще церковные причты съ легкимъ сердцемъ высокое и священное свое призваніе мѣняютъ на чечевичную похлебку и вмѣсто того, чтобы возглавлять собою жизнь, прячутся отъ нея за кулисы, предпочитая идейному учительству будничную пошлость съ ея сплетнями, ссорами, тяжбами!..

Что для духовенства возможна и болѣе серьезная и болѣе содержательная жизнь, чѣмъ та, какую оно въ очень частыхъ случаяхъ ведетъ теперь, это не подлежитъ сомнѣнію. Подтвержденіемъ можетъ служить духовенство нашихъ большихъ городовъ. Здѣсь въ общемъ не слышно споровъ и скандаловъ изъ-за вещей, не заслуживающихъ вниманія. Консисторіи большихъ городовъ, положимъ, завалены дѣлами, но только не кляузными. Эти дѣла идутъ здѣсь въ меньшинствѣ. Причины этого очень понятны. У духовенства большихъ городовъ шире кругъ интересовъ. Съ любовію и увлеченіемъ отдаются здѣсь своему дѣлу, иногда доходя до степени пламеннаго горѣнія. Въ печать часто проникаютъ извѣстія о томъ, какъ приходы большихъ городовъ чествуютъ своихъ батюшекъ, даря ихъ признательностію, матеріальной поддержкою, дорогими подношеніями. Культурное, но сравнительно слабо вѣрующее общество большихъ городовъ тѣмъ самымъ выдвигаетъ изъ среды своей служителей Божіихъ, какъ людей болѣе стойкихъ и стоящихъ въ нравственномъ отношеніи выше его. Высота же этого пастырскаго стоянія прежде всего выражается въ томъ, что эти пастыри умѣютъ оставлять ниже своего вниманія мелочи и дразги жизни. Почему же сельское духовенство, говоря вообще, остается въ этомъ отношеніи позади городского? Заѣдаетъ среда? Но это объясненіе духовнаго расслабленія и духовной дряблости настолько захватано и такъ оношлено, что представляется уже не объясненіемъ даннаго отрицательнаго явленія, а лѣнивымъ потворствомъ ему. Конечно, полудикая деревенская среда дол-

жна извѣстнымъ образомъ вліять на сельскаго батюшку. По вѣдь батюшка идетъ въ деревню не для того, чтобы опускаться до уровня общественной среды, а для того, чтобы до собственного уровня поднимать эту самую среду. На выработку въ батюшкѣ культурной стойкости затрачивается такая большая сумма труда, энергіи, времени. Ужели безрезультатно? Почтенная задача доказать противное!

Не о всемъ сельскомъ духовенствѣ, понятно, идетъ рѣчь, но факта самаго отрицать нельзя: взаимоотношенія между членами причта во многихъ случаяхъ заслуживаютъ порицанія. Многіе склонны даже думать, что вообще-то дѣло пастырства страдаетъ вслѣдствіе ссоры и несогласій между священниками, діаконами и псаломщиками. Несогласія эти возникаютъ не только по пустымъ поводамъ, но часто и вслѣдствіе неодинаковаго отношенія членовъ причта къ своимъ обязанностямъ. Нужно признать, что вина въ этомъ случаѣ чаще на сторонѣ діаконѳовъ и псаломщикѳовъ, чѣмъ священникѳовъ. Въ то время, какъ очень многіе іереи сознаютъ свою слабость и недостойнство быть истинными служителями Христовыми, діаконы и псаломщики часто считаютъ себя на высотѣ положенія, если умѣютъ только читать и пѣть, даже посредственно. Отсюда и проистекаютъ тѣ многія недоразумѣнія и раздоры между священникомъ и низшими членами причта. Священникъ замѣтитъ, напр., какое-нибудь опущеніе по службѣ и сдѣлаетъ замѣчаніе псаломщику или діакону, заботясь единственно о цѣльности и красотѣ богослуженія, а младшіе сослуживцы принимаютъ уже это за личную несправедливость и обиду, или придирки со стороны священника, и часто отвѣчаютъ ему грубостью, вмѣсто того, чтобы спокойно принять замѣчаніе къ свѣдѣнію и постараться исправиться. Это особенно нужно сказать о тѣхъ младшихъ сослуживцахъ, которые нахватались верхушекъ знанія и считаютъ себя непогрѣшимыми, тогда какъ часто и священники, особенно молодые, обращаются къ болѣе опытнымъ младшимъ сослуживцамъ за совѣтомъ въ дѣлахъ церковно-бытой жизни и не счи-

тають этого унизительнымъ для себя. Нельзя пройти молчаніемъ и то грубое отношеніе со стороны младшихъ сослуживцевъ къ священнику, особенно молодому, которое часто приходится встрѣчать іереямъ. Младшіе по положенію, но старшіе по лѣтамъ сослуживцы не считаютъ себя обязанными отдавать должное почтеніе и послушаніе сану священника даже на глазахъ прихожанъ. И это особенно горько бываетъ для священника не только въ силу личнаго чувства, но и потому, что чрезъ это младшіе сослуживцы могутъ препятствовать самому дѣлу пастырства. И это отношеніе младшихъ сослуживцевъ основывается вовсе не на личныхъ свойствахъ священника, а на свойствахъ ихъ собственной природы, склонной болѣе къ подчиненію внѣшней силѣ, чѣмъ разумному убѣжденію. Такъ что, чѣмъ деликатнѣе и проще обращается священникъ съ подобными младшими сослуживцами, тѣмъ послѣдніе болѣе, какъ говорится, зазнаются, и не терпятъ ни малѣйшаго, хотя бы и справедливаго, замѣчанія со стороны священника. Противъ такихъ сослуживцевъ остается одно средство—жаловаться начальству, и вотъ возникаетъ тяжба...

Ни въ одномъ свѣтскомъ вѣдомствѣ не можетъ быть терпимо такое грубое отношеніе къ старшимъ и небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей, какія нерѣдко приходится встрѣчать священнику со стороны младшихъ членовъ причта. Подобное отношеніе послѣднихъ къ службѣ объясняется отчасти низкимъ уровнемъ образованія большей части этихъ членовъ церковнаго клира. Нерѣдко въ псаломщики поступаютъ лица, уволенные изъ духовнаго училища, или изъ первыхъ классовъ семинаріи по неспособности къ ученію и лѣности. Нерѣдко также контингентъ псаломщиковъ пополняется монастырскими послушниками, которые достаточно облѣнились еще въ монастыряхъ и потому мало способны на какую-либо работу или службу. Поэтому-то псаломщикамъ прежде всего слѣдовало бы подумать не о расширеніи правъ, а объ исправленіи своихъ недостатковъ, ибо

безъ исправленія и самыя права могутъ послужить во зло и стать прикрытїемъ злоупотребленій. Нѣкоторые говорятъ, что сами священники совершенно игнорируютъ личность діакона и псаломщика и все дѣлаютъ въ области церковно-бытовой жизни по своему усмотрѣнію, не спрашивая мнѣнія младшихъ сослуживцевъ. Но такое рѣшительное утвержденіе не можетъ быть признано справедливымъ, потому что во многихъ дѣлахъ, касающихся всего причта, іереи считаютъ своимъ долгомъ совѣтоваться съ низшими членами причта. Что же касается дѣла пастырства, то здѣсь священникъ отдаетъ отчетъ одному Богу и своей совѣсти, да еще высшему духовному начальству, но ужъ никакъ не діаконамъ и псаломщикамъ. И въ дѣлахъ церковнаго благоустройства священникъ-настоятель долженъ руководиться не столько мнѣніями діакона и псаломщика, сколько церковными правилами; священникъ даже свои собственныя мнѣнія и волю долженъ подчинять указаніямъ законовъ церковной жизни. Нельзя допустить, чтобы голоса діакона и псаломщика въ устроеніи церковно-приходской жизни считались наравнѣ съ голосами священниковъ. Это противно законамъ Церкви, по которымъ діаконъ, не говоря уже о псаломщикѣ, долженъ быть помощникомъ іерея, а не равнымъ съ нимъ руководителемъ въ дѣлѣ спасенія людей. Если на сѣздахъ и предоставляется діаконамъ и псаломщикамъ право голосованія вмѣстѣ съ священниками, то вѣдь на сѣздахъ, большею частію, разбираются дѣла экономическаго характера, которыя равно касаются всѣхъ членовъ причта. Конечно, и діаконы съ псаломщиками могутъ высказывать свои мнѣнія въ области церковно-бытовой жизни, и никакой іерей не откажется выслушать разумное мнѣніе и даже поступить согласно съ нимъ. Но діаконы и псаломщики въ этомъ случаѣ должны руководиться истиннымъ знаніемъ дѣла и уставовъ Церкви, а не однимъ духомъ противорѣчія и любовію къ спорамъ. И во всякомъ случаѣ, воля священника, согласная съ церковными

законами, должна руководить дѣломъ церковно-приходскаго устройства. Иначе не будетъ единства и благоустройства.

Для образованія контингента псаломщиковъ, болѣе удовлетворяющихъ предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, въ Симбирскихъ епарх. вѣдомостяхъ предлагается примѣнить къ назначенію псаломщиковъ выборное начало. Прежде много говорилось и писалось о пользѣ выборнаго духовенства, а теперь давно уже смолкли, признавъ неудобство выборовъ прихожанами священниковъ. Но почему же ничего не говорилось и не говорится объ избраніи прихожанами псаломщиковъ? А это очень возможно и было бы благотворно. Гдѣ нѣтъ нынѣ училища? Чуть ли не въ каждомъ селѣ имѣются одноклассныя, а въ иныхъ мѣстахъ и двухклассныя и второклассныя школы. Каждогодно изъ этихъ школъ выходятъ даровитыя дѣти. Они-то повсемѣстно и составляютъ контингентъ чтецовъ и пѣвцовъ въ храмахъ. Нѣкоторые непрерывнымъ упражненіемъ въ храмовомъ чтеніи и пѣніи настолько усовершенствовались, что превосходятъ въ этомъ отношеніи назначенныхъ епархіальнымъ начальствомъ псаломщиковъ. И всѣ тѣ, которые идутъ въ губернскія испытательныя комиссіи для полученія правъ на званіе псаломщиковъ, пріобрѣтаютъ свои знанія каждый въ своемъ приходскомъ храмѣ. Итакъ, вотъ гдѣ причетническія училища—это наши храмы. Не надо никакихъ причетническихъ курсовъ, ни испытательныхъ комиссій,—все это съ успѣхомъ могутъ выполнить приходскія попечительства, совѣты или братства, въ союзѣ съ народомъ, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ священниковъ и подъ наблюденіемъ благочинныхъ или благочинническихъ совѣтовъ. Нужно замѣтить, что въ губернскія испытательныя комиссіи для пріобрѣтенія правъ на должность псаломщиковъ являются не лучшіе и не искуснѣйшіе въ навыкѣ къ церковному чтенію и пѣнію, но большею частію тѣ же дѣти духовенства и притомъ такія, которымъ дѣваться некуда. Оттого много псаломщиковъ, недостойно носящихъ свое званіе.

Выборы псаломщиковъ, по мнѣнію автора проекта, принесутъ пользу. Эта мѣра сплотитъ прихожанъ съ духовенствомъ. Прихожане не могутъ не усмотрѣть здѣсь новыхъ для себя правъ, которыя сблизятъ ихъ съ церковью. Боятся при избраніи прихожанами псаломщиковъ какихъ-либо подкуповъ, лицепріятій—нечего. Священники никогда не допустятъ чего-либо непристойнаго при избраніи и неблагопріятнаго для дѣла: въ ихъ же интересахъ имѣть достойнѣйшихъ псаломщиковъ. Изрѣдка, конечно, между прихожанами и священниками могутъ происходить въ этомъ дѣлѣ недоразумѣнія и пререканія, но таковыя будутъ легко устраняемы благочинническими совѣтами. Далѣе выборы псаломщиковъ прихожанами произведутъ въ приходахъ благородное соревнованіе. Въ приходской средѣ найдутся лица, ищущія этого званія, а вслѣдствіе того у нихъ явится неизбѣжно стремленіе къ наиболѣе тщательной подготовкѣ для занятія должности псаломщика. Обоюдныя отношенія священниковъ и псаломщиковъ тогда будутъ болѣе нормальны; устранятся кичливость, грубость, лѣнность и неряшество псаломщиковъ, каковыя пороки въ настоящее время обычны среди нихъ, съ чѣмъ многіе священники нынѣ вынуждены мириться. Богослуженіе въ церквахъ будетъ болѣе благолѣпное. Будутъ избираться въ псаломщики преимущественно такіе, которые въ состояніи заводить хоры и обучать прихожанъ пѣнію. Наконецъ, будетъ больше довольства у псаломщиковъ своимъ положеніемъ. Крестьяне (а изъ нихъ большинство будетъ псаломщиковъ) умѣютъ съ малыми средствами устроить свое матеріальное благосостояніе; будетъ менѣе нуждающихся между ними, и попечительство о бѣдныхъ будутъ менѣе осаждаемы просьбами о пособіяхъ.

Конечно, осуществленіе подобнаго проекта принесетъ нѣкоторую пользу, но въ томъ только случаѣ, если дѣйствительно будутъ избираться лучшіе изъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, если бы онъ гдѣ и былъ проведенъ, то на ряду съ новою практикою выбора псаломщиковъ, доколѣ она не оправ-

дасть своей пригодности и цѣлесообразности, должна остаться и прежняя—назначеніе псаломщиковъ епархіальнымъ начальствомъ.

P.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Въ высшемъ отдѣленіи семинаріи я не прослушалъ полнаго курса наукъ, назначенныхъ для этого отдѣленія тогда дѣйствовавшимъ Уставомъ. Курсъ высшаго отдѣленія былъ двухгодичный, а я пробылъ въ немъ только одинъ годъ, и на половинѣ курса посланъ былъ для продолженія образованія въ Кіевскую духовную академію. Въ академіяхъ и семинаріяхъ разныхъ округовъ курсы не совпадали. Въ Петербургской и Кіевской академіи и въ семинаріяхъ петербургскаго и кіевскаго округа курсъ оканчивали въ нечетные годы, а въ Московской и Казанской академіи и въ семинаріяхъ московскаго и казанскаго округа въ четные. Потому, когда былъ вызовъ воспитанниковъ семинаріи въ Академію изъ другихъ округовъ, гдѣ не было окончанія курса (а это наблюдалось постоянно при прежнемъ Уставѣ), семинарскія начальства отправляли въ академію лучшихъ воспитанниковъ богословскаго отдѣленія, еще года не доучившихся въ семинаріи. Такая практика узаконена была высшимъ начальствомъ. Владимірская семинарія, въ которой я учился, принадлежала къ московскому округу. Между тѣмъ въ годы моего обученія въ семинаріи, и предшествующіе и послѣдующіе имъ, обыкновенно вызывали изъ Владимірской семинаріи по два воспитанника и въ Петербургскую и въ Кіевскую академію. Со мною въ Кіевскую академію, по назна-

¹⁾ См. № 42-й за 1909-й г.

ченію, поѣхалъ Александръ Михайловичъ Сперанскій, о которомъ я упоминалъ прежде. Къ намъ присоединился изъ окончившихъ курсъ Павелъ Васильевичъ Поспѣховъ, братъ бывшего профессора академіи Дм. В. Поспѣхова. Въ Петербургскую академію посланы были Яковъ Предтеченскій и Василій Соловьевъ, но они оба, послѣ пріемнаго экзамена, не были приняты въ академію, а поступили въ Педагогическій Институтъ, гдѣ кончили курсъ съ отличіемъ, и скончались директорами гимназій,—Предтеченскій въ Екатеринбургѣ (убить гимназистомъ), а Соловьевъ въ Кишиневѣ. Въ Московскую академію въ наше время изъ Владимірской семинаріи въ составъ новаго курса вызывали четырехъ студентовъ. Но туда обыкновенно отправлялись уже кончившіе полный курсъ семинаріи.

Высшихъ отдѣленій въ семинаріи, когда я учился въ ней, было три. Я попалъ въ первое отдѣленіе, гдѣ главнымъ наставникомъ былъ ректоръ семинаріи,—попалъ, вѣроятно, по жребію. Я не рассчитывалъ попасть въ это отдѣленіе. Изъ видныхъ учениковъ, занимавшихъ высшія мѣста въ разрядныхъ спискахъ, снискавшихъ чѣмъ-нибудь вниманіе ректора, онъ иныхъ переводилъ въ свое отдѣленіе и тогда, когда по жеребьевому списку они попадали въ другое отдѣленіе, мѣняя ихъ на другихъ, которые изъ перваго отдѣленія переводились во второе или третье. Такъ мой старшій братъ по жеребью попалъ въ первое отдѣленіе, но ректоръ внесъ его въ списокъ втораго отдѣленія, а на его мѣсто въ списокъ перваго отдѣленія внесъ Павла Цвѣткова, впоследствии протоіерея Казанскаго собора въ Петербургѣ. И я, не видный бурсакъ, не могъ рассчитывать на особенное благоволеніе ко мнѣ ректора, хотя ректоръ, когда я былъ еще въ словесности, воздалъ мнѣ высокую похвалу за сочиненія, явившись къ намъ въ классъ, и особенно расхваливши меня предъ всѣми, какой чести никто другой не удостоивался. Ректору наставниками представлялись для просмотра читанныя ими сочиненія учениковъ за цѣлый годъ, и съ ними,

по просмотрѣ, онъ являлся въ классъ, и дѣлалъ нужныя замѣчанія). Я думалъ, что и меня, какъ брата, ректоръ переведетъ въ другое отдѣленіе, если по жребію я попаду въ списокъ перваго отдѣленія. Но этого не случилось. Я остался въ первомъ отдѣленіи. Ректоръ, впрочемъ, не оставилъ неизмѣннымъ жеребій списокъ перваго отдѣленія. Нѣкоторыхъ учениковъ, занимавшихъ высокое мѣсто въ разрядномъ спискѣ, онъ переписалъ въ списокъ своего отдѣленія, хотя они по жребію числились въ спискахъ другихъ отдѣленій. Такъ перенесенъ изъ списка втораго отдѣленія въ списокъ перваго Алексѣй Радугинъ, переведенный изъ втораго средняго отдѣленія въ высшее подъ вторымъ номеромъ, а изъ списка третьяго отдѣленія—Алексѣй Цвѣтковъ. Чѣмъ руководился ректоръ при этихъ перемѣщеніяхъ учениковъ изъ другихъ отдѣленій въ свое, это было ему одному извѣстно: видѣли въ этомъ только его особенное вниманіе къ избраннымъ имъ ученикамъ. Указанные мною воспитанники, переведенные ректоромъ въ его отдѣленіе, были предназначенные кандидаты въ студенты академіи. Къ нимъ я долженъ присоединить Ивана Георгіевскаго, который уже кончилъ курсъ семинаріи, и по первому разряду, но остался на другой двухгодичный курсъ въ богословскомъ отдѣленіи, чтобы лучше подготовиться къ поступленію въ академію, кажется, по совѣту ректора, который цѣнилъ его авторскій талантъ. Но изъ нихъ только Алексѣй Цвѣтковъ поступилъ въ Московскую академію, и по окончаніи въ ней курса со степенью магистра, былъ короткое время преподавателемъ Одесской семинаріи, но отсюда скоро перешелъ въ Московскую семинарію, и здѣсь долгое время занималъ должность инспектора семинаріи. А Радугинъ и Георгіевскій скончались предъ самымъ отправленіемъ въ Академію, бывъ уже предназначены къ тому.

Въ высшемъ отдѣленіи семинаріи въ первый годъ, по росписанію, должны были преподаваться слѣдующія науки: 1) догматическое богословіе, предъ изложеніемъ котораго

предписано было повторять Православное Исповѣданіе Петра Могилы, уже изученное въ низшемъ отдѣленіи, 2) Священное Писаніе Новаго Завѣта, 3) ученіе о вѣроисповѣданіяхъ или обличительное богословіе, 4) общая церковная исторія, 5) церковныя древности и обряды (литургика), 6) гомилетика, 7) сельское хозяйство и 8) медицина. Во второй годъ 1) богословіе нравственное, 2) продолженіе толкованія Священнаго Писанія Новаго Завѣта, 3) о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ (пастырское богословіе), 4) гомилетика, 5) каноническое право, 6) исторія Россійской Церкви и 7) медицина.

Наукъ, которыя проходились во второй годъ курса, я не изучалъ, а изучалъ только науки перваго года, и изъ нихъ не изучалъ гомилетики, которая должна была преподаваться въ оба года, но, за позднимъ явленіемъ наставника, — помощника ректора по преподаванію богословскихъ наукъ, въ первый годъ не преподавалась.

Главному наставнику въ высшемъ отдѣленіи поручено было преподавать догматическое, нравственное и обличительное богословіе и гомилетику. Въ первомъ отдѣленіи главнымъ наставникомъ былъ ректоръ, и онъ первоначально преподавалъ всѣ эти предметы. Но въ 1847 году, опредѣленіемъ Св. Синода, вслѣдствіе его ходатайства, ему назначенъ былъ особый помощникъ для преподаванія богословскихъ наукъ. Такимъ помощникомъ опредѣленъ былъ М. В. Тихонравовъ, прежде преподававшій философскіе предметы и патристику во второмъ среднемъ отдѣленіи. Тогда ректоръ Евѡимій взялъ на себя преподаваніе одной догматики, а преподаваніе другихъ наукъ поручилъ своему помощнику. Но Н. В. Тихонравовъ скончался въ 1850 году, какъ разъ предъ переходомъ нашимъ въ высшее отдѣленіе. Ректоръ Евѡимій остался опять безъ помощника, и въ первое полугодіе перваго года нашего курса одинъ занималъ всѣ классы, назначенные по росписанію для наставника главныхъ богословскихъ предметовъ, паравнѣ съ наставниками другихъ отдѣленій, являясь

на уроки ежедневно. Новый, назначенный ему помощникъ явился въ семинарію въ началѣ второго полугодія 1850—1 учебнаго года, и тогда ректоръ сдалъ ему преподаваніе тѣхъ предметовъ, какіе прежде преподавалъ М. В. Тихонравовъ. Такимъ вторымъ помощникомъ ему былъ Николай Ивановичъ Флоринскій, переведенный въ родную семинарію изъ Вятской семинаріи, гдѣ онъ служилъ тоже въ должности помощника ректора, поступивъ туда по окончаніи курса въ Кіевской академіи въ 1849 году.

Въ Исторіи Владимірской семинаріи ¹⁾ сказано, что съ того времени, когда ректору назначенъ былъ особый помощникъ по классу богословскихъ наукъ, т. е., съ 1848 года, „ректоръ сталъ читать догматическое богословіе во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ, для чего воспитанники высшаго отдѣленія соединялись вмѣстѣ въ семинарскомъ залѣ, а прочіе наставники богословія дѣлили между собою остающіеся уроки“. Это показаніе не точно. Когда я учился, ректоръ Евѣимій читалъ догматическое богословіе только намъ однимъ, ученикамъ перваго отдѣленія, и ученики другихъ отдѣленій не соединялись вмѣстѣ съ нами для слушанія уроковъ ректора. Во второмъ отдѣленіи догматику, вмѣстѣ съ прочими предметами, преподавалъ сначала іеромонахъ Діонисій, а послѣ его назначенія инспекторомъ Вологодской семинаріи А. И. Боголюбовъ, а въ третьемъ отдѣленіи инспекторъ іеромонахъ Виталій. Указанный порядокъ, т. е., чтеніе догматическаго богословія для воспитанниковъ всѣхъ трехъ отдѣленій, установился уже послѣ выбитія ректора Евѣимія изъ Владимірской семинаріи, при его преемникахъ.

Ректоръ архимандритъ Евлогій, у котораго мы слушали изложеніе догматическаго богословія, былъ выдающійся наставникъ, своимъ усерднымъ и тщательнымъ выполненіемъ своего учительскаго долга подававшій назидательный примѣръ всѣмъ своимъ сослуживцамъ. Авторитетъ его высоко стоялъ, какъ у наставниковъ, такъ и у семинаристовъ.

¹⁾ Исторія Влад. семинаріи. Вып. II, стр. 309.

Изложеніе уроковъ по догматикѣ, какъ я замѣчалъ прежде, предварялось повтореніемъ „Православнаго Исповѣданія католической и апостольской Церкви“ Петра Могилы. Но повтореніе этого Православнаго Исповѣданія въ высшемъ отдѣленіи шло очень быстро. Видно было, что наставники, и въ частности архимандритъ Евлогій, не сочувствовали этому нововведенію, и подчиняясь ему неохотно, старались поскорѣе отдѣлаться отъ навязанныхъ имъ уроковъ, настоятельной потребности которыхъ они не сознавали.

При изученіи догматическаго богословія большимъ облегченіемъ для насъ было то, что у насъ подъ руками былъ прекрасный учебникъ „Догматическое богословіе православной католической восточной Церкви“ архимандрита Антонія (Амфитеатрова), тогда ректора Кіевской семинаріи, впоследствии ректора Кіевской Академіи, епископа смоленскаго и архіепископа казанскаго. Эта книга тогда была новая, и въ качествѣ учебнаго руководства она была введена въ семинаріяхъ въ курсъ, предшествующій нашему (въ 1849 году). Мы очень довольны были этимъ учебникомъ и съ большимъ усердіемъ изучали его. И ректору Евлогію нравился этотъ учебникъ, авторъ котораго былъ его товарищемъ по академіи. Онъ не требовалъ отъ насъ буквального его изученія, за исключеніемъ текстовъ Писанія, приводимыхъ въ подтвержденіе той или другой истины, но желалъ и настаивалъ, чтобы мы по каждому пункту отчетливо передавали ученіе православной вѣры, и каждое положеніе умѣли подтвердить текстами Писанія.

Хорошимъ учебникомъ по догматикѣ не ограничивался ректоръ Евлогій. Имѣя его въ основаніи, онъ дополнялъ его своими разъясненіями. Уроки его часто принимали видъ академическихъ лекцій. Правда, онъ не обладалъ живымъ, текучимъ словомъ. Умъ его былъ строгій, логическій, не распускавшійся въ многословіе, и, пожалуй, его уроки не чужды были сухости; но они всегда были умны, основательны и содержательны. При изъясненіяхъ пунктовъ ученія

православной вѣры большимъ пособіемъ для него были сочиненія Макарія (Булгакова), тогдашняго ректора С.-Петербургской академіи, его земляка и младшаго товарища по курсу въ Кіевской академіи. Сочиненія Макарія,—Введеніе въ богословіе и догматическое богословіе,—тогда составлявшіе новинку, онъ цѣнилъ очень высоко, и въ современной ученой богословской литературѣ отводилъ имъ первое мѣсто послѣ книгъ богодухновенныхъ. Онъ былъ весьма доволенъ, когда ученики показывали знакомство съ сочиненіями читаемаго имъ Макарія. Такая честь досталась и мнѣ между прочимъ. Разъ онъ вызываетъ меня къ отвѣту по богословію, кажется по вопросу о твореніи міра. Онъ обыкновенно вызывалъ для отвѣта къ столу тронхъ. Я отвѣчалъ послѣднимъ изъ вызванныхъ трехъ, и въ своемъ отвѣтѣ, не держась строго учебника, съ полною отчетливостію выложилъ все, что по вопросному пункту сказано у Макарія. Мой отвѣтъ весьма удовлетворилъ ректора: онъ не ожидалъ, что нѣкоторые изъ насъ такъ хорошо ознакомились съ сочиненіями Макарія. Когда, скоро послѣ этого, явился къ нему новопривышій помощникъ ректора по классу богословскихъ наукъ, рекомендуя меня ему, онъ въ особое достоинство поставилъ мнѣ то, что я (какъ выразился онъ) „проглотилъ всего Макарія“.

Во второмъ полугодіи 1850—1 учебнаго года трудъ ректора по преподаванію богословія раздѣлялъ новопривышій помощникъ его Н. И. Флоринскій ¹⁾).

Н. И. Флоринскій читалъ намъ ученіе о вѣроисповѣданіяхъ или обличительное богословіе, и въ самомъ концѣ учебнаго года началъ излагать гомилетику, давъ по этой наукѣ

¹⁾ Въ исторіи Владимірской семинаріи (Вып. II, стр. 269) сказано, что Н. И. Флоринскій перемѣщенъ во Владимірскую семинарію изъ Вятской въ декабрѣ 1851 года. Здѣсь неточность. Въ августѣ 1851 года я поступилъ въ Кіевскую академію, а Н. И. Флоринскій полгода былъ моимъ наставникомъ, отъ января 1851 г. по 15 іюля.

лекціи двѣ или три. Появленію его во Владимірской семинаріи предшествовала молва о немъ, какъ о человѣкѣ способномъ, съ отличіемъ кончившемъ курсъ въ Кіевской академіи, и мы ждали въ лицѣ его блестящаго наставника. Но онъ не вполнѣ отвѣчалъ нашимъ ожиданіямъ. Правда, онъ былъ преподаватель дѣльный и умный, но отнюдь не представлялъ изъ себя выдающагося изъ ряда другихъ педагога, и мы, слушавшіе въ среднемъ отдѣленіи уроки М. В. Тихонравова, сожалѣли, что не онъ явился предъ нами толкователемъ богословскихъ истинъ. Къ урокамъ, какъ видно, онъ мало готовился, и его разъясненія уроковъ не всегда были удачны, выражаясь не въ гладкой формѣ, и иной разъ не давая слушателямъ отчетливаго представленія о дѣлѣ. Разъ на его урокъ пришелъ ректоръ Евѣимій. Вопросъ, подлежащій его разъясненію, состоялъ въ томъ, таинства производятъ ли свое дѣйствіе *ex opere operato*. Онъ сталъ у одной парты, недалеко отъ кафедры, держа въ рукахъ книгу, и ни на кого не смотря, повелъ рѣчь, по всей вѣроятности, импровизованную. Эта рѣчь текла довольно вяло и не связно; онъ часто повторялъ одно и то же, и растянулъ болѣе, чѣмъ на полчаса, то, что можно было высказать въ пять, много въ десять минутъ. Мы не довольны были его разъясненіемъ, и, видя его нѣсколько сконфуженное положеніе, сожалѣли о томъ, что онъ, вѣроятно, произвелъ на ректора неблагопріятное впечатлѣніе. Другой разъ его уроки были лучше и излагались съ большею отчетливостію.

Довольно своеобразна была у Н. И. Флоринскаго оцѣнка дарованій и успѣховъ учениковъ: не отличаясь мѣткостію и вѣрностію, она вызывала противъ него нареканія. Въ этомъ отношеніи онъ не отличался такою зоркостію взгляда, за которую нельзя не отдать чести ректору Евѣимію и его предшественнику по кафедрѣ М. В. Тихонравову. Предъ экзаменами онъ представилъ ректору Евѣимію свой разрядной списокъ учениковъ, съ показаніемъ ихъ способностей и успѣховъ. Получивъ этотъ списокъ отъ Флоринскаго, ректоръ

пришелъ въ немалое изумленіе: ученики, считавшіеся въ числѣ лучшихъ и записанные въ общемъ списокѣ въ первомъ десяткѣ, у него попали въ послѣдній десятокъ, а изъ послѣдняго шестого десятка онъ внесъ иныхъ въ первый. Видя такую путаницу въ списокѣ, и не находя основательною учиненную Н. И. Флоринскимъ перетасовку учениковъ, ректоръ возвратилъ ему списокъ, и сказалъ ему, чтобы онъ перемѣнилъ его, при этомъ далъ ему свой списокъ съ тѣмъ, чтобы онъ съ нимъ соображался при составленіи своего разряднаго списка. (Прежде ректоръ и его помощникъ Тихонравовъ составляли одинъ общій списокъ). Это сдѣлалось извѣстнымъ ученикамъ: списки не скрывались отъ нихъ. Само собою понятно, что это обстоятельство не могло служить къ возвышенію авторитета наставника.

Н. И. Флоринскаго я зналъ въ два періода его жизни, во Владимірѣ, гдѣ онъ былъ моимъ учителемъ, и въ Кіевѣ, гдѣ онъ съ 1867 года священствовалъ, и Николай Ивановичъ перваго періода мнѣ представлялся не такимъ человѣкомъ, какимъ потомъ онъ явился въ Кіевѣ. Характеръ его не сразу опредѣлился, и впослѣдствіи времени онъ принялъ ту, нѣсколько жесткую, форму, которая не правилась многимъ, приходившимъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

Во Владимірѣ, когда я учился, Николай Ивановичъ былъ свѣтскимъ человѣкомъ, и никакими особенностями не отличался отъ другихъ свѣтскихъ наставниковъ. Былъ товарищъ добрый, общительный, дружески относившійся ко всѣмъ. Никакихъ рѣзкихъ сужденій онъ не высказывалъ, и совершенно не было у него замѣтно развившееся впослѣдствіи стремленіе къ обличенію другихъ. Если о чемъ говорилъ онъ съ любовію и увлеченіемъ, то это о Кіевской академіи, въ которой онъ получилъ окончательное образованіе, и которой преданъ былъ всею душою.

Въ Кіевъ явился Николай Ивановичъ въ санѣ священника въ 1857 году (священство онъ получилъ во Владимірѣ въ 1858 году). Въ Кіевъ перешелъ онъ потому, что женатъ

былъ на кievлянкѣ, родной племянницѣ преосвященнаго архіепископа Смарагда, скончавшагося въ Рязани. Здѣсь онъ сначала былъ законоучителемъ первой кievской гимназіи, потомъ два года былъ настоятелемъ Успенскаго собора на Подолѣ, преосвященнымъ митрополитомъ Филооеемъ переведенъ въ Софійскій соборъ, при чемъ митрополитъ Филооеемъ имѣлъ въ виду сдѣлать его членомъ консисторіи. Но въ консисторію онъ не попалъ, а послѣ десятилѣтняго служенія въ Софійскомъ соборѣ низведенъ былъ на ваканцію второго священника къ Срѣтенской церкви, гдѣ настоятелемъ былъ протоіерей, на десять лѣтъ младшій его по службѣ.

Въ Кіевѣ Николай Ивановичъ Флоринскій явился строгимъ ревнителемъ вѣры и благочестія. За свое благочестіе онъ снискалъ себѣ не мало почитателей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ часто выступалъ рѣзкимъ, неприваннымъ обличителемъ чужихъ отступленій отъ вѣры и правилъ церковнаго благочинія. Обличительная ревность его бывала часто ревностію не по разуму, и она много портила его отношенія къ другимъ, вызывала недоброжелательное къ нему отношеніе многихъ и создала ему репутацію хотя благочестиваго, но грубаго и неразумнаго охранителя вѣры. Онъ проявлялъ неумѣренный ригоризмъ по отношенію къ дѣламъ вѣры и христіанской жизни, и готовъ былъ подозрѣвать въ безвѣріи или по крайней мѣрѣ въ отступленіи отъ чистой вѣры тѣхъ, которые не менѣе его преданы были вѣрѣ и Церкви, и не считавъ хорошо, напрасно направлялъ слово обличенія противъ людей, совершенно безвинныхъ. Онъ старался отыскивать пятна у другихъ, и если найдетъ что-либо, отступающее отъ нормы церковной жизни, разукрашиваетъ и увеличиваетъ это отступленіе, чтобы разразиться болѣе грознымъ словомъ обличенія. Онъ не смотрѣлъ на лица при своихъ обличеніяхъ, и свое гнѣвное слово не стѣснялся направлять противъ тѣхъ, которые выше его были поставлены. Когда онъ служилъ въ Софійскомъ соборѣ, кафедральному протоіерею Лебединцеву не разъ доставалось выслушивать отъ

него рѣзкія обличенія: чуть не въ безвѣрїи онъ готовъ обличать его. Являлся онъ съ обличеніемъ къ преосвященному Іерониму, тогдашему викарію кїевскому, своему ученику по семинаріи. Разъ, въ присутствїи публики, онъ направлялъ слово обличенія и противъ митрополита Платона, находясь въ цвинтерѣ Софійскаго собора, вблизи покоевъ митрополита. Но эти слова обличенія не доходили до слуха митрополита, а били только воздухъ, и присутствующіе при этомъ съ изумленіемъ выслушивали его, громко произносимую, обличительную рѣчь. Однажды онъ явился ко мнѣ въ возбужденномъ состоянїи (сказалъ, что былъ у преосвященнаго Іеронима и прочиталъ ему сильную нотацію), и, показывая мнѣ довольно объемистую тетрадь, заявилъ, что онъ написалъ грозное обличеніе на извѣстнаго римско-католическаго епископа Штроссмайера, и кое-что прочиталъ изъ нея. Я не совѣтовалъ ему посылать грознаго обличительнаго посланія римско-католическому епископу, указывая на то, что это напрасный трудъ, что это посланіе, если и дойдетъ до него, не произведетъ на него никакого дѣйствія, а можетъ быть, и во все не будетъ прочитано; но кромѣ того, оно можетъ создать непрїятности самому автору, если огласится его поступокъ. Но онъ говорилъ, что онъ рѣшилъ послать, и пошлетъ. Но послалъ ли онъ свое обличеніе двяковорскому епископу, не знаю.—И Кїевскую академію, которой онъ былъ такъ преданъ, онъ уже не считалъ чистою въ вѣрѣ, и многихъ членовъ ея заподозривалъ въ неправославіи. Ко мнѣ какъ-то обратился онъ съ укоромъ и обличеніемъ, что я гоню тексты изъ проповѣдей. Я отвѣчалъ ему, что вы направляете свое обличеніе не по адресу. Я, напротивъ, жестоко нападаю на проповѣди, отличающіяся свѣтскимъ, не церковнымъ характеромъ, настоятельно совѣтую студентамъ какъ можно чаще обращаться къ Писанію, главному источнику нашей вѣры, и требую, чтобы они приводили тексты Писанія въ проповѣдяхъ непременно въ облаченіи церковно-богослужебнаго славянскаго языка.

Но не эта обличительная придирчивость, обидная для многихъ, была причиною того, что онъ, на служебной лѣстницѣ, подвигался не вверхъ а внизъ, закончивъ свою службу вторымъ священникомъ въ приходской церкви. У него была другая слабость, и она собственно сгубила его: онъ преданъ былъ алкоголизму. Съ этимъ недостаткомъ ему трудно было занимать высокое мѣсто среди кievскаго духовенства.

Проф. *Василій Пивницкій*.

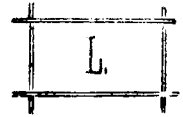
(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кievской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кievъ. 24-го октября 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кievъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 45.

Подписка принимается въ редак-
ци журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года ноября 8-го дня.

Содержаніе: I. Святитель Димитрій, митрополитъ Ростовскій, какъ па-
стырь и учитель пастырства. А. Волнинъ.—II. Нѣсколько замѣчан-
ній о мѣстѣ и значеніи искусства въ современной жизни. Н. Ко-
лосовъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвниц-
кій.—IV. Замѣтка. Объ изысканіи средствъ на содержаніе пѣвчихъ
въ приходскихъ церквахъ.

**Святитель Димитрій, митрополитъ Ростовскій,
какъ пастырь и учитель пастырства.**

*По поводу 200-лѣтія со дня блаженной кончины его (28
окт. 1709 г.—28 окт. 1909 г.).*

Въ жизни и дѣятельности святителя Димитрія различа-
ются два періода: мало-русскій, или кіевскій, и велико-рус-
скій, или ростовскій. Въ первомъ періодѣ „личность буду-
щаго святителя не представляетъ рѣзкихъ очертаній и дѣ-
ятельность его мало выдѣляется по общему своему типу изъ
общей дѣятельности мало-русскихъ иноковъ“¹⁾. Она посвя-

¹⁾ И. А. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651 —
1709 г.). Спб. 1891 г., стр. 458.

цена была главнымъ образомъ трудамъ по описанію житій святыхъ, по составленію т. н. Четыхъ Миней, три части которыхъ святитель издалъ въ Кіевѣ и только послѣднюю часть—четвертую (іюль—августъ) закончилъ въ Ростовѣ въ февралѣ 1705 года, т. е. была ученой дѣятельностью инока, въ которой, какъ она ни славна, не открывалась въ полной мѣрѣ живая личность его, да которая къ тому же была болѣе или менѣе и обычной для образованныхъ мало-русскихъ духовныхъ дѣятелей. Ростовскій періодъ жизни святителя, напротивъ, „носитъ уже болѣе рѣзкій *личный* отпечатокъ“¹⁾. Поставленный во главѣ церковнаго управленія цѣлаго края и встрѣтившись здѣсь лицомъ къ лицу съ многими нестроениями въ духовной жизни ростовской паствы, поставлявшими чрезвычайно сложныя задачи служенію архипастыря, святитель Димитрій со всей энергіей предается заботамъ о церковномъ благоустроеніи и спасеніи своихъ пасомыхъ и проявляетъ живую, кипучую и разностороннюю пастырскую дѣятельность. Со славой ученаго писателя житій святыхъ онъ прибылъ въ Ростовъ. а здѣсь онъ уже приобретаетъ славу духовнаго оратора, „россійскаго Златоуста“, живымъ словомъ и личнымъ примѣромъ обличавшаго и исправлявшаго недуги современнаго общества и паствы своей, т. е. славу мудраго пастыря и учителя пастырей.

Что же являетъ намъ святитель Димитрій, какъ пастырь и наставникъ паствы?

Архипастырскіе труды святителя Димитрія въ Ростовѣ показываютъ въ немъ высокій примѣръ добраго пастыря, привлекательное и истинно-прекрасное отображеніе пастырскаго идеала, обрисованнаго въ евангеліи (Іоанн. 10, 1—16).

Во вступительной рѣчи, которую святитель Димитрій произнесъ при совершеніи первой литургіи въ Ростовскомъ соборѣ, онъ говорилъ: „понеже архіерей великій, небеса прошедый, мене, аще и недостойнаго, поставилъ есть вамъ

¹⁾ Шлякинъ, въ предисл. къ цит. соч., стр. VI.

пастыря и увѣрилъ ми спасеніе ваше,—еже со страхомъ и трепетомъ, яко отвѣтъ воздати о васъ имущъ, приѣмлю,— азъ убо мою должность, яже къ вамъ, знати и хранити имамъ... Долженъ есмь, помощію Божією, по наставленію апостольскому, немощи немощныхъ носить и не себѣ угождати, но комуждо васъ во благое къ созиданію, ибо и Христосъ не Себѣ угоди. Долженъ есмь вразумляти безчинныя, утѣшати малодушныя, заступати немощныя, долготерпѣливъ быти ко всѣмъ. Долженъ есмь добрыя любить, злыя же съ милованіемъ наказывати, о всѣхъ пользѣхъ пещися, всѣмъ спасенія тщательно искати, о всѣхъ молитися“¹⁾. Въ этихъ словахъ святитель намѣчалъ какъ бы программу предстоявшей ему дѣятельности въ Ростовѣ, какъ она предносилась тогда его умственному взору,—и послѣдующая его жизнь и дѣятельность въ санѣ Ростовскаго архипастыря свидѣлствуютъ, что онъ неуклонно слѣдовалъ начертанной имъ программѣ, осуществивъ каждое слово ея въ непрерывномъ рядѣ неусыпныхъ трудовъ и мудрыхъ мѣропріятій во благо своей паствы, какія подсказывалъ ему зорко-заботливое и самоотверженно-отзывчивое, любовно-чуткое отношеніе его къ ея нуждамъ. Неблагопріятныя и тяжелыя условія архипастырской его дѣятельности, которыхъ было такъ много, а именно: нездоровый климатъ Ростовскаго края, собственное недомоганіе, бѣдность архіерейскаго дома, невѣжество духовенства, фанатизмъ раскольниковъ, давленіе свѣтской власти и вторженіе ея во всѣ предѣлы пастырской дѣятельности²⁾,— всѣ эти невзгоды и бѣдствія соединились вмѣстѣ какъ бы для того, чтобы какъ можно богаче проявилась таившаяся въ слабомъ тѣлѣ святителя энергія его мощнаго и богато одареннаго духа, чтобы какъ можно ярче и обильнѣе раскры-

¹⁾ Сочиненія св. Димитрія, митр. Ростовскаго. Ч. I, Кіевъ, 1924 г., стр. 37—38.

²⁾ Шляпкинъ, цит. соч., стр. 459.

лась его мудрая и самоотверженная любовь, которую онъ горѣлъ къ пасомымъ и къ дѣлу спасенія ихъ.

Послѣ перваго же знакомства съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ своей ростовской паствы, святитель Димитрій былъ пораженъ глубокимъ религіознымъ невѣжествомъ, какимъ страдали и пастыри и еще болѣе народныя массы Ростовскаго края. Сохранилось извѣстіе, передаваемое самимъ святителемъ, что во время поѣздки въ Ярославль въ 1702 году, т. е. на второмъ году его архипастьрскаго служенія въ Ростовской епархіи, онъ вошелъ на пути въ сельскую церковь, гдѣ открылись его глазамъ вопіющая небрежность въ обращеніи мѣстнаго священника со святыми дарами и вмѣстѣ поразительное невѣжество его въ религіозныхъ вопросахъ: великая святыня Тѣла Христова хранилась въ „зѣло гнусномъ сосудѣ“, а священникъ не зналъ даже подобающаго имени этой святыни, называя ее попросту „запасомъ“, а не Тѣломъ Христовымъ. Когда святитель „вопросилъ... попа: гдѣ пречистыя и животворящія Христовы Тайны? попь той не уразумѣ словесе“ его „и, яко не домышляяй, стояше молча“. Святитель вторично спросилъ: „гдѣ Тѣло Христово? попь же ни сего словесе можаше познати“... „Азь возболѣзновахъ о томъ сердцемъ по премногу,—замѣчаетъ святитель,—ово же яко въ такомъ непочитаніи хранится Тѣло Христово, ово же яко ни нарицанія честнаго, пречистымъ Тайнамъ подобающаго, іереи вѣдятъ“¹⁾. Одновременно стали извѣстны святителю Димитрію и другіе примѣры преступно-небрежнаго отношенія ростовскихъ священниковъ къ своему служенію²⁾. Религіозно-нравственное состояние простонародныхъ массъ было, конечно, еще хуже, еще печальнѣе: многіе взрослые люди нуждались въ наученіи такимъ употребительнымъ молитвамъ, какъ молитва Господня, Богородицѣ, или Царю небесный и др., потому что не знали

¹⁾ Соч. св. Димитрія, ч. I, стр. 131.

²⁾ См. тамъ же, стр. 133—134, 136—140 и др.; ч. III, стр. 190.

ихъ,—въ храмѣ Божіемъ безчинствовали, какъ будто и сходились сюда, по выраженію святителя, „на политику и на безчиніе, а не на молитву Божію“¹⁾; обманъ, неправедная нажива, тщеславіе, немилосердіе къ бѣднымъ и низшимъ по положенію людямъ и др. пороки, были обычнымъ явленіемъ въ повседневной жизни окружавшаго святителя общества, а пиры до пресыщенія у богатыхъ, гульбища, кулачные бои и шутовскіе хоробы въ простомъ народѣ являлись опять же обычнымъ развлеченіемъ нравственно-огрубѣлой паствы. „Не вѣмъ, — скорбѣлъ святитель, — кого первѣе окаевати требѣ, сѣятелей, или землю, іереовъ ли, или сердца человѣческая, или обою то купно? *Вкупъ непотребни быша, нѣсть тво-ряй благостыню, нѣсть до единого.* Сѣятели не сѣютъ, а земля не приѣмлетъ; іереи не брегуть, а людіе заблуждаютъ; іереи не учать, а людіе невѣжествуютъ; іереи Слова Божія не проповѣдуютъ, а людіе не слушаютъ, ниже хотятъ слушати. Отъ обою страну худо: іереи глупы, а людіе неразумны. Пастыри заблуждаютъ, а овцы за ними не вѣдаютъ, камо бредуть: слѣпыи слѣпыхъ водять, и купно въ яму впадаютъ“²⁾.

Оказавшись чуть не одинокимъ среди столь немощной и неустроенной паствы, не имѣвшей искусныхъ пастырей, святитель Димитрій безропотно и охотно подѣмлетъ на себя бремя пастырскаго пасенія ея и, не выжидая, пока явятся у него помощники въ этомъ дѣлѣ, самъ, собственными своими силами дѣлаетъ все, что только могъ, для христіанскаго просвѣщенія и исправленія ея. Съ этой цѣлю онъ обращается къ воздѣйствию на свою паству посредствомъ учительнаго, проповѣднаго слова и часто произноситъ проповѣди при со-

¹⁾ Шляпкинъ, цит. соч., стр. 392; ср. соч. св. Димитрія, ч. II, стр. 114; ч. III, стр. 190.

²⁾ Соч. св. Димитрія, ч. II, стр. 386—387. Образованному малороссу, какимъ былъ святитель Димитрій, состояніе великорускаго духовенства представлялось особенно печальнымъ отчасти, быть можетъ, благодаря его просвѣщенной требовательности къ пастырямъ.

вершеніи богослуженій въ храмахъ епархіи. Въ нихъ онъ обличаетъ и исправляетъ недуги и пороки паствы, примѣры которыхъ мы привели выше, и всю силу своего краснорѣчія употребляетъ на то, чтобы развить умственный кругозоръ своихъ пасомыхъ, чтобы привить имъ правильныя понятія о Богѣ и чрезъ это сдѣлать ихъ нравственно лучше и добрѣе. Выясненіе слушателямъ богооткровенныхъ истинъ и нравственнаго христіанскаго идеала составляетъ главную цѣль и вмѣстѣ главное содержаніе всѣхъ проповѣдей святителя.—Чтобы сколько можно болѣе расширить кругъ поучаемыхъ лицъ, святитель предпринимаетъ, не щадя своихъ силъ, частыя поѣздки по епархіи и сопровождаетъ ихъ своимъ учительнымъ словомъ и наставленіями; во время этихъ поѣздокъ онъ пользуется свиданіемъ съ пастырями, чтобы и имъ преподать наставленіе о томъ, какъ они должны исполнять свой долгъ и совершать свое служеніе.—Съ той же цѣлію святитель Димитрій писалъ сочиненія и распространялъ ихъ въ народѣ частью путемъ печати, а большею частью въ рукописяхъ¹⁾. Онъ прибылъ въ Ростовъ съ привычкою къ литературному труду, которымъ и здѣсь онъ продолжаетъ заниматься съ любовью; но едва ли не большинство написанныхъ имъ въ Ростовѣ произведеній задумано и выполнено имъ въ удовлетвореніе специально пастырскихъ задачъ и потребностей своего служенія. Не говоря о проповѣдяхъ, онъ составилъ, напр., для простаго народа „Вопросы и отвѣты краткіе о вѣрѣ и о прочихъ ко знанію христіанина нужнѣйшихъ“,—это ничто иное, какъ краткое катихизическое изложеніе вѣроученія и нравоученія Православной Церкви, направленное противъ заблужденій старообрядцевъ-раскольниковъ. Небольшое стихотворно-лирическое сочиненіе святителя „Поклоненіе св. тайнамъ“ обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что имѣетъ поимѣтку: „читать (сіи стихи) повелѣлъ во своей епархіи, приступаючи ко святому причащенію“²⁾. Ту же цѣль, какъ уви-

¹⁾ Проф. прот. Ф. И. Титовъ. Тр. К. Д. Ак., окт. 1909 г., стр. 199.

²⁾ Шлякинъ, цит. соч., стр. 365—366.

димъ, имѣть „Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ“. Въ составленіи и распространеніи назидательныхъ сочиненій вообще святитель Димитрій видѣлъ исполненіе своего архипастырскаго долга. Замѣчательнъ въ этомъ отношеніи собственный отзывъ его о всей своей литературной дѣятельности. Въ письмѣ (отъ 8 ноября 1708 г.) къ своему знакомому о. Θεодору Поликарпову святитель говоритъ: „моему сану (его же нѣсть достоинъ) надлежитъ Слово Божіе проповѣдовати не точію языкомъ, но и пишущою рукою. То мое дѣло, то мое званіе, то моя должность. Пишу убо, Господу поспѣшествующу, нравоученіе, мѣстами же толкованіе Писанія Святаго; елико могу немощный“¹⁾). Не окончивъ одного сочиненія, онъ уже помышлялъ о другомъ на общую пользу пасомыхъ²⁾). И такъ трудился онъ не въ теченіе одного какого-либо года, а въ теченіе всѣхъ восьми неполныхъ лѣтъ своего архипастырства въ Ростовѣ, не взирая на немощи свои, особенно въ послѣдніе годы, когда, по собственному его свидѣтельству, силы тѣлесныя оставляли его; „и очища не по прежнему глядятъ, и ручище пишуще дрожить“... „и вся храмина тѣла моего близъ разоренія“³⁾).

Особыя заботы святитель Димитрій прилагалъ къ поднятію на надлежащую высоту умственнаго и нравственнаго уровня ростовскихъ священниковъ. Онъ обличалъ ихъ недостатки и училъ ходить достойно своего высокаго званія и устнымъ словомъ во время поѣздокъ своихъ по епархіи, и особыми окружными посланіями. Сохранилось и дошло до насъ два такихъ посланія святителя. Одно написано имъ по поводу преступно-небрежнаго отношенія нѣкоторыхъ священниковъ къ подобающему храненію святыхъ Таинъ, печальный примѣръ чего мы привели выше, и содержитъ, кромѣ

¹⁾ Соч. св. Димитрія, ч. I, стр. 318.

²⁾ Прот. Ѳ. И. Титовъ, Тр. К. Д. Ак., окт. 1909 г., стр. 211.

³⁾ Въ письмахъ къ митр. Стефану Яворскому въ концѣ 1707 г. и къ о. Ѳ. Поликарпову въ ноябрѣ 1708 г. См. тамъ же, стр. 213; ср. соч. св. Димитрія, ч. I, стр. 349.

поставленія по этому предмету, обличенія другихъ недостатковъ ростовскаго духовенства въ отправленіи церковной службы съ строгимъ наказомъ исправиться¹⁾. Другое посланіе содержитъ „краткое увѣщаніе о храненіи тайны исповѣди“ съ обличеніемъ замѣченнаго святителемъ злоупотребленія „нѣкихъ злонравныхъ, какъ выражается онъ, іереевъ“ этою тайною и съ увѣщаніемъ освободиться отъ другого не менѣе тяжкаго порока, который состоялъ въ томъ, что іереи лѣнились ходить для исповѣди и причащенія къ больнымъ, особенно „къ людямъ убогимъ и нищимъ“, а ходили „только къ богатымъ“²⁾. Въ первомъ посланіи находимъ еще немало важное распоряженіе святителя, свидѣтельствующее о пастырской ревности его къ просвѣщенію пасомыхъ. Святитель призываетъ іереевъ поучать народъ въ церкви по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ отъ святыхъ книгъ, увѣщаетъ ихъ учить безграмотныхъ прихожанъ молитвѣ Иисусовой, Царю небесный, Трисвятому, Отче нашъ, Богородицѣ и др. употребительнымъ молитвамъ. Заботливость святителя простиралась въ этомъ отношеніи такъ далеко, что онъ указывалъ священникамъ и самый способъ наученія этимъ молитвамъ. Научать имъ можно, по его указанію, въ церкви послѣ литургіи и прочтенія поученія: „пусть за священникомъ всѣ обрѣтающіеся въ церкви, аки единыи усты, глаголють, онъ же да начинаетъ, сказуя по единой точцѣ, наченъ отъ молитвы Иисусовой“³⁾.

Призывая пастырей къ проповѣдничеству, святитель Димитрій высказывалъ пожеланіе, чтобы они, поучая народъ отъ святыхъ книгъ, „прилагали и отъ своего разума словеса полезная, елико будетъ возможно“⁴⁾. Но эта оговорка его: „елико будетъ возможно“, свидѣтельствуешь, что онъ и самъ

¹⁾ Соч. св. Димитрія, ч. I, стр. 130—141.

²⁾ Тамъ же, стр. 104—110, см. стр. 109.

³⁾ Соч. св. Димитрія, ч. I, стр. 141.

⁴⁾ Тамъ же.

сомнѣвался въ осуществимости своего пожеланія на дѣлѣ. Не имѣя радикальныхъ средствъ для перевоспитанія наличнаго состава духовенства, святитель Димитрій въ пастырской своей ревности о благѣ паствы озаботился хотя бы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ имѣть болѣе просвѣщенныхъ пастырей и съ этой цѣлю открылъ въ Ростовѣ при своемъ архіерейскомъ домѣ школу для подготовки кандидатовъ священства. Открытіе школы состоялось не позднѣе 1702 г. и на много времени упредило правительственное распоряженіе о заведеніи школъ для духовенства. Настолько предусмотрительно-мудръ и предприимчивъ былъ святитель Димитрій въ изысканіи способовъ для христіанскаго просвѣщенія своей паствы! Его школа просуществовала, впрочемъ, не долго; полагають, что въ 1706 году она закрылась по совершенному отсутствію средствъ для ея содержанія¹⁾. Но отъ этого не умаляется заслуга святителя Димитрія, который любилъ школу, какъ свое родное духовное дѣтище. Онъ не только удѣлялъ средства на содержаніе ея отъ скудныхъ доходовъ своего архіерейскаго дома, но и принималъ самое живое участіе въ ея жизни: слѣдилъ за успѣхами учениковъ, замѣнялъ отсутствовавшихъ или болѣвшихъ учителей, съ лучшими учениками самъ занимался толкованіемъ Св. Писанія— зимою В. Завѣта, а лѣтомъ—Новаго Завѣта въ подгороднемъ селѣ Демьянахъ. Особенно заботился онъ о религіозно-нравственномъ развитіи учениковъ; въ этихъ видахъ святитель слѣдилъ за неопустительнымъ посѣщеніемъ ими церковной службы, самъ исповѣдывалъ и приобщалъ ихъ св. Таинъ, лѣнливыхъ и неблагонравныхъ подвергалъ наказаніямъ, не исключая и тѣлесныхъ, а прилежныхъ и благонравныхъ награждалъ деньгами и другими знаками своего вниманія. Принимая во вниманіе, что число учениковъ въ Ростовской школѣ достигало до 200²⁾, можно предполагать, что за 4 года своего суще-

¹⁾ Шлякинъ, цит. соч., стр. 338.

²⁾ Шлякинъ, цит. соч., стр. 329.

ствовнія она дала Ростовскому краю немало достаточно просвѣщенныхъ пастырей. Самъ святитель возлагалъ на нее свѣтлыя надежды. „Іереи сыновъ своихъ по плоти, дондеже въ совершенный возрастъ приидуть,—писалъ онъ въ одномъ изъ вышешюименованныхъ посланій къ духовенству,—да учать грамотѣ гораздо, дабы умѣли добрѣ читать по книгамъ и писать. А во еже бы разумѣти имъ силу чтомага Божественнаго писанія, да дають іереи дѣтей своихъ въ училища грамматическая въ Ростовъ, идеже повелѣніемъ Великаго Государя учать безденежно, для того нарочно, чтобы священническіе дѣти не были глупы. Да егда вмѣсто отецъ своихъ сподобятся священнаго чана, умѣли бы въ церкви поучати народъ не точію книжнымъ чтеніемъ, но и наизустнымъ слова Божія сказаніемъ“¹⁾. Можно думать, что надежды святителя въ нѣкоторой, хотя и очень небольшой, степени оправдались.

Уже и представленная нами доселѣ пастырско-учительная дѣятельность святителя Димитрія такъ многосложна и напряженна, что вызываетъ удивленіе неистощимостью пастырской ревности его; но она не обнимаетъ еще всѣхъ трудовъ и заботъ святителя о христіанскомъ просвѣщеніи ростовской паствы. Въ Ростовской епархіи во время святителя развивался расколъ, и это зло подвигло его подъять на себя особые миссіонерскіе труды по борьбѣ съ нимъ. И здѣсь, какъ и во всемъ, святитель Димитрій явилъ себя ревностнымъ пастыремъ. Онъ тщательно слѣдилъ за движеніемъ раскола въ епархіи, собиралъ свѣдѣнія объ этомъ мало знакомомъ ему тогда религіозномъ заблужденіи; при встрѣчѣ съ приверженцами его не уклонялся преподавать имъ вразумленіе²⁾, произносилъ миссіонерскія поученія въ храмахъ и вель частныя бесѣды въ своемъ архіерейскомъ домѣ и въ нихъ онъ обличалъ заблужденія и неправды раскольниковъ съ тою,

¹⁾ Соч. св. Димитрія, ч. 1, стр. 141.

²⁾ Шлякинъ, цит. соч., стр. 377; см. Житіе св. Димитрія, въ соч. его, стр. 19.

главнымъ образомъ, цѣлю, чтобы предостеречь православную паству свою отъ увлеченія ими и охранить ее въ вѣрности православію. Наконецъ, онъ уже не задолго до смерти написалъ особое большое сочиненіе о расколѣ, изложивъ въ немъ свое пониманіе и строгія обличенія его. Въ предисловіи къ „Розыску о раскольнической Брынской вѣрѣ“, — такъ называется это сочиненіе, — святитель пишетъ: „не довлѣетъ нашему смиренію... самими токмо устными словесы бесѣды простирати, но и писанія полезная бесѣдовати подобаеть. Яже убо усты глаголю и ихже вы поучаю, то судихъ и писанію предати и въ епархію послати“¹⁾; а въ частномъ письмѣ (конца 1708 г.) къ своему доброму знакомцу московскому иноку и типографщику Θεологу онъ поясняетъ: „словеса изъ устъ болѣй идутъ на вѣтеръ, неже въ сердце слушателя; того ради все подлежащее лѣтописанія ми дѣло оставивъ (разумѣется историческое сочиненіе, которымъ былъ тогда занятъ святитель), яхъся писать особую книжицу противъ раскольническихъ ученій, помысливъ въ себѣ, яко Богъ о лѣтописаніи мене не истяжетъ. А о семъ, аще молчать противъ раскольниковъ буду истяжетъ“²⁾. Изъ тѣхъ и другихъ словъ святителя ясно видно, что въ миссіонерской дѣятельности своей святитель видѣлъ исполненіе пастырскаго долга, и отдавался ей съ пламенною ревностію, оставляя любимыя ученныя занятія, по чувству страха отвѣтственности предъ Богомъ за небреженіе.

Изображая пастырски - просвѣтительную дѣятельность святителя Димитрія, мы имѣли случай отмѣчать его строгость къ людямъ злонравнымъ и отеческую ласковость, мягкость въ обращеніи съ людьми добрыми. Нѣкоторыя проявленія той и другой особенно характерны въ Ростовскомъ святителѣ и показываютъ, какъ мудро соразмѣрлялъ онъ различные приемы пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ съ ха-

¹⁾ Шляпкичъ, цит. соч., стр. 447.

²⁾ Прот. Ѳ. И. Титовъ, Тр. К. Д. Ак., окт. 1909 г., стр. 205.

ракторомъ ихъ душевнаго состоянія, и какое богатство любви имѣли они къ себѣ въ своемъ архипастырѣ.

Святитель строгъ былъ въ обличеніи пороковъ, въ комъ бы ихъ ни замѣчалъ, были ли то пастыри, или міряне, какъ простые, такъ и знатные. Сохранилось извѣстіе, что однажды дочери ростовскаго стольника Воейкова громко смѣялись въ церкви во время литургіи, совершавшейся святителемъ, и произнесенія поученія. Оканчивая литургію, святитель произнесъ: „Благословеніе Господне на васъ, *кромѣ смѣющихся*“¹⁾... Людей богатыхъ и сильныхъ онъ строго и со властію обличалъ за немилосердіе и угнетеніе слабыхъ и низшихъ. Но, защищая слабого отъ власти сильнаго, не стѣсняясь общественнымъ положеніемъ сильнаго, онъ не щадилъ недостатковъ и слабого. Къ фанатичнымъ и несправивымъ раскольникамъ святитель былъ очень строгъ и не скупился на обличенія ихъ. Напротивъ, къ заблужденію по слабости, какъ и ко всякой людской слабости, онъ былъ снисходителенъ, воздерживаясь отъ поученій „долгимъ словомъ“²⁾. Какъ ни часто огорчали его пастыри небреженіемъ по исполненію своего долга, однако и среди нихъ онъ умѣлъ находить достойныхъ и поощрялъ ихъ наградами, или повышеніемъ по службѣ, иногда къ неудовольствію притязательныхъ представителей свѣтской власти³⁾. Съ особой суровостью святитель Димитрій относился къ людямъ бѣднымъ, нищимъ и сиротамъ, заступаясь за нихъ предъ сильными и богатыми и словомъ своимъ въ поученіяхъ, и дѣятельнымъ участіемъ помогая имъ. Въ этомъ случаѣ онъ является вѣрнымъ преемникомъ правилъ древнихъ пастырей Русской Церкви—печаловниковъ и защитниковъ всѣхъ слабыхъ и всѣхъ угнетенныхъ. Бѣдные знали это и, видимо, смѣло шли къ своему архипастырю-отцу за помощію. „Я—

¹⁾ Шляпкинъ, цит. соч., стр. 360.

²⁾ Шляпкинъ, цит. соч., стр. 393.

³⁾ Тамъ же, стр. 312 и д.

сирота твоя“,—писала одна вдовая ионадья святителю въ челобитной,—„послѣ мужа осталась съ ребятишками сама шестая“, и просила закрѣпить мѣсто, дать дочери зятя... Почти стершаяся отъ времени резолюція святителя была утвердительной¹⁾. Другой примѣръ его заступничества за угнетаемыхъ еще ярче. Случилось однажды, что во время совершенія имъ литургіи въ Ростовскомъ соборѣ стольникъ распорядился бить кого-то на правейѣ. Крикъ истязуемаго былъ слышенъ въ соборѣ. Святитель послалъ просить, чтобы истязаніе прекратили, и, когда стольникъ отказалъ въ просьбѣ, святитель прекратилъ литургію и ушелъ въ свое село Демьяны²⁾. Вообще нужно сказать, что о бѣдныхъ, сиротахъ и нищихъ онъ заботился, какъ о своихъ дѣтяхъ, отдавая имъ все подаванія и свои доходы, хотя и самъ никогда не имѣлъ въ нихъ достатка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вещественная помощь бессильна была облегчить горе и страданія человѣка, или когда онъ не могъ подать таковой, святитель обращался къ заступленію за страдальца молитвой. Во время болѣзни кого-либо изъ учениковъ своей школы, онъ посылалъ за учениками и приказывалъ имъ по пяти кратъ на воспоминаніе пяти язвъ Христовыхъ прочитывать молитву „Отче нашъ“³⁾. Въ молитвѣ онъ видѣлъ всесильное средство утѣшенія и заступленія, общія, напр., ученикамъ своимъ молиться за нихъ и по смерти, если достигнетъ милости у Бога⁴⁾. Молитва святителя уже при жизни его была доходна до Бога и, случалось, подавала людямъ исцѣленіе въ болѣзняхъ. Сохранилось, напр., извѣстіе, что „декабря 23-го 1707 года въ девичомъ монастыри предъ иконою Богородицы чудотворныя молебствовали архіерей женѣ бѣсной, именемъ Евфросиніи, отъ села Порѣчья“, и, по молитвѣ свя-

1) Шляпкинъ, цит. соч., стр. 452—453.

2) Тамъ же, стр. 360.

3) Житіе св. Димитрія. См. соч. его, стр. 20.

4) Тамъ же.

тителя, „освободи ю Богъ отъ бѣсовскаго мучительства“, которымъ мучилась она пять лѣтъ³⁾.

Не касаясь другихъ частныхъ пастырской дѣятельности святителя Димитрія въ санѣ Ростовскаго митрополита, скажемъ, что вся жизнь его здѣсь была непрестающимъ подвигомъ самоотверженнаго служенія нуждамъ и потребностямъ своей паствы. Святитель всецѣло посвятилъ себя своей паствѣ, буквально „душу свою полагалъ за овцы своя“, служа имъ и учительнымъ своимъ словомъ и примѣромъ святой своей жизни—смирениемъ, кротостью, любовію, нестяжательностью, молитвою и подвигами благочестія. Восемь неполныхъ лѣтъ его архипаствы въ Ростовѣ (1 марта 1702 г.—28 окт. 1709 г.) являются вѣнцомъ всей его жизни; эти годы заполняютъ собою большую половину страницъ его житія, въ которомъ онъ наикраше всего просіялъ, какъ учительный пастырь—„духовная цѣвница, православія ревнитель и раскола искоренитель“ (тропарь). Аскетическіе подвиги святителя, которыми онъ особенно прославился опять же въ ростовскій періодъ святой своей жизни, имѣютъ, конечно, свои особыя побужденія и основанія,—но взятые въ общемъ смыслѣ, какъ выраженіе благочестія, они поставлялись самимъ святителемъ въ связь съ задачами и потребностями паствы.

А. Волгинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

³⁾ Шляпкинь, стр. 432.

Нѣсколько замѣчаній о мѣстѣ и о значеніи искусства въ современной жизни.

Не нужно много наблюдательности, чтобы подмѣтить, какую огромную роль въ жизни русскаго интеллигентнаго общества, а особенно въ жизни русской интеллигентной молодежи, играетъ искусство. Почетное мѣсто здѣсь принадле-

^{*)} Шлякинъ, стр. 432.

жить и наукѣ, и разработкѣ, а также и практическому при-
мѣненію проблемъ экономики, однако доминирующее положе-
ніе здѣсь занимаетъ именно искусство. Если это можно го-
ворить объ искусствѣ вообще, то въ частности о поэзіи это
необходимо уже утвердить какъ фактъ, неподлежащій сомнѣ-
нію. Еще въ колыбели мы слышимъ *пѣсню* няни, дальше
мы слушаемъ бабушкины *сказки*, затѣмъ идетъ знакомство съ
окружающимъ міромъ путемъ *фантастическихъ образовъ* и
невѣроятныхъ *выдумокъ* со стороны старшихъ, далѣе слѣ-
дуетъ чтеніе главнымъ образомъ *поэтическихъ* произведеній
дома и въ школѣ, писаніе сочиненій на *поэтическія* же темы,
хотя въ школѣ мы изучаемъ *различныя* науки, но такъ какъ
довольно широкое мѣсто отводится въ ней и исторіи литера-
туры, то при легкости матеріи, предлагаемой этимъ предме-
томъ, и при давней подготовленности нашего вниманія къ
занятію этой матеріей, мы литературой занимаемся охотнѣе
всего, наиболѣе обстоятельныя сочиненія пишемъ по словес-
ности и преимущественную часть своего досуга удѣляемъ
чтенію всякаго рода романовъ, повѣстей, очерковъ, стихотво-
реній и т. п., сами пишемъ стихотворенія, рассказы, очерки,
наводняемъ ими всевозможный редакціи, ждемъ, надѣемся,
мечтаемъ, воображаемъ себя великими писателями, даже от-
ращиваемъ себѣ длинные волосы, беремъ въ руки сучкова-
тыя палки, разочаровываемся и тѣмъ не менѣе опять обра-
щаемся къ литературѣ, въ ней находя свое утѣшеніе и источ-
никъ новыхъ надеждъ. По окончаніи школы мы выскиваемъ
себѣ такой родъ занятій, который больше бы подходилъ къ
характеру, образу мыслей и настроеній излюбленнаго нами
героя или героини и больше бы оставлялъ мѣста для заня-
тій поэзіей и для работы нашей фантазіи; за канцелярскимъ
столомъ, за бухгалтерской конторкой, за дѣломъ чиновника,
за всякимъ строго вымѣреннымъ и положительнымъ дѣломъ
мы скучаемъ. Намъ непремѣнно нужно такое дѣло, гдѣ бы
можно было много говорить, многого желать, строить всяка-
го рода очаровательныя и неосуществимыя теоріи, жаловать-

ся, вздыхать, бичевать, рвать на себѣ волосы, иногда плакать. Поэзія со своимъ содержаніемъ наполняетъ всю нашу жизнь, вѣдряется въ самую плоть и кровь нашу, становится нашей стихіей, безъ которой мы чуть ли не отказываемся существовать. Этому вѣдренію поэзіи во всѣ поры нашей жизни и укрѣпленію ея здѣсь много содѣйствуетъ то обстоятельство, что на ряду съ поэзіей мы не мало же занимаемся другими видами искусства: живописью, музыкой, хореографіей и т. д. Одновременно съ заучиваніемъ наизусть перныхъ поэтическихъ отрывковъ мы уже учимся держать въ рукахъ карандашъ, политру и кисть, знакомимся съ гаммой, перебираемъ клавиши піанино, выдѣлываемъ ногами разныя на. Параллельно писанію поэтическихъ сочиненій и зачитыванію разными романами идутъ наши занятія въ классахъ рисованія, въ классахъ „musique“, во всевозможныхъ танцъ-классахъ. Художественные интересы, возгрѣваемые всѣми этими классами, почти совершенно подавляютъ другіе наши интересы: научные, школьные, семейные, практическіе. Отъ власти этихъ интересовъ нашъ ученикъ не въ состояніи бываетъ отрѣшиться даже тогда, когда такъ или иначе измѣняетъ обычный образъ своей жизни и своихъ занятій и, напримѣръ, изъ родного города отправляется въ путешествіе. При посѣщеніи большихъ нашихъ городовъ и столицъ ученикъ исключительное свое вниманіе сосредоточиваетъ не на чемъ-либо, а опять таки на произведеніяхъ искусства: онъ присматривается къ архитектурѣ общественныхъ зданій, посѣщаетъ картинныя галереи, въ музеяхъ прежде всего спрашивается о предметахъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ искусству и главнымъ образомъ—къ поэзіи,—о реликвіяхъ художниковъ, рукописяхъ поэтовъ. Да это, впрочемъ, и понятно: память писателей и художниковъ увѣковѣчивается у насъ наиболѣе осязательно и крѣпко—въ музеяхъ имъ отводятся особые уголки, имени ихъ посвящаются цѣлыя улицы и учрежденія, на площадяхъ имъ больше всего воздвигаются у насъ монументовъ. Такъ искусство окружаетъ насъ со всѣхъ.

сторонѣ и бьетъ намъ въ глаза при входахъ и выходахъ нашихъ. Вполнѣ понятно поэтому, что въ большихъ городахъ ученикъ, обративъ вниманіе на все, что въ немъ красиво, совершенно въ тѣни оставляетъ вопросы, напримѣръ, объ исторіи города, объ его положеніи географическомъ, торговомъ, промышленномъ, о томъ, какихъ онъ далъ ученыхъ, выдающихся дѣятелей государственныхъ, общественныхъ, военныхъ и т. д. „Кабинетныя“ и классныя занятія нашего юношества искусствомъ въ пору школьнаго его образованія въ послѣдніе годы его пребыванія въ школѣ и далѣе сопровождаются уже практическимъ примѣненіемъ его художественныхъ навыковъ въ разнаго рода литературно-музыкальныхъ вечерахъ и утрахъ, концертахъ, домашнихъ и школьныхъ спектакляхъ, общественныхъ балахъ,—мѣстныхъ провинціальныхъ картинныхъ выставкахъ, въ ученическихъ журналахъ, иногда (напр., въ военно-учебныхъ заведеніяхъ) выходящихъ съ разрѣшенія начальства. Храмомъ же, гдѣ русское юношество служитъ искусству,—является театръ. Разныя театральныя пьесы,—драматическія, оперныя и опереточныя—даже безотносительно къ ихъ идейному и художественному характеру посѣщаются нашей молодежью, особенно же молодежью послѣдняго времени, съ какимъ-то бѣшеннымъ увлеченіемъ, со страшной безудержностью какъ во время неучебное, такъ и въ учебное, какъ въ дозволенное, такъ и въ недозволенное, при *всякомъ* случаѣ, при *первой маленькой возможности*. Выходъ же въ свѣтъ новой пьесы какого-либо моднаго драматурга составляетъ для нашей молодежи цѣлое событіе, а постановка ея въ театрѣ—торжественный праздникъ. Молодежь волнуется, разсуждаетъ, критикуетъ, защищаетъ, восхищается положительно безъ конца и послѣ представленія пьесы долгое время ходитъ, какъ околѣлая. О правильномъ ходѣ учебныхъ занятій въ такихъ случаяхъ уже, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Будетъ ли школяръ интересоваться алгеброй, латинскимъ языкомъ или догматическимъ богословіемъ,

если онъ счастьемъ для себя почитаетъ познакомиться съ артистомъ, игравшимъ какого-нибудь андреевскаго „Нѣкто въ сѣромъ“, бесплатно переписать ему нѣсколько ролей, проникнуть за кулисы, пожать руку артисткѣ, играющей „на выходахъ“ или принять участіе въ хорѣ за сценой или даже въ шумящей за сценой толпѣ...

Кажется, изъ того, что мы списали съ самой жизни, можно видѣть, насколько почетное дѣйствительно мѣсто занимаетъ у насъ въ жизни искусство и въ особенности поэзія и насколько сильно увлеченіе ими нашего юношества. Въ виду этого — думаемъ — не безразлично сколько-нибудь опредѣленно уяснить, насколько важно и цѣнно для практической жизни это господство въ ней художественныхъ интересовъ. Само собой разумѣется, что нѣтъ совершенно никакой нужды говорить о вредномъ и глубоко развращающемъ значеніи тѣхъ — не малочисленныхъ всегда, а въ наши дни въ особенности — произведеній искусства, которыя обращаются къ намъ съ проповѣдью низкихъ идеаловъ, какъ лучшихъ задачъ жизни, предлагаютъ намъ грязные способы для осуществленія этихъ задачъ, въ основу человѣческихъ отношеній полагаютъ грубые, животные инстинкты и стремятся установить первобытный строй всего нашего существованія. Говорить о гибельномъ значеніи такого рода художественныхъ произведеній означало бы не болѣе, какъ ломиться въ открытую дверь. Но не нужно много распространяться и на тему о благодѣтельномъ, высоко облагораживающемъ и глубоко гуманизирующемъ значеніи тѣхъ видовъ художественныхъ произведеній, которыя пробуждаютъ въ насъ „чувства добрыя“, поставляютъ передъ нами безконечно высокіе и до лучезарности чистые идеалы жизни, указываютъ честные и иногда до подвижничества святые пути для ихъ реализаціи и очень часто всѣмъ своимъ содержаніемъ, какъ, на примѣръ, русская художественная литература въ лучшихъ ея представителяхъ, лишь содѣйствуютъ намъ болѣе ясному и болѣе прочному усвоенію вѣчныхъ христіанскихъ идей и освяща-

ющихъ христіанскихъ настроеній. Объ этомъ излишне говорить потому, что это общеизвѣстно. Важнѣе на нашъ взглядъ установить, заслуживаетъ ли искусство и въ частности поэзія во всемъ ихъ цѣломъ право на то широкое значеніе и главное мѣсто, какое они получили въ нашей жизни? Намъ думается, что это значеніе и мѣсто должно быть умалено, *сужено* и—главнымъ образомъ—по двумъ слѣдующимъ соображеніямъ.

Первое. Искусство, какъ продуктъ фантазіи, прежде всего дѣйствуетъ на фантазію же. Хотя новѣйшая психологія и говоритъ о неразрывномъ сплетеніи между собою всѣхъ силъ человѣческаго духа и утверждаетъ, что въ каждомъ психическомъ актѣ непременно участвуютъ всѣ элементы и ума, и сердца, и воли, и воображенія и т. д., однако преимущественное участіе въ художественномъ творчествѣ принадлежитъ *воображенію* и первѣйшее и главнѣйшее дѣйствіе его произведеній обнаруживается на воображеніи же... Не глубину и не быстроту мысли воспитываетъ художественное творчество и не волевою силою оно развиваетъ,—оно культивируетъ главнымъ образомъ нашу фантазію со смѣлостью ея построеній, съ легкостью ея полетовъ. Прочитавши какой-либо романъ или драму, мы приходимъ не къ мысли о какомъ-либо изобрѣтеніи, не къ рѣшенію исправить жизнь въ какихъ-либо опредѣленныхъ ея пунктахъ, мы окутываемся лишь въ туманную атмосферу неопредѣленныхъ мечтаній о чемъ-то такомъ, чего нѣтъ теперь, но что должно было бы быть. Начать по прочтеніи романа или драмы положительную работу по отысканію или осуществленію этого несуществующаго пока „что-то“ мы обыкновенно не можемъ, потому что ни романъ, ни драма не даютъ намъ какой-нибудь и сколько-нибудь систематической программы, необходимой для веденія всякаго положительнаго дѣла. По большей части художественныя произведенія даютъ намъ лишь *общія настроенія* восторга, радости, скуки, тоски, отчаянія, которыя въ послѣднее время очень часто у художниковъ принято даже

оттѣнять или усиливать соотвѣтствующей музыкой, пѣніемъ или просто „загадочными“ звуками за сценой („Вишневый садъ“ Чехова, „Колдунья“ Чирикова, „Эросъ и Психея“ Жулавскаго и т. д.). Для устраненія изъ жизни нежелательныхъ настроеній и для упроченія въ ней настроеній свѣтлыхъ и радостныхъ намъ приходится самостоятельно вырабатывать свои программы. Вотъ здѣсь-то наша фантазія и вступаетъ въ широкое поле своей дѣятельности. Въ цѣляхъ лучшаго устроенія жизни и своей и чужой, мы начинаемъ изобрѣтать блестящіе способы, построаемъ изумительные по геніальности планы, все въ природѣ на землѣ и на небѣ оказывается намъ въ этихъ планахъ подвластнымъ и рабски послушнымъ, въ творческихъ порывахъ своей мечтательности мы перевертываемъ весь міръ, и лишь *новыя* художественныя произведенія, оказавъ на насъ *новое* сильное дѣйствіе и породивъ въ насъ *новое* настроеніе, заставляютъ насъ вырабатывать *новый* планъ дѣятельности и перевертывать міръ съ *новой* стороны. Чѣмъ большее количество сильно дѣйствующихъ художественныхъ произведеній на насъ вліяетъ, тѣмъ напряженнѣе работаетъ наша мечтательность, тѣмъ чаще мы мѣняемъ планы своей дѣятельности и тѣмъ дальше уходимъ въ область туманныхъ настроеній. Обратите вниманіе, какъ рѣдко высказываетъ какія-либо цѣнныя сужденія, какъ мало способенъ къ положительной практической работѣ человѣкъ, который по своей профессіи и вообще по своимъ интересамъ ближайшимъ образомъ связанъ съ искусствомъ: у такого человѣка и въ сужденіяхъ, и въ жизни по большей части такъ же все неувѣренно, робко и гибко, какъ въ настроеніяхъ, порождаемыхъ пьесами Чехова и Метерлинка. Наоборотъ, человѣкъ, вносящій въ дѣйствительную жизнь что-либо положительное и дающій что-либо крупное и выдающееся въ сферѣ практическаго труда, очень мало интересуется и занимается искусствомъ, лѣнливо читаетъ беллетристику и почти совсѣмъ не ходитъ въ театръ. У такого человѣка на низкой степени развитія стоитъ фантазія, но въ

высокой степени развиты мысль и воля, т. е. тѣ силы, которыя играютъ наибольшую роль въ движеніи нашей жизни впередъ. У человѣка, причастнаго къ искусству, до необычайной силы напряженія доведена способность фантазіи, которая всегда у него какъ бы горитъ въ огнѣ, но у него въ дремотномъ состояніи находятся способности интеллектуальная и волевая, а потому онъ не идетъ бодро впереди жизни, а лишь жалко плетется по ея задворкамъ. Мы не говоримъ о гениальныхъ и даже о талантливыхъ писателяхъ и художникахъ, у которыхъ развитіе творческаго воображенія совершалось дѣйствительно въ гармоническомъ единеніи съ развитіемъ мысли и воли,—наша рѣчь касается тѣхъ заурядныхъ служителей искусства, которые худосочность своей мысли и анемію своей воли думаютъ вознаграждать изощренностью фантазіи, и еще въ большей степени наша рѣчь касается тѣхъ безчисленныхъ поклонниковъ искусства, которые на каждомъ шагу встрѣчаются намъ въ видѣ гимназистокъ-театралокъ, гимназистовъ-скрипачей, семинаристовъ-пѣвцовъ и артистовъ, коммерсантовъ-живописцевъ, студентовъ-модернистовъ, курсистокъ-собинистокъ и которые за болѣзненными, хилыми результатами своего бездарнаго фантазирования сплошь и рядомъ не видятъ ни неба, ни солнца, ни жизни. Гипертрофическое развитіе фантазіи подъ вліяніемъ увлеченія искусствомъ создаетъ не крѣпкихъ работниковъ въ жизни, не настоящихъ двигателей ея, а только безсильныхъ мечтателей и фразеровъ, въ родѣ Манилова, Рудина, Обломова, Иванова и др., которые, какъ Рудинъ, Ивановъ и Обломовъ, могутъ быть съ головы и до ногъ начинены „благими порывами“, но которые неизмѣнно оказываются „мертвыми“ для перваго открывшагося передъ ними опредѣленнаго „дѣла“. Одной изъ величайшихъ современныхъ болѣзней, которую по справедливости называютъ „вампиромъ нашего времени“, является болѣзнь воли, выражающаяся въ формѣ слабости ея, въ формѣ ея неподатливости на работу, требующую упорнаго и длительного напряженія энергіи. Если слабость воли явля-

ется общеевропейскимъ современнымъ недугомъ, то для русскаго народа этотъ недугъ является и наиболѣе характернымъ, и наиболѣе застарѣлымъ. Художественная наша литература за все долгое время своего существованія не успѣла еще создать почти ни одного положительнаго типа, который въ должной мѣрѣ обладалъ бы непреклонностью воли, упругостью энергій и талантомъ положительнаго творчества. Герои съ такими чертами характера въ русской литературѣ всегда выходили удивительно блѣдными и безжизненными. Таковы Костанжогло у Гоголя, Саломинъ у Тургенева, Тушинъ у Гончарова, Нехлюдовъ у Толстого и т. д. Если же и были въ русской литературѣ герои со сколько-нибудь положительными и яркими чертами по волевой сторонѣ своего характера, то они были обыкновенно не русскаго происхожденія. Такъ, Гончаровъ своего Штольца взялъ у нѣмцевъ, а Тургеневъ Инсарова—у болгаръ. До сихъ поръ нѣтъ въ русской литературѣ героя воли, нѣтъ — скажемъ словами Гоголя—богатыря, который развернулся бы во всю необъятную ширь русскихъ стеной и, конечно, нѣтъ потому, что нѣтъ этого богатыря въ жизни. Если въ дѣйствительности существуютъ только Маниловы, Обломовы и Ивановы, то только Ивановыхъ, Обломовыхъ и Маниловыхъ создаетъ и литература, ибо она есть зеркало, отображающее въ себѣ дѣйствительность. Но вѣдь должны же быть у насъ настоящіе люди, долженъ же быть положенъ конецъ ивановщинѣ, обломовщинѣ, маниловщинѣ и т. д.! Долженъ же совершиться переходъ отъ пошлой и развращающей мечтательности, отъ построенія нелѣпныхъ феерическихъ теорій, воздушныхъ „мостовъ“ и сказочныхъ замковъ къ положительной работѣ изъ того, что есть, и на основаніи того, что есть. Должна же, однимъ словомъ, старая, вялая и тусклая жизнь уступить мѣсто новой жизни—живой и красочной, „въ которой воли левъ отъ сначки былъ бы разбуженъ“ (Ибсенъ). Но гдѣ путь къ этой жизни? Конечно, этимъ путемъ не можетъ служить искусство и въ частности и художественная литература, кото-

рыя до сихъ поръ не мало содѣйствовали развитію въ насъ не львиной мощи воли, а жалкой ея дряблости, не силы и находчивости мысли, а остроты и патологической воспламеняемости фантазіи. Нѣтъ, если мы хотимъ, чтобы въ нашей жизни и въ нашихъ характерахъ было больше цѣльности, стройности и цѣпной спаянности, то отъ театровъ, картинныхъ галлерей и танцъ-классовъ мы должны чаще обращаться въ сторону учебныхъ аудиторій, практическихъ лабораторій, опытныхъ полей, въ сторону изслѣдованій строго научной, логической мысли,—однимъ словомъ, въ сторону работы умственной и волевой, а не „мечтательной“...

Второе. Кромѣ того, что искусство и художественная литература не могутъ сами по себѣ содѣйствовать воспитанію въ насъ мощности воли и вообще содѣйствовать образованію въ насъ цѣльности характера, они не могутъ быть озобо полезными воспитательными факторами и по другой сторонѣ дѣла. Конечно, писатель *трудится*, когда пишетъ романъ или повѣсть, художникъ *трудится*, когда пишетъ картину, *трудятся* также музыканты или артисты, когда ставятъ на сценѣ концертъ или пьесу. Въ процессѣ своего созданія и даже въ процессѣ своей демонстраціи всякое художественное произведеніе непременно требуетъ значительной затраты *труда*. Но что касается художественной апперцепціи, или воспріятія нами того или другого впечатлѣнія отъ художественнаго произведенія, то здѣсь трудъ и муки созиданія уступаютъ мѣсто *восторгамъ наслажденія и удовольствію*. Играя на сценѣ, артисты трудятся такъ же, какъ трудился драматургъ—авторъ пьесы, но мы, созерцая артистическую игру, уже *не трудимся*, а лишь созерцаемъ, восхищаемся, *получаемъ удовольствіе*. Удовольствіе же, а не трудъ, составляетъ для насъ и посѣщеніе концертовъ, обзорѣніе картинныхъ галлерей и художественныхъ музеевъ, чтеніе романовъ и т. д. Не даромъ даже на обыденномъ языкѣ чтеніе беллетристики называется „*легкимъ*“ чтеніемъ. Въ виду того, что искусство несетъ намъ больше наслажде-

нія и удовольствія, чѣмъ труда съ его иногда очень несладкой, но необходимой неволей, въ виду этого отведеніе искусству слишкомъ широкаго мѣста въ жизни легко, очевидно, можетъ грозить намъ пониженіемъ нашего тяготѣнія къ труду и вообще пониженіемъ нашей работоспособности и, наоборотъ, повышеніемъ нашей склонности къ праздности и развлеченіямъ. Справедливость этого соображенія довольно краснорѣчиво подтверждается фактами самой жизни. Наша деревня почти не знаетъ искусства въ смыслѣ поэзіи, живописи, театра и т. п. и вмѣстѣ съ этимъ она поразительно трудоспособна. При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для работы нашъ мужикъ производитъ такъ много, что, можетъ быть, по всей справедливости должно принадлежать ему то наименование „кормильца“ страны, которымъ его нерѣдко награждаютъ. Почти то же можно сказать о нашихъ фабрикахъ и заводахъ. Но городъ нашъ положительно загроможденъ разнаго рода увеселительными заведеніями и художественными институтами—театрами—драматическими, оперными, зимними, лѣтними, закрытыми, открытыми, кафе-шантанами, шато-де-флерами, электро-театрами русскими и парижскими, клубами, яхтъ-клубами, собраньями, гуляньямы, садами, галлерейми, художественными выставками и т. д., и тѣмъ не менѣе нашъ городъ или собственно типическій городской обыватель не столько производитъ, сколько потребляетъ. Наша молодежь, обучаясь въ университетахъ и академіяхъ, подъ вліяніемъ художественныхъ произведеній сплошь и рядомъ воображаетъ себя необычайно умной, сильной и трудоспособной, создаетъ до чрезвычайности широкіе планы для своей дѣятельности, но, принимаясь по окончаніи школы за дѣло, устасть черезъ два, черезъ три года, разочаровывается въ своихъ былыхъ мечтахъ, опускаетъ руки и начинаетъ пьянствовать или играть въ карты. Здѣсь съ несомнѣнностью сказывается *непривычка къ труду, воспитываемая, между прочимъ, „легкимъ чтеніемъ“, „легкимъ театромъ“, вообще „легкимъ искусствомъ“*, которое такъ заботливо всюду у насъ

культивируется и котораго поэтому у насъ такъ много. И чѣмъ „выше“ хотятъ поднять у насъ воспитаніе и образованіе, тѣмъ больше стараются внести въ него изящества, пониманія искусства и благородной красоты, и вообще тонкаго аристократическаго эстетизма. Не потому ли, между прочимъ, люди, не получившіе почти никакого воспитанія и образованія, съ изумительнымъ усердіемъ и съ самоотверженнымъ терпѣніемъ выполняютъ свои маленькія общественныя и государственныя обязанности, иногда до невѣроятности трудныя и очень часто не совсѣмъ опрятныя, въ то время какъ люди, вкусившіе самыхъ сочныхъ и ароматичныхъ плодовъ современной культуры, съ преступной халатностью относятся къ своимъ обязанностямъ, часто не очень тяжелымъ и всегда высокопочтеннымъ, — обстоятельствомъ, на которое недавно горько сѣтовалъ одинъ изъ выдающихся нашихъ публицистовъ? Нельзя здѣсь не вспомнить и о томъ строго установленномъ историческомъ фактѣ, что у нѣкоторыхъ народовъ самый глубокій умственный и моральный упадокъ обыкновенно совпадалъ съ самымъ высокимъ развитіемъ культуры красоты. Должно быть понятно поэтому для насъ, что *усвоеніе искусству преобладающаго значенія въ жизни должно считаться рискованнымъ, ибо жизнь создается и движется впередъ не праздною и не наслажденіемъ, а упорнымъ трудомъ и стойкой выносливостью.*

Подведемъ итогъ. Помимо того, что искусство по качественной своей сторонѣ можетъ быть то свѣтлымъ и благотворнымъ, то темнымъ и вреднымъ и что по этой сторонѣ оно всегда должно строжайшимъ образомъ оцѣниваться, — помимо этого искусство во всемъ своемъ цѣломъ, по самому существу своему не должно, думается намъ, занимать доминирующаго положенія въ жизни. По самой природѣ своей искусство таково, что, подчинивъ насъ своему обаятельному вліянію и всецѣло завладѣвъ нашимъ настроеніемъ, легко разрыхляетъ нашу волю, ослабляетъ энергію и отъ положительнаго труда отвлекаетъ насъ въ сторону разрушитель-

ной праздности и губительной артистической нѣги, являясь такимъ образомъ очень опредѣленнымъ *минусомъ* въ дѣлѣ созиданія жизни. Вмѣстѣ съ пушкинской чернью или съ ея ригористическимъ апологетомъ Д. И. Нисаревымъ мы не скажемъ, конечно, что „печной горшокъ“ намъ дороже сравнительно съ любымъ произведеніемъ искусства, потому что въ горшкѣ мы— по крайней мѣрѣ,— „варимъ себѣ пицу“. Однако, вмѣстѣ со Спенсеромъ и другими выдающимися мыслителями и педагогами новаго времени мы должны сказать, что *наше общество со всей осмотрительностью должно относиться къ своему преувеличенному стремленію къ прекрасному и прежде всего должно заботиться объ умственномъ и волевомъ своемъ развитіи, „изящнымъ искусствомъ, belles lettres и всему такому предоставивъ занимать лишь то мѣсто въ жизни, какое въ ней остается свободнымъ, т. е. „часы досуга“.* Вопросъ о разумномъ и гармоническомъ синтезѣ развитія умственного, волевого и эстетическаго является одной изъ серіознѣйшихъ проблемъ нашего времени, и на этой проблемѣ съ глубокимъ вниманіемъ должна остановиться наша педагогія—семейная, школьная и въ особенности пастырская, поскольку послѣдняя включаетъ въ себя педагогію и школьную и семейную.

Н. Колосовъ.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Для общей церковной исторіи, которая должна была быть пройдена въ теченіе перваго года богословскаго курса, назначено было всего два урока въ недѣлю. При такомъ незначительномъ числѣ уроковъ трудно было основательно изучить такой обширный предметъ, какой представляет исторія

¹⁾ См. № 43—44-й за 1909-й г.

христіанской Церкви, и намъ она преподавалась въ сокращенномъ видѣ. Вниманіе сосредоточивалось на древнихъ вѣкахъ, и до новыхъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за раздѣленіемъ церквей, мы, и не доходили. Руководствомъ служило „Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка“ Иннокентія (Смирнова). Но намъ выдавались записки по церковной исторіи, которыя въ нашъ курсъ не были новинкою. Эти записки были въ большой зависимости отъ печатнаго руководства, въ порядкѣ изложенія событій по вѣкамъ слѣдовали плану учебника, и были не столько улучшеніемъ, сколько сокращеніемъ его.

По запискамъ изучали мы и литургику, для которой тоже назначено было два урока въ недѣлю. По этой наукѣ, болѣе ограниченной въ своемъ объемѣ, мы получали болѣе отчетливыя свѣдѣнія, чѣмъ по церковной исторіи. По этой наукѣ мало пришлось отвѣчать на публичномъ экзаменѣ предъ архіереемъ и приглашенною публикою. Назначенъ былъ для экзамена трактатъ о таинствѣ священства, и въ частности о чинахъ хиротоній. Я отвѣчалъ о чинѣ архіерейской хиротоніи. Архіерей (Іустинъ) видимо доволенъ былъ нашими отвѣтами.

Преподавалъ обѣ эти науки,—церковную исторію и литургику Григорій Еѣимовичъ Вознесенскій, кончившій курсъ въ Московской академіи въ 1832 году, и въ томъ же году поступившій на службу во Владимірскую семинарію, и вышедшій въ отставку въ 1858 году. Григорій Еѣимовичъ считался у семинаристовъ умнымъ человѣкомъ, но не владѣлъ даромъ слова. Текучей рѣчи мы отъ него не слыхали. Онъ крѣпко держался записокъ, и если дѣлалъ устныя добавленія къ нимъ, то отрывочными фразами. Урокъ проходилъ большею частію въ спрашиваніи учениковъ. Въ Исторіи Владимірской семинаріи сказано о немъ, что онъ очень манкировалъ уроками, „приходилъ въ классъ обыкновенно поздно, не задолго до конца уроковъ; а бывало и такъ, что и совсѣмъ пропускалъ уроки... и за свою неисправность въ 1846 году под-

вергнуть былъ строжайшему замѣчанію въ присутствіи Правленія и обязанъ подпискою проходить свою должность добросовѣстно¹⁾. Но въ тотъ годъ, когда я учился у него, онъ не опускалъ уроковъ и въ этомъ отношеніи былъ довольно исправенъ. Конечно, запаздывалъ иногда; но вѣдь уроки были двухчасовые, и другіе наставники не тотчасъ послѣ звонка являлись въ классъ.

Говорь ходилъ въ семинаріи, что Григорій Еоимычъ совершалъ нерѣдкое поклоненіе Бахусу, и, можетъ быть, въ этомъ причина его неисправности,—неаккуратнаго хожденія на уроки, отмѣченнаго въ Исторіи Владимірской семинаріи. У него былъ близкій пріятель,—Аѳанасій Николаевичъ Яковлевскій, преподававшій тоже церковную исторію и литургику въ третьемъ высшемъ отдѣленіи, товарищъ его по академіи. Связанные давнею дружбою и общностію интересовъ, они, какъ гласила семинарская молва, называли другъ друга братьями, и вотъ братъ Григорій и братъ Аѳанасій часто сходились для мирной бесѣды, то у того, то у другого, и свою мирную бесѣду приправляли и услаждали дарами Бахуса. Но это совершалось тайно, а зоркіе, подозрительные глаза усматривали то, что сокрыто было четырьмя стѣнами отъ взоровъ публики, и потомъ замѣтки о возліаніяхъ, можетъ быть, плохо и неясно усмотрѣнныхъ, въ разукрашенномъ видѣ распространялись между семинаристами. Въ мое время ни братъ Григорій, ни братъ Аѳанасій никогда не являлись предъ семинаристами въ подозрительномъ видѣ.

У Аѳанасія Николаевича Яковлевскаго я не учился. Объ немъ говорили, что онъ любилъ науку, собралъ свою порядочную библіотеку, и имѣлъ хорошія свѣдѣнія по своему предмету. Но не владѣя даромъ слова, какъ и Гр. Е. Вознесенскій, не умѣлъ дѣлиться своими свѣдѣніями съ учениками. Скупой на устныя объясненія, онъ записки выдавалъ ученикамъ, и эти записки часто дополнялъ и исправлялъ.

¹⁾ Исторія Влад. семинаріи, Вып. II, стр. 101.

Мнѣ разъ случилось быть у него въ квартирѣ. Когда я въ послѣднихъ числахъ іюля 1851 года собирался изъ Владимира въ Кіевъ, мой товарищъ Соловьевъ, назначенный въ Петербургскую академію, бывший ученикъ Аѳанасія Николаевича, увлекъ меня къ нему, и онъ принялъ насъ весьма любезно, и произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе. Въ тотъ годъ онъ вступилъ во второй бракъ, и второю, избранною имъ, супругою, была дочь дьячка. Онъ рассказывалъ намъ, что, когда онъ просилъ у архіерея разрѣшенія вступить во второй бракъ, архіерей, узнавши, что нареченная его невѣста дьячешская дочь, замѣтилъ ему, что какъ будто не пара для профессора семинаріи такая невѣста. Аѳанасій Николаевичъ сказалъ ему на это, что для него и для его семейства нужна добрая, работающая хозяйка, и что онъ надѣется, что такую будетъ та, на которой онъ рѣшилъ жениться.

Священное Писаніе новаго завѣта въ первомъ высшемъ отдѣленіи преподавалъ намъ Павелъ Абрамовичъ Прудентовъ, кончившій курсъ въ Московской академіи въ томъ же 1832 году, въ какомъ кончили курсъ Гр. Е. Вознесенскій и Аѳ. И. Яковлевскій, прослужившій первоначально два года въ Муромскомъ духовномъ училищѣ, до перехода въ семинарію. Будучи преподавателемъ семинарінъ, онъ въ то же время былъ священникомъ во Владимірскомъ Успенскомъ женскомъ монастырѣ.

Преподаваніе Священнаго Писанія поставлено было очень неблагопріятно, не соотвѣтственно важности этого предмета. Первое неблагопріятное для него условіе было то, что для уроковъ по Священному Писанію назначены были послѣобѣденные часы, которые обыкновенно назначались для предметооъ, считавшихся менѣе важными въ семинарскомъ курсѣ, каковы древніе и новые языки. Далѣе, наставникъ по этому предмету (Прудентовъ) былъ человекъ добрый, но слабый, не пользовавшійся никакимъ авторитетомъ у учениковъ, и не могшій или не умѣвшій внушить имъ вниманіе къ наукѣ, имъ

преподаваемой. У насъ подъ руками были записки. Наставникъ рабски держался этихъ записокъ, и если иногда вводилъ въ самостоятельныя объясненія, то они бывали и скудны и скучны,—скучны въ особенности потому, что велись вялою рѣчью неувѣреннаго въ себѣ учителя. Мало готовили уроки ученики, и если спрашивалъ кого наставникъ, спрошенный ученикъ, стоя за партою, отвѣчалъ, при пособіи лежавшей передъ нимъ тетради. При невнимательномъ, небрежномъ отношеніи къ урокамъ Прудентова, ученики, чтобы избавить себя отъ сидѣнья на его урокахъ, прибѣгали къ одной мало извинительной хитрости. Кто-нибудь изъ учениковъ выходилъ изъ класса, и стучалъ въ дверь, давая тѣмъ знать, что кого-то вызываютъ. Подходятъ къ двери, и объявляютъ: вызываютъ такого-то. Вызванный вызываетъ другого, другой третьяго и под. Въ коридорѣ такимъ образомъ составляется цѣлая компанія человекъ изъ десяти или болѣе, которые ведутъ между собою пріятную бесѣду. Случалось нерѣдко, что того или другого изъ ушедшихъ изъ класса наставникъ вызываетъ къ отвѣту,—ему говорятъ; „вышелъ“, вызываетъ другого, и тотъ „вышелъ“, и наставникъ мирился съ такимъ нарушеніемъ порядка.

Какъ плохо и трудно давалась Павлу Абрамовичу его самостоятельныя разьясненія уроковъ, объ этомъ можетъ дать понятіе разсказъ, переданный мнѣ его учениками, уже послѣ моего поступленія въ академію. Разъ на его урокъ приходитъ архіерей (преосв. Іустинъ), и вошедши въ классъ, предлагаетъ наставнику продолжать урокъ. Не привыкшій вести связную рѣчь на урокахъ, Павелъ Абрамовичъ совершенно растерялся,—путается въ словахъ, и тугая мысль не находитъ выхода, скользя около предмета. У него было одно любимое слово „тепереча“, которое онъ постоянно повторялъ и на урокахъ, и въ частной бесѣдѣ. И это „тепереча“ постоянно слышалось въ изьясненіи урока предъ архіеремъ: архіерей, при видѣ этого замѣшательства учителя, сказалъ ему: что это я слышу только „тепереча“, да „тепереча, а ничего тол-

коваго не слышу“. Этотъ случай на всѣхъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе, и архіерей послѣ этого едва ли могъ имѣть представленіе о Прудентовѣ, какъ о способномъ наставникѣ.

Къ богословскимъ наукамъ, преподававшимся въ высшемъ отдѣленіи семинаріи, и въ частности къ Священному Писанію, примыкалъ еврейскій языкъ, для котораго назначались два послѣобѣденныхъ урока въ недѣлю. Изученіе еврейскаго языка, какъ и новыхъ языковъ, не было для всѣхъ обязательнымъ; его изучали только желающіе, рассчитывающіе попасть въ первый разрядъ списка. Преподавалъ еврейскій языкъ Іосифъ Трофимычъ Сердцевъ, для котораго этотъ предметъ былъ прибавочнымъ. Онъ былъ преподавателемъ главныхъ предметовъ (логики, психологіи и натристики) въ третьемъ среднемъ отдѣленіи. Іосифъ Трофимычъ очень хорошо зналъ еврейскій языкъ, и даже составлялъ и готовилъ къ печати русско-еврейскій лексиконъ, но не могъ издать его самъ, по недостатку средствъ: а стороннихъ издателей не нашлось для такого, мало выгоднаго, предпріятія. Хорошо велъ свое дѣло этотъ умѣлый и умный наставникъ. Подъ его руководствомъ мы скоро изучали еврейскую грамматику, и переводили избранныя мѣста изъ еврейской Библии. Но трудно было овладѣть языкомъ въ два недѣльныхъ урока. Хорошо изучать его въ такой короткій срокъ намъ невозможно было потому, что занятіе еврейскимъ языкомъ для насъ было занятіемъ придаточнымъ, которому мы не могли удѣлять много времени, при множествѣ другихъ занятій, считавшихся болѣе важными и обязательными.

Проф. *Василій Пьоницкій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Объ изысканіи средствъ на содержаніе пѣвчихъ
въ приходскихъ церквахъ.

Костромская духовная консисторія для возможно правильнаго устройства хоровъ изъ мѣстныхъ прихожанъ и любителей пѣнія разрѣшила расходовать на вознагражденіе учителя пѣнія и регента хора, а по мѣстамъ и самихъ пѣвчихъ, на выписку и напечатаніе нотъ и проч., безъ особаго на то разрѣшенія епархіальнаго начальства отъ 25 до 50 р. изъ церковныхъ суммъ. Кромѣ сего, если этой суммы для нуждъ хора не достаточно, рекомендовала: а) время отъ времени, лично или чрезъ представителей прихожанъ, производить сборы добровольныхъ пожертвованій деньгами и продуктами на содержаніе церковнаго хора среди прихожанъ и между посторонними лицами, живущими въ предѣлахъ или близъ прихода; располагать прихожанъ къ отчисленіямъ на сей предметъ изъ общественныхъ (мірскихъ) суммъ, — по мѣстамъ получаемыхъ отъ оброчныхъ статей; в) устроить церковно-приходскія пасѣки или дѣлать посѣвы хлѣба на земляхъ, иногда остающихся у прихожанъ надлежаще неиспользованными, при чемъ для завѣдыванія дѣломъ должны быть или церковно-приходскія попечительства или церковно-приходскій совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго священника (Совр. Лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ. 3-го ноября 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть **№ 46.** Подписка принимается въ редак-
пять руб., съ пересылкою **ШЕСТЬ** ции журнала, при Кіевской духов-
рублей. ой Семинаріи.

1909-го года ноября 15-го дня.

Содержаніе: I. О нареченіи младенца именемъ Божіей Матери. II—въ.—
II. Святитель Димитрій, митрополитъ Ростовскій, какъ пастырь и
учитель пастырства (окончаніе). А. Волгинъ.—III. Мои воспомина-
нанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—IV. Объявленіе объ
изданіи „Руководства для сельскихъ пастырей“ въ 1910 году.—

О нареченіи младенца именемъ Божіей Матери.

Въ юго-западномъ краѣ нѣкоторые родители, давая новорожденному дитяти женскаго пола имя Маріи, избираютъ въ патронессы для своего дитяти Божію Матерь. Днемъ тезоименитства назначается въ этомъ случаѣ одинъ изъ Богородичныхъ праздниковъ, напр., 8 сентября, 21 ноября, 12 августа.

Беликорусская церковь, привыкшая нарекать новорожденныхъ младенцевъ именами святыхъ угодниковъ Божіихъ и въ лицѣ того или другого изъ нихъ указывающая новому чаду Христову лучшій примѣръ для подражанія въ жизни, избѣгаетъ обычая давать младенцу имя отъ имени Божіей Матери.

Такая двойственность русской церковной практики относительно одного и того же предмета способна вызвать недоумѣніе, которое заставляет искать разрѣшенія въ судѣ авторитета.

Въ пятидесятихъ годахъ прошедшаго XIX ст. вопросъ объ обычаѣ давать имя Божіей Матери новорожденному младенцу разсматривался митрополитомъ московскимъ Филаретомъ по просьбѣ придворнаго сановника В. Д. Олсуфьева. Обсудивъ вопросъ, м. Филаретъ пришелъ къ тому заключенію, что великорусская практика заслуживаетъ большаго одобренія, нежели юго-западная, потому что она проникнута *смирениемъ* и *благоговѣніемъ* предъ Той, Которая признана *честнѣйшею херувимъ* и *славнѣйшею*, безъ сравненія, *серафимъ*. „И хорошо“, сказалъ м. Филаретъ, „послѣдовать православному обычаю не давать имена младенцамъ отъ имени Божіей Матери“.

Но извѣстно, что укрѣпившіеся обычаи не легко переменяются. Тѣ родители, которые знаютъ примѣры нареченія имени Марія отъ имени Божіей Матери, иногда усиленно просятъ священника разрѣшить имъ назвать новорожденное дитя именемъ Божіей Матери. Какъ поступить священнику?

Къ желанію родителей ввѣрить дитя покровительству Божіей Матери отнестись съ осужденіемъ, конечно, нельзя. Но священникъ долженъ обратить вниманіе на тѣ нежелательныя послѣдствія, которыми можетъ сопровождаться, — какъ для нихъ, такъ и для дитяти, — нареченіе дитяти именемъ Божіей Матери. Въ практикѣ самого м. Филарета имѣлъ мѣсто интересный фактъ, на который онъ сослался въ письмѣ къ В. Д. Олсуфьеву. „Не помню, какое-то особое обстоятельство“, писалъ м. Филаретъ, „расположило меня, при постриженіи келейной игуменіи — Маріи, дозволить ей имѣть вмѣсто дня своего тезоименитства день Введенія Божіей Матери во храмъ. Казалось не неприличнымъ сіе: потому что вступленіе въ монашество есть посвященіе Богу, и дѣвствомъ, или, по крайней мѣрѣ, вдовствомъ цѣломудреннымъ, посиль-

ное подражаніе дѣвству Пресвятыя Дѣвы. Однако, видно, иные не такъ сіе поняли, и кто-то неизвѣстный изъ дальняго города написалъ мнѣ за сіе упрекъ. Слово же Божіе“, разсуждаетъ м. Филаретъ по поводу полученнаго имъ упрека, „велитъ удерживаться и отъ невинныхъ, но не необходимыхъ, дѣлъ, когда они могутъ смущать другихъ“¹⁾.

На эту-то возможность смутить немогущую совѣсть другихъ,—если не въ ближайшее время, то впоследствии,—и долженъ прежде всего указать священникъ родителямъ ребенка, разъяснить, что обычай нарекать дитя именемъ Божіей Матери не пользуется широкою распрѣстраненностью по Россіи, а въ иныхъ мѣстахъ ея и совершенно неизвѣстенъ. Допустимъ, между тѣмъ, что посвящей имя Маріи въ честь Божіей Матери придется почему-либо жить среди тѣхъ, кто незнакомъ съ юго-западными обычаями; день ея тезоименитства не подастъ ли поводъ къ различнымъ толкамъ и разглагольствіямъ, подчасъ обиднымъ (для уроженки юго-западнаго края)?

Затѣмъ, необходимо обратить вниманіе родителей ребенка и на другого рода смущеніе, которое можетъ запастъ въ душу получившей имя отъ имени Божіей Матери, когда она, съ возрастомъ, вступить въ супружество и, стремясь въ жизни носильно подражать добродѣтелямъ своей патронессы—Божіей Матери, вдругъ поставитъ вопросъ себѣ: какъ же такъ—ношу имя Приснодѣвы и не дѣвствую?!

Разъясненіе послѣдствій, нежелательныхъ ни для родителей, ни для ихъ ребенка, можетъ способствовать отмѣнѣ первоначальнаго намѣренія родителей наречь свое дитя Маріею въ честь Божіей Матери, особенно, если священникъ прибавитъ, что, по мысли великаго святителя Русской Церкви

¹⁾ Переписка м. Филарета съ В. Д. Олсуфьевымъ обнародована въ самое послѣднее время. См. *Русскій Архивъ* за 1909 г. Кн. 1. Письмо митрополита, изъ котораго мы дѣлаемъ выдержки см. *ibid.* стр. 81.

м. Филарета, „кто речеть Божіей Матери: желалъ бы назвать младенца Твоимъ именемъ и не дерзаю, тотъ (дѣйствительно) пріобрѣтетъ своему младенцу покровительство Божіей Матери“.

П. П—въ.

Святитель Димитрій. митрополитъ Ростовскій, какъ пастырь и учитель пастырства.

(Окончаніе ¹⁾).

Наша характеристика пастырской дѣятельности святителя Димитрія была бы не полна, если бы мы не коснулись, хотя вкратцѣ, его воззрѣній на задачи пастырства вообще и на средства приготовленія къ достойному прохожденію его.

Пастырское служеніе святитель почиталъ весьма высокимъ: „златъ пастырь саномъ, но выраженію его, и честенъ пастырскаго ради сана“ ²⁾; а архипастырскій санъ онъ уподоблялъ свѣтиламъ небеснымъ, и какъ эти послѣднія, говорилъ онъ, „далекаго ради разстоянія очесамъ нашимъ малы зрятся: сице духовнаго чина лица во очесѣхъ мірянъ горделивыхъ, далече отъ богоугожденія отстоящихъ; зрятся быти малы, и акн ничтоже, аще и мнози въ духовныхъ велицы суть предъ Богомъ, ихже нѣсть достоинъ весь міръ“ ³⁾. По насколько высоко пастырское служеніе, настолько же оно и отвѣтственно. Пасущій безсловесныхъ животныхъ несеть большой трудъ, „во дни жегомъ зноемъ, въ ноци студенію померзая, ниже дая сна очима своима: кольми паче, говоритъ святитель, несравненно бѣльшаго труда и бодрости требѣ пасущему человѣческія души, за нихъ же великій и добрый пастырь нашъ Христосъ кровь Свою излія, и душу Свою на крестѣ положи, и ихже отъ рукъ пасущаго взыскаи со-

¹⁾ См. № 45-й за 1909 г.

²⁾ Сочиненія св. Димитрія, ч. III, стр. 357.

³⁾ Тамъ-же, стр. 222.

многимъ истязаніемъ и испытаніемъ имать: не точію же труда, но и искусства велика требуетъ“¹⁾. Таково въ существѣ своемъ дѣло пастырства, по мысли святителя Димитрія.

Раскрывая свою мысль, святитель первую задачею пастырства поставляетъ долгу учительства. „Должность пастырская первая есть та, еже учить полезно, грѣхи человѣческія истребляюще, на путь же спасенія наставляюще“. „Всякъ пастырствуяй надъ людьми Божиими, говоритъ онъ, аще и многими долженъ украшаться добрыми дѣлы и духовными дарованіи, обаче вначалѣ имать стяжати духовную премудрость, смыслъ, учительскій разумъ, его же и Богъ отъ устъ іереовыхъ възскуеть“...²⁾. Среди общаго тогда невѣжества и при полномъ отсутствіи образовательнаго почина съ чьей-либо стороны, даже при отрицательномъ отношеніи къ просвѣщенію въ средѣ самого духовенства³⁾, нужны были многіе и сильные доводы, чтобы виѣдрить эту мысль въ сознаніе духовенства и общества, и потому святитель обильно извлекаетъ доводы для нея изъ Свящ. Писанія и твореній свв. отцовъ, заимствуя доказательство для нея даже изъ устройства ризы ветхозавѣтнаго первосвященника: „златые звонцы на ометѣ ризномъ“ указываютъ, по нему, на то, что „златыи и словеса отъ устъ священныхъ исходити должны: о Богоугожденіи, о святомъ и праведномъ житіи, о любви къ Богу и ближнему; златыи словеса, настаиваетъ святитель, а не оловянины,—полезныи, глаголю, а не неполезныи,—честныи, а не безчестныи, любезныи, а не враждебныи, ни хульныи, ни гнилыи“⁴⁾.

Другою не менѣе важною задачею пастырства святитель Димитрій считалъ—воздѣйствіе на пасомыхъ силою добраго примѣра живой личности пастыря въ своей жизни. „Не довлѣетъ словесныя овцы учить токмо словомъ, но и добраго по Бозѣ житія образомъ“⁵⁾. Выясняя силу и воспитательное

¹⁾ Соч. св. Димитрія, ч. III, стр. 349.

²⁾ Тамъ же, стр. 352, см. стр. 350.

³⁾, ⁴⁾ и ⁵⁾ Тамъ же, стр. 351.

значеніе добраго примѣра, святитель говорилъ: „Глаголай, а не творяй, подобенъ есть грому на облацѣхъ, во время суши безъ дождя бывающему. Какъ польза отъ возгремѣнія облачнаго, аще жуждущей землѣ не изліется дождь? Кое умиленіе душамъ отъ учителява гласа, аще житіемъ не пользуется, но паче соблажняетъ: слово бо безъ образа добродѣтельнаго житія нѣсть дѣйственно. Буди кто, добавляетъ святитель, носяй на языкѣ аки медь сладоглаголаніе, аще въ дѣлѣхъ зрится желчь соблазновъ, не усладитъ сердца слышателява, — хотяй согрѣяти иныя въ любовь Господню, долженъ самъ не ледъ быти, но аки серафимъ желаніемъ Божественнымъ пламенѣти,—инѣхъ просвѣтити хотяй, самъ да будетъ не тьма, но свѣтъ“¹⁾. Въ виду грубости тогдашнихъ нравовъ, а также и въ виду слабости человѣка, всегда склоннаго вовлекаться въ грѣхъ, святитель и эту мысль подтверждалъ обильными доводами изъ Свящ. Писанія и святоотеческихъ твореній, наставляя въ особенности на томъ, что пастырю подобаетъ быть боголюбивымъ, „ибо и Петра святаго, говорилъ святитель, хотя Господь поставити пастыря овцамъ словеснымъ, первѣе три краты о любви вопросы того, глаголя: „Симоне Іонинъ, любиши-ли мя?“ и егда Петръ отвѣсти три краты: „ей Господи, ты вѣси, яко люблю тя“,—тогда Господь вручи ему паству: „паси агнцы моя, паси овцы моя, паси избранныя моя“. Любовь же къ Богу, пояснялъ злато-словесный проповѣдникъ, по добродѣтельному житію есть познаваема, и со словомъ житіе пастырево являющая“²⁾.

Вліяя на насомыхъ учительнымъ словомъ и примѣромъ доброй жизни, пастырь долженъ имѣть великое попеченіе о стадѣ, подъемля многіе труды, долженъ быть бодръ, какъ стражъ города или полка. На немъ лежитъ „трудъ по взысканію заблуждшаго, трудъ въ подыятіи падшаго, трудъ въ цѣлительствѣ язвеннаго, трудъ въ пошеніи немощи и брѣ-

¹⁾ Соч. св. Димитрія, ч. III, стр. 353.

²⁾ Соч. св. Димитрія, ч. III, стр. 355.

мень обремененнаго, трудъ, еже волкохищное овча отъ самыхъ зубовъ звѣринныхъ исторгнути и представить е цѣло Христови“¹⁾. Замѣчательно, что между различными видами пастырскаго попеченія святитель называлъ и заботы о внѣшнемъ благополучіи пасомыхъ: пастырь долженъ, по словамъ его, „и во внѣшнихъ нуждахъ руку помощи подавати обидимымъ, заступати неповинныя, пещися о убогихъ и нищихъ, и иная духовная церковная управленія добрѣ строити“,—и выполнить все это пастырю, по взгляду святителя, „не безъ труда есть“²⁾.—Выясняя обязанность пастырскаго бодрствованія надъ стадомъ, онъ говорилъ, что пастырь долженъ быть „крѣпокъ на находящія на стадо волки, аки левъ; трудолюбивъ въ чину своемъ, аки волъ,—милостивъ и сострадательнъ, яко человекъ,—умомъ же богомысленнымъ высокопаренъ, аки орелъ“³⁾. Образъ бодратаго пастыря Ростовскій святитель видѣлъ и указывалъ въ многоочитыхъ херувимахъ, окружающихъ престоль Божій: какъ они исполнены очесъ „сопреди и созади, (такъ) и пастырь долженъ многоочитъ быти, разсмотряя не точію настоящая, но и грядущая, въ который конецъ что дѣется; тмами ему отовсюду очесъ потреба, приводилъ святитель слова Златоуста, — тмами, ибо овецъ пасти надлежитъ и опасно блюсти, да не кій волъ въ одеждѣ овчей впадеть во стадо“⁴⁾. Долгъ бодрствованія требуетъ отъ пастыря великаго искусства, чрезвычайнаго напряженія силъ,—и это тѣмъ болѣе, что онъ подобно херувимамъ, и „внутри уду исполненнымъ очесъ“, долженъ не извнѣ только, а и внутри себя быть многоочитымъ, „въ совѣсти своей (долженъ) имѣти бодрое разсмотрѣніе, не зазираетъ ли въ чемъ совѣсть“⁵⁾. Мысль у святителя та, что безъ чистоты душевной, безъ постоянной провѣрки своего состоянія, безъ собственнаго опыта въ духовной жизни пастырь не въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 356.

²⁾ Соч. св. Димитрія, ч. III, стр. 357.

³⁾ Тамъ же, стр. 359.

⁴⁾ и ⁵⁾ Тамъ же, стр. 359.

состояніи будетъ своевременно подмѣчать, умѣло распознавать и врачевать духовныя болѣзни пасомыхъ, и будетъ, какъ неискусный врачъ, приносящій больному не пользу, а вредъ, или какъ неискусный кормчій, который скорѣе топить корабль, чѣмъ направляетъ къ пристани¹⁾).

Всѣ эти мысли о пастырствѣ, умомъ и сердцемъ святителя выношенныя, а въ богатомъ опытѣ пастырской его жизни провѣренныя и выявленныя, имѣютъ неумирающее значеніе и сохранять свою жизненность на всѣ времена. Но особенно онѣ жизненны были въ его время, когда многіе искали священнаго сана, но остроумному выраженію святителя. „не для Іисуса, а для хлѣба куса“²⁾, и достигали его „не по изволенію Христову, но по мздѣ, и помощію мірскихъ властей, дарами удобренныхъ, и коимъ либо коварствомъ“³⁾... а въ оправданіе свое, какъ можно думать, кощунственно ссылались на ап. Павла, который, говорили, не уничтожилъ и не похулилъ желающихъ пастырства, сказавъ: „аще кто епископства хочетъ, добра дѣла желаетъ“ (1 Тим. 3, 1)⁴⁾. Въ виду этого святитель Димитрій настойчиво разъяснялъ, что желаніе и исканіе священства похвально и полезно, если есть вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе *дѣла*, какъ и апостоль говоритъ: „дѣла желаетъ“: „аще кто дѣла желаетъ, рассуждаетъ святитель, а не власти,—труда, а не гордыни,—попеченія, а не насыщенія,—такое желаніе похваляетъ апостоль“, ибо пастырство учинено отъ Господа, повторяетъ онъ, „не для успокоенія и прохлады“, а для великихъ трудовъ и попеченій, за которыя приниматься нужно съ благоговѣйнымъ трепетомъ и смиреннымъ сознаниемъ своихъ немощей, привлекающимъ благодатную помощь Божию⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 359.

²⁾ Соч. св. Димитрія, ч. II, Кіевъ, 1824 г., стр. 119.

³⁾ Соч. св. Димитрія, ч. III, стр. 50,—ср. тамъ же, стр. 224.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 360, ср. стр. 224—225.

⁵⁾ Соч. св. Димитрія, ч. III, стр. 225,—ср. стр. 360.

Обращаемся къ труднѣйшему вопросу чуть-ли не всѣхъ времянь существованія нашей Церкви, къ вопросу о воспитаніи и приготовленіи добрыхъ пастырей. Какъ рѣшалъ его свѣтитель Димитрій? Мы не исчерпали бы его отвѣта на этотъ вопросъ, если бы не вышли за предѣлы уже отчасти очерченной нами школы его и не коснулись тѣхъ цѣнныхъ мыслей, какія онъ высказываетъ по вопросамъ воспитанія и обученія въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ, ибо онъ былъ того мнѣнія, что „не можетъ кто добрымъ пастыремъ быти прежде, даже не сотворится первѣе самъ доброю овцею Христовою“¹⁾ и, слѣдовательно, не считалъ безразличнымъ для будущаго пастыря дошкольный возрастъ его, когда зароняются въ человѣкѣ первыя сѣмена вѣры и добра, когда полагаются и образуются въ немъ добрые или же дурныя задатки.

При всей любви своей къ знанію и наукѣ, свѣтитель Димитрій основнымъ принципомъ воспитывающаго обученія на всемъ протяженіи дошкольнаго и школьнаго возраста считалъ не умственное образованіе человѣка, а нравственное развитіе и усовершенствованіе его. Послѣднему онъ давалъ рѣшительное предпочтеніе предъ первымъ и говорилъ, что „не потщавыйся кто пройти собою тѣсный путь евангельскій и о очищеніи ума вознебрегъ, аще и всю внѣшнюю мудрость извыче, слѣпъ есть душею“²⁾,—у того вся премудрость только на языкѣ, а въ душѣ безпросвѣтная тьма, и подобенъ онъ человѣку съ однимъ глазомъ или съ одной ногой³⁾. „Очищается и просвѣщается умъ, по убѣжденію и свидѣтельству свѣтителя, сугубымъ подвигомъ..., храненіемъ Господнихъ заповѣдей и умнымъ всегдашнимъ дѣланіемъ, аче же всегдашними теплыми слезами“⁴⁾. Мысль свою онъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 45.

²⁾ Соч. св. Димитрія, ч. I, стр. 204.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 205.

подтверждалъ фактами и примѣрами изъ исторіи христіанской Церкви. Святые, все стараніе прилагавшіе объ очищеніи души, а не о приобрѣтеніи познаній, соединялись, указывалъ онъ, съ Богомъ, обильно преисполняясь благодатію Его; тѣ же, напротивъ, кто „не искусиша, не познаша Бога имѣти во своемъ разумѣ“, впадали въ различныя заблужденія, гибельныя страсти и ереси, какъ еретики Аріій, Евтихій, Савеллій и имъ подобныя. Потому-то и въ школѣ своей, сообщавшей кромѣ грамоты и „четья—пѣтя церковнаго“ знанія по греческому и латинскому языкамъ¹⁾, святитель сосредоточивалъ главное вниманіе, какъ мы отмѣчали выше, на религіозно-правственномъ развитіи учащихся.

Поставляя во главу гармоническаго развитія человѣческой личности нравственное воспитаніе ея и уже послѣ него образованіе ума, святитель Димитрій придавалъ громадное значеніе первоначальному воспитанію ребенка въ указанномъ направленіи²⁾. Въ данномъ случаѣ онъ выходилъ изъ основнаго своего взгляда на духовную природу человѣка, которая не имѣетъ, по нему, никакихъ прирожденныхъ задатковъ, такъ что весь нравственный обликъ человѣка, съ какимъ онъ вступаетъ уже въ сознательный возрастъ, образуется, не имѣя прирожденныхъ основъ для себя, всецѣло подъ вліяніемъ воспитательныхъ мѣръ и воздѣйствій. Святитель раскрывалъ свою мысль посредствомъ многихъ подобій. Малое дитя, разсуждалъ онъ, подобно доскѣ, приготовленной для картины; какое изображеніе напишетъ на ней живописецъ, доброе или худое, святое или грѣшное, ангела или бѣса, то и останется навсегда. Такъ и ребенокъ: какое дадутъ ему родители воспитаніе, какому научатъ его образу жизни, богоугодному или богоненавистному, ангельскому или бѣсовскому, въ томъ онъ и останется на всю жизнь³⁾. „Въ какую краску прежде опустите полотно, еще говорилъ онъ, того

¹⁾ Шляпкинъ, цит. соч., стр. 331 и д.

²⁾ Соч. св. Димитрія, ч. III, стр. 47.

³⁾ Избр. мѣста изъ твореній св. Димитрія, т. VII, стр. 57.

цвѣта оно никогда не потеряетъ, и какой жидкости сначала нальете въ новую деревянную или глиняную посуду, благо-воннаго масла или дегтя, ихъ запахъ останется въ ней навсегда; то же самое бываетъ и при воспитаніи дѣтей¹⁾. Поэтому родители и должны зорко слѣдить за первоначальнымъ воспитаніемъ дѣтей съ первыхъ же дней ихъ отъ рожденія; вся нравственная организація ребенка всецѣло находится, по мнѣнію святителя, въ ихъ рукахъ, и отъ нихъ зависитъ придать ей ту или другую форму. И горе тѣмъ родителямъ, которые своимъ небрежнымъ отношеніемъ къ великому и святому дѣлу воспитанія способствуютъ загрязненію чистой дѣтской души разнообразными пороками и недостатками, трудно искоренимыми въ болѣе позднюю пору жизни ребенка²⁾. „Таковыя родители, говоритъ святитель, и сами съ дѣтьми своими ненаказанными праведнымъ судомъ Божиимъ преданы будутъ въ руцѣ... бѣсамъ на вѣчныя муки“³⁾. Наставленія святителя относятся, замѣтимъ, ко всѣмъ родителямъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ. Такъ это и по существу дѣла и потому еще, что во время жизни святителя не было обособленія между духовными семьями и свѣтскими, — пастырство открыто было для людей и свѣтскаго званія, какъ и школа Ростовская набиралась не изъ однихъ только дѣтей духовенства и сословною школою не была⁴⁾! Каждому родителю должно быть дорого воспитать изъ своего ребенка „доброе овча Христова“, но еще дороже должно это быть, конечно, для тѣхъ родителей, которые готовятъ своихъ дѣтей къ пастырскому служенію. Имъ и духовному юношеству, приготавливающемуся къ этому служенію, въ особенности нужно помнить мудрыя слова святителя: „не можетъ кто добрымъ пастыремъ быти прежде, даже не сотворится первѣе самъ доброю овцею Христовою“⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 57—58.

²⁾ Таврич. церк.-обществ. Вѣстникъ, 1909 г., № 28, стр. 1211.

³⁾ Избр. мѣста изъ твор. св. Дмитрія, т. VII, стр. 60.

⁴⁾ Шлякинъ, цит. соч., стр. 329—330.

⁵⁾ Соч. св. Дмитрія, ч. III, стр. 45.

Говоря о мѣрахъ и средствахъ для достиженія цѣли нравственнаго воспитанія, святитель Димитрій начиналъ съ первой священной обязанности матерей относительно кормленія дѣтей. Онъ порицаетъ обычай брать кормилицъ, находя такое кормленіе вреднымъ какъ для физическаго, такъ и для нравственнаго, правильнаго и здороваго развитія ребенка. Дитя, вскормленное не материнскимъ молокомъ, пришедши въ возрастъ, по мудрому разсужденію святителя, не будетъ имѣть къ матери такой любви, какую имѣютъ вскормленные молокомъ собственныхъ матерей. А дѣти, имѣющія мало любви къ матери, мало отдають ей почтенія¹⁾. Не научившись же почитать родителей, продолжимъ мысль святителя, они мало будутъ почитать и кого бы то ни было вообще. Мысль мудрая и глубокая, повторенная позднѣе знаменитымъ нашимъ врачомъ и педагогомъ Н. И. Пироговымъ.

Затѣмъ въ числѣ воспитательныхъ средствъ святитель Димитрій указывалъ на наставленія и наказанія дѣтей родителями или замѣняющими ихъ воспитателями. Дѣтей слѣдуетъ обучать, по мнѣнію его, добрымъ правомъ и ласкою; но, какъ сынъ своего времени, святитель преимущественно рекомендовалъ употреблять при воспитаніи мѣры строгости и наказаній: „для юношескаго возраста необходима строгость, поучалъ онъ, какъ бы узда, и угроза, какъ желѣзная цѣпь“²⁾. Родители и сами должны вразумлять своихъ дѣтей, уча ихъ добродѣтели, и приставлять къ нимъ опытныхъ и блгонастроенныхъ наставниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда сами, по роду своихъ занятій, не въ состояніи слѣдить за воспитаніемъ. „Если для безсловесныхъ нуженъ пастухъ, разсуждалъ святитель, слѣдуя мысли и совѣту св. Златоуста, то тѣмъ болѣе для дѣтей необходимъ хорошій воспитатель. Животнымъ нуженъ пастухъ, чтобы ихъ не растерзали хищные звѣри или же не увели воры, а для дѣтей

¹⁾ Избр. мѣста изъ твореній св. Димитрія, т. VII, стр. 55—56.

²⁾ Тамъ же, стр. 58.

необходимъ воспитатель для того, чтобы ихъ не развратили злонравные люди, чтобы душевные тати—бѣсы не обокрали и не увлекли въ вѣчную погибель“¹⁾. По главнымъ воспитательнымъ средствомъ, гораздо болѣе сильнымъ и цѣлесообразнымъ, чѣмъ наставленія и даже наказанія, святитель Димитрій считалъ добрый примѣръ самихъ родителей и воспитателей. Мы уже имѣли случай показывать, какую силу и значеніе, онъ признавалъ за добрымъ примѣромъ для нравственнаго воздѣйствія и на взрослыхъ людей; для дѣтей же добрый примѣръ, по мнѣнію его, составляетъ въ дѣлѣ воспитанія все. Дѣти не могутъ постигнуть полный смыслъ обращаемыхъ къ нимъ наставленій, не въ состояніи они взвѣсить и нравственной ихъ цѣнности, не могутъ они разобратъся въ нравственной цѣнности и поступковъ, своихъ ли то, или поступковъ лицъ, ихъ окружающихъ; но они просто подражаютъ тому, что слышатъ вокругъ себя и что видятъ особенно въ своихъ родителяхъ, составляющихъ для нихъ непререкаемый авторитетъ. Вотъ тутъ то и важно, чтобы они имѣли возможность пользоваться лишь добрыми примѣрами. „Аще учитель еси, говоритъ святитель Димитрій, буди убо, яко Ангель Божій, житіемъ непороченъ; глаголай слова Божія, не дѣлай демонская дѣла“²⁾.

Когда такимъ образомъ положено будетъ прочное начало религіозно-нравственному воспитанію дѣтей въ семьѣ, въ школѣ, и особенно въ пастырской, должно происходить какъ бы дальнѣйшее воцерковленіе ихъ, состоящее въ поступательномъ и большемъ разѣ отъ разу сближеніи ихъ съ Церковію. Въ своихъ поученіяхъ святитель похвалялъ частое хожденіе дѣтей въ храмъ и участіе ихъ въ пѣніи и чтеніи на клиросѣ, прислуживаніе въ алтарѣ³⁾; отъ кандидатовъ же священства, учившихся въ Ростовской школѣ, онъ требо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 58—59.

²⁾ Соч. св. Димитрія. Кіевъ, 1824 г., ч. III, стр. 354.

³⁾ Соч. св. Димитрія, тамъ же, стр. 46—47; ч. III, стр. 286, 289 и др.

валъ этого участія въ церковной службѣ настойчиво. Извѣстно, что ученики его исправляли при богослуженіи должность пѣвцовъ не только въ Ростовѣ, но и въ другихъ мѣстахъ епархіи ¹⁾).

Вотъ сколько свѣта пролилъ святитель Димитрій въ разрѣшеніе пастырскихъ и учительскихъ задачъ священническаго служенія и приготовленія къ нему своимъ ученіемъ, дѣлами и всею жизнью! Мудрыя его мысли о воспитаніи и христіанскомъ просвѣщеніи человѣка теперь уже получили общее признаніе и раздѣляются наилучшими представителями пастырской и педагогической науки. Поистинѣ „духовная цѣвница!“ Поистинѣ „звѣзда Россійская, всю страну нашу ученми и чудеса озарившая (кондакъ)!“ Какъ мудрый пастырь-педагогъ, онъ равно долженъ быть дорогъ и пасомымъ, для блага которыхъ онъ жилъ и мыслить, и пастырямъ, всю жизнь которыхъ онъ продумалъ глубокою думою отъ зарожденія въ нихъ мысли о пастырствѣ до приготовленія къ нему въ школѣ и осуществленія въ жизни. Мудраго архипастыря-отца цѣнили его современники, такъ оплакавшіе смерть его, какъ гласить надгробное стихотвореніе, составленное другомъ святителя, митроп. Стефаномъ Яворскимъ:

„Преселила есть (смерть) нынѣ пастыря блажайша,
 Архіерея же честна и вождя крѣпчайша.
 Всеи вы Ростова града людіе рыдайте,
 Пастыря умершаго слезно поминайте,
 Димитрія Владыку и Преосвященна,
 Митрополита тиха и смиренна“ ²⁾).

Наша Церковь пріобщила его къ лику святыхъ и ждетъ отъ вѣрныхъ чадъ своихъ, что они, по завѣту апостола, все-

¹⁾ Шляпкинъ, цит. соч., стр. 351.

²⁾ Соч. св. Димитрія, ч. I, стр. 30.

гда будутъ номинать своего „наставника, иже глагола имъ слово Божіе и, взирая на скончаніе жительства его, будутъ подражать вѣрѣ его“ (Евр. 13, 7).

А. Волгинъ.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Изъ свѣтскихъ наукъ въ высшемъ отдѣленіи семинаріи преподавались сельское хозяйство и медицина.

О преподаваніи сельскаго хозяйства я уже упоминалъ, когда говорилъ о наукахъ, преподававшихся въ среднемъ отдѣленіи. Здѣсь скажу только, что этимъ предметомъ, такъ не сроднымъ съ науками богословскаго курса, мы интересовались и занимались очень мало, не видя къ тому же и вниманія къ нему семинарскаго начальства, хотя преподаватель сельскаго хозяйства у насъ (Дубенскій) былъ бойкій говорунъ.

Но о преподаваніи медицины я долженъ поговорить нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего я съ большимъ уваженіемъ вспоминаю имя преподавателя медицины въ Владимірской семинаріи. Это былъ Митрофанъ Ивановичъ Алякринскій, докторъ медицины, опытный, пользовавшійся извѣстностію, врачъ, бывшій инспекторомъ Владимірской врачебной управы. Къ числу многихъ достоинствъ его нужно отнести то, что онъ былъ человѣкъ въ высшей степени религіозный. Ни одного богослуженія въ воскресные и праздничные дни онъ не опускалъ, и бывалъ у литургіи и въ будніе дни. Домъ его былъ недалеко отъ Воскресенской церкви, куда ходили на богослуженіе живущіе въ семинарскомъ общежитіи, и мы, бурсаки, всегда видѣли его являвшимся въ церковь къ самому началу службы, и благоговѣнно молящимся во все продолженіе богослуженія. У него было даже въ церкви одно излюбленное

¹⁾ См. № 45-й за 1909-й г.

мѣсто, на которомъ онъ всегда становился. Свое глубоко-религіозное настроеніе онъ заявлялъ и на урокахъ. Преподаватели естественной исторіи и сельскаго хозяйства, какъ я говорилъ прежде, позволяли себѣ вольничать при разсужденіяхъ о вопросахъ религіознаго свойства и готовы были подъ часъ вливать въ юныя души ядъ сомнѣній. А Митрофанъ Ивановичъ напротивъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы укрѣплять нашу вѣру... Нерѣдко на лекціяхъ онъ возводилъ нашу мысль къ премудрому и всеблагому Творцу и Промыслителю вселенной. Объяснялъ онъ, напр., строеніе тѣла человѣческаго, и при этихъ объясненіяхъ возбуждалъ насъ удивляться творческой премудрости Божіей. Указывалъ онъ, что въ строеніи нашего тѣла есть много общаго съ строеніемъ тѣла животныхъ безсловесныхъ. Это для нашего смиренія Господь такъ устроилъ (замѣчалъ онъ)¹⁾, чтобы мы не возгордились преимуществами своей природы. Онъ былъ одинокій человѣкъ, и по смерти весь свой значительный капиталъ отказалъ на дѣла благотворенія,—24 тысячи въ Владимірское попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала выдавались бѣднымъ вдовамъ и дѣвицамъ изъ семействъ духовныхъ лицъ, 7000 р. на устройство во Владимірѣ училища для дѣвицъ духовнаго званія, 3000 р. во Владимірскій женскій монастырь, чтобы проценты съ этого капитала выдавались къ Рождеству и Пасхѣ самобѣднѣйшимъ жилицамъ этого монастыря, 3000 р. въ Владимірскую семинарію съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала ежегодно выдавались тремъ лучшимъ воспитанникамъ семинаріи изъ окончившихъ курсъ, имѣющихъ поступить на священническія мѣста¹⁾...

Учительскія обязанности онъ несъ съ примѣрнымъ усердіемъ. Лишь только пробьетъ звонокъ, онъ, не теряя ни минуты, явился въ классъ. Въ классѣ онъ всегда становился на кафедру, и стоялъ на ней въ продолженіе всего

¹⁾ Ист. Влад. семинаріи. Вып. II, стр. 296.

двухчасового урока. Стоя на кафедрѣ, онъ читалъ свои лекціи, въ которыхъ старался передать ученикамъ свои медицинскія познанія. Сначала сообщалъ онъ ученикамъ краткія свѣдѣнія по анатоміи и фізіологіи, и когда была лекція о строеніи человѣческаго организма, въ классъ приносимъ былъ скелетъ, и указывая на этотъ скелетъ, нагляднымъ образомъ онъ знакомилъ насъ съ строеніемъ человѣческаго тѣла. Послѣ этого излагалъ общія начала гігіены и діэтики. Но главную суть его уроковъ составляло ученіе о болѣзняхъ и ихъ лѣченіи. Не придавалъ онъ особеннаго значенія искусственнымъ лѣкарствамъ, а указывая на цѣлебныя силы природы, не разъ повторялъ намъ, что насъ лѣчить не столько лѣкарство, сколько природа; нужно только умѣть пользоваться силами природы.

Учениковъ М. И. Алякринскій только изрѣдка спрашивалъ, и отвѣчать предъ нимъ приходилось только нѣкоторымъ изъ нихъ. Его слушали ученики всѣхъ трехъ отдѣленій, для чего сходились въ одной общей семинарской залѣ, а всѣхъ ихъ въ трехъ отдѣленіяхъ было около ста восьмидесяти человѣкъ. Не было никакой возможности наставнику переспросить всѣхъ ихъ въ теченіе года, еще при одной лекціи въ недѣлю. Когда удачно отвѣчави предъ нимъ спрошенные имъ и хорошо воспроизводили то, что онъ говорилъ, онъ былъ чрезвычайно доволенъ. Также доволенъ онъ былъ, когда кто-либо изъ учениковъ заявлялъ ему о какомъ-либо своемъ недугѣ, и при этомъ высказывалъ, какъ и чѣмъ онъ думаетъ лѣчить его, напередъ расчитывая, что его предположенія согласуются съ врачебными приѣмами Митрофана Ивановича.

М. И. Алякринскій имѣлъ только одинъ урокъ въ недѣлю (во второй годъ богословскаго курса два). Въ такое короткое время, хотя уроки были двухчасовые, и при наставникѣ въ высшей степени усердномъ и добросовѣстномъ, мы не могли въ достаточной мѣрѣ овладѣть врачебною наукою. Медицина—наука сложная и трудная. При спеціаль-

номъ изученіи ея пяти лѣтъ едва достаточно, чтобы основательно ознакомиться съ нею. Мы узнавали кое-что изъ этой трудной науки, и прослушавшіе медицину въ семинаріи не дѣлались врачами и къ врачебной практикѣ не обращались.

Между тѣмъ въ отчетѣ Оберъ-Прокурора Св. Синода, за 1849-й или 1850-й годы, сказано, что особенные успѣхи преподаваніе медицины оказало во Владимірской семинаріи. Два воспитанника оной, Ѳедоръ Саноровскій и Пвавъ Виноградовъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и искусствомъ дѣйствовали во Владимірѣ во время холеры въ 1848 году, и многіе изъ больныхъ спасеніемъ своей жизни обязаны единственно ихъ неусыпному старанію и искусной помощи¹⁾. Фактъ вѣрный, но объясненіе его или указаніе причины его во введеніи преподаванія медицины въ семинаріи неправильное. Саноровскій и Виноградовъ дѣйствительно во время холеры приглашались всюду нарасхватъ, являлись по зову въ разные дома и днемъ и ночью, и большую пользу оказали Владимірскому населенію во время разгара эпидеміи, за что получали отъ жителей города благодарность не только словесную, но и вещественную. Но то искусство, которымъ они снискали большую извѣстность въ городѣ, не уступая въ этомъ отношеніи патентованнымъ врачамъ, вовсе не зависѣло отъ классическихъ уроковъ, преподаваемыхъ въ семинаріи. Они оба были подлѣкарями въ семинарской больницѣ, и состоя въ этой должности, практикою пріобрѣли искусство лѣчить больныхъ. Саноровскій учился въ семинаріи, когда медицина не преподавалась въ ней. Преподаваніе медицины введено въ семинарін въ 1845 году, а онъ состоялъ подлѣкаремъ въ семинарской больницѣ съ 1839 года. Виноградовъ, хотя числлся въ холерный годъ въ спискахъ обучающихся въ семинаріи, но, занятый въ больницѣ, на уроки въ семинарію не ходилъ, а являлся въ ней только тогда, когда была лекція М. И. Алякринскаго.

¹⁾ Исторія Владим. семинарін. Вып. II, стр. 217.

Я указалъ науки, какія мы изучали въ высшемъ отдѣленіи семинаріи. Но наши занятія не ограничивались слушаніемъ и изученіемъ уроковъ. Рядомъ съ этимъ занятіемъ стояло другое занятіе, на которое мы тратили болѣе времени, чѣмъ на изученіе наукъ,—это писаніе сочиненій. Этому дѣлу мы больше посвящали вниманія, чѣмъ устному изученію уроковъ потому, что умѣнье писать сочиненія было главнымъ критеріемъ, которымъ опредѣлялось сравнительное достоинство учениковъ. У меня сохранилось нѣсколько сочиненій, писанныхъ мною въ богословскомъ классѣ семинаріи, и я считаю не лишнимъ, на основаніи ихъ, показать, какого рода были наши письменные труды, и какіе вопросы давались намъ для рѣшенія и разъясненія въ сочиненіяхъ.

Въ богословскомъ классѣ мы писали проповѣди и разсужденія. Прежде составленія проповѣди, мы должны были представлять наставнику краткія расположенія, въ которыхъ указывалась тема проповѣди и главныя части или главныя мысли, служація къ ея раскрытію. Проповѣдь писалась уже послѣ просмотра и одобренія наставникомъ ея расположенія. Проповѣди и расположенія на нихъ у насъ, учениковъ перваго отдѣленія, читалъ самъ ректоръ, а прочія сочиненія учениковъ своего отдѣленія онъ просматривалъ, и иногда дѣлалъ на нихъ замѣчанія, но отдавалъ ихъ для рецензій другимъ наставникамъ, — Григорію Еюимычу Вознесенскому, преподававшему намъ церковную исторію и литургику, а во второе полугодіе, когда прибылъ его помощникъ, — Николаю Ивановичу Флоринскому.

Два слова писаны мною въ годъ моего обученія въ высшемъ отдѣленіи семинаріи,—одно предъ причащеніемъ святыхъ Таинъ, а другое на день Вознесенія Господня. Темою перваго слова я поставилъ вопросъ: чѣмъ намъ возбудить и поддержать въ себѣ страхъ Божій, вѣру и любовь, съ какими святая Церковь заповѣдуетъ намъ приступать къ святымъ Тайнамъ, чтобы принимать ихъ не въ судъ и осужденіе, но въ жизнь вѣчную? А въ проповѣди на Вознесеніе я

раскрываль, почему не сѣтовать, а радоваться намъ должно, при воспоминаніи вознесенія отъ насъ Господа на небо. На расположеніи этихъ проповѣдей, поданныхъ напередъ ректору, его рукою написано: „хорошо. Пиши слово“. Эти расположенія у меня сохранились; а самыя проповѣди куда-то исчезли. Но разъ мнѣ неожиданно случилось видѣть одну изъ нихъ. Въ 1870 году я былъ на родинѣ, и проѣзжая изъ Вязниковъ въ Муромъ, на дорогѣ остановился на короткое время въ Успенскомъ погостѣ, отстоящемъ отъ Вязниковъ верстахъ въ пятнадцать, чтобы посѣтить священствовавшего въ этомъ погостѣ моего товарища по семинаріи, жившаго вмѣстѣ со мною въ бурсѣ, Дмитрія Цвѣткова. Не успѣлъ я войти въ его домъ, какъ онъ, поздоровавшись со мною, поспѣшно уходитъ въ другую комнату и выноситъ оттуда, для показанія мнѣ, интересную для меня, по его словамъ, рукопись. Въ этой рукописи оказалась переписанною моя проповѣдь на Вознесеніе, составленная мною въ годъ моего обученія въ богословскомъ классѣ семинаріи. Въ нынѣшнемъ году (1870),—говорилъ онъ,—я произнесъ ее въ Вязниковскомъ соборѣ. Въ то время, когда мы учились въ семинаріи, печатныхъ проповѣдей было не такъ много, какъ нынѣ. Семинаристы, имѣвшіе въ виду поступать на священническія мѣста, предъ окончаніемъ курса запасались рукописными проповѣдями своихъ товарищей, и списывали проповѣди семинаристовъ и предшествующихъ курсовъ, заслужившія одобреніе отъ наставниковъ, чтобы имѣть готовое пособіе для себя при будущей проповѣднической дѣятельности. Иные, желающіе прославиться проповѣдническою дѣятельностію, увозили съ собою изъ семинаріи, какъ говорили, цѣлыя сундуки, наполненные чужими проповѣдями, и ими пробавлялись, когда имъ приходилось говорить проповѣди, въ особенности по назначенію въ городскомъ соборѣ. Такимъ образомъ и моя проповѣдь, мною утерянная, или кѣмъ-то взятая у меня, сохранилась у другихъ, и, можетъ быть, не разъ произнесена была въ церквахъ.

Изъ сочиненій, писанныхъ мною въ богословскомъ классѣ, сохранились у меня слѣдующія: 1) О побужденіяхъ прилежно заниматься богословскими науками (Подано 22-го сентября 1850 г.). 2) Какъ человекъ ограниченный и падшій, можетъ быть нравственно совершеннымъ, какимъ онъ долженъ быть по ученію христіанской религіи? (Подано 24 ноября 1850 г.). 3) Какія условія долженъ былъ выполнить Возстановитель падшаго человѣчества, и почему не могъ выполнить ихъ ни ходатай изъ среды человекъ, ни ангелъ, но могъ одинъ Сынъ Божій? (Подано 23 января 1851 г.). 4) Отъ чего положительныя средства спасенія, предлагаемыя Церковію, именно слово Божіе и святыя Таинства, не надъ всѣми людьми, пріемлющими ихъ, оказываютъ свойственное имъ дѣйствіе? (Подано 29 марта 1851 г., сдано 20 апрѣля того же года). 5) Ученіе Священнаго Писанія о причинѣ нашего оправданія предъ Богомъ (Подано 3-го мая 1851 г.). Всѣ эти пять сочиненій читаны Григоріемъ Еоимычемъ Вознесенскимъ; на всѣхъ ихъ поставлена высшая отмѣтка (1), и на всѣхъ ихъ одинаковая похвала: „весьма хорошо“. Только на четвертомъ подписано: „Предметъ раскрытъ полно, отчетливо и основательно“. А ректоръ своею рукою добавилъ: „Спасибо автору за добросовѣстный трудъ“.

Далѣе, П. И. Флоринскимъ читаны мои сочиненія на слѣдующія темы: 6) Отъ чего обѣтованный Мессія—слава и утѣшеніе всего Израиля (Лук. 11, 32), отрадное чаяніе и свѣтъ для самыхъ язычниковъ (ст. 22), явился не вскорѣ по паденіи человекъ, а *въ послѣдокъ дней* (Евр. 1, 1), *егда прииде кончина мѣта* (Гал. 4, 4)? (Подано 5 февраля 1851 г.). Отмѣтка: 1+. Рецензія. Сужденіе здравое и послѣдовательное; совѣтуется автору заботиться о большей точности и плавности рѣчи. Читалъ П. Флоринскій февраля 19, 1851 года). 7) Что значить обыкновенно повторяемое и часто слышимое нами выраженіе: Иисусъ Христосъ избавилъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти? (Подано 14 февраля 1851 г.). Отмѣтка 1+. Рецензія: „Основательное сужденіе“.

Сохранилось у меня три латинскія сочиненія, съ рецензіями того же П. И. Флоринскаго. Одно на тему: *Quae fuerunt causae gentilismi seu idololatriae?* (Marh. III die MDCCCLI anni). Отмѣтка вверху 1. Рецензія: „Bene“. Другое на тему: *Num sacramenta effectum suum ex opere operato produunt?* (XVII die Marh. MDCCCLI anni). Отмѣтка балловая 1. Рецензія: „Optime“. Третье. *De simplicitate, ut necessario attributo uniusejusque concionis christianae, presertim vero populo proferendae.* Балль 1^а, Рецензія: *Tum mente, tum lingua valde bona dissertatio est. Legi prof. N. Florinsky.* ✓

Мнѣ памятно еще одно сверхурочное сочиненіе, писанное по особенному поводу не на тему, данную для всѣхъ, а на тему, спеціально мнѣ данную, и еще одному моему товарищу Георгіевскому, отъ котораго, какъ отъ меня, ректоръ ожидалъ особенно удачныхъ сочиненій. Задавая намъ двоимъ это сверхурочное сочиненіе, ректоръ говорилъ намъ, что нужно позаботиться получше написать это сочиненіе. Можетъ быть (говорилъ онъ) придется его или часть отъ него прочитать на публичномъ экзаменѣ. Тему для этого сочиненія, предназначаемаго для прочтенія на публичномъ экзаменѣ, онъ далъ мнѣ такую: *„Взглядъ христіанина на общественныя бѣдствія“*, а Георгіевскому: *„Правда Божія въ неповинномъ страданіи“*. Такія темы для разсужденія даны были ректоромъ по поводу несчастія, случившагося 20 мая 1851 года, глубоко поразившаго жителей города Владиміра, и возбудившаго разные толки и за предѣлами его. Во время крестнаго хода обрушился мостъ на шоссеиной дорогѣ, и подъ развалинами его оказалось болѣе сотни убитыхъ и болѣе сотни раненныхъ. Во Владимірѣ издавна каждыягодно 21 мая приносятся изъ Боголюбова монастыря, отстоящаго отъ города верстахъ въ десяти, икону Боголюбивой Божіей Матери. На это церковное торжество собирается большое количество народа не только изъ ближнихъ, но и изъ дальнихъ селеній. На канунѣ, 20 мая, выносятъ икону изъ монастыря, въ сопровожденіи

большой толпы народа, и на ночь она останавливается въ лежащемъ на пути селѣ Добромя, откуда послѣ ранней обѣдни сопровождаетъ въ городъ. Невдалекѣ отъ монастыря на оврагѣ чрезъ дорогу устроены мостъ, повидимому, крѣпко сложенный. Лишь только пронесли икону и прошло духовенство чрезъ этотъ мостъ, народъ тѣсною толпою хлынулъ на этотъ мостъ, и онъ не выдержалъ тяжести, — рухнули его подпоры, и множество народа задавлено было провалившимся мостомъ.

Я написалъ большое сочиненіе на тему, вызванную этимъ случаемъ, и умѣлъ угодить имъ ректору. Онъ остался имъ въ высшей степени доволенъ, и не сдалъ его мнѣ, а оставилъ себѣ на память, какъ образчикъ того, какъ пишутъ владимірскіе семинаристы. Отъ лица его жившій при немъ учитель духовнаго училища Альбицкій воздалъ мнѣ особенную благодарность за это сочиненіе, расхваливъ меня и сочиненіе болѣе надлежащаго, и выразилъ увѣренность, что, если я такъ буду писать сочиненія и въ академіи, то тамъ несомнѣнно оцѣнятъ мои успѣхи.

Проф. *Василій Пльвицкій*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Строительный фондъ въ Волынской епархіи¹⁾.

Духовенство Волынской епархіи, въ лицѣ своихъ представителей—депутатовъ епархіального съѣзда, рѣшило открыть строительный фондъ, изъ процентовъ котораго исключительно будутъ отпускаться пособія на постройку новыхъ

¹⁾ Начало образованію строительнаго фонда положено и въ Кіевской епархіи.

и ремонтъ старыхъ школьныхъ зданій церковныхъ школъ. Для образованія этого фонда сѣздъ постановилъ: вносившійся раньше одинъ рубль на Θεодорѣвскую церковно-учительскую школу въ с. Дермани переассигновать на строительный фондъ; въ добавленіе къ этому еще единовременно внести по одному рублю отъ церкви, а также обратить на этотъ предметъ и кружечные сборы благовѣщенскій и покровскій. Пока этотъ взносъ устанавливается на три года, а послѣ сѣзда установить и выработать особыя правила для пользованія капиталомъ и увеличеніемъ самаго фонда. (Совр. Лѣтоп.).

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи
ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1910 подписномъ году.

Вступая въ 51 годъ своего существованія, журналъ нашъ останется неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ—содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, православному русскому духовенству въ его святомъ и многотрудномъ служеніи; останется вѣрнымъ и своимъ, испытаннымъ полувѣковою жизненностью, традиціямъ—разрѣшать и освѣщать волнующіе жизнь приходскаго пастыря вопросы въ духѣ Христова Евангелія и ученія Святой Его Церкви.

Въ этихъ видахъ журналъ отведетъ на своихъ страницахъ широкое мѣсто статьямъ по основнымъ и неизмѣнно насущнымъ вопросамъ церковно-пастырскаго служенія, связаннымъ съ изъясненіемъ Слова Божія, его проповѣданіемъ и съ устроеніемъ всей приходской жизни на основѣ Еванге-

лія и церковныхъ каноновъ, а также статьямъ литургическаго и церковно-историческаго характера.

Всегда трудное, пастырское служеніе при современныхъ условіяхъ религіозной и церковной жизни требуетъ необычайнаго напряженія духовныхъ силъ пастыря и знакомства съ умственными и общественными теченіями въ ихъ правильномъ освѣщеніи. Невѣріе и отрицаніе, никогда не прекращавшія своихъ нападковъ на Церковь Христову, въ настоящее время уже проникли въ среду простого народа, доселѣ бывшаго вообще благочестивымъ и преданнымъ Церкви. Иновѣріе и сектантство, получивъ права свободнаго исповѣданія, съ удвоенной энергіей отторгають отъ Церкви ея чадъ, настоятельно вызывая пастырей и архипастырей на неотложную борьбу съ этимъ зломъ нашихъ дней. Въ то же время въ русскомъ народѣ широко распространяются нравственная грубость и распущенность, и замѣчается извращеніе элементарныхъ нравственныхъ и человѣческихъ понятій. Освѣщать всѣ эти язвы современной религіозно-нравственной жизни, указывать сообразныя съ духомъ вѣры Христовой средства къ исцѣленію ихъ нашъ журналъ считаетъ предметомъ, входящимъ, какъ это было и раньше, въ кругъ его задачъ и въ подлежащемъ подписномъ году изданія.

Точно также журналъ будетъ откликаться на своихъ страницахъ замѣтками и статьями о цѣлесообразной постановкѣ оживляющихъ приходскую жизнь организацій, каковы, напр., приходскіе совѣты, братства, общества трезвости, благотворительности и пр., и займетъ посильнымъ обсужденіемъ проектированныхъ преобразованій въ разныхъ иныхъ областяхъ церковной жизни.

Во взаимообщеніи и единеніи — прочный залогъ для усиленной дѣятельности, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими

мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сопастырями. Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями пастырскаго опыта журналъ въ 1910 подписномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ, свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ, а также обзоръ церковно-общественной жизни и выдающихся событій приходской жизни Россіи.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома; изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго Листка“.

Кромѣ того, идя на встрѣчу назрѣвшимъ миссіонерскимъ потребностямъ, Редакція дастъ въ 1910 году своимъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, особую книгу „Краткая исторія и обличеніе новыхъ раціоналистическихъ сектъ“.—Сочиненіе препод. Кіевской семин. Н. Т. Гумилевскаго. Въ книгу войдутъ: Штундо-баптизмъ, Малеванщина, Пашковщина, Толстовство, Адвентизмъ.

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской имперіи *шесть рублей*; за границу *8 руб.* Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1910 г.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

За перемѣну адреса среди подписного года гг. подписчики благоволят присылать 25 коп. (Можно почтовыми марками).

Подписка принимается только на весь цѣлый годъ, на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 м. не принимается

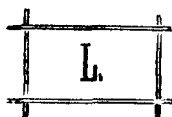

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 9-го ноября 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 47.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года ноября 22-го дня.

Содержаніе: I. Нужны ли особыя специально-миссіонерскія братства? Свящ. В. Пестряковъ.—II. Мои воспоминанія. (Окончаніе). Проф. В. Пѣвницкій.—III. Празднованіе 200-лѣтняго юбилея блаженной кончины святителя Димитрія Ростовскаго Кіевской духовной семинаріей.

Нужны ли особыя специально-миссіонерскія братства?

Дружною, сплоченною ратью надвигаются на Православную Церковь ея враги въ лицѣ католичества, сектаитства и старообрядчества. Хотя районы ихъ дѣятельности, приемы пропаганды и религіозное упованіе различны, но тѣмъ не менѣе цѣли, въ отношеніи православія, одинаковы и ясны: расти и крѣпнуть за счетъ православія; какъ можно больше, тѣми или другими способами, оторгать отъ Православной Церкви ея чадь. При такомъ положеніи понятно, что насущной потребностію русской Православной Церкви настоящаго момента является возможное развитіе миссіонерской дѣятельности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ ряду

средствъ, указываемыхъ специалистами миссіонерскаго дѣла, въ послѣднее время съ особой настойчивостію, выдвигаются миссіонерскіе кружки и миссіонерскія братства, ихъ особенно рекомендуется открывать въ тѣхъ приходахъ, гдѣ существуетъ та или другая опасность для православія. Главная цѣль такихъ кружковъ и братствъ—изученіе съ прихожанами, болѣе ревностными, православной вѣры, а затѣмъ и ознакомленіе съ существенными приемами въ защитѣ православія отъ иновѣрія и сектантства. Противъ такихъ цѣлей и благихъ намѣреній ничего возразить нельзя; дай Богъ, чтобы они поскорѣе воплотились и осуществились въ жизни; но все же намъ хотѣлось бы высказать нѣсколько словъ въ защиту стариннаго, испытаннаго въ исторіи нашей Церкви средства въ борьбѣ съ инославіемъ, именно въ защиту просто „приходскихъ братствъ“.

Въ борьбѣ съ католичествомъ и уніей Юго-Западная Русь создала не миссіонерскія братства, а просто „братства“. Хотя эти братства главной своей цѣлью имѣли защиту православія—миссіонерскія цѣли, тѣмъ не менѣе они своей дѣятельности не суживали и не ограничивали только одной миссіей. Религіозная вѣра обнимаетъ и вліяетъ на всѣ стороны жизни человѣка; тамъ, гдѣ происходитъ треніе, а особенно борьба двухъ религіозныхъ вѣрованій, несомнѣнно эта борьба будетъ сказываться во всѣхъ рѣшительно областяхъ жизни: религіозной (прежде всего), школьной, просвѣтительной, экономической и благотворительной. Религіозное просвѣщеніе, раскрытіе сектантскихъ и еретическихъ заблужденій—*это существенно важно*, это должно стоять на первомъ мѣстѣ, но къ этому нужно еще многое прибавить, чтобы успѣшна была борьба. Вырвать батрака изъ кабалы у польскаго пана, поддержать матеріально бѣдняка, около котораго засновали свои сѣти сектанты, отсвѣять праздничный отдыхъ рабочаго у колониста-баптиста, поддержать обѣднѣвшій и запустѣвшій храмъ рядомъ съ процвѣтающимъ костеломъ—это тоже для

дѣла миссіи не маловажно и будетъ оказывать ей существенную поддержку.

Приемамъ борьбы нужно учиться у врага, съ которымъ борешься, если только эти приемы не противны нравственному чувству. Враги Церкви идутъ на православіе не съ однимъ только миссіонерскимъ опытомъ, но и съ кое-чѣмъ другимъ; каждаго сектанта пропагатора поддерживаютъ не миссіонерскіе только кружки, которые и у нихъ существуютъ, но вся сектантская масса, вся община, сплоченная и объединенная, поэтому и на борьбу съ ними нужно выступать не съ одними только миссіонерскими кружками и братствами, а съ силами болѣе крѣпкими. Сектантская и инославная пропаганда распространялась у насъ широко; есть, къ счастью, не мало такихъ приходоѡ, которыхъ эта пропаганда и не коснулась, но въ которыхъ она можетъ появиться не сегодня, такъ завтра: мѣсть, застрахованныхъ ѡтъ такихъ нашествій, теперь не существуетъ; слѣдовательно, каждый приходъ долженъ стоять на стражѣ своей вѣры и долженъ быть нѣсколько организоваѡ, а началомъ этого и можетъ быть приходское братство.

Какъ бы ни было сильно развито въ данномъ мѣстѣ, напримѣръ, сектантство, все же миссіонерское братство не можетъ охватить всѣхъ нуждъ, какія могутъ оказаться въ приходѣ и какія потребуютъ сплоченной братской работы. Далѣе, въ случаѣ если бы, благодаря усиленной миссіонерской дѣятельности въ данной мѣстности, пропаганда сектантства совершенно прекратилась (а въ этомъ и можетъ быть главная цѣль миссіонерскихъ братствъ), такія братства должны будутъ прекратить свое существованіе, чего, разумѣется, нельзя желать. Наконецъ, въ каждомъ приходѣ всегда могутъ оказаться такіе ревнители православія, которые, не имѣя склонности къ миссіонерскому дѣлу и интереса къ миссіонерскимъ вопросамъ, тѣмъ не менѣе весьма полезны будутъ въ благотворительномъ дѣлѣ, въ помощи и уходѣ за

больными, въ заботахъ о благоукрашеніи храма и т. д., люди, которыхъ также полезно сплотить и объединить.

Мы ничего не возражаемъ противъ пользы миссіонерскихъ кружковъ и братствъ, по думаемъ, что дѣятельность ихъ будетъ плодотворнѣе, если прежде ихъ въ приходахъ будутъ учреждаться просто „приходскія братства“ съ болѣе широкимъ уставомъ и задачами, чѣмъ какія могутъ имѣть миссіонерскія братства. Существующія братства, по нормальному уставу, вовсе не исключаютъ миссіонерской дѣятельности, и миссіонерскіе кружки могутъ существовать, какъ ихъ филиальныя отдѣленія, какъ одно изъ живыхъ проявленій братской дѣятельности.

Священникъ *В. Пестряковъ.*

Мои воспоминанія.

(Окончаніе ¹⁾).

*Семинарское начальство, въ годы моего обученія въ семинаріи
(1846—1851 г.).*

Мнѣ пришлось учиться во Владимірской семинаріи, въ счастливые для нея годы, когда въ ней поддерживался строгій порядокъ, и школьная дисциплинарная машина хорошо направлялась и дѣйствовала въ высшей степени исправно. Вдохновителемъ семинаріи и административнымъ руководителемъ ея, дававшимъ тонъ и направленіе всему строю ея, былъ, во все продолженіе моего пятилѣтняго пребыванія въ ней, архимандритъ Евѣимій (Бѣликовъ), котораго я готовъ считать образцовымъ ректоромъ. Правда, въ первое полугодіе послѣ моего поступленія въ семинарію ректоромъ былъ не онъ, а Поликарпъ (Соснинъ). Но человѣкъ добрый и слабый, Поликарпъ всѣ бразды правленія передавалъ въ руки

¹⁾ См. № 46-й за 1909-й г.

инспектора, и Евѣимій и при его ректурѣ, будучи инспекторомъ, заправляя всѣмъ въ семинаріи.

Поликарпъ, при которомъ я поступилъ въ семинарію, кажется, неожиданно для себя и другихъ, получилъ назначеніе на должность ректора Владимірской семинаріи, которая тогда была одна изъ самыхъ многочисленныхъ. Онъ не получилъ высшаго образованія, былъ учителемъ и смотрителемъ въ духовныхъ училищахъ, до принятія монашества былъ нѣсколько лѣтъ священникомъ и вовсе не думалъ, чтобы ему когда-либо поручено было управленіе семинаріей. На мѣстѣ ректора семинаріи онъ очутился, благодаря родственнымъ связямъ. Предшественникомъ его по ректурѣ Владимірской семинаріи былъ его родной братъ Неофитъ, скончавшійся въ санѣ архіепископа пермскаго (1868 г.). Но не столько братъ способствовалъ его возвышенію на постъ ректора семинаріи,—сколько другой его родственникъ. Онъ былъ племянникъ чтимаго многими настоятеля Ростовскаго Яковлевскаго монастыря Иннокентія. Къ этому Иннокентію съ особеннымъ почитаніемъ относилась извѣстная графиня Орлова-Чесменская, и по ея ходатайству его племяннику Поликарпу дано мѣсто ректора семинаріи¹⁾. Поликарпъ самъ потомъ, по увольненіи отъ должности ректора, былъ настоятелемъ Ростовскаго Яковлевскаго монастыря (1847—1867).

Поликарпъ не преподавалъ никакого предмета, а только несъ и исполнялъ обязанности главнаго правителя семинаріи,—ректора, отнюдь не позволяя себѣ никакого самоволія. Не тщеславясь своимъ положеніемъ начальника семинаріи, къ которому онъ не былъ подготовленъ своимъ образованіемъ, и которое какъ бы случайно выпало на его долю, онъ дружелюбно относился къ наставникамъ семинаріи, которые всѣ были академическаго образованія, и какъ будто стѣснялся заявлять предъ ними свою начальническую власть. Среди

¹⁾ Исторія Владимірской семинаріи И. Малицкаго. Вып. II-й, стр. 54—57.

наставнической корпораціи онъ держалъ себя не столько какъ начальникъ, сколько какъ добрый, благодушный товарищъ. Своему умѣлому житейскому такту онъ обязанъ тѣмъ, что всѣ наставники, вышіе его по образованію, относились къ нему съ любовію и уваженіемъ, и отъ нихъ не слышалось на него никакихъ нареканій.

Любили и чтили его и ученики. Для нихъ онъ былъ милостивымъ и доброжелательнымъ отцомъ. На всѣхъ, съ кѣмъ онъ приходилъ въ соприкосновеніе, вѣяло отъ него добротою и благодушіемъ. Въ исторіи Владимірской семинаріи приведена характеристика его, представленная однимъ изъ его питомцевъ, подъ которою могутъ подписаться всѣ, учившіеся при немъ. „Ректоръ Поликарпъ (говорится въ этой характеристикѣ) былъ воплощенная доброта; звали его всѣ папашей. Никогда мы не видѣли его гнѣвающимся; на лицѣ его всегда была добрая улыбка. Когда она пропадала, это было знакомъ, что онъ возмущенъ чѣмъ-нибудь особеннымъ“¹⁾.

Я лично мало видѣлъ ректора Поликарпа, полгода при мнѣ управлявшаго семинаріею. Въ первый разъ я явился къ нему съ прошеніемъ о принятіи меня въ общежитіе на казенное содержаніе,—шелъ къ нему, невѣдомому для меня начальнику, съ трепетомъ, но принятый имъ благосклонно и обласканный, вышелъ отъ него въ самомъ благодушномъ настроеніи. Другой разъ, скоро послѣ открытія учебныхъ занятій, онъ пришелъ въ нашъ классъ съ большою тетрадью въ рукѣ. Были послѣобѣденные часы, и мы занимались переводомъ съ латинскаго изъ сочиненій Лактанція. „Вы занимайтесь своимъ дѣломъ (сказалъ онъ наставнику, А. П. Розову), а я буду заниматься своимъ“. Онъ приходилъ въ классъ, чтобы распросить о семейномъ положеніи нѣкоторыхъ учениковъ, въ виду назначенія просившимъ казеннаго пособія. Пробылъ онъ въ классѣ минутъ двадцать, и испол-

¹⁾ Исторія Владимірской семинаріи. Вып. II, стр. 56.

нивъ свое дѣло, вышелъ, не обративъ вниманія на то, какъ мы справляемся съ латинскою книгою. А наставникъ, въ его присутствіи, заставлялъ переводить лучшихъ учениковъ, но онъ какъ будто совсѣмъ не слушалъ переводившихъ рядовой отдѣлъ съ латинскаго.

Жилъ онъ въ архіейскомъ монастырѣ, гдѣ была квартира ректора, и при немъ, съ разрѣшенія архіепископа Парѣенія, жила его мать, очень богомольная старушка. Когда случалось намъ бывать при богослуженіи въ крестовой церкви, непременно видѣли мы здѣсь мать ректора. Она являлась въ церковь съ маленькою скамеечкою, которую переносила съ собою, если ей случалось переходить въ церкви съ одного мѣста на другое. Когда я въ первый разъ пошелъ въ крестовую церковь, мнѣ сказали, что я тамъ увижу мать ректора: она-де стоитъ въ такомъ-то углу, и при ней маленькая скамеечка.

Неизмѣннымъ правителемъ семинаріи, во все время моего обученія въ ней, какъ я сказалъ выше, былъ архимандритъ Евѣимій (Бѣликовъ), и въ исторіи Владимірской семинаріи имя его должно быть незабвенно, какъ имя правителя умнаго и энергическаго, умѣвшаго твердо держать добрый порядокъ многолюдной семинаріи, и старавшагося, не безуспѣшно, довести ее до надлежащей высоты ея положенія. Я уже упоминалъ о немъ прежде, какъ наставникъ, и наставникъ образцовомъ, усердномъ и умномъ. Но онъ памятенъ для Владимірской семинаріи не столько какъ наставникъ, сколько какъ администраторъ, заправлявшій всею семинарскою дѣятельностію. Въ его рукахъ сосредоточивались всѣ нити управленія, и онъ, неутомимо работая и слѣдя за всѣмъ, поддерживалъ стройный ходъ семинарской жизни. Онъ считалъ своею обязанностію требовать соблюденія дисциплинарнаго порядка и всѣхъ предписаній устава семинарій, и былъ администраторомъ строгимъ. *Строгость* его была первымъ его свойствомъ, которое бросалось въ глаза семинаристамъ и всѣмъ его подчиненнымъ. И его прежде всего боялись

семинаристы. Онъ спуску не давалъ нарушителямъ порядка, и преслѣдовалъ лѣность, небрежность и уклоненіе отъ исполненія ученическихъ обязанностей. Отъ его зоркаго глаза трудно было скрыть какой-либо проступокъ, и ученики, допустившіе какую-либо неисправность, или виновные въ какомъ-либо важномъ нарушеніи семинарской дисциплины, напр., пьянствѣ, рѣдко скрывались, а, какъ говорили тогда, попадались и подвергались заслуженному наказанію. Эта его зоркая бдительность надъ соблюденіемъ дисциплинарнаго порядка была для семинаристовъ сдерживающею уздою. Страхъ попасться строгому инспектору, а потомъ ректору, и отъ него потерпѣть какое-либо наказаніе удерживалъ учениковъ отъ неопозволительныхъ поступковъ и грубыхъ проявленій своеволия, и въ очень многолюдной семинаріи общесеминарская жизнь текла и слагалась чинно и въ порядкѣ. Бывали, конечно, нарушенія дисциплины, но они сравнительно были рѣдки, и виновнымъ даромъ не проходили. Скрываться отъ начальническаго глаза удавалось немногимъ. А если поступала къ нему жалоба на какой-либо дебошъ, учиненный неизвѣстными семинаристами, похищеніе чужихъ вещей или грубый обманъ изъ корыстныхъ цѣлей, допущенный учениками семинаріи, неизвѣстными потерпѣвшимъ, онъ непременно узнаетъ, кто эти неизвѣстные, и въ этомъ случаѣ постигало виновныхъ примѣрное наказаніе. Въ Исторіи Владимірской семинаріи ¹⁾ рассказано объ одной преступной проказѣ, которую хотѣли безнаказанно совершить нѣсколько учениковъ. Послѣ распуска учениковъ предъ вакаціей они наняли тройку, подрядивъ извозчика довести ихъ изъ Владиміра до Вязниковъ (сто пять верстъ), а доѣхавъ до Вязниковъ они слѣзли изъ тарантаса, и пошли якобы въ монастырь, лежащій при вѣздѣ въ городъ, чтобы тамъ помолиться, а потомъ скрылись, не заплативъ извозчику ни копейки. Многіе извѣстны эти ученики, учинившіе такую обид-

¹⁾ Исторія Влад. дух. семинаріи. Вып. II, стр. 233.

ную для бѣднаго извозчика проказу. Обманутый извозчикъ ахаль и плакаль, и не зналь, что дѣлать и гдѣ искать виновныхъ проказниковъ. Ему посовѣтовали обратиться къ ректору семинаріи: онъ-де такой внимательный къ жалобщикамъ на грубые проступки учениковъ и такой зоркій, что непременно найдетъ виновныхъ. И дѣйствительно, не скрылись отъ него эти ученики, обманувшіе бѣднаго извозчика: не сразу, но послѣ нѣсколькихъ поисковъ онъ узналь ихъ, и они понесли тяжелое наказаніе: ихъ подвергли, по опредѣленію Правленія семинаріи, тѣлесному наказанію. Чуть ли это не единственный случай, во время моего обученія въ семинаріи. По крайней мѣрѣ я не слыхаль о другихъ случаяхъ такого наказанія, уже въ то время совершенно не практиковавшагося въ семинаріи.

Тѣлесное наказаніе, о которомъ я упомянулъ сейчасъ, допускалось только въ исключительныхъ случаяхъ, при слишкомъ грубыхъ и позорныхъ проступкахъ учениковъ. А обыкновенными наказаніями, какимъ при Евѳиміи, подвергались виновные въ чемъ-либо ученики,—стояніе на ногахъ въ классѣ во время урока, стояніе на колѣнахъ; изрѣдка виновные въ чемъ-либо серіозномъ посылались въ бурсу, и здѣсь стояли во время обѣда или даже подавали блюда. И это унижительное наказаніе постигало учениковъ за какую-либо тяжелую вину, напр., за безобразіе, учиненное въ пьяномъ видѣ.

Очень многолюдна была Владимірская семинарія, но Евѳимій, кажется, зналь всѣхъ учениковъ. И какая была у него наблюдательность, объ этомъ можетъ дать понятіе слѣдующій случай. Въ субботу первой недѣли Великаго поста за литургіей, которую служилъ онъ, въ церкви архіерейскаго монастыря причащались всѣ ученики высшаго отдѣленія семинаріи. Причащающихся было болѣе двухъ сотъ человекъ. Но нѣкоторые изъ учениковъ не явились къ исполненію этаго христіанскаго долга, и такихъ оказалось десятка полтора. Всѣхъ замѣтилъ ректоръ, кто не причащался, и ни

одному изъ нихъ не удалось скрыться. Въ понедѣльникъ, на второй недѣлѣ поста, приходитъ ректоръ въ классъ, допрашиваетъ всѣхъ виновныхъ, отъ чего они не явились въ церковь, гдѣ должны были причащаться, и подвергаетъ всѣхъ взысканію, хотя иные говорили, что они причащались за ранней обѣдней и въ другой церкви. Всѣмъ досталось отъ ректора, который не принималъ никакихъ оправданій, считая ихъ фальшивыми. Одинъ только какъ бы обезоружилъ его своимъ неожиданнымъ отвѣтомъ. „Отъ чего ты не причащался (спросилъ его ректоръ)? Чувствовалъ себя недостойнымъ“ (отвѣтилъ онъ). Грозно и сурово посмотрѣлъ на него ректоръ, но ничего не сказалъ, и онъ избѣжалъ положеннаго на другихъ наказанія.

Боялись строгаго и взыскательнаго начальника семинаристы, и пугали имъ новичковъ. Когда я кончалъ курсъ въ Муромскомъ духовномъ училищѣ, насъ стращали, что ревизоромъ къ намъ назначается грозный Евѣимій, бывшій тогда инспекторомъ семинаріи, и ожиданіе его ревизіи заставляло трепетать не только учениковъ, но и учителей. Но ожиданіе это не оправдалось, и когда узнали, что Евѣимій назначенъ ревизоромъ не въ Муромское, а въ Суздальское и Шуйское духовное училище, всѣ вздохнули свободнѣе. Писали намъ тогда изъ Владиміра бывшіе ученики Муромскаго училища: „Умолили Бога муромскіе. Гроза миновала; Евѣимій ѣдетъ ревизовать не къ вамъ, а въ Суздаль и Шую“. Но учителямъ и ученикамъ суздальскимъ и шуйскимъ ревизоръ не показался такимъ страшнымъ, какимъ его рисовали. Если кто пострадалъ отъ него при ревизіи, то только тѣ, которые того заслуживали.

При всей строгости Евѣимія, наводившей страхъ на учениковъ, ученики не питали къ нему непріязненныхъ чувствъ, а относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ. Всѣ видѣли и цѣнили его нравственную силу; всѣ признавали его начальникомъ, хотя строгимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и справедливымъ. Напрасно онъ никого не гналъ, никого

не подвергалъ незаслуженному наказанію. Если доносили ему на кого-нибудь, обвиняя въ неблаговидномъ поступкѣ, онъ основательно разбереть дѣло, и если подвергнетъ виновнаго наказанію, то по внимательномъ разсмотрѣніи его вины.

Являясь всегда строгимъ, Евѡимій не былъ жестокимъ. Онъ не каралъ учениковъ, но своими взысканіями и наказаніями, налагаемыми на виновныхъ, хотѣлъ исправить ихъ и заставить ихъ вести себя лучше, какъ требуется дисциплиною семинарскою. Къ исключенію и увольненію изъ семинаріи за проступки онъ не прибѣгалъ, даже тогда, когда проступокъ былъ очень серіозный. Пожурить, наложить наказаніе на провинившагося, но оставить его въ семинаріи, въ надеждѣ его исправленія. Примѣромъ его образа дѣйствія въ этомъ случаѣ можетъ быть рассказанное намъ обстоятельство,—мошенническій поступокъ учениковъ съ извозчикомъ, котораго наняли они, и ушли отъ него, не заплативъ ему денегъ. Наказаны виновные, но остались въ семинаріи и кончили курсъ въ ней. Или вотъ другой случай. Одинъ семинаристъ, жившій въ бурсѣ, занимавшій высокое мѣсто въ разрядномъ спискѣ (въ первомъ пяткѣ), предъ самымъ окончаніемъ курса, въ нетрезвомъ видѣ нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ смотрителю бурсы И. О. Бѣляеву, исполнявшему должность помощника инспектора, ударивъ его, когда онъ выговаривалъ ему за его неисправность, по щекѣ. Ректоръ Евѡимій не поступилъ съ нимъ жестоко. Онъ лишенъ былъ, при окончаніи курса, званія студента, которое заслуживалъ онъ своими успѣхами, и за тѣмъ ему предоставлено было право остаться въ семинаріи на другой курсъ, чтобы исправиться и получить студенческій аттестатъ, который былъ бы ему выданъ раньше, если бы не было того печальнаго случая, который допущенъ былъ имъ, не злонамѣренно, а въ состояніи почти невмѣняемомъ. И этотъ человѣкъ, кончившій курсъ подъ высокимъ номеромъ въ спискѣ, просидѣлъ лишнихъ два года въ богословскомъ классѣ,

былъ потомъ очень хорошимъ и усерднымъ учителемъ во Владимірскомъ духовномъ училищѣ.

При многолюдствѣ Владимірской семинаріи, въ ней много было учениковъ, не оказывающихъ надлежащихъ успѣховъ по лѣности или по неспособности. Таковыхъ нѣсколько каждый годъ подвергати исключенію изъ семинаріи. Но находили, что исключали изъ семинаріи мало, и свѣше замѣчали ректору, чтобы онъ больше очищалъ семинарію отъ лишняго хлама. „Не могу этого дѣлать (на такія замѣчанія отвѣчалъ ректоръ Евѣимій). Меня называютъ *отцомъ* ректоромъ, и я по отечески долженъ относиться ко всѣмъ въ семинаріи. Нельзя безъ милосердія изгонять изъ семинаріи всѣхъ, мало успѣвающихъ. Можетъ быть, иные изъ нихъ будутъ въ состояніи оказать добрые успѣхи, если приналечь на нихъ“.

Считаемый всѣми строгимъ и взыскательнымъ, ректоръ Евѣимій несомнѣнно имѣлъ доброе сердце и былъ благожелателенъ ко всѣмъ. Но мнѣніе о немъ, какъ чрезвычайно строгомъ, утвердилось еще отъ того, что онъ былъ сухъ и даже суровъ въ обращеніи съ учениками. Сердечной мягкости мы отъ него не видали, и скорѣе отъ него можно было ожидать жестокаго выговора, чѣмъ ласковаго слова. Любимцевъ у него не было: ко всѣмъ онъ одинаково относился. Даже похвала его достойнымъ не высказывалась имъ непосредственно, а доходила до нихъ чрезъ другихъ. Баловать кого-либо видимыми знаками своего расположенія онъ не любилъ. Жили при немъ, въ качествѣ келейниковъ, нѣкоторые изъ семинаристовъ: выбирались для этого благонравные и скромные юноши. Но они не были его баловнями; онъ былъ и къ нимъ такъ же строгъ и справедливъ, какъ къ прочимъ ученикамъ семинаріи, и особенныхъ знаковъ расположенія къ нимъ не высказывалъ. Являлись къ нему каждодневно старшіе дежурные, — квартирный и изъ семинарскаго общежитія, съ обычными рапортами и за приказаніями отъ начальства. Съ ними у него всегда короткая рѣчь, и только о дѣлѣ. Въ сторонніе распросы и разговоры онъ

никогда не пускался. Меня, неоднократно являвшагося къ нему по должности дежурнаго старшаго, только одинъ разъ спросилъ онъ о постороннемъ дѣлѣ. Когда ректоръ Кіевской академіи Димитрій (Муретовъ) назначенъ былъ тульскимъ епископомъ, и мѣсто ректора академіи въ Кіевѣ оказалось вакантнымъ, онъ спросилъ меня: „Что пишутъ изъ Кіева (гдѣ былъ мой братъ въ академіи)? Кого назначаютъ тамъ ректоромъ академіи? Я увѣренъ (говорилъ онъ), что будетъ ректоромъ Антоній (Амфитеатровъ); но все-таки интересно, какіе толки по этому поводу идутъ въ Кіевѣ“. Однажды мы удостоились пить у него чай. Насъ, пять первыхъ учениковъ перваго высшаго отдѣленія, по его представленію, посвящали въ стихарь. Литургію вмѣстѣ съ архіереемъ служилъ и ректоръ. Въ концѣ литургіи, когда мы снимали стихари, онъ говоритъ намъ: „зайдите ко мнѣ“. Мы зашли въ его квартиру, но чувствовали себя несмѣлыми. Онъ велѣлъ подать намъ чаю. Чай подавали намъ въ золоченыхъ чашечкахъ, и одинъ изъ насъ (Богословскій), ставя чашку на подносъ, по неловкости уронилъ ее на полъ. Чашка разбилась, но Евѣимій при этомъ ни словомъ, ни миною не хотѣлъ смутить насъ, а старался ободрить сконфузившагося. Онъ видѣлъ, что у молодого человѣка, въ непривычной обстановкѣ, въ присутствіи строгаго начальника, отъ робости руки дрожали. Когда мы, возвратившись домой, рассказали товарищамъ, чего мы удостоились отъ ректора, всѣ съ удивленіемъ выслушали нашу вѣсть. Такіе знаки вниманія къ ученикамъ были необычнымъ явленіемъ со стороны ректора Евѣимія, и чуть ли это былъ не исключительный случай.

Не могу не упомянутьъ еще, что разъ я удостоился отъ него небольшой денежной награды. Когда я былъ въ словесности, наставникъ нашъ, А. И. Розовъ поручилъ мнѣ и другому ученику словесности Лекторскому написать поздравительную рѣчь ректору, по случаю его именинъ (именины его были 20-го января). Мы написали заказанныя рѣчи и подали ихъ наставнику, вовсе не зная, какое онъ сдѣлаеть

изъ нихъ употребленіе. А онъ въ день именинъ ректора, представилъ ихъ ему, чего мы не ожидали. Чрезъ нѣсколько дней отъ ректора мы получили по полтиннику, что было для насъ полною неожиданностію.

Строгій къ ученикамъ, ректоръ Евѣимій былъ требователенъ и по отношенію къ наставникамъ. Наставники чувствовали, что надъ ними наблюдаетъ зоркое око начальника, и потому опасались манкировать своимъ дѣломъ, и были исправны, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Формальный долгъ выполнялся ими, какъ полагалось по Уставу. На уроки являлись они неопустительно, и если кому-либо изъ нихъ, по болѣзни или по другимъ обстоятельствамъ, невозможно было придти въ семинарію, тѣ заблаговременно извѣщали объ этомъ ректора, и уроки ихъ замѣняемы были другими. Посѣщаль онъ иногда уроки наставниковъ, въ особенности молодыхъ, начинающихъ педагогическое служеніе, и это не могло остаться безъ вліянія на нихъ. Зная, что ректоръ можетъ явиться на урокъ, они съ большою внимательностію относились къ исполненію своихъ обязанностей. Вообще, при его воздѣйствіи, машина семинарская, имъ мудро и ревностно управляемая, дѣйствовала вполнѣ успѣшно и правильно.

Особенное вниманіе ректоръ Евѣимій обращалъ на занятія учениковъ сочиненіями, что считалось главнымъ дѣломъ въ семинаріи, и на то, какъ относились къ сочиненіямъ ихъ и ихъ исправленію наставники. Онъ требовалъ, чтобы, по окончаніи учебнаго года, ему были представляемы сочиненія всѣхъ семинаристовъ, писанныя въ теченіе года, и онъ находилъ время внимательно просматривать ихъ. Нужно удивляться его ревности въ этомъ отношеніи, если взять во вниманіе съ одной стороны множество другихъ его занятій по исполненію служебнаго долга, а съ другой стороны безчисленное множество сочиненій, ему представленныхъ. А вѣдь эта работа,—просматриваніе сочиненій семинаристовъ всѣхъ классовъ, не налагаема была на него долгомъ, а онъ принималъ ее на себя по своему личному усердію. А что

груды сочиненій, ему представленныхъ, не лежали у него просто, а были внимательно прочитываемы, объ этомъ первѣе всего свидѣтельствовали помѣтки, какія онъ дѣлалъ на иныхъ сочиненіяхъ. Далѣе, по разсмотрѣніи сочиненій извѣстнаго отдѣленія, онъ приходилъ въ классъ, иныхъ учениковъ хвалилъ, другихъ журилъ, въ особенности изъ числа способныхъ, когда видѣлъ, что они не держатся на прежнемъ высокомъ уровнѣ, и по небрежности или по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ, успѣвають и пишутъ сочиненія хуже, чѣмъ отъ нихъ можно было ожидать. Если же случилось ему замѣчать въ чьихъ-либо сочиненіяхъ проявленіе недобраго направленія, онъ, пришедши въ классъ, дѣлалъ строгія внушенія виновнымъ, которыя косвенно относились и къ наставникамъ, если они оставляли безъ вниманія мысли, заслуживающія порицанія. Такъ намъ въ среднемъ отдѣленіи дана была тема для сочиненія: „Всѣ ли безъ разбора нужно истреблять предрасудки?“ Иные изъ учениковъ, давая отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, дозволили себѣ рѣзкіе нападки на тѣхъ, которые считаютъ себя обязанными истреблять предрасудки и ложныя вѣрованія. Для истребленія ложныхъ вѣрованій нужно-де ввести инквизицію; для этого служили когда-то костры и темницы и другіе жестокіе способы дѣйствованія... Принесши въ классъ наши сочиненія, ректоръ тотчасъ же поднялъ тѣхъ, у кого нашель недоброкачественныя сужденія, и обратился къ нимъ съ грознымъ словомъ строгаго внушенія, и такъ какъ это было въ присутствіи наставника (Дм. Ѳ. Доброхотова), оставившаго безъ замѣчанія такіа сужденія, то и онъ почувствовалъ, что укоризна ректора, направленная противъ учениковъ, и его косвенно касается.

Евѣимій былъ уроженецъ Курской губерніи и воспитанникъ Кіевской академіи, въ которой кончилъ курсъ со степенію магистра въ 1839 году. Но служебная дѣятельность его главнымъ образомъ посвящена была Владиміру, и онъ поэтому считалъ себя владимірцемъ. Здѣсь онъ пробылъ двѣ-

надцать лѣтъ, будучи назначенъ прямо, по окончаніи курса академіи, преподавателемъ богословія во Владимірскую семинарію. Но простымъ преподавателемъ онъ пробылъ только два года, а въ 1841 году назначенъ былъ инспекторомъ семинаріи. Эту должность онъ занималъ шесть лѣтъ, и въ 1847 году опредѣленъ былъ ректоромъ семинаріи, и оставался здѣсь по декабрь 1851 года. Такое долгое служеніе монашествующаго лица въ одномъ мѣстѣ, съ перемѣщеніемъ его съ одной должности на другую, съ низшей въ высшую, въ тѣ годы не было обычнымъ. Обыкновенно монашествующихъ преподавателей перемѣщали изъ одной семинаріи въ другую, назначая ихъ то на должность инспектора, то на должность ректора. Евѡимію выпала счастливая доля долго послужить одной семинаріи, съ которою онъ скоро познакомился, и которой по этому онъ съ особенною пользою могъ служить. Не напрасно тѣ годы, когда служилъ во Владимірской семинаріи Евѡимій, составляютъ періодъ, отмѣчаемый именемъ евѡиміевского періода. На всей семинарской жизни и дѣятельности тогдашняго времени ярко видны слѣды его вліянія. Ни одинъ послѣдующій ректоръ не налагалъ на семинарскую жизнь такой неизгладимой печати, какъ Евѡимій.

Отличный отзывъ объ Евѡиміи, какъ образцовомъ ректорѣ, далъ не разъ упомянутый Сергій, который, будучи инспекторомъ Московской академіи, ревизовалъ Владимірскую семинарію въ 1850 году. Я помню первое явленіе въ семинарію ревизора вмѣстѣ съ ректоромъ на экзамень. Пришедши въ классъ для экзамена, они долго препирались, кому изъ нихъ сѣсть на предсѣдательскомъ креслѣ. Ректоръ предлагаетъ ревизору сѣсть на предсѣдательскомъ креслѣ, а ревизоръ ректору. Минуть пять, въ присутствіи стоящихъ учениковъ и наставниковъ, продолжалось ихъ препирательство. Наконецъ, чтобы окончить щекотливый споръ безъ обиды для того и другого, они, по взаимному соглашенію, рѣшили не занимать предсѣдательскаго кресла, и оставить его свободнымъ для преосвященнаго, на случай его прибы-

тія въ семинарію, а сами сѣли на углахъ стола, и такое сидѣніе по бокамъ стола, при пустомъ креслѣ въ срединѣ, продолжалось въ теченіе всѣхъ экзаменовъ, когда они объявлялись на него.

Евѡимій, какъ человекъ недюжиннаго ума, умѣвшій поддерживать строгій порядокъ въ семинаріи, не могъ не произвести самаго благопріятнаго впечатлѣнія на ревизора. Да вѣроятно онъ, и до приступленія къ ревизіи, живя въ Сергіевомъ Посадѣ, слышалъ самыя лестныя отзывы о Евѡиміи, какъ ректорѣ: ему оставалось только провѣрить эти отзывы. Онъ пріѣхалъ во Владимірѣ вмѣстѣ съ И. И. Субботинимъ, тогда студентомъ Московской академіи. А Субботинъ былъ любимымъ ученикомъ Евѡимія, и питалъ къ нему глубокое уваженіе.

Послѣ ревизіи семинаріи, Евѡимій не долго оставался во Владимірѣ. Онъ былъ въ виду у начальства, какъ одинъ изъ выдающихся ректоровъ, и въ концѣ 1851 года вызванъ былъ въ Петербургъ на чреду для священнослуженія и проповѣди слова Божія, что было большею частію предъ назначеніемъ вызваннаго на чреду на какой-либо высшій постъ. Состоя на чредѣ, Евѡимій былъ между прочимъ кандидатомъ на должность ректора Казанской академіи, вмѣстѣ съ Пароеніемъ, впоследствии архіепископомъ иркутскимъ. Ректура въ Казанской академіи предоставлена была Пароенію, а Евѡимій назначенъ былъ ректоромъ въ Новгородскую семинарію, и скоро сдѣлался епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новгородскимъ (1856 г.). Скончался епископомъ саратовскимъ въ 1863 году.

Но и выйдя изъ Владиміра, Евѡимій не забывалъ владимірцевъ, и оказывалъ имъ особенное расположеніе. Будучи епископомъ саратовскимъ, онъ принималъ и вызывалъ на епархіальную службу въ Саратовскую епархію извѣстныхъ ему бывшихъ учениковъ Владимірской семинаріи, и благодаря ему, не одно семейство изъ владимірскихъ уро-

женцевъ основалось въ Саратовѣ: Во Владимірской епархіи въ тѣ времена, когда кончилось курсъ около двухъ сотъ чело-вѣкъ, очень трудно доставались священническія мѣста кончившимъ курсъ семинаріи, и иные жили по нѣскольку лѣтъ празднующимися въ ожиданіи священнической вакансіи, при открытіи которой всегда было нѣскольکو искателей. При такихъ обстоятельствахъ вызовъ въ чужую епархію былъ большимъ благодѣяніемъ для владимірскихъ семинаристовъ.

Инспекторомъ семинаріи въ мое время былъ іеромонахъ Виталій, прибывшій во Владиміръ въ концѣ 1847 года, во второй годъ моего обученія въ семинаріи.

Виталій (Вертоградовъ), до своего опредѣленія на должность инспектора во Владимірскую семинарію, служилъ въ Калугѣ, сначала (1833—1841) учителемъ, а потомъ священникомъ Спасской церкви (1841—1846). Женатъ онъ былъ на племянницѣ кіевскаго митрополита Филарета (Амфитеатрова), родной сестрѣ Антонія, бывшаго ректоромъ Кіевской академіи, а потомъ архіепископомъ казанскимъ. Овдовѣвши, онъ принялъ монашество, и скоро послѣ постриженія, назначенъ инспекторомъ Владимірской семинаріи, каковую должность исполнялъ около девяти лѣтъ (до мая 1856 г.). Скончался въ санѣ епископа томскаго въ ноябрѣ 1866 года.

Нужно замѣтить, что когда опросталась вакансія инспектора семинаріи во Владимірѣ, были кандидаты на эту должность изъ мѣстныхъ наставниковъ, имѣвшіе право рассчитывать на назначеніе ихъ на мѣсто Евѳимія. Это, во-первыхъ, Аполлосъ (Бѣляевъ), магистръ Кіевской академіи, по курсу товарищъ Евѳимія, преподававшій богословскіе предметы въ третьемъ высшемъ отдѣленіи, во-вторыхъ, Діонисій (Анненскій), преподаватель богословія во второмъ высшемъ отдѣленіи, кончившій курсъ въ Московской академіи въ 1832 году, пробывшій на службѣ, въ санѣ іеромонаха, уже почти пятнадцать лѣтъ, въ томъ числѣ тринадцать лѣтъ во Владимірской семинаріи. Но они оба обойдены были, и мѣсто ин-

спектора предоставлено было Виталію, вѣроятно, вслѣдствіе ходатайства высокаго его родственника. Аполлось опредѣленіемъ Синода отъ того же дня (31 октября 1847 г.), когда Виталій назначенъ былъ во Владимірѣ, переведенъ инспекторомъ въ Астраханскую семинарію (былъ впоследствии архиепископомъ вятскимъ, и скончался на покоѣ въ 1888 году). А Діонисій, уже на двадцатомъ году своей службы, назначенъ былъ инспекторомъ въ Вологодскую семинарію и настоятелемъ Спасокаменнаго монастыря. Санъ архимандрита онъ получилъ только въ 1851 году, пробывъ іеромонахомъ чуть не двадцать лѣтъ. Талъ медленно возвышались въ прежнее время иные преподаватели изъ монашествующихъ.

Какъ инспекторъ, Виталій не проявлялъ особенной дѣятельности, и въ этомъ отношеніи представлялъ изъ себя личность, довольно безцвѣтную. У него не было никакой инициативы, и въ его дѣятельности не видно было и энергии, какая была необходима отъ инспектора такой многолюдной семинаріи, какою въ то время была Владимірская семинарія. Все дѣло его состояло въ томъ, чтобы поддерживать въ семинаріи порядки, заведенные Еввоиміемъ; а эти порядки крѣпкою рукою Еввоимія твердо поставлены были въ жизни управляемой имъ семинаріи. Черезъ это значительно облегчалось то дѣло, вести которое поручалось инспектору семинаріи. При томъ, и состоя ректоромъ, Еввоимій во все вникалъ, и зорко слѣдя за всѣмъ, не оставлялъ и инспекторской наблюдательности надъ семинаріею. При такомъ ректорѣ, и слабый инспекторъ являлся исправнымъ, и школьная дисциплина строго охранялась. Да видя предъ собою дѣятельнаго и требовательнаго сослуживца-начальника, инспекторъ не могъ не поддаваться его влиянію, и въ его примѣрной энергической дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его совѣтахъ находилъ поощреніе къ болѣе усердному исполненію своихъ обязанностей, въ томъ направленіи, какое проводилъ строгій ректоръ. Нельзя было дремать инспектору, когда живущій подлѣ него и ежедневно видящійся съ нимъ рек-

торъ побуждаетъ его бодрствовать на той стражѣ, на которой онъ поставленъ.

По обязанности инспектора, Виталій больше имѣлъ непосредственныхъ отношеній къ семинаристамъ, чѣмъ ректоръ. Но семинаристы болѣе боялись ректора, чѣмъ инспектора. Они видѣли и чувствовали, что сила, охраняющая порядокъ и сдерживающая ихъ отъ проступковъ и нарушенія дисциплины, находится не въ рукахъ инспектора, а въ рукахъ ректора. Правда, ректоръ иногда, замѣтивъ какой-либо мало-важный проступокъ ученика, въ родѣ куренія табаку, грозилъ сказать объ этомъ инспектору. Но собственный выговоръ ректора на ученика дѣйствовалъ сильнѣе, чѣмъ взысканіе, какое могъ бы наложить на него инспекторъ.

Виталію дѣлаетъ честь, что онъ охотно подчинялся болѣе сильному дѣятелю, стоявшему во главѣ семинаріи, и никогда не позволялъ себѣ идти въ разрѣзъ съ его распоряженіями. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ онъ обращался къ нему за совѣтами и указаніями. Вслѣдствіе этого между ними было полное согласіе, и не было и тѣни какой-либо размолвки. Дѣятелемъ по управленію семинаріею былъ собственно ректоръ Евѣимій, а Виталій былъ его подручнымъ и послушнымъ помощникомъ и исполнителемъ его распоряженій.

Въ Исторіи Владимірской семинаріи сказано о Виталіи ¹⁾, 1) что, по отзыву учениковъ, это былъ человекъ доброй души, 2) въ семинарію пріѣзжалъ не часто, 3) являлся сюда всегда безукоризненно одѣтымъ и даже задушеннымъ, и не любилъ здѣсь долго оставаться — Это былъ дѣйствительно большой добрикъ. Наставники семинаріи видѣли въ немъ пріятнаго и общительнаго сослуживца. По отношенію къ ученикамъ его доброта проявлялась во всегдашней къ нимъ снисходительности. Но это качество мало способствовало возвышенію его авторитета, какъ инспектора. Въ семинарію (ска-

¹⁾ Исторія Владимірской семинаріи, П. Малицкаго. Вып. II, стр. 245.

зано) онъ прїѣзжалъ не часто. Собственно не часто прїѣзжалъ онъ въ семинарское общежитіе, или бурсу, которыя были въ отдѣльномъ зданіи, стоящемъ довольно далеко и отъ семинарскаго корпуса и отъ квартиры инспектора въ архіерейскомъ монастырѣ. Но вѣдь нечасты были посѣщенія бурсы и Евѳимія. А въ семинарію, какъ преподаватель, онъ являлся, во всѣ положенные часы, почти каждый день, и уроковъ не пропускалъ. Указывается даже, что онъ являлся всегда безукоризненно одѣтымъ и даже задушеннымъ. Но одеждою его была обыкновенная монашеская одежда,—черная ряса и клобукъ, и въ его одѣяніи не было ничего особеннаго, что бы отличало его отъ другихъ. А то правда, что онъ нерѣдко являлся раздушеннымъ. Но ѣдучи въ семинарію на урокъ, онъ духовъ не употреблялъ, а въ бурсу, по вечерамъ, почти всегда прїѣзжалъ раздушеннымъ. Но это для монаха излишество онъ позволялъ себѣ не для бурсаковъ, а потому, что изъ бурсы онъ большею частію отправлялся куда-либо въ гости, чаще всего заходилъ на чай въ семейство смотрителя бурсы и эконома Ивана Гавриловича Бѣляева.

Проф. *Василій Пивницкій.*

Празднованіе 200-лѣтняго юбилея блаженной кончины святителя Димитрія Ростовскаго Кіевской духовной семинаріей.

28 октября въ помѣщеніи Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества, въ память 200-лѣтія со дня блаженной кончины святителя Димитрія Ростовскаго, состоялось чтеніе, предложенное отъ Кіевской дух. семинаріи. Чтеніе удостоили своимъ посѣщеніемъ Его Выкопреосвященство, Владыка Кіевскій, митрополитъ Флавіанъ, его преосвященство епископъ Θεодосій; въ залѣ присутствовало много священниковъ,—членовъ епарх. съѣзда, происходившаго въ это время въ Кіевѣ, учащіе и учащіеся мужскихъ и женскихъ

духовно-учебныхъ заведеній и очень много самой разнообразной посторонней публики. Памяти святителя Димитрія было посвящено собственно три чтенія: о ректоромъ семинаріи архимандритомъ Амвросіемъ изложена была жизнь и дѣятельность великаго святителя, преподавателемъ семинаріи А. К. Волнинымъ охарактеризована личность его, какъ пастыря и учителя пастырства, и воспитанникомъ 5-го класса семинаріи В. Терлецкимъ данъ краткій очеркъ литературной дѣятельности св. Димитрія Ростовскаго. Чтенія чередовались съ чтеніемъ кантовъ св. Димитрія Ростовскаго, прекрасно исполненныхъ хоромъ семинаристовъ подъ управленіемъ преподавателя семинаріи А. А. Кошица.

Чтеніе оставило самое пріятное впечатлѣніе въ слушателяхъ, что и выражали здѣсь же, въ залѣ, многіе пріѣзжіе отъ члены-депутаты епарх. съѣзда и многіе изъ публики. Не безъ пріятности отмѣчаемо было и то, что въ чтеніи принималъ участіе одинъ изъ питомцевъ семинаріи. По нашему мнѣнію, привлеченіе къ участію въ подобныхъ чтеніяхъ воспитанниковъ старшихъ классовъ семинаріи можетъ имѣть на нихъ самое благотворное вліяніе, возрѣвая въ нихъ живой интересъ къ высокому пастырскому дѣлу, служить которому они готовятся, освѣщая для ихъ сознанія важность и необходимость отзывчиваго живого слова на вопросы современной жизни и пріучая ихъ говорить предъ большимъ собраніемъ.

Ознакомивъ читателей нашего журнала съ обстоятельной характеристикой великаго святителя Ростовскаго, какъ пастыря и учителя пастырства, предложенной преподавателемъ А. К. Волнинымъ (см. № 45 и 46 Рук. д. с. п.), считаемъ небезынтереснымъ привести и краткій очеркъ литератур. дѣятельности св. Димитрія, прочитанный воспитанникомъ семинаріи.

Въ жизни и дѣятельности св. Димитрія Ростовскаго едва ли не самое видное мѣсто занимаютъ его литературные труды. Въ этой области святитель былъ неустаннымъ тру-

женникомъ и великимъ пастыремъ-учителемъ. Многочисленные и разнообразные труды его имѣли и имѣютъ большое просвѣтительное значеніе для русскаго народа.

Самымъ замѣчательнымъ изъ литерат. трудовъ святителя являются его Четьи-Минеи, надъ которыми онъ трудился болѣе 20 лѣтъ. Четьи-Минеи представляютъ собою собраніе жизнеописаній святыхъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ по днямъ и мѣсяцамъ года. Кромѣ жизнеописаній, здѣсь помѣщены объясненія разныхъ предметовъ вѣры и церковной исторіи. Четьи-Минеи являются поистинѣ великимъ трудомъ: ихъ однѣхъ было бы достаточно для того, что бы поставить святителя Димитрія на ряду съ великими людьми Русской земли, имѣвшими весьма важное значеніе въ дѣлѣ просвѣщенія русскаго народа. Этотъ трудъ можетъ быть поставленъ только на ряду съ другимъ подобнымъ ему трудомъ митрополита Макарія, (Великія Четьи-Минеи), но по степени популярности и общедоступности трудъ святителя Димитрія долженъ быть поставленъ даже выше.

Не смотря на всю грандіозность этого труда, на всѣ трудности, какія пришлось преодолѣть святителю Димитрію какъ при выполненіи его, такъ и при печатаніи, святитель Димитрій не ограничился однѣми Четьими-Минейми, а далъ цѣлый рядъ другихъ сочиненій самаго разнообразнаго содержанія и характера. Таковы его сочиненія богословскія—догматическія, напримѣръ, „Вопросы и отвѣты краткіе о вѣрѣ и о прочихъ ко знанію христіанину нужнѣйшихъ“, „Зерцало православнаго исповѣдыванія“, двѣнадцать статей о пресуществленіи хлѣба въ Тѣло и вина въ Кровь Господа нашего Иисуса Христа; правоучительныя: „Врачевство духовное“; „Внутренній чловѣкъ“ „Поклоненіе Пресвятой Троицѣ“, „Поклоненіе Пресвятой Богородицѣ“, различныя молитвы и пастырскія посланія; наконецъ, сочиненія историческія, изъ которыхъ самую большею популярностью пользовалась его „Лѣтопись келейная“.

Неустанно заботясь о просвѣщеніи низшихъ слоевъ общества, людей необразованныхъ, святитель Димитрій въ своей Лѣтописи хотѣлъ дать имъ краткое и общепонятное изложеніе событій какъ библейской, такъ и всеобщей исторіи. Попутно онъ излагаетъ здѣсь и краткія наставленія, чтобы Лѣтопись, такимъ образомъ, сообщая историческія свѣдѣнія, могла служить и нравственно - поучительнымъ цѣлямъ. Известно, что ни одно изъ произведеній святителя Димитрія не дошло до насъ въ такомъ количествѣ списковъ, какъ „Лѣтопись“. Рукописные списки ея насчитываются сотнями. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, какъ святитель Димитрій глубоко понималъ духъ и потребности русскаго народа, для котораго онъ собственно и предназначалъ свою Лѣтопись. „Помню, писалъ святитель своему другу Теофану Прокоповичу,—что въ нашей малорусской странѣ трудно сыскать библію славянскую, весьма мало гдѣ оныя обрѣтаются и купить едва достанетъ кто, и рѣдко кто вѣдаетъ порядокъ исторій библейскихъ, что когда происходило и для этого хотѣлъ было вкратцѣ библейскую исторію преподать таковымъ для вѣдѣнія, книжицею не зѣло великою и умѣренною, дабы всякій могъ недорого купить и о всѣхъ яже въ библияхъ увѣдать исторіяхъ, каковымъ идутъ порядкомъ“. Кромѣ этой цѣли, святитель Димитрій хотѣлъ въ своей „Лѣтописи“ дать, какъ онъ выражается, „нѣчто“, что могло бы пригодиться для проповѣди, о развитіи которой онъ особенно заботился. Назидая свою паству посредствомъ сочиненій, святитель Димитрій особенное вниманіе обращалъ на проповѣдь; онъ самъ извѣстенъ какъ замѣчательный и весьма ревностный проповѣдникъ. Съ должности проповѣдника онъ и началъ свое служеніе Церкви. Проповѣдывать святитель Димитрій началъ очень рано, еще до принятія монашества; не оставлялъ онъ проповѣдничества и въ послѣдующее время, а въ годы своего архипастырства онъ ни одной церковной службы не совершалъ безъ проповѣди. Въ проповѣди святитель видѣлъ главнѣйшую свою обязанность. „Моему сану,

говорить онъ, Слово Божіе надлежитъ проповѣдывать не токмо языкомъ, но и пишущею рукою, то мое званіе, то моя должность“. Въ первое время въ проповѣдяхъ святителя Димитрія видно схоластическое направленіе, но это было только временною данью господствовавшему въ тотъ вѣкъ направленію церковнаго проповѣдничества. Впрочемъ, и въ такихъ своихъ проповѣдяхъ святитель Димитрій не забываетъ того, что онъ, будучи возвышенны по своему содержанию и формѣ, могутъ быть малодоступны пониманію многихъ, особенно необразованныхъ слушателей, и потому старается приспособить свои проповѣди къ пониманію и сихъ меньшихъ и даетъ въ нихъ разьясненія, отличающіяся простотою и понятностью. Заканчивая свое возвышенное слово въ день Благовѣщенія, святитель говоритъ: „но еще не аминь, еще нѣчто простѣйшее реку. пользы ради; то бо, еже глаголахъ, глаголахъ книжныхъ ради, не хочу же и безкнижныя отпустить не пользовавъ“. Повсюду въ проповѣдяхъ святителя Димитрія проглядываетъ любовь, одно желаніе—сдѣлать людей „лучше, добрѣе“. Любовь выше всего—вотъ любимая тема проповѣдника. Какъ проповѣдникъ, святитель Димитрій является вѣрнымъ преемникомъ древнихъ отцовъ Церкви, отразившимъ въ то же время въ себѣ и лучшія черты юго-западнаго образованія. Политическихъ темъ (какихъ въ то время было очень много) святитель Димитрій почти не касается; онъ только поучаетъ народъ истинамъ вѣры, а иногда грозно обличаетъ пьянство, „гнѣвную ярость“, неуваженіе къ святымъ и другіе пороки современнаго русскаго общества.

Ревностно проповѣдуя Слово Божіе, святитель Димитрій, заботясь о благосостояніи своей паствы, не могъ не обратить вниманія на расколъ, особенно развившійся въ то время въ Ростовѣ.

Видя въ старообрядчествѣ особенно печальное заблужденіе въ вѣрѣ, святитель старался противодѣйствовать ему всѣми средствами. Прежде всего онъ, конечно, противодѣйствовалъ ему своими проповѣдями, а потомъ, желая свои предостере-

женія православныхъ отъ опаснаго увлеченія сдѣлать возможно широко извѣстными въ народѣ, святитель Димитрій въ концѣ своей жизни написалъ направленное противъ раскола сочиненіе „Розыскъ о Брынской вѣрѣ, ученіе ихъ, о дѣлахъ ихъ и изъясненіе яко вѣра ихъ неправя, ученіе ихъ душевредно и дѣла ихъ не богоугодна“. Сочиненіе это, какъ видно изъ заглавія, дѣлится на три части, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою особенную тему. Неправость вѣры раскольниковъ святитель доказываетъ тѣмъ, что вѣра есть то, чего нельзя видѣть глазами или осязать руками, а между тѣмъ вѣра раскольниковъ заключается въ предметахъ видимыхъ (въ обрядахъ). Что же касается догматовъ вѣры, то расколуучители погрѣшаютъ въ оныхъ; такъ Аввакумъ училъ неправославно о Святой Троицѣ, о воплощеніи. Душевредность раскола доказывается тѣмъ, что ученіе раскольниковъ проповѣдуется ложными учителями и исполнено лжи и неправды,—таково ученіе объ Антихристѣ, о прекращеніи Христовой жертвы, о томъ, что раскольники образъ Божій видятъ въ бородѣ. Тутъ же разсматриваются вопросы о поклоненіи иконамъ, о почитаніи мощей примѣнительно къ ученію раскольничьихъ сектъ. Не богоугодность дѣлъ раскольниковъ раскрывается изъ того положенія, что внѣ Церкви внѣшніе подвиги не принесутъ пользы, а тѣмъ болѣе, если эти подвиги лицемѣрны, каковы они у раскольниковъ. Изъ дѣлъ дурныхъ святитель Димитрій указываетъ на самосожженіе, запащиваніе ¹⁾, а также на развратную жизнь.

Тонъ „Розыска“ не вездѣ спокойный, а иногда даже рѣзкій, но эта рѣзкость никогда не переходитъ въ ту ненависть, съ какой тогда вообще писались обличенія раскольниковъ. У святителя Димитрія слышится негодованіе благочестиваго и душепопечительнаго пастыря на тѣ безумства, какія совершались въ невѣжественной раскольничьей средѣ.

Розыскъ святителя Димитрія, трудъ капитальный и богатый содержаніемъ, и до настоящаго времени не утратилъ

¹⁾ Отъ слова „постъ“, „поститься“.

своего значенія для всѣхъ интересующихся вопросами, касающимися раскола.

Кромѣ этихъ чисто богословскихъ сочиненій, у святителя Димитрія есть еще сочиненія поэтическія, ярко характеризующія его настроеніе, какъ человѣка, глубоко вѣрующаго, всей душой стремящагося къ Богу, желающаго передать это свое настроеніе другимъ людямъ, укрѣпить въ нихъ чувство надежды на милость Божію и сдѣлать ихъ, какъ выражается самъ святитель, лучшими. Такими сочиненіями являются его духовныя драмы и духовные стихи, или канты. Въ своихъ драмахъ, какъ вообще и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, святитель Димитрій имѣетъ въ виду одну цѣль способствовать духовному просвѣщенію русскаго народа. Въ этихъ драмахъ святитель Димитрій, излагая общеизвѣстныя истины, облачаетъ ихъ въ форму живого дѣйствія, которое украшаетъ поэтическими подробностями и добавленіями, чтобы онѣ произвели возможно большее вліяніе и возможно глубже запечатлѣлись въ сердцахъ слушателей.

Изъ драмъ святителя Димитрія особенно интересны „Успенская“ и „Рождественская“. Успенская драма въ своемъ содержаніи дѣлится на двѣ части. Въ первой части изображается собственно Успеніе Божіей Матери, а во второй ходатайство Ея о грѣшникѣ, который вслѣдствіе этого получаетъ полное прощеніе грѣховъ. Первая часть драмы основана на кругѣ сказаній объ Успеніи Божіей Матери, какими являются прологи, слова Іоанна Богослова, Іоанна Солунскаго, распространенныя въ русскихъ спискахъ, содержаніемъ которыхъ и покрывается фактическая сторона драмы. Вторая часть, именно о ходатайствѣ Божіей Матери, основана большей частью на источникахъ житійныхъ. Въ этой драмѣ сказалась присущая святителю черта—любовь и всепрощеніе ближняго. Другая драма—Рождественная интересна въ томъ отношеніи, что въ ней на дѣйствующихъ лицахъ лежитъ яркій колоритъ Малороссіи. Вообще же о драмахъ святителя Димитрія, надо сказать, что онѣ отличаются искрен-

ностью, глубиною религіознаго чувства; вездѣ въ нихъ проглядываетъ любовное отношеніе къ низшему классу общества, искреннее желаніе принести ему пользу духовную, доставить ему высокое духовное наслажденіе и поднять его на надлежащую высоту живого воспріятія и уразумѣнія душеспасительныхъ истинъ. Благодаря всему этому, драмы святителя Димитрія пользовались большимъ успѣхомъ и популярностью.

Что касается духовныхъ стиховъ, или кантовъ, святителя Димитрія, то ихъ дошло до насъ очень немного, но и на основаніи этого немногаго можно сказать, что святитель Димитрій былъ полонъ желанія поднять душу вѣрующаго къ Богу, наполнить сердце его священнымъ восторгомъ, озарить его небеснымъ свѣтомъ вѣры, любви и безграничной преданности волѣ Божіей. Это поистинѣ священная лирика, способная оживотворить человѣка въ его суетѣ земной. Извѣстно, что стихотворенія великаго святителя имѣли широкое распространеніе, перелажались на ноты и служили къ удовлетворенію тѣхъ возвышенныхъ движеній и запросовъ сердца человѣческаго, которые такъ часто волнуютъ его среди житейской суеты.

Вообще труды святителя Димитрія свидѣтельствуютъ о глубокомъ умѣ его, о глубокомъ пониманіи имъ жизни современнаго общества, удивительномъ умѣніи приспособляться къ его запросамъ и условіямъ мѣста, времени и степени развитія тѣхъ, кого касалось и къ кому относилось его слово. Появленіе въ современной литературѣ сочиненій, посвященныхъ изслѣдованію литературныхъ трудовъ святителя Димитрія, свидѣтельствуетъ о томъ, что они сохраняются и будутъ сохранять живой интересъ къ себѣ и великое значеніе для всѣхъ интересующихся вопросами просвѣщенія, вѣры, церкви и судьбы русскаго народа.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 17-го ноября 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ **№ 48.** Подписка принимается въ редак-
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ цѣи журнала, при Кіевской духов-
рублей. ой Семинаріи.

1909-го года ноября 29-го дня.

Содержаніе: I. Что говорятъ о проповѣдническомъ словѣ? Н. Пальмовъ.—
II. Доброе дѣло. Свящ. Аѳ. Веселицкій.—III. Христіанское назна-
ченіе женщины и женская эмансипація нашего времени. Прот. Н
Стеллецкій.—IV. Замѣтка. Резолюція Псковскаго Архіепископа
Арсенія.

Что говорятъ о проповѣдническомъ словѣ.

Наше время, съ его быстрою смѣною крупныхъ собы-
тій, такъ или иначе, прямо или косвенно, затрогивающихъ
интересы Церкви, выдвинуло вопросъ о церковномъ пропо-
вѣдничествѣ.

Оно предъявило къ проповѣди требованіе, чтобы со сто-
роны содержанія проповѣдь оставила темы общаго, отвлечен-
наго характера и больше, чѣмъ прежде, соприкасалась съ
дѣйствительностью, насъ окружающею, бичуя язвы, развѣда-
ющія великій организмъ нашего отечества и указывая путь
къ улучшенію жизни во всѣхъ ея отношеніяхъ. Съ настоя-
чивостью говорятъ теперь о томъ, чтобы по внутреннему ха-
рактеру проповѣдь была словомъ живымъ, такъ какъ только
такое слово способно подчинить себѣ умъ и сердце слушате-

лей. Однимъ изъ условій внимательнаго отношенія слушателей къ проповѣднику выставляють *изустность* произнесенія проповѣдей, а не по тетраджѣ. Удѣляютъ, наконецъ, вниманіе и вопросу о *приготовленіи* проповѣдей, главнымъ образомъ—устныхъ.

I.

Самый щекотливый изъ этихъ пунктовъ, конечно,—пунктъ первый, особенно въ той части его, которая настаиваетъ на необходимости для церковныхъ проповѣдниковъ брать темами проповѣдей вопросы, волнующіе сейчасъ и городъ и деревню. Эти вопросы принято называть политическими. Извѣстно, что еще „Регламентъ“ отнесся съ осужденіемъ къ такимъ темамъ проповѣдей, какія касались благоустройства государственнаго и общественнаго, и рекомендовалъ пастырямъ раскрытіе въ проповѣдяхъ общихъ предметовъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія. Возражаютъ нѣкоторые и теперь противъ политики въ проповѣдяхъ, находя несвойственнымъ духовенству вступать въ политическую борьбу, и также ограничиваютъ кругъ проповѣдническихъ предметовъ наставленіями—жить честно и сообразно съ указаніями нравственнаго христіанскаго закона.

Критическое отношеніе „Регламента“ къ проповѣдямъ на политическія темы приходится, кажется, забыть, если принять во вниманіе, что подкладкою такого отношенія было опасеніе преобразователя Россіи встрѣтить и съ церковной кафедрой протестъ противъ той безпощадной ломки русской старины, которою заявилъ себя имп. Петръ I. Для осуществленія его государственныхъ плановъ весьма было бы невыгодно, если бы тяготѣвшіе къ родной старинѣ проповѣдники стали открыто осуждать царя и возбуждать необразованный народъ къ большому недовольству реформами. Поэтому, на церковныя проповѣди политическаго характера было наложено *veto*.

Въ сравненіи съ вѣкомъ Петра, обстоятельства нашего времени измѣнились. Сознаніе народа развилось; нравы приобрѣли мягкость. Народъ призванъ къ дѣятельному участию въ устроеніи государственной и общественной жизни. Если мы признаемъ, (а это, наконецъ, надо же признать), что политика русская должна быть національною, что жизнь русскаго государства должна развиваться на незыблемыхъ, исконныхъ началахъ православія, самодержавія и народности, что между государствомъ и Церковью Православною должно быть тѣсное единеніе,—то всѣ возраженіи противъ умѣстности политики на церковной каѳедрѣ должны будутъ пасть. Великіе дѣятели Русской Церкви всегда были и великими патріотами. Довольно вспомнить московскихъ святителей Петра, Алексія, Іону, Филиппа, Гермогена и др., участію которыхъ въ устроеніи государства древняя Русь обязана своимъ могуществомъ.

По вопросу объ участіи духовенства въ политической жизни современной Россіи мы находимъ прекрасныя строки у кievскаго публициста А. И. Савенко. „Для тѣхъ, которые говорятъ, что духовенство не должно заниматься политикой, умѣстно предложить вопросы: имѣетъ ли духовенство право защищать интересы Церкви? Имѣетъ ли оно право любить свою родину?—Что за чудовищные вопросы!—скажутъ мнѣ. Но вѣдь въ такой же точно степени нелѣпо и положеніе: духовенство не должно заниматься политикой. Можно ли, любя родину, будучи вѣрнымъ сыномъ ея, не заниматься политикой, т. е. не интересоваться жизнью государства и не стремиться вложить свою крупицу въ великое дѣло благоустроенія народной и государственной жизни? Можно ли служителю Церкви, отстаивая интересы Церкви, не бороться съ ученіями, стремящимися разрушить и Церковь и государство?.. Требованіе, чтобы духовенство не занималось политикою, въ сущности есть требованіе, чтобы духовенство не противилось революціонному и анархическому злу. Поэтому, идетъ ли пропаганда социализма, вовсе отрицающаго Церковь, „освободители“ и ихъ прислужники вопятъ по

адресу духовенства: не смѣйте заниматься политикой, т. е. не смѣйте противиться злу социалистической пропаганды. Принимаются ли „освободителями“ мѣры, направленные къ испроверженію господствующаго въ Россіи положенія Православной Церкви, тѣ же господа вопятъ духовенству: не смѣйте заниматься политикой и критиковать эти мѣры, т. е. не смѣйте защищать интересовъ Православной Церкви. Былъ въ одной губерніи такой случай: священникъ въ праздничный день произнесъ въ соборѣ проповѣдь и въ этой проповѣди, между прочимъ, въ очень корректной формѣ коснулся вѣронсповѣднаго законопроекта, принятаго Думой и низводящаго православіе на одинъ уровень съ іудействомъ и язычествомъ. Ясно, что служитель Православной Церкви не могъ не отнести къ этому законопроекту отрицательно. За эту проповѣдь „влетѣло“ священнику: мѣстныя гражданскія власти возмутились и рѣшительно указали, что духовенство не должно заниматься политикой. Что же касается проповѣдей, то, молъ, Священное Писаніе и творенія отцовъ Церкви даютъ для нихъ достаточно матеріала, и вопросовъ политическихъ въ нихъ касаться не надо. Словомъ, люди, совершенно равнодушны къ родинѣ, требуютъ, чтобы и православное духовенство было равнодушно за одно и къ Церкви, и къ государству. Пускай, молъ, Православная Церковь и русское государство, связанные тѣснымъ, вѣковѣчнымъ союзомъ, беспрепятственно подвергаются ударамъ, расшатываются и даже гибнутъ, вы должны молчать и не противиться злу! Вопросъ идетъ о томъ, чтобы въ той великой борьбѣ, которую со веѣхъ сторонъ ведутъ съ Россіей ея враги, лишить національно-патріотическій лагерь помощи и содѣйствія Церкви и духовенства. Въ этихъ видахъ „освободители“ и ихъ прислужники прежде всего задались цѣлью лишить патріотическій лагерь церковной каеэдры: „Не смѣйте касаться въ своихъ проповѣдяхъ политики“,—говорятъ духовенству. И когда церковный проповѣдникъ говоритъ о любви къ Церкви и родинѣ, когда онъ ведетъ проповѣдь

патріотизма, ему кричатъ: „Молчи, это—политика!“ Разумѣется, духовенство, сознающее свой долгъ предъ Церковью и государствомъ, не можетъ согласиться на такое самоотреченіе, на такое самоубійство ¹⁾).

Между прочимъ, на недавнемъ епархіальномъ съѣздѣ кievское духовенство подвергло обсужденію вопросъ объ участіи православнаго духовенства въ политической жизни государства и рѣшило, что политическая дѣятельность, въ патріотическомъ, конечно, направленіи, не только не противна пастырскому служенію, но составляетъ положительный долгъ пастырей. Придя къ такому рѣшенію, епархіальный съѣздъ послалъ телеграмму предсѣдателю совѣта министровъ съ ходатайствомъ, чтобы православному духовенству нигдѣ не была запрещена патріотическая проповѣдь, и чтобы изъ круга проповѣдническихъ предметовъ отнюдь не была исключена борьба съ ученіями и движеніями противцерковными, противогосударственными и противообщественными. „Мы живемъ въ мірѣ“, сказало кievское духовенство въ своей телеграммѣ къ предсѣдателю совѣта министровъ, „и отъ жизни не уйдемъ; не имѣемъ права уйти. Вокругъ насъ—много зла; мы должны бороться съ нимъ. Вокругъ насъ кипитъ борьба, всѣ темныя силы возстали противъ основъ жизни народа и государства; мы обязаны помочь родинѣ отразить эти силы и доставить торжество правдѣ и добру. Мы обязаны давать правдивые отвѣты на всѣ запросы жизни, волнующіе нашу паству; мы должны будить въ людяхъ ослабѣвшую любовь къ родинѣ!“

Печальное положеніе православія и Православной Церкви, въ которомъ онѣ окажутся, разъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ пройдутъ во всей полнотѣ вѣроисповѣдные законопроекты, низводящіе православіе въ гражданскомъ отношеніи на одну степень съ прочими вѣроисповѣданіями, побуждаетъ пастырей выступить со всею ревностью на защиту православія. Законопроектъ о свободѣ ста-

¹⁾ „Кіевлянинъ“ отъ 8-го ноября т. г. *Замѣтки.*

рообрядческой пропаганды уже принять Гос. Думой, и если пройдет онъ въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ, то надо ждать, что ревнители „древляго“, а за ними и иного „благочестія“ энергично примутся за распространеніе, своихъ лжеученій, ересей и сектъ, уловляя въ сѣти всевозможныхъ заблужденій неопытныхъ и колеблющихся въ православіи чадъ Православной Христовой Церкви. Отмѣчая, что Православная Церковь подвергается въ наши дни систематическому глумленію, уничиженію и оскорбленію, такъ что кажется, какъ будто всѣ силы ада объединились и ополчились на нее съ цѣлью поколебать и разрушить самыя устои православія и низринуть послѣдователей его въ бездну невѣрія, религіознаго индифферентизма и атеизма, г. З—скій въ Пермскихъ епарх. Вѣдомостяхъ горячо призываетъ пастырей къ защитѣ православія. Главнымъ и незамѣнимымъ орудіемъ для борьбы съ многочисленными врагами православія, несомнѣнно, является, говорить г. З—скій, церковная проповѣдь ¹⁾.

Итакъ, церковной проповѣди усвояютъ теперь характеръ боевой. Проповѣдникъ долженъ, говорятъ, выступить на борьбу съ антигосударственными и антицерковными лжеученіями, распространеніе которыхъ растлѣвающимъ образомъ дѣйствуетъ на общество, и вести борьбу эту—живымъ словомъ. Живому слову ораторовъ, призывающихъ къ борьбѣ и безпорядку, необходимо противопоставить живое же слово церковныхъ ораторовъ, которые призывали бы паству къ спокойствію, порядку и мирному труду. Такъ резюмируетъ свои мысли авторъ статьи „О церковной проповѣди въ связи съ современной смутой“, въ одномъ изъ №№ Костромскихъ епарх. Вѣдом. за 1908 г. ²⁾. *Н. Пальмовъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ З—скій—„Къ вопросу объ условіяхъ успѣшнаго и плодотворнаго проповѣдничества“. Пермск. епарх. Вѣдом. т. г. № 19. Полтавскія епарх. Вѣдом. № 27.

²⁾ *Свящ. А. Пономаревъ*—„По поводу статьи „О церковной проповѣди въ связи съ современной смутой“. Екатеринбург. епарх. Вѣдом. № 33 1909 г.

Д о б р о е д ѣ л о .

Разсказъ.

I.

Отець Агаѳонъ задумалъ совершить доброе дѣло. Онъ вообще былъ человѣкъ простой, открытой, благожелательной души и отзывчиваго, любвеобильнаго сердца. По такимъ свойствамъ души батюшка, несомнѣнно, и такъ въ жизни не мало совершалъ обычныхъ, такъ сказать, обыденныхъ дѣлъ милосердія, требуемыхъ христіанской настроенностію; но теперь для него открывался случай проявить свою естественную доброту въ болѣе ощутительной, крупной формѣ. Онъ своимъ участіемъ могъ создать прочное благополучіе цѣлой семьи, и къ этому дѣлу располагалъ въ настоящій моментъ достаточными средствами. Все это способствовало подъему свѣтло-радостнаго, истинно христіанскаго настроенія бѣднаго батюшки захолустнаго сѣвернаго сѣлышка нашей необъятной Руси, носившаго странное названіе „Ободранныя Липки“, отца Агаѳона Печалина.

Когда говорятъ у насъ, или пишутъ въ литературѣ объ особенномъ своекорыстіи, черствости сердца и жадности бѣднаго, безправнаго и крайне необезпеченнаго духовнаго сословія, мнѣ всегда представляются подобныя мнѣнія и рѣчи, такъ распространенныя у насъ въ широкой публикѣ, сущей клеветой самаго злонамѣреннаго свойства. Нѣтъ и не можетъ быть правды въ такихъ утвержденіяхъ, и по самымъ простымъ и очевиднымъ причинамъ. Ну, возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, людямъ, постоянно возвѣщающимъ міру ученіе Христовой любви, остаться къ нему безчувственными: вѣдь, для этого нужно предположить въ нихъ чудовищную какую-то окаменѣлость, безчувственность; и съ другой стороны—естественно ли, чтобы люди, у которыхъ всегда передъ глазами великое горе народное, и которые связаны съ этимъ народомъ и духовно и матеріально своимъ положеніемъ, ни-

мало ему не сочувствовали, не плакали мужицкими слезами, не радовались крестьянскими радостями? Не может этого быть. Напротивъ, если есть еще у насъ души, искренне сочувствующія родному народу, любящія его беззавѣтно, то это—представители нашего сельскаго духовенства; если есть еще сердца русскія, бьющіяся глубоко-человѣческими добрыми чувствами, то это сердца, робко скрывающіяся подъ худыми полукафтаными и выцвѣтшими рясками незамѣтныхъ тружениковъ селъ и деревень православныхъ, сельскихъ батюшекъ и вообще клира нашихъ захолустныхъ, обездоленныхъ темныхъ угловъ.

Зауряднымъ представителемъ этого, непризнаннаго легкомысленнымъ свѣтскимъ мнѣніемъ нашего общества, типа сельскаго батюшки былъ и нашъ о. Агаѳонъ. Приходъ „Ободранныя Липки“ давалъ о. Агаѳону полный просторъ для развитія и укрѣпленія добрыхъ, сострадательныхъ чувствъ. Населеніе, удаленное отъ центровъ промышленности и сидѣвшее на трехдесятинахъ надѣлахъ тощей песчаной земли, испытывало постоянныя нужды и лишенія. Ни мѣстныхъ, ни отхожихъ промысловъ крестьяне не вѣдали и потому еле-еле влачили жалкое существованіе. Роковымъ образомъ отзывалось такое положеніе прихода на благосостояніи батюшки; но, странное дѣло, эта самая бѣдность народная словно приковывала его къ мѣсту, и онъ не хотѣлъ смѣнять его на болѣе выгодное и богатое. Просто,—жаль было доброму батюшкѣ покинуть, бросить въ нуждѣ свой приходъ, какъ будто сбѣжать, и онъ продолжаетъ дѣлать съ собой ихъ нужды и лишенія, хотя и терзался безсиліемъ чѣмъ-нибудь, кромѣ добраго, сердечнаго слова, облегчить ихъ горькую участь. Правда, удавалось ему иногда оказать какую-нибудь и матеріальную ничтожную помощь захудалому прихожанину въ родѣ ссуды пуда—двухъ муки или жита, или рублишка денегъ на подать, потому что, какъ-ни-какъ его положеніе все же было лучше крестьянскаго: не напрасно молвится — съ міру по ниткѣ „выйдетъ рубаха, да къ

тому же и былъ онъ бездѣтенъ. Однако подобное дѣятельное участіе въ судьбѣ прихожанъ по своей ничтожности не давало настоящаго удовлетворенія сердцу о. Агаѳона.

Но вотъ теперь открывалась для него рѣдкая возможность совершить болѣе крупное, настоящее дѣло, и чувствительное сердце батюшки начинало уже радостно биться въ предвкушеніи внутренняго, нравственнаго удовлетворенія. У о. Агаѳона какимъ-то случаемъ скопилось цѣлыхъ двадцать рублей, которыми могъ онъ свободно располагать безъ ущерба личному существованію. Нужды и траты по хозяйству не предстояло, матушка Анна Ивановна не заговаривала о новомъ ситцевомъ платьѣ, да и самъ о. Агаѳонъ видѣлъ, что старое платье попады въ полной исправности, даже еще не полиняло; ясно, представлялась возможность употребить деньги на доброе дѣло, и это доброе дѣло, словно нарочно, навертывалось на глаза въ лицѣ Аванаса Смирнова, бѣднаго мужика, нуждавшагося въ неотложной помощи.

О. Агаѳонъ, кромѣ того, особенно сочувственно относился къ судьбѣ бѣдняка Смирнова. Аванасъ жилъ въ близкомъ сосѣдствѣ отъ „Ободранныхъ Липокъ“, въ нищенской и славившейся воровствомъ деревушкѣ Лумари; его бѣдность была всегда на виду у батюшки, и онъ одинъ только изъ лумарцевъ, по общей молвѣ, не былъ причастенъ къ воровскому промыслу своихъ ловкихъ сосѣдей. Сверхъ того въ послѣднее лѣто вынесъ Аванасъ двѣ бѣды: пропала у него единственная лошадь-кормилица и ослѣпла жена-старуха. Семья грозила безъ посторонней помощи неизбежная гибель. „Помогу-ка я купить ему къ озимовоу посѣву лошадку, благо теперь онѣ дешевы по случаю безкормицы“,—рѣшилъ словно по вдохновенію о. Агаѳонъ и утвердился въ этой мысли.

Оставалось батюшкѣ для безпрепятственнаго осуществленія плана заручиться согласіемъ матушки Анны Ивановны, съ которой онъ жилъ душа въ душу, какъ часто бываетъ у одинокихъ супруговъ, и всякое дѣло начиналъ и вер-

шилъ съ ея согласія. И вскорѣ въ удобную минуту тихаго настроенія предъ отходомъ ко сну между супругами произошелъ такой разговоръ.

— А какъ по твоему, Анна Ивановна: не поѣхать ли на-дняхъ до города? Денегъ у насъ, гляди, много, ограбить могутъ: положу-ка въ банкъ на проценты. Люди же на старость копятъ...

— Ужъ и выдумаль! Вѣкъ не скопили копѣйки, а тутъ двадцать рублей въ банкъ повезь. Не вѣрю, другое ты, о. Агаѣонъ, что-то выдумываешь: сказывай! — Угадала сразу матушка подвохъ со стороны супруга, и онъ благодушно и откровенно подѣлился своими мыслями о настоящемъ употребленіи лишннихъ денегъ.

— По мнѣ, что же? Дѣлай, какъ придумаль. Только бы не надулъ Аѣанасъ: говоришь,—отработаетъ потихоньку, а я думаю, не хватить терпѣнія. Такъ, подарить лошадку...— Осторожно промолвила матушка, но закончила согласіемъ:— Впрочемъ, и то: за Богомъ все равно не пропадетъ. Я согласна съ тобой.—На томъ и порѣшили супруги.

II.

Вскорѣ послѣ состоявшагося рѣшенія помочь Аѣанасу покупкой лошади о. Агаѣонъ проѣзжалъ мимо Лумари въ свой приходъ съ требой. На обратномъ пути батюшка остановился у покосившейся, старой избы Смирнова; у воротъ какъ-разъ стояла дочь его Аниска, дѣвушка уже невѣста, и при видѣ добраго о. Агаѣона улыбалась во все лицо, угловато кивнувъ головой въ знакъ поклона.

— Дома отецъ-то? — спросилъ батюшка, не выходя изъ тарантаса,—пошли-ка его,—поговорить нужно.

— Гдѣ ему быть: извѣстно, дома. Ужотко скличу.—И дѣвушка, пріоткрывъ калитку, крикнула внутрь двора:—„тятка! Выдь скорѣе, тебя батюшка повидѣть хочетъ. Дождаетъ“.

Изъ калитки показалась растрепанная, въ заплатанной посконной рубахѣ фигура мужика среднихъ лѣтъ и средняго роста, безъ шапки, безъ обуви; руки его то поднимались къ вѣсколоченымъ волосамъ, напрасно нытаясь придать имъ приличный видъ, то опускались книзу и обдергивали вокругъ пояса рубаху, непокорно крутившуюся вверхъ. Мужикъ подошелъ, наконецъ, къ батюшкѣ и протянулъ заскорузлыя, черныя пригоршни подъ благословеніе.

— Господь благословить!—вымолвилъ о. Агаѳонъ, совершая обычный жестъ и въ то же время участливо-тепло смотря на бѣдняка добрыми глазами:—ну, какъ Богъ милуетъ, живешь ли, Аѳанасъ? Что твоя бѣдная Марья, помирилась ли съ несчастіемъ, все еще, поди, грѣшить,—на Бога жалуется? Охъ, милые, не надо бы: не знаемъ мы, къ чему Онъ ведетъ насъ, одно вѣрно,—любя насъ, милуетъ и наказываетъ...

— Что ужъ, батюшка о. Агаѳонъ, говорить про наше житье: горькое оно, прямо—ложись и помирай. И радъ бы терпѣть, да силушки нѣту. Грѣшимъ со старухой жалобами на Господа Бога, прости насъ, Христа ради. Посмотришь на сосѣдей,—самъ знаешь ихъ, батюшка,—и то зависть беретъ, за что Богъ шадить. Вонъ, озимовой сѣвъ надъ головой: они, небось, на своихъ лошадакахъ въ поле выѣдутъ, а у меня и лошадку Господь взялъ. И на наемъ добыть некому: одинъ съ дѣвкой да со слѣпой старухой не много сробишь...

— Полно, полно, Аѳанасушка, Бога гнѣвить, что ты говоришь, одумайся!—Остановилъ, наконецъ, дикую, полную отчаянія, рѣчь Смирнова смущенный и подавленный ею батюшка. Тяжелымъ камнемъ падали на чувствительное сердце его всегда подобныя безпросвѣтно-мрачныя обнаруженія горя народнаго, и замирали гдѣ-то въ глубинѣ души произнесенными сердечныя слова утѣшенія отъ горькаго сознанія собственнаго безсилія. Такъ было и теперь. Когда онъ вызывалъ Аѳанаса къ себѣ, ему казалось такъ легко и просто

помочь его нуждѣ, предложивъ денегъ на лошадь; но послѣ озлобленныхъ, безнадежно мрачныхъ признаній бѣдняка, задуманная имъ денежная помощь показалась совсѣмъ не столь значительной и безсильной дать настоящее удовлетвореніе. И о. Агаѳонъ, уже безъ радостной увѣренности въ плодотворности своего дѣла, посвятилъ бѣдняка въ свои сокровенные планы.

— Не затѣмъ я, Аѳанасій, вызывалъ тебя, чтобы выслушивать напрасныя жалобы. Думалъ хоть чѣмъ-нибудь помочь тебѣ одолѣть бѣду, добромъ потолковать, какъ поправить худыя дѣла, а ты—на-ка! Совсѣмъ отчаялся. Не хорошо... Вотъ о лошади горюешь, людямъ завидуешь: было бы о чемъ! Надѣйся только на Бога, и опять лошадка будетъ,—чтожъ, дѣло наживное, да и люди помогутъ, хотя бы и я не откажусь. Приходи-ка на домъ ко мнѣ,—обсудимъ, столкуемся, какъ горю помочь.

Бѣднякъ понялъ слова батюшки такъ, что хочетъ, молъ, дать малую толику на покупку лошади, можетъ, рублей пять—десять; но это его не очень обрадовало. Что толку въ батюшкиной помощи, когда остальныхъ денегъ добыть неоткуда. Не на цѣлую же лошадь дать ему о. Агаѳонъ, да и у самого, поди, такихъ денегъ не найдется. И Смирновъ равнодушно отнесся къ участливому предложенію, въ его словахъ звучалъ словно прямой отказъ.

— Много благодаренъ вамъ, батюшка, на добромъ словѣ, и раньше, знаю, пособляли вы мнѣ. Только дѣло-то, вишь, другое теперь, нешуточное. Вонъ какую уйму денегъ на лошадку надо, худо—рублей двадцать, а то и больше. Нѣтъ, ужъ не въ моготу будетъ мнѣ достать эстолько все равно... Спасибо вамъ за ласку, участливья рѣчи ваши!..

— А ты не малодушествуй, говорю тебѣ.—Остановилъ о. Агаѳонъ унылыя рѣчи Аѳанаса:—Приходи, знай, ко мнѣ, хотя сегодня же вечеромъ; тогда увидишь, въ чемъ дѣло, можетъ и будешь съ лошадкой, какъ и прочіе люди. Богъ благословить. Надо же и мнѣ ѣхать, и то возница заждался,

пока тутъ съ тобой калякаемъ.—Трогай-ка, Иванушка!— Обратился онъ къ молодому парню на козлахъ, который возилъ о. Агаѳона въ свою деревню напутствовать больного дѣдушку-старика.

— Богъ на прощаньѣ, батюшка,—говорилъ во слѣдъ увѣщающаго Аѳанасъ:—хорошо бы, кабы по вашему случилось, дай-то Господи! А я приду непременно сегодня же къ вамъ вечеркомъ.—Тарантасъ съ о. Агаѳономъ скрылся за околицей деревни, а бѣднякъ Смирновъ, постоявъ еще немного у воротъ, ушелъ въ избу подѣлиться со слѣпой несчастной Марьей радостной надеждой, которую пробудили, наконецъ—таки въ его унылой душѣ послѣднія слова священника.

— И добѣръ же нашъ батюшка о. Агаѳонъ,—разсказывалъ онъ женѣ:—кажись, нѣтъ несчастнаго человѣка, чтобы онъ не пожалѣлъ, не помогъ, самъ-то вотъ бѣденъ только. Ужъ истинно Богъ намъ его послалъ. Знаешь, зачѣмъ звалъ меня? А все выспрашивалъ о нашемъ горемычномъ житьѣ, о тебѣ тоже, и жалѣлъ-жалѣлъ насъ. И наконецъ того,—ужъ не знаю, какъ онъ это сдѣлаеть,—хочетъ помочь намъ лошадку купить. Велѣлъ непременно приходите къ нему по этому дѣлу. Свечеряеть, такъ думаю сходить, что уже скажетъ. Истинно, божій человѣкъ.

— Дай ему, Господи, здоровья,—вдохнула и перекрестилась Марья, обращая ослѣпшіе глаза къ иконамъ:—А ты сходи, старикъ, непременно сходи...

Выждавъ вечера, Аѳанасъ, обрядивъ себя поприличнѣе, направился въ „Ободранныя Липки“ до батюшки и не безъ трепета сердечнаго ожидалъ рѣшенія судьбы. Но все объяснилось, къ несказанной радости бѣдныхъ людей, самымъ простымъ, хотя и неожиданнымъ образомъ. Пришедшему Аѳанасу о. Агаѳонъ съ первыхъ же словъ предложилъ купить лошадь полностью на свои деньги, которыхъ у него по счастью оказывалось вполне достаточно, и уплату долга предоставилъ самую легкую,—скорѣе выходило, что давалъ деньги не въ одолженіе, а просто—дарилъ. Когда Аѳанасъ загово-

рилъ, было, что не по силамъ ему будетъ выплатиться, батюшка только и сказалъ всего:

— Ну, что объ этомъ разговаривать много. Захочешь раздѣлаться, на той же лошаdkѣ поработаешь у меня на полѣ, или за сборомъ свозишь по приходу, а я буду засчитывать, цѣной не обижу. Вотъ, дастъ Богъ, и сочтемся. Спѣшить некуда, вмѣстѣ будемъ жить. Неволить не буду. Главное, тебѣ бы справиться.—Собственно о. Агаѣону хотѣлось бы и совсѣмъ безкорыстно оказать бѣдняку эту помощь, и онъ ставилъ такія условія единственно изъ-за того, чтобы не обидѣть обычную щепетильность, свойственную честной, трудовой нуждѣ.

Черезъ недѣлю послѣ свиданія съ о. Агаѣономъ торжествующій и сіяющій подъѣзжалъ Аѣанасъ на собственной лошади, купленной на деньги батюшки, къ его дому, чтобы показать и ему и матушкѣ свою новопкупку. И радость и благодарность свѣтились въ ожившемъ взглядѣ Аѣанаса, когда онъ описывалъ достоинства тощей двадцатирублевой лошаденки предъ своими благодѣтелями, вышедшими осмотрѣть по настоянію Аѣанаса его новопкупку, а благодарностямъ и обѣщаніямъ „заслужить“ всячески оказанную помощь и конца не было.

— Господи, какъ немного нужно для счастья простого, бѣднаго человѣка!—говорилъ довольный осуществленіемъ добраго дѣла о. Агаѣонъ своей матушкѣ по отъѣздѣ Смирнова:—ничтожная, но дорогая по времени помощь и простое сердечное участіе въ постигшей бѣдѣ могутъ совсѣмъ воскресить, оживить человѣка и спасти отъ полного отчаянія!

III.

Съ покупкой лошади, видимо для всѣхъ, начало поправляться упавшее хозяйство Смирнова; въ семьѣ повѣяло бодрымъ духомъ, появилась увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Во время управился Аѣанасъ съ посѣвомъ озимоваго и успѣлъ даже поработать на сосѣдей, у которыхъ было больше земли.

Лошадка внесла въ бѣдное хозяйство, въ обездоленную семью новую жизнь. Аѳанасъ вполне цѣнилъ своевременную, безкорыстную помощь батюшки, и свѣтлое чувство благодарности создало нравственную связь между домомъ о. Агаѳона и семьей Аѳанаса. Съ своей стороны радовался и батюшка, глядя на добрыя послѣдствія своего поступка.

Аѳанасъ сталъ чаще и чаще заходить къ батюшкѣ, влекомый хорошимъ чувствомъ, и предлагалъ ему свои услуги то въ томъ, то въ другомъ дѣлѣ; заходила къ матушкѣ и Анисья, дочь Аѳанаса, чтобы помочь, изъ чувства благодарности, въ мелкихъ хозяйскихъ хлопотахъ. Такое усердіе со стороны бѣдняковъ отблагодарить чѣмъ-нибудь иногда смущало даже о. Агаѳона и Анну Ивановну, и они часто отказывались отъ предлагаемыхъ услугъ.— „Еще подумаютъ,— говорилъ въ такихъ случаяхъ о. Агаѳонъ,— что мы для того и дали имъ денегъ, чтобы закабалить на свою работу, да и не хорошо пользоваться трудомъ обязаннаго тебѣ человѣка, когда у него, можетъ быть, стоитъ изъ-за этого собственная неотложная работа. Надобно дать имъ поправить свои дѣла, пусть поотдохнуть отъ былой нужды“. Поэтому, когда на первыхъ же порахъ Аѳанасъ предложилъ батюшкѣ явиться къ нему на полевою работу, тотъ успокоилъ его ласковымъ отказомъ отъ предложенныхъ услугъ.

— Да ты не спиши, Аѳанасій, развязаться съ долгомъ и не думай про это. Какое тутъ одолженіе: у тебя не было, у меня привелось— вотъ и подѣлились, по Христову завѣту. Что тутъ разсчитываться. Самъ-то справляй свои дѣла по началу, помогай тебѣ Богъ. Послѣ уже, какъ у меня нужда будетъ, а ты будешь досужень,— тогда и самъ позову тебя. Поправляйся житыишкомъ въ добрый часъ.

Такъ складывались отношенія между о. Агаѳономъ и Аѳанасомъ: одинъ всячески старался забыть про свое одолженіе бѣдняку, другой, бѣднякъ, порывался отплатить за него, не показаться неблагодарнымъ; но искренность и сердечность батюшки побѣждала постепенно тревожное чувство въ

душѣ Аѳанаса, и оно могло бы, пожалуй, смѣниться однимъ чувствомъ любви и преданности къ доброму батюшкѣ. Но злые люди сумѣли-таки смутить душу бѣдняка и пробудить въ ней темныя, низкія мысли и чувства по отношенію къ батюшкѣ. Можетъ быть, по зависти къ сосѣду, что удалось ему такъ счастливо поправить дѣла, можетъ быть, по досадной, укоризненной мысли, что и въ крайней нуждѣ бѣднякъ остался честнымъ, не пошелъ на худыя дѣла, но сосѣди Аѳанаса, любившіе поживиться чужимъ добромъ, стали донимать его обидными, язвительными насмѣшками при всякомъ случаѣ.

— Что, Аѳанасъ, опять, видно, къ попу лошадку отработывать? — вышучивали одноподеревенцы Смирнова, — лишь только замѣчали, что онъ или дочь отправляются въ „Липки“. — Небойсь, крѣпко закабалилъ простака добрый о. Агаѳонъ, завелъ за двадцать-то рублей вѣчнаго батрака!.. Названіе „поповъ батракъ“ словно прилипло къ бѣдному Аѳанасію и страшно возмущало его. Порой хотѣлось ему прямо-таки броситься съ кулаками на злыхъ насмѣшниковъ, отплатить, какъ слѣдуетъ, за напрасную обиду и клевету на батюшку, и онъ начиналъ иногда крѣпко отругиваться, но этимъ только усиливалъ дикое, безцѣльное издѣвательство обидчиковъ.

А между тѣмъ ихъ непрекращающіяся нападки, незамѣтно для самого Аѳанаса, продолжали производить въ беззащитной душѣ разрушительную работу, помогало и время. Больше года уже прошло, какъ оказалъ ему батюшка нужную помощь, въ памяти стало сглаживаться представленіе острой нужды, отъ которой онъ его вызволилъ, и яркое, глубокое чувство благодарности блекло, слабѣло въ сердцѣ. „Ужъ и въ самомъ-то дѣлѣ, не Богъ вѣсть что сдѣлалъ для меня батюшка: велики двадцать рублей! Будетъ увиваться да кланяться, за годъ тоже кое-что заработалъ ему за долгъ“, — стали возникать скверныя думы въ головѣ Аѳанаса. А желаніе доказать, наконецъ, сосѣдямъ свою независимость

отъ „попа“ удерживало его отъ частаго посѣщенія дома своего благодѣтеля, даже нѣсколько разъ за послѣднее время Аѳанась прямо отказался явиться къ батюшкѣ по его зову, ссылаясь на недосугъ, хотя далеко не наверсталъ своей работой взятыхъ у батюшки денегъ.

Но въ домѣ отца Агаѳона совсѣмъ и не догадывались о странной переменѣ въ душѣ Смирнова. Правда, Анна Ивановна замѣчала иногда:

— Что это Аѳанась-то, твой пріятель, сталъ къ намъ рѣдко заглядывать, словно сердить на что, и Аниска никогда не зайдетъ? А вонъ, давно ли, и прямо отказался мужикъ пріѣхать на полдня помочь нашему работнику.

— Ну, матушка,—возражалъ простодушный, довѣрчивый къ людямъ о. Агаѳонъ:—зачѣмъ худое думать про человѣка: можетъ, свои дѣла были, да и не все же торчать ему у насъ. А сердиться не на что: кромѣ добра ничего ему не сдѣлали.

И попрежнему Смирновъ считался въ глазахъ батюшки и матушки самымъ преданнымъ имъ, вѣрнымъ и надежнымъ человѣкомъ. Но начавшееся съ Аѳанасомъ внутреннее превращеніе столкнуло-таки бѣдняка въ страшную пропасть. Батюшкѣ представилась какъ-то нужда отправить въ сосѣднее торговое село возъ сборнаго хлѣба на продажу, и онъ выбралъ Аѳанаса, какъ самаго надежнаго, вѣрнаго человѣка.—„Кстати заработаешь и въ уплату остального долга, если захочешь“—добавилъ о. Агаѳонъ, провожая съ нагруженнымъ возомъ Смирнова. Продавъ Аѳанась хлѣбъ на базарѣ, получилъ деньги и — тутъ какъ тутъ, — передъ нимъ сосѣдъ Никишка, продувной, вороватый мужикъ.

— Здорово, поповъ батракъ, чай, опять по его же дѣлу пріѣхалъ? Аѳанась рассказалъ, что и какъ.—Чай, и за ѣзду-то не получишь, зачтеть за долгъ твой благодѣтель. Лукаво подмигнулъ Никишка:—а я бы на твоёмъ мѣстѣ, коли такъ,

сказалъ поцу, укралн, моль, деньги и баста! былъ бы, не бойсь, съ барышемъ.

Дьявольскій совѣтъ произвелъ невѣроятное дѣйствіе. Возвратившійся съ базара Аѳанасъ валялся въ ногахъ о. Агаѳона и съ притворными слезами просилъ простить его оплошность: онъ заснулъ какъ-то на возу, и кто-то вытащилъ деньги.

Что было дѣлать о. Агаѳону? Закрадывалось въ душу подозрѣніе: ужъ не лукавить ли онъ, польстившись наживой? Но батюшка отгонялъ злую мысль другимъ соображеніемъ: не можетъ этого быть, чтобы человѣкъ за доброе дѣло отплатилъ такой неблагодарностію. Но когда молва, шедшая изъ Лумари, вѣроятно, отъ того же Никишки, больше и больше увѣряла о. Агаѳона въ притворствѣ Смирнова, и когда онъ еще замѣтнѣе старался избѣгать встрѣчи съ нимъ, батюшка съ горечью долженъ былъ еще лишній разъ убѣдиться въ испорченности природы человѣческой. Однако не хотѣлось о. Агаѳону разочаровывать другихъ и колебать въ нихъ вѣру въ человѣка. На подозрѣнія, высказываемыя матушкой на счетъ Аѳанаса, онъ говорилъ одно:—Грѣшно намъ думать о человѣкѣ худое: можетъ быть, онъ и не виноватъ.

Свящ. *Аѳанасій Веселицкій.*

Христiанское назначенiе женщины и женская эмансипацiя нашего времени ¹⁾).

Одинъ изъ вопросовъ, наиболѣе занимающихъ мыслителей нашего времени, есть вопросъ о назначенiи женщины, и одно изъ современныхъ ученiй, наиболѣе волнующихъ нашихъ интеллигентныхъ дѣвиць, есть ученiе о, такъ называемой, *эмансипацiи женщины*, объ освобожденiи ея изъ того

¹⁾ Рѣчь, читанная въ сокращенiи на годичномъ собранiи Кiевского Свято-Владимiрскаго Братства, 15 февраля 1909 года.

стѣснительнаго положенія, въ которомъ, по мнѣнію новѣйшихъ эмансипаторовъ женщины, она нынѣ находится подъ вліяніемъ не древнихъ заблужденій и предрасудковъ, а будто бы самаго ученія христіанскаго.

Едва ли кто будетъ оспаривать ту мысль, что въ рукахъ женщины находится огромное вліяніе на дѣла человечества—и добрыя и злыя. Творцу не угодно было даровать ей *власть*, которая принудительно подчиняетъ слабого сильному, но за то Онъ даровалъ ей *вліяніе*, которое незамѣтно и свободно покоряетъ и сильнаго слабому. Но великое вліяніе женщины *блаотворно* только въ томъ случаѣ, когда вся жизнь ея сообразна съ ея *назначеніемъ*. Какое же назначеніе женщины?

Слово Божіе содержитъ въ себѣ весьма много ясныхъ указаній на назначеніе женщины и обстоятельно раскрываетъ ея обязанности, или условія, при которыхъ это назначеніе достигается. На первыхъ же страницахъ самой первой книги Откровенія, вскорѣ за изреченіемъ, опредѣляющимъ общее назначеніе человѣка: „сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію“ (Быт. 1, 26),—мы встрѣчаемъ другое изреченіе, указывающее на частное *назначеніе женщины*, отличное отъ назначенія мужчины: „не добро быти человѣку единому: сотворимъ ему *помощника по нему*“ (2, 18). Это изреченіе относится не къ одной только женщинѣ замужней. Ева была не только первою женою перваго мужа,—она была первымъ человѣческимъ существомъ женскаго пола.

Щедро надѣлилъ Богъ перваго человѣка дарами Своей благодати. Однако ему чего-то недоставало. Чего? Онъ и самъ не зналъ, или только смутно предчувствовалъ; именно недоставало ему *помощника по нему*. Безъ этого помощника не полно было блаженство рая. Одаренный способностію мыслить, говорить и любить, онъ своею мыслию ищетъ другого существа мыслящаго,—его рѣчь печально звучитъ въ воздухѣ, и только мертвое эхо служить ему отвѣтомъ; его любовь не находитъ для себя предмета близкаго и равнаго ему.

Другія живыя твари міра видимаго, окружавшія Адама, стоять гораздо ниже его; Существо же высшее, даровавшее ему жизнь,—безмѣрно выше его. Тогда Всеблагій Господь, создавшій человѣка для блаженства, удовлетворяя его страстное желаніе имѣть другое *подобное* ему существо, создаетъ жену. Итакъ, жена-*подрука* мужа, дарованная ему Богомъ; она своимъ живымъ участіемъ въ его блаженствѣ, своею любовію должна сдѣлать это блаженство полнымъ,—ея призваніе—любовь.

Этому призванію соотвѣтствуетъ и то мѣсто, которое отведено женщинѣ Самимъ Богомъ. Мѣсто это не унижительно для женщины; она не *ниже* мужчины, потому что она не только помощница мужу, но помощница—*подобная ему*. Однако мѣсто это *второстепенное, зависимое*: „Ева создана послѣ Адама“ или для Адама,—говоритъ ап. Павелъ (1 Тим. 2, 13), и на этомъ основываетъ естественное главенство мужа въ домѣ. Какъ взятая отъ мужа, жена—„кость отъ костей его, плоть отъ плоти его“ (Быт. 2, 23), и столь тѣсно соединена съ нимъ, что онъ не можетъ унижить ее, не унижая самого себя.

Грѣхопаденіе извратило взаимныя отношенія мужчины и женщины. Діаволь прельстилъ жену къ преступленію и ее же потомъ употребилъ въ орудіе для совращенія мужа. Діаволь зналъ, что чрезъ жену вѣрнѣе подѣйствуетъ на мужа, такъ какъ она имѣетъ вліяніе на него. Но это нѣжное, глубокое вліяніе для того ли было дано женѣ, чтобы она вводила мужа въ соблазнъ? И вотъ за забвеніе зависимости отъ мужа Богъ унижаетъ ее положеніе, подвергаетъ ее такому *подчиненію* мужу, которое ограничивало ее человѣческія права: „и къ мужу твоему влеченіе твое, и онъ будетъ *господствовать* надъ тобою“ (Быт. 3, 16).

Съ этого времени въ семьѣ началась борьба. Въмѣсто того чтобы терпѣливо нести наказаніе за грѣхъ, мужъ старается освободиться отъ бремени *заботъ и трудовъ*, которые онъ долженъ былъ нести на себѣ, по суду небеснаго право-

судія, и всѣ эти заботы и труды сваливаетъ на жену, оставивъ за собою одно право—*господствовать*. Жена, сдѣлавшись, вслѣдствіе этого, изъ *подруги рабой*, стремится не только освободиться отъ рабства, но и подчинить себѣ мужа, и не имѣя силы на это, прибѣгаетъ къ хитрости, лукавству. Она старается возобладать надъ мужемъ, разжигая въ немъ страсти прелестями своего пола. Началась борьба *деспота съ рабой*. Разводныя письма, которыя, съ позволенія Моисея, могъ давать своей женѣ мужъ (Матѳ. 19, 7—8),—одно изъ послѣдствій этой борьбы между мужчиной и женщиной и побѣды перваго надъ послѣднею. А между тѣмъ милосердый Господь тотчасъ же послѣ грѣхопаденія указалъ средство для восстановленія постояннаго равновѣсія между обоими полами. Отъ Дѣвы долженъ родиться обѣтованный Еммануилъ (Ис. 7, 14), имѣющій разрушить дѣло діавола (1 Иоанн. 3, 8). Сѣмя жены должно „стереть главу змія“ (Быт. 3, 15).

И вотъ предназначенный часъ пришелъ. Пресвятая Дѣва Марія, по силѣ любви и смиренія, воспріяла въ себя Бога и воплотила Его. Жена съ избыткомъ возвратила мужу то, чего онъ лишился черезъ нее, и тѣмъ освободила себя отъ рабства. Но искупленіи чловѣковъ всякое бремя осужденія снято какъ съ мужа, такъ и съ жены, и чловѣческое достоинство ихъ со всѣми духовно-правственными правами восстановлены одинаково. Христіанство возвысило женщину до равенства съ мужчиной, смотря на нее какъ на твореніе, созданное по образу Божію, призывая ее къ блаженству вѣчной жизни и дѣлая ее участницей того же самого Слова Божія, того же крещенія, того же причащенія, какъ и мужчину: „нѣсть мужскій полъ, ни женскій“: „ вси бо вы едино есте о Христѣ Исусѣ“ (Гал. 3, 28 ср. 22).

Но, соединяя въ этомъ отношеніи равенства мужчину и женщину въ самое тѣсное и любящее общеніе, христіанство не измѣняетъ и того взаимнаго между ними отношенія главенства и соподчиненія, какое при самомъ созданіи чело-

вѣка установлено Богомъ для настоящей жизни. Это изначальное отношеніе, въ какое Самъ Творецъ поставилъ супруговъ другъ къ другу, освящаемое въ христіанствѣ высокимъ сопоставленіемъ мужа со Христомъ и жены съ Церковью (Ефес. 5, 23), составляетъ необходимое условіе порядка въ семействѣ; на немъ основывается распредѣленіе занятій и служеній, сообразно съ свойствами, силами и способностями каждаго пола.

Вотъ почему сама Дѣва Марія, послужившая тайнѣ искупленія и освободившая, вслѣдствіе этого, женщину отъ рабства не возстановленіемъ противъ мужа, а смиреніемъ и любовью, и послѣ этого Своего великаго дѣла, все таки осталась въ скромномъ положеніи семейной жизни. Честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ, Она, такъ сказать, скрывается за Сыномъ Своимъ во время земной Его жизни; не видно ея и впереди учениковъ Христовыхъ, хотя Она и пользовалась ихъ глубокимъ уваженіемъ.

На скромное, положеніе указываютъ и тѣ отношенія, въ какія христіанскій бракъ ставитъ жену къ мужу. Жена призвана любить своего мужа, какъ Церковь любитъ Христа (въ любви нѣтъ другой связи между Христомъ и Церковію), и по силѣ этой любви *повиноваться* мужу, какъ Церковь Христу (Ефес. 5, 22—24),—потому что царство благодати есть царство любви, свободной и разумной покорности, а не рабскаго страха и порабощенія. Сама природа внушаетъ женѣ тоже призваніе, а представляемый Писаніемъ образъ, по которому оно должно выполняться, такъ высокъ и святъ, что отстраняетъ всякую мысль о какомъ-нибудь униженіи жены въ выполненіи ея призванія. Ничто не можетъ быть болѣе возвышеннаго, какъ власть Христа надъ Церковью, а жена повинуется мужу, какъ Церковь Христу. Подъ защитою и охраненіемъ своего главы-мужа она можетъ свободно выполнять свое призваніе. Что лежитъ на обязанности мужа, то было бы для нея непосильнымъ или, по крайней мѣрѣ, изнурительнымъ бременемъ. На долю ея приходятся труды, не

менѣе необходимыя для благоустройства жизни, но такіе, которые не обременяютъ ее и не выводятъ ее изъ круга своеобразной съ ея природой дѣятельности.

Премудрый Соломонъ, по свойству языка своего времени, описываетъ истинную женщину, какъ помощницу мужчины, образно или сравнительно, уподобляя ее солнцу: „Что восходящее солнце въ небесахъ Господнихъ, говоритъ онъ, то красота доброй жены въ маломъ мірѣ ея дома“ (Сир. 26, 20—21). Премудрый раздѣляетъ всю область человѣческой дѣятельности на два міра—малый и великій. Міръ великій—это кругъ дѣятельности общественной; міръ малый, очевидно, есть домъ частныхъ людей, семейство. Чтобы люди наполняли міръ, для этого нужно, чтобы они рождались. Еще въ отдаленной древности, по простому наблюденію и здравому смыслу, всѣ были убѣждены; что люди не могутъ рождаться на площадяхъ или улицахъ; что для этого человѣку, какъ птицѣ или звѣрю, нужно гнѣздо или логовище, т. е. безопасный шатеръ или домъ; что домъ есть разсадникъ не только людей, но и всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя люди съ собою изъ него выносятъ въ міръ великій; что слѣдовательно въ этомъ маломъ мірѣ должны быть свои законы, свой порядокъ, и за всѣмъ этимъ долженъ быть постоянный, неотлучный наблюдатель. Этимъ наблюдателемъ всегда была признаваема женщина, и не нужно обширнаго знанія наукъ естественныхъ для того, чтобы понять, что самое строеніе женскаго тѣла, особенныя качества женскаго ума, свойства женскаго сердца, природныя инстинкты женщины—все указываетъ на эту главную цѣль ея дѣятельности въ земной жизни. Цѣль этой дѣятельности—высокая, и самая дѣятельность въ своемъ родѣ сложна и многостороння. Она занимаетъ женщину до такой степени и такъ наполняетъ и ея время и ея сердце, что вызовъ на всякую другую сложную дѣятельность не можетъ не сопровождаться ущербомъ для ея прямого дѣла. Безъ сомнѣнія, она не можетъ чуждаться интересовъ общественныхъ; по мѣрѣ ея развитія, ей свойственно

сочувствовать всякому великому общественному дѣлу. Для нея не закрыто и поприще общественной дѣятельности, на которое она можетъ выходить, по мѣрѣ силъ и свободы отъ главныхъ своихъ обязанностей; но она не должна порываться на него съ самонадѣяностію и съ забвеніемъ коренныхъ свойствъ своей природы, а должна выходить, какъ и выходила, по особому призванію Промысла Божія; и тогда она являлась руководительницею военачальниковъ, мудрою царицею и законодательницею, покровительницею самой Церевы. Но все это не ниспровергаетъ основного положенія, что ея собственный міръ, ея природное царство есть семейство. Поэтому всякая ея общественная дѣятельность тѣмъ будетъ плодотворнѣе, чѣмъ будетъ ближе къ ея главному назначенію.

Раскрывъ назначеніе женщины, мы укажемъ теперь, какимъ образомъ это назначеніе можетъ быть выполнено женщиною въ различныхъ положеніяхъ семейной ея жизни, т. е. какъ женщина, будучи супругою, матерью, дѣвцею, вдовою, можетъ быть для мужчины помощникомъ, *подобнымъ ему*.

Остановимся прежде всего на положеніи женщины, для котораго она создана („не добро быти человѣку единому“), въ которомъ, слѣдовательно, она легче можетъ выполнить свое назначеніе—быть для мужчины „помощницей по нему“. Положеніе жены—положеніе существа любящаго и преданнаго. Такое положеніе назчено ей Самимъ Богомъ (Еф. 5, 22—24, 33; 1 Петр. 3, 1—6). Поэтому средоточіемъ всѣхъ стремленій жизни жены является ея мужъ. Свое имя она перемѣнила на его имя и вмѣстѣ съ тѣмъ его славу признала своею славою. Но въ то же время это пользованіе славою другого не освобождаетъ ея отъ дѣятельности. Она сама должна служить *славою*, вѣнцемъ мужа своего (Прит. 12, 4). Въ чѣмъ же состоитъ ея дѣятельность? Своимъ благоразуміемъ, своею нѣжностію, распорядительностію по хозяйству она должна сдѣлать свой домъ святилищемъ порядка, мира, счастья, гдѣ бы мужъ, послѣ своихъ занятій внѣ дома, находилъ

для себя покой и развлеченіе (1 Тим. 2, 4, 5; 5, 14), гдѣ бы онъ находилъ столько добра, чтобы ему и на мысль не приходило искать въ другомъ мѣстѣ успокоенія отъ трудовъ, гдѣ бы онъ находилъ добрый совѣтъ, который слѣдовалъ бы за нимъ и въ общественной жизни и незамѣтно для него самаго умѣрлялъ его страсти и увлеченія, направляя его на все доброе и святое. Во всѣ времена и всѣ народы были убѣждены, что сердце любящей жены имѣетъ притягательную силу, влекущую къ ней мужа. Въ ея маломъ мірѣ, прибранномъ и благоустроенномъ, мужъ отдыхаетъ, восстанавливаетъ утомленныя силы души. Здѣсь въ тишинѣ уединенія, незамѣтно для свѣта, дѣятели большого міра получаютъ такія впечатлѣнія, которыя обнаруживаютъ рѣшительное вліяніе иногда и на громкія общественныя дѣла. Здѣсь властитель, оскорбленный въ своихъ правахъ и раздраженный сопротивленіемъ его волѣ и дышащій гнѣвомъ и мщеніемъ,—утихаетъ и, примиряясь съ людскими слабостями, возвращается къ людямъ съ пощадою. Здѣсь честный труженникъ, изнемогающій въ борьбѣ съ разнаго рода неудачами, находитъ ободреніе и подкрѣпленіе въ любви доброй жены и выходитъ на трудъ съ новыми силами. Нѣтъ такой горькой доли, съ которою не примирила бы мужа любящая жена.

Мало того, доставляя мужу утѣшеніе въ жизни настоящей, жена должна помогать ему и въ достиженіи жизни будущей—вѣчной, и въ такомъ только случаѣ она будетъ истинной его помощницей. „Невѣрующій мужъ, — говоритъ ап. Павелъ, освящается женою вѣрующею“. „Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа“ (1 Кор. 7, 14, 16). Но какъ она можетъ выполнить это свое назначеніе? Ея положеніе помогаетъ ей въ этомъ случаѣ, и она *молча* можетъ произвести спасительный переворотъ въ душѣ своего мужа. Положимъ, мужъ ея мало расположенъ къ вѣрѣ, холоденъ къ ея требованіямъ, мало свѣдуецъ въ ея ученіи и мало думаетъ о христіанской жизни,—и вотъ подлѣ себя видитъ онъ человѣка, живущаго по вѣрѣ; онъ знаетъ этого человѣ-

ка, увѣренъ въ искренности его религіознаго чувства и неволью, незамѣтно для себя самого, увлекается живымъ примѣромъ истиннаго благочестія, находящимся предъ его глазами. Такъ добрая жена служить вѣчному спасенію своего мужа. Она не проповѣдуетъ о Спасителѣ, а воплощаетъ Его въ своей жизни; не учитъ своего мужа истинамъ Евангелія, но своими дѣлами, порядкомъ всей своей жизни ввѣдряетъ въ него эти истины. Не объясняя истины, она заставляетъ мужа почувствовать ее. Христіанская жена не можетъ не скорбѣть, если видитъ, что мужъ ея увлекается соблазнами и религіознымъ сомнѣніемъ; но она не должна приступать къ нему съ своими вразумленіями и наставленіями. Подобныя мѣры къ обращенію его не могутъ имѣть силы, потому именно, что онѣ, какъ противорѣчащія богоустановленному порядку супружескихъ отношеній, не свойственны женѣ. Скорѣе можно ожидать вреда, чѣмъ пользы, отъ настойчиваго преслѣдованія женою своей цѣли—внушать мужу своими убѣжденіями и увѣщаваніями вѣру и благочестіе. Ея настойчивость можетъ раздражать мужа, а безуспѣшность дѣла порождаетъ въ ней самой тайное неудовольствіе и неуваженіе къ мужу, слѣдствіемъ чего должно быть, по меньшей мѣрѣ, взаимное охлажденіе между супругами. Такое правило для нравственнаго вліянія жены на мужа не измышлено нами. Ап. Петръ ясно предписываетъ его, и выполненіе его ставить въ тѣсную связь съ зависимоію жены отъ мужа: „жены повинуйтесь своимъ мужьямъ“, заповѣдуетъ онъ; но для чего? „дабы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, *житіемъ женъ* своихъ безъ слова приобрѣтаемы были, когда увидятъ ваше чистое богобоязненное *житіе* (1 Петр. 3, 1—2). Вотъ гдѣ величіе жены при видной ея подчиненности! Чистая жизнь любящей, терпѣливой и надѣющейся жены,—вотъ что способно сильно дѣйствовать даже на грубое сердце и мало-чувствительную совѣсть мужа! Дѣйствіе это тихо, медленно и потому можетъ быть едва замѣтно; но рано или поздно оно производитъ въ томъ, на

кого простирается, спасительную перемѣну, которой нельзя бы достигнуть никакими доводами.

Христіанская жена, дѣлаясь *матерью*, самымъ естественнымъ чувствомъ побуждается къ самоотверженію, требуемому назначеніемъ женщины. „Не добро быти дитяти одному“, и Богъ даровалъ ему помощницу по нему. Дороги сердцу ея заботы о физическомъ его воспитаніи; съ ревностію, самопожертвованіемъ она питаетъ его собственною своею жизнію и тѣмъ продолжаетъ свое великое право сообщать ему жизнь; исключая самой крайней необходимости, она не рѣшается лишить своего ребенка той тѣлесной пищи, которою природа снабдила ее чрезъ этого малютку и именно для этого малютки, она и сама не лишитъ себя счастья быть безраздѣльно его матерью. Отъ этого естественнаго призванія женщины и первая мать въ мірѣ, наша общая прародительница, получила имя превосходнѣйшее изъ всѣхъ человѣческихъ наименованій. Она была названа „жизнію“ (Евою), ибо она есть мать всѣхъ живущихъ“ (Быт. 3, 20). Итакъ, „жизнь“, „мать“, — вотъ истинно „вѣрныя“ наименованія женщины.

Но материнство, съ возвышенной христіанской точки зрѣнія, не есть въ женщинѣ одно только физическое материнство. Оно по преимуществу характеризуется высокими нравственными чертами. Одно физическое воспитаніе дѣтей, хотя и оно требуетъ отъ матери много заботливости и самоотверженія, далеко не составляетъ еще выполненія материнскаго долга. Не та женщина мать, которая только рождаетъ дѣтей, но та, которая даетъ имъ доброе нравственное воспитаніе. Поэтому заботы матери о нравственномъ воспитаніи ребенка, права на которыя никто не можетъ отнять у нея, еще болѣе дороги ей, чѣмъ заботы о физическомъ воспитаніи дитяти. Та невыразимая радость, съ какою мать беретъ въ руки новорожденнаго, не похожа ли на радость Евы, назвавшей своего первенца „пріобрѣтеніемъ“ (Каиномъ), — такъ какъ она „пріобрѣла челоуѣка отъ Іеговы“ (Быт. 4, 1)?

Или не есть ли это та радость, которая выражена въ словахъ Спасителя: „женщина, когда раждаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родить младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ“ (Іоанн. 16, 21). Быть истинною, вѣрною своему призванію, матерью—это служеніе, а первое условіе вѣрнаго служенія есть безкорыстіе. „Что будетъ отъ рожденья сего“ (Лук. 1, 66)? спрашиваетъ она, склонившись надъ колыбелью своего младенца? Отвѣтъ на это много зависитъ отъ воспитанія, а воспитаніе—отъ матери.

Отъ начала воспитанія зависитъ многое: въ направленіи, данномъ ребенку въ первые годы его жизни, скрывается зародышъ будущей его дѣятельности. Но первые годы дитяти въ рукахъ матери. И дѣйствительно, въ эти годы, кто можетъ для ребенка замѣнить мать?—Отецъ? Но отецъ въ эту раннюю пору жизни ребенка не можетъ еще входить такъ близко въ воспитаніе его, какъ она, потому что у отца не достанетъ ни способностей, ни времени, ни терпѣнія, которыхъ такъ много у матери. По естественнымъ особенностямъ своей женской природы она ближе всѣхъ стоитъ къ дитяти. Никто вѣрнѣе ея не опредѣлитъ нужды ребенка, силы и слабости его характера,—того, что можно сдѣлать изъ его темперамента. Никто лучше матери не опредѣлитъ мѣры строгости и ласки; никто не владѣетъ больше искусствомъ возбуждать любознательность дитяти, привлекать его вниманіе и проч. Никто больше матери не имѣетъ вліянія на это молодое существо. Не требуйте отъ нея систематическихъ дѣйствій,—она дѣйствуетъ скорѣе по вдохновенію, чѣмъ по расчету. Можетъ показаться, что она дѣйствуетъ наугадъ; предоставьте ей это дѣло: чувство матери скорѣе приведетъ къ цѣли, чѣмъ всѣ соображенія отца. Доброе и нѣжное сердце матери составляетъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія дѣтей такую же зиждительную силу, какъ для природы свѣтъ и тепло лучей солнечныхъ. Не наука, не книга разсѣиваютъ въ дѣтской душѣ первыя сѣмена истины и добра, а живые

люди, и именно матери. Кто дастъ дѣтямъ первое понятіе о Богѣ, Отцѣ и Промыслителѣ человѣковъ, лучше матери, которая всего ожидаетъ отъ Господа, на все призываетъ благословеніе Божіе, при всѣхъ радостяхъ возводитъ благодарственные взоры къ небу, во всѣхъ скорбяхъ колѣнопреклоненная, предъ Богомъ изливаетъ печаль свою? Одинъ образъ благоговѣнно молящейся матери, есть для дитяти живое изображеніе самой молитвы, возбуждающее молитвенныя расположенія въ его еердцѣ прежде всякаго наставленія. Отвращеніе отъ грѣха и порока и страхъ отвѣтственности предъ Богомъ, написанныя на лицѣ матери, раньше уроковъ книжныхъ раскрываютъ дѣтскую совѣсть; взгляды матери исполненный состраданіи, слезы участія, исторгасмыя изъ ея очей чужою скорбію, проникаютъ жалостію и соболѣзнованіемъ сердце дитяти, еще не имѣющаго понятія о томъ, что такое горе! Дѣти возрастающія первые уроки въ жизненной борьбѣ получаютъ въ примѣрѣ матери, неутомимой въ трудѣ, терпѣливой въ лишеніяхъ и семейныхъ невзгодахъ, и первые опыты великодушія—въ ея постоянномъ стремленіи трудъ и скорбь перенести на себѣ, а дѣтямъ доставить удобства и удовольствія.

Утвержденіе, что большинство знаменитыхъ людей воспитывались подъ руководствомъ матери, особенно справедливо по отношенію къ людямъ благочестивымъ. Исторія библейская, исторія церковная, исторія современная—всѣ единогласно подтверждаютъ это. Какая цѣль этого краткаго предисловія къ жизни Самуила, если не та, чтобы объяснить, какъ, благодаря обѣтамъ и молитвамъ своей матери Анны, онъ сталъ святымъ человѣкомъ Божиимъ, мужемъ молитвы, великимъ устроителемъ царства и самой Церкви? Вѣроятно съ той же цѣлію Свящ. Писаніе дѣлаетъ подобныя замѣчанія, когда говоритъ о Моисеѣ, Давидѣ и др. (Исх. 9, 1—10; Пс. 85, 16). Не для того ли и ап. Павелъ пишетъ своему ученику Тимоѣею: „желаю видѣть тебя, чтобы порадоваться, приводя на память нелицемѣрную вѣру твою, которая пре-

жде обитала въ бабкѣ твоей Лоилѣ и матери твоей Евникѣ; увѣренъ, что она и въ тебѣ“ (2 Тим. 1, 5—6). Обратимся къ исторіи Церкви. Всякій, произнося имя бл. Августина, послѣ долгаго блужданія и безпорядочной жизни, обратившагося и плодотворно послужившаго потомъ Церкви, не видитъ ли въ этомъ обращеніи, послѣ руки Божіей, руку нѣжной, смиренной терпѣливой его матери Моники, дни и ночи молившей Господа обратить къ добру ея сына, котораго оплакивала, какъ умершаго. Св. Василій Великій, Св. Григорій Богословъ, св. Іоаннъ Златоустъ и многіе другіе—каждый изъ нихъ имѣлъ свою Монику, только мы забываемъ объ этихъ св. женахъ, дѣти коихъ, можно сказать, съ молокомъ матернимъ усвоили себѣ уроки христіанской вѣры и жизни,—какъ часто, наслаждаясь плодами, забываемъ сѣятеля. Св. Макрина, сестра Василія Великаго, вспоминая о своемъ дѣтствѣ, говорила, что мать ея Еммелія часто сажала ее на свои колѣни и заставляла слабымъ и лепечущимъ языкомъ произносить сладчайшее имя Господа. „Ты рожденъ у меня по моимъ молитвамъ; о томъ и теперь молю, чтобы ты былъ совершенъ“,—говорила нерѣдко своему сыну Нонна, мать Григорія Богослова. Въ трогательныхъ словахъ благодарной любви онъ неоднократно вспоминаетъ, что болѣе всѣхъ земныхъ наставниковъ имѣла на него вліяніе доблестная мать его. Предъ такими великими женщинами-христіанками не могли не преклониться язычники. „Ахъ, какія у этихъ христіанъ женщины!“—восторженно отозвался о матери Іоанна Златоуста (Анфусѣ) знаменитый языческій ораторъ Ливаній. Но зачѣмъ обращаться намъ къ такимъ отдаленнымъ временамъ. Посмотрите внимательно вокругъ себя—и вы увидите, что большая часть служителей Христовыхъ первымъ свѣтомъ благочестія обязаны своимъ матерямъ. „Не могу не вспомнить дражайшую мать мою,—пишетъ одинъ епископъ и извѣстный ученый богословъ,—которая съ дѣтства приготовила меня къ служенію Церкви. Когда мнѣ исполнилось восемь лѣтъ отъ роду и надлежало учиться грамотѣ, тогда она, любя меня,

какъ единственнаго сыночка, напередъ сама выучилась читать и писать, а потомъ выучила и меня. И я на колѣняхъ ея, у персей ея, подлѣ очага ея, выучилъ церковную азбуку, часословъ, псалтирь и письмо въ одинъ Великій постъ—такъ скоро, потому что учителемъ была материнская любовь. Выучивъ меня, благословенная мать моя, бывъ озабочена домашними дѣлами, забыла грамоту, но долго, пока я жилъ въ родительскомъ домѣ, заставляла меня читать по вечерамъ Страстной недѣли всѣ четыре Евангелія. Тогда убогая наша хижина принимала видъ домашней церкви: на полкахъ ея разставлялись всѣ старинные образа, и подъ этими образами за столомъ садились слушать евангельскія чтенія моя мать, мои двѣ родныя сестры, Любовь и Серафима, и двѣ родныя тетки Ольга и Анна“ (Сочиненія прот. П. Смирнова. Вып. I-й; Спб. 1896 г., стр. 270).

Прот. *Н. Стеллецкій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Резолюція Псковскаго Архіепископа Арсенія.

Достойна вниманія слѣдующая резолюція Псковскаго Архіепископа Арсенія: „Вопросъ о внутренней, приходской миссіи—весьма существенный и настоятельный. Въ виду грозящей опасности со стороны невѣрія, иновѣрія и инославія, необходимо привести въ наличность свои силы и выработать лучшія средства для борьбы и защиты. До сихъ поръ больше обращалось вниманія на организацію, средства и силы особыхъ специалистовъ, на которыхъ возлагались и возлагаются доселѣ всѣ надежды, но которые, надо сознаться, не совсѣмъ оправдали эти надежды. И это объясняется не ихъ малодѣятельностью или неспособностью къ возложенной на нихъ дѣятельности. Напротивъ, очень многіе изъ нихъ—блестящіе ораторы, знатоки своего дѣла и очень энергичные и дѣятель-

ные борцы за вѣру. Однако, почти всѣ они люди, такъ сказать, посторонніе къ тому народу, среди котораго вращаются и который должны ограждать и защищать. Они не могутъ подойти къ самому сердцу народа, не могутъ сблизиться съ нимъ, чтобы ближе разсмотрѣть его духовные недуги, чтобы проникнуть въ его внутренней міръ. Да и народъ смотритъ на нихъ, какъ на людей постороннихъ и чуждыхъ себѣ, не имѣетъ къ нимъ должнаго довѣрія, потому холоденъ и равнодушенъ къ ихъ бесѣдамъ и увѣщаніямъ. Поэтому, какъ бы миссіонеры-спеціалисты ни усиливали своей дѣятельности и какъ бы часто ни разъѣзжали, все-таки плодовъ будетъ мало. Совершенно иное положеніе миссіонера, не спеціалиста, но миссіонера по призванію, каковымъ и долженъ быть всякій пастырь. Всѣ условія, благопріятныя для миссіи, у него на лицо. Онъ очень близокъ къ своимъ прихожанамъ, знакомъ не только съ внѣшнею стороною ихъ жизни, но знаетъ и внутреннее содержаніе ея, ибо ему есть возможность присмотрѣться ко всему, и ему же, какъ пастырю духовному, открываются самыя сокровенныя помышленія и движенія сердца ихъ. Прихожане чувствуютъ къ нему близость, духовное родство и вполне довѣряютъ ему. Вотъ почва самая благопріятная для миссіонера. И если бы сознаніемъ своего миссіонерскаго долга было проникнуто все духовенство и, облекшись во всеоружіе Божіе, стало бы на стражѣ своей паствы, немолчнымъ учительствомъ просвѣщало въ вѣрѣ и послушаніи Церкви Христовой, отражало бы всякія лжеученія, тогда и вовсе не было бы нужды въ отдѣльныхъ миссіонерахъ. Къ утѣшенію долженъ сказать, что многіе пастыри въ тиши, незамѣтно для посторонняго глаза, пользуясь указанными выше благопріятными условіями, успѣшно ведутъ дѣло приходской миссіи. Но и съ грустью долженъ сказать противное, что многіе нерадятъ объ этомъ своемъ долгѣ... Монастыри будутъ привлечены къ болѣе дѣятельному участию въ просвѣтительныхъ нуждахъ епархіи путемъ матеріальныхъ пожертвованій, которыя пойдутъ на покупку листовъ и брошюръ для раздачи народу. Тоже въ возможно широкой степени должны дѣлать и церкви... (Изъ Тульск. епарх. вѣдом.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 23-го ноября 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 49.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года декабря 6-го дня.

Содержаніе: I. Неосновательныя опасенія. Свящ. В. Пестряковъ.— II. Что говорить о проповѣдническомъ словѣ. (Продолженіе)? Н. Пальмовъ.— III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.

Неосновательныя опасенія.

Нашествіе на Русь православную инославія, развитіе сектантства, невѣрія и религіознаго индиферентизма съ настойчивостію указываютъ на два могущественныя средства въ борьбѣ съ этими печальными явленіями—на объединеніе добрыхъ приходскихъ силъ въ формѣ братствъ, попечительствъ, кружковъ ревнителѣй православія и на расширеніе религіознаго просвѣщенія въ народѣ, въ частности—на привлеченіе народа къ участию въ богослуженіи и въ миссіонерскомъ дѣлѣ. Къ прискорбію, мало что успѣли мы сдѣлать въ этомъ отношеніи, но за то тревожныхъ опасеній высказывалось и высказывается не мало.

Возрожденіе приходской жизни въ видѣ приходскихъ совѣтовъ, братствъ и попечительствъ встрѣчаетъ одно заста-

рѣлое и довольно заѣзженное опасеніе, именно, что организованные и объединенные приходскіе дѣятели первое, чѣмъ займутся—это церковнымъ денежнымъ ящикомъ, заберутъ его въ свои руки, и тогда не дожидаться и отъ приходскаго кошелька на общерусскія и епархіальныя учрежденія, особенно на духовно-учебныя заведенія. Опасеніе это имѣло для себя и реальныя основанія въ тѣхъ печальныхъ случаяхъ, когда въ нѣкоторыхъ приходсахъ, болѣе другихъ взвинченныхъ событіями послѣднихъ лѣтъ, прихожане устранили отъ церковнаго ящика причтъ и старосту и сами становились его распорядителями. Однако, опасеніе это, на нашъ взглядъ, не такъ серіозно, какъ кажется, и противъ возрожденія приходской дѣятельности, — заведенія братствъ и попечительствъ, — оно нисколько не говоритъ. Оттого, что въ данномъ учрежденіи могутъ быть злоупотребленія, что оно можетъ по мѣстамъ забираться въ несвойственную ему область, не подлежащую его компетенціи, вовсе не слѣдуетъ полагать, что учрежденіе опасно, и что печальныя явленія будутъ въ немъ постоянными и повсемѣстными. Краткій періодъ безначалія и попранія законовъ, пережитый Россіей въ революціонное время, прошелъ, страсти улеглись, и это тяжелое время навѣрное, не скоро повторится, если только вообще, не дай Богъ, повторится; печальные же случаи, о которыхъ мы говорили выше, именно въ это безпорядочное время всего чаще имѣли мѣсто. Приходскія учрежденія, взносы и сборы съ церкви имѣютъ для себя основаніе въ церковномъ законѣ; законодателемъ является высшая церковная власть, которая всегда въ правѣ и въ силѣ будетъ уладить могущія возникнуть разногласія, изгладить тренія, каждому указать свое мѣсто и свое дѣло. Такія тренія и разногласія, если и возможны, то только на первыхъ порахъ въ періодъ устроенія приходской жизни.

Святое и высокое дѣло оживленія приходской жизни нельзя ставить въ зависимость отъ кошелька. Отъ такта и умѣнья священника зависитъ разъяснить и растолковать зна-

ченіе церковной собственности, цѣль и назначеніе тѣхъ сборовъ, какіе совершаются на общепархіальныя и обще-русскія церковныя нужды.

Привлеченіе прихожанъ къ участию въ богослуженіи, къ изученію церковнаго устава, къ миссіонерскому дѣлу, вообще расширеніе религіознаго просвѣщенія порождаетъ слѣдующія опасенія. Непосредственное участіе простецовъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ, въ чтеніяхъ, бесѣдахъ, даже въ церковной проповѣди (на первыхъ порахъ хоть бы чтеніе по книгѣ) будетъ-де приводить къ тому выводу, что церковное учительство не есть спеціальныи даръ священства. Для проповѣдническаго дѣла народъ можетъ со временемъ дать такихъ самородковъ и такіе таланты, которые заслонятъ собою самихъ пастырей, особенно слабыхъ и посредственныхъ въ учительномъ дѣлѣ, а это можетъ укрѣплять въ народѣ чисто сектантскій взглядъ на церковное учительство, какъ доступное не только лицамъ облагодатствованнымъ въ таинствахъ священства, но и всякому мірянину простецу. Намъ думается, что опасеніе это не такъ опасно, какъ кажется съ перваго раза. Хотя и мало, но все же народъ нашъ знакомъ съ церковнымъ учительствомъ мірскихъ людей: часто въ приходѣ есть семинаристъ, сынъ одного изъ членовъ причта, выступающій лѣтомъ въ качествѣ проповѣдника; только самыя неспособныя и лѣнныя изъ семинаристовъ не пользуются на вакаціяхъ открытой для нихъ приходской церковной каѳедрой. Для будущаго пастыря это весьма полезная практика, для деревенскихъ жителей—большое утѣшеніе видѣть, какъ выкормленный ихъ хлѣбомъ Ваня вырастаетъ до пастырства.

Видитъ народъ иногда и свѣтскихъ миссіонеровъ. Если бы въ народѣ оказались лица, способныя къ проповѣдничеству, то такихъ возможно было бы допускать къ нему не иначе, какъ съ согласія приходскаго священника, по его рекомендаціи и письменному отзыву, и затѣмъ, что самое главное, съ благословенія епископа. Для такихъ лицъ слѣдовало

бы возстановить чинъ древнихъ хиротесій, такъ какъ для выступленія на церковной каедрѣ необходимо облаченіе въ стихарь.

Миссіонеры и проповѣдники изъ народа не только не опасны для православія, но во многихъ отношеніяхъ оказали бы неоцѣнимыя услуги дѣлу православія. Они облегчили бы трудъ священника, усложняющійся все больше и больше: они вносили бы оживленіе въ дѣятельность пастырей неучительныхъ и инертныхъ; наконецъ, они могли бы дѣйствовать тамъ, гдѣ не всегда возможно работать священнику: послѣдняго на сектантское собраніе всего чаще и совсѣмъ, не пустятъ, или же, если пустятъ, то не позволяютъ что-либо возражать противъ сектантскихъ заблужденій; мірянину все это доступнѣе, да ему и скорѣе повѣрятъ въ средѣ, затронутой сектантскимъ вліяніемъ.

Второе опасеніе, вызываемое предполагаемыми начетчиками изъ народа, состоитъ въ томъ, что такіе начетчики заявятъ претензіи на причисленіе ихъ клирикамъ въ качествѣ псаломщиковъ и діаконовъ, а, быть можетъ, и священниковъ, — словомъ, пожелаютъ питаться отъ алтаря. Что тутъ особенно опаснаго? Трудно что-нибудь принципиально возразить противъ такого исканія церковныхъ должностей и степеней: вѣдь „аще кто епископства хочетъ, добра дѣла желаетъ“. Что можетъ быть плохого въ желаніи служить алтарю и отъ алтаря питаться? Чѣмъ болѣе силъ будетъ стремиться на служеніе дѣлу Церкви, тѣмъ лучше: исканіями церковныхъ должностей лицами, не получившими образовательнаго ценза, власть епископа не умалится и не уничтожится; ей всегда будетъ принадлежать право изъ кандидатовъ на церковныя должности выбирать лицъ достойнѣшихъ. Мысль о привлеченіи силъ изъ народа на служеніе Церкви въ нѣкоторыхъ епархіяхъ раздается довольно громко (Симбирскія еп. Извѣстія). Благочестивые чтецы, иѣвцы и псаломщики изъ народа часто не только не уступаютъ, но даже и превосходятъ и опытомъ и настроеніемъ псаломщиковъ, образовательный

цензъ которыхъ иногда не превосходить низшихъ классовъ духовныхъ училищъ, занимающихъ иногда мѣста возлѣ алтаря лишь потому, что больше некуда дѣваться. Пустуюція въ нѣкоторыхъ епархіяхъ по мѣсяцамъ мѣста клириковъ требуютъ изысканія людей, которыми ихъ можно было бы замѣстить, и такими людьми, добрыми, хорошо настроенными,— что самое главное,—не оскудѣлъ еще русскій народъ.

Самый энергичный религіозно-просвѣтительный трудъ— вотъ чего требуетъ отъ духовенства переживаемое нами время, и излишни въ этомъ святомъ дѣлѣ всякія опасенія: что мы насадимъ и вспоимъ своимъ трудовымъ потомъ, то Господь Своею любовію и милосердіемъ возраститъ на благо Церкви.

Священникъ *В. Пестряковъ*.

Что говорят о проповѣдническомъ словѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

II.

Епископъ Теофанъ-затворникъ по поводу церковнаго проповѣдничества однажды высказалъ слѣдующія, достойныя серіознаго вниманія, слова: „Наше паство много молчитъ, чрезъ мѣру молчитъ. Но нельзя сказать, чтобы это происходило оттого, что нѣтъ вѣры въ сердца. Такъ,—одно недоразумѣніе, дурной обычай. Все же, однако, это не оправдываетъ его“ ²⁾.

Дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, наши пастыри молчатъ по недоразумѣнію. Они не могутъ отрѣшиться отъ того школьнаго взгляда на проповѣдь, что она есть хитро-сплетенное словесное произведеніе, построенное по всѣмъ правиламъ риторики, съ дѣленіями и подраздѣленіями, сло-

¹⁾ См. № 48-й за 1909-й г.

²⁾ „Мысли на каждый день года“. М. 1890, с. 138.

вомъ,—такое произведеніе, въ которомъ есть и строгая со-размѣрность частей, и правильное построеніе предложеній, и внѣшнія красоты рѣчи, но нѣтъ главнаго и существеннаго—живой души. „Нѣтъ здѣсь жизненнаго интереса, говоритъ авторъ статьи: „Пастырь-проповѣдникъ“ въ Извѣстіяхъ по Казанск. Епархіи ¹⁾),—того, чѣмъ живутъ настоящіе люди: волящія, страдающія, чувствующія, желающія; нѣтъ, выражаясь по современному, „злобы дня“, насущнаго хлѣба“. Разумѣется, такая проповѣдь, которую апостоль назвалъ „біеніемъ воздуха и чесаніемъ уха“, не можетъ быть ни интересной для самого проповѣдника, ни полезной для слушателей. Она и не подь-силу большинству не только сельскихъ, но и городскихъ священниковъ. Не рѣшаясь выступить на церковной кафедрѣ съ словомъ своимъ собственнымъ—простымъ, наши пастыри или молчатъ совершенно, или читаютъ чужія проповѣдки, тяготясь этимъ сами и прекрасно понимая, что пользы отъ этого для слушателей будетъ мало. Такихъ священниковъ 99%. Избранное же меньшинство (1%) пастырей-проповѣдниковъ является на церковной кафедрѣ съ собственной проповѣдью, вымученною, шаблонною, безцвѣтною и безжизненною. Одну скуку вызываетъ въ слушателяхъ такого рода проповѣдь, обычно обладающая большою ученостью и блестящая изысканностью языка. Для слушателей она и невразумительна, и неудобопріемлема. Отъ нея вѣетъ холодомъ могилы ²⁾. Есть, конечно,—оговаривается цитируемый нами авторъ,—истинные проповѣдники, которые умѣютъ съ красотою внѣшней формы соединять жизненный интересъ, но они счастливыя исключенія. Между тѣмъ, продолжаетъ авторъ, стоитъ только отрѣшиться отъ строгаго взгляда на проповѣдь,—посмотрѣть на нее иначе,—и тогда исчезнуть всякіе страхи: дѣло проповѣди станетъ казаться простымъ, до-

¹⁾ Цитируемъ по Вологодск. епарх. Вѣдомостямъ за т. г. № 17, стр. 405—406.

²⁾ Вологодск. епарх. Вѣдом. № 17 т. г., стр. 405

ступнымъ, легкимъ и пріятнымъ бременемъ и для проповѣдующаго, и для слушателей. 99% сократится на половину, и въ нашихъ церквахъ раздастся „живое слово“, истинная проповѣдь, которая столь необходима въ настоящее время ¹⁾).

Дурное впечатлѣніе, производимое на богомольцевъ въ храмѣ схоластическими проповѣдями, отмѣчаетъ и о. А. Пономаревъ въ Екатеринбург. епарх. Вѣдомостяхъ. Онъ рисуетъ такую картину. „Обширный Н—скій кафедральный соборъ. Масса публики. Служить епископъ съ сонмомъ протоіереевъ и городскихъ іереевъ. Богослуженіе идетъ чинно, стройно, благолѣпно. Архіерейскій хоръ приковываетъ сосредоточенное всеобщее вниманіе случайныхъ и обычныхъ посѣтителей, молящихся въ соборѣ. Впечатлѣніе сильное. На душѣ свѣтло; хорошее чувство овладѣваетъ сердцемъ. Но вотъ, неожиданно, часть, и при томъ—значительная часть, публики поспѣшно и даже нѣсколько демонстративно направляется къ выходу. Что это? Не конецъ ли службы?—Нѣтъ, это къ поставленному на амвонѣ аналою вышелъ, съ тетрадкой въ рукахъ, какой-то проповѣдникъ. Возмутившись духомъ и не поблагодаривъ въ душѣ нарушителей церковно-богослужебной тишины, я поспѣшилъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми старичками, поближе подойти къ читавшему проповѣдь. Слабый, глухой голосъ. Отсутствие дикціи. Проповѣдь сама по себѣ представляетъ подобіе ученаго богословскаго трактата, съ текстами и научными терминами. Содержаніемъ проповѣдь скорѣе подходила для той кучки высыпающихъ изъ алтаря молодыхъ богослововъ, чѣмъ для рядовой паствы. Ни уму, ни сердцу большинства ничего не говорила эта, по назначенію написанная и для порядка прочитанная, ученая проповѣдь“ ²⁾).

Возжигать *жизнь* въ душѣ слушателей, укореняя въ ней добрые христіанскіе навыки и исторгая плевеы лже-

¹⁾ Характеризуя современныхъ проповѣдниковъ и проповѣдь, авторъ, какъ можно видѣть, въ значительной долѣ сгущаетъ краски. Н. П.

²⁾ Екатеринбург. епарх. Вѣдом. за т. г. № 33, стр. 484.

ученій и пороковъ, можетъ одно живое слово. Что же это за слово?

Это—то слово, которое, составляя плодъ живой вѣры самого проповѣдника, исходитъ изъ глубины его души и изливается отъ „избытка сердца“, подобно тому, какъ изливается вода изъ наполненнаго чрезъ край сосуда. Живое слово сильно убѣжденіемъ, какимъ бываетъ проникнуто. „Сила внутренняго убѣжденія“, говоритъ авторъ статьи „Пастырь-Проповѣдникъ“, „огонь, одушевляющій проповѣдника, сообщаютъ его слову великое, мощное дѣйствіе на души людей, ибо огонь загорается отъ огня, жизнь отъ жизни; мысль порождаетъ мысль, а чувство вызываетъ чувство. Чего нѣтъ во мнѣ, того не могу дать другимъ. Чтобы очищать другихъ, нужно самому быть чистымъ; чтобы свѣтить, нужно въ самомъ себѣ, внутри, имѣть свой собственный свѣтъ. Первое и главное, о чемъ надлежитъ позаботиться проповѣднику,—это упорядочить свое внутреннее состояніе, облагородить свою внутреннюю храмину; и уже тогда износить слово отъ сокровищъ своего сердца, учить другихъ людей тому, чему самъ научился, но—не прежде. Выработавъ въ себѣ, въ своей душѣ, высокое истинно-христіанское настроеніе, проповѣдникъ не затруднится тогда въ словѣ: онъ будетъ говорить о томъ, что ему доподлинно извѣстно, что составляетъ святое святыхъ его души, что его самого волнуетъ, занимаетъ, интересуется, чѣмъ онъ самъ живетъ: „отъ избытка сердца глаголютъ уста“. А главное, не нужно забывать словъ Спасителя: „что и какъ возглаголете, въ той часъ дано будетъ вамъ; не вы возглаголете, а Духъ Святой; Той будетъ глаголай въ васъ“¹⁾.

Мысль о глубокомъ религіозномъ настроеніи, которымъ должна проникаться душа проповѣдника, когда онъ обращается съ словомъ назиданія къ паствѣ, развиваетъ и г. З—скій. Онъ видитъ въ томъ главнѣйшее и даже единствен-

¹⁾ Вологодск. епарх. Вѣдом. стр. 406—407.

ное условіе успѣшнаго и благотворнаго проповѣдничества. „Произнося проповѣдь“, говоритъ г. З—скій, „проповѣдникъ ни на минуту не долженъ забывать, что его грѣшными устами говоритъ Самъ Богъ, что онъ произноситъ не свое, а Божественное Слово, взятое имъ изъ Евангелія, или другой какой священной книги“. Г. З—скій припоминаетъ слова одного изъ русскихъ гомилетовъ о томъ, что „каждому проповѣднику надо запастись богатствомъ Духа Божія. Пастырь-проповѣдникъ не актеръ. Его слово—огонь и свѣтъ, а для этого надо, чтобы у него самого прежде всего сердце горѣло любовію къ Богу, къ людямъ, къ Божіей правдѣ и къ его немощной паствѣ. Чего нѣтъ въ себѣ, того нельзя дать другимъ. Нашимъ пастырямъ нужна, прежде всего, обработка собственной души, а не обработка ораторскаго языка. Сердцу можно говорить только сердцемъ“. Вотъ эта-то великая нравственная благодатная сила, которою проникается истинный проповѣдникъ и которая также лежитъ въ основѣ произносимаго имъ поученія, и служить главнымъ условіемъ успѣшности церковнаго учительства“¹⁾.

Живое слово въ устахъ проповѣдника — даръ Божій. Какъ таковой, онъ испрашивается молитвою. Но, ниспосланный свыше, даръ живого слова требуетъ со стороны проповѣдника большой работы. Къ возгрѣванію и развитію его проповѣдникъ долженъ приложить много усердія. Онъ долженъ внимательно читать и изучать Свящ. Писаніе и святоотеческія творенія. Ему не чужды должны быть лучшія произведенія человѣческой мысли и произведенія художественнаго творчества, въ которыхъ находитъ себѣ выраженіе благородный гений человѣка. Это — духовная, такъ сказать, трапеза для проповѣдника. Обильно напитавшись ею, проповѣдникъ нелѣнно обязанъ упражняться въ словѣ, памятуя, что самый успѣхъ проповѣдничества зависитъ отъ частаго упражненія въ словѣ. Ничто такъ не развиваетъ способность къ слову, какъ именно это упражненіе²⁾.

¹⁾ Полтавск. енарх. Вѣдом. за т. г. № 27, с. 1122.

²⁾ Вологодск. енарх. Вѣдом. стр. 411—413.

III.

Но вотъ вопросъ. Живое слово требуетъ непременно изустнаго произнесенія, или изустность не составляетъ необходимаго его условія? Иными словами—можетъ ли слово быть живымъ, когда оно произносится по тетрадкѣ?

Существуетъ взглядъ, по которому живое слово представляется только изустнымъ. Сказанное по тетрадкѣ слово—живымъ, говорятъ, быть не можетъ. Слово по тетрадкѣ составляется *ex officio* и произносится безучастнымъ голосомъ. Часто можно видѣть, говорятъ, какъ проповѣдникъ, явившись на церковную кафедру съ тетрадкою, погружаетъ въ нее глаза и не поднимаетъ ихъ на слушателей, пока не кончитъ проповѣди: онъ боится потерять строку и сбиться.

Конечно, если бы указываемые защитниками исключительно изустнаго слова дефекты проповѣдей по тетрадкѣ были неизбежны, т. е. если бы записанная на бумагу проповѣдь *всегда* оказывалась безжизненною и безцвѣтною, а произносящій ее и не могъ бы иначе къ ней относиться, какъ только безучастно, что подчеркивалъ бы и самой манерой произнесенія проповѣди, то къ проповѣдямъ по тетрадкѣ оставалось бы отнести съ полнымъ осужденіемъ. Но изъ того, что существуютъ схоластическія проповѣди, и—также—что нѣкоторые проповѣдники плохо произносятъ проповѣди, не слѣдуетъ, что записанныя на бумагу проповѣди могутъ быть вообще только безжизненными, и что проповѣдь теряетъ силу отъ произнесенія ея по тетрадкѣ, а не наизустъ. Сколько есть проповѣдниковъ, которыхъ жадно слушаетъ паства, хотя, при сказываніи проповѣдей, они имѣютъ подъ руками тетрадку и къ ней обращаются. Сколько есть т. н. образцовыхъ печатныхъ проповѣдей, которыя съ живымъ интересомъ читаются, хотя авторовъ ихъ мы знаемъ по наслышкѣ, а иногда даже совершенно не знаемъ.

Не отъ того зависитъ жизненность проповѣди, какъ она произносится—наизустъ, или по тетрадкѣ, а отъ внутренней

силы, какою дышитъ проповѣдь. Если составленная ех officio проповѣдь и произнесенная безучастнымъ голосомъ проповѣдь является словомъ мертвеннымъ, то не бываетъ ли, что и бойко сказанная импровизація не оставляетъ никакого слѣда въ душѣ слушателей? Г. З—скій правильно отмѣчаетъ, что и изъ числа проповѣдниковъ—„импровизаторовъ“ не рѣдкость встрѣтить такихъ, которые всю заботу полагаютъ въ достиженіи внѣшняго эффекта. Въ результатѣ оказывается то, что импровизація часто представляетъ одинъ подборъ трескучихъ фразъ—довольно красивыхъ подчасъ, но совершенно безсодержательныхъ. „Такимъ ораторамъ“, замѣчаетъ г. З—скій, „мѣсто не на церковной кафедрѣ, а на сборищахъ людей, отличающихся подобнымъ же пустозвонствомъ“¹⁾.

Итакъ, слабыя стороны есть и у т. н. импровизаціи. Но обращая на нихъ вниманіе, мы не хотимъ сказать, что слово церковное должно быть только писаннымъ. Мы говоримъ, что слово церковное должно быть *живымъ*, т. е. согрѣтымъ въ сердцѣ проповѣдника и способнымъ, по внутреннимъ своимъ качествамъ, вызвать движеніа жизни въ душѣ слушателей²⁾. А какъ произнести такое слово—наизустъ или по тетрадѣ—это будетъ зависѣть больше отъ внѣшнихъ, физическихъ данныхъ въ организмѣ—въ нервахъ проповѣдника. Нервная организація у нѣкоторыхъ такова, что они испытываютъ большое смущеніе, когда выходятъ со словомъ на кафедру. Имъ, какъ будто, тогда совершенно отказываются служить и мысль, и память, и самое слово. Зачѣмъ же въ этомъ случаѣ приневоливать проповѣдника непременно говорить безъ тетрадки, наизустъ, разъ отъ этого могутъ произойти разнаго рода непріятныя случайности³⁾? Тѣмъ бо-

¹⁾ Полтавск. епарх. Вѣдом. за т. г. № 27, с. 1121.

²⁾ Архіеп. Амвросій харьковскій въ своемъ „Живомъ Словѣ“ опредѣлялъ это Слово какъ—„дающее, возбуждающее и направляющее жизнь“, стр. 16, изд. 1892 г.

³⁾ Отъ этихъ непріятныхъ случайностей не считали себя застрахованными и такіе славные проповѣдники какъ Филаретъ м. московскій,

лѣе, что и по тетрадкѣ можно сказать слово ничуть не хуже, чѣмъ наизусть, — надо только *умѣть* сказать.

Владѣть искусствомъ произношенія проповѣдей—чрезвычайно важно для проповѣдника. Произносить ли проповѣдникъ слово по тетрадкѣ, или наизусть, — все равно онъ долженъ владѣть искусствомъ произносить проповѣдь и не можетъ разлучаться съ нимъ даже въ моменты особаго подъема проповѣдническаго вдохновенія. На искусство хорошаго произнесения проповѣдей обращаетъ вниманіе о. прот. Н. Кратировъ въ Донскихъ епарх. Вѣдомостяхъ ¹⁾. На основаніи наблюдений, онъ констатируетъ фактъ, что искусно произносимыя проповѣди удерживаютъ въ церкви тѣхъ, кто имѣетъ обыкновеніе покидать храмъ при появленіи проповѣдника. „Успѣхъ слова, его вліяніе на слушателей, его увлекательность, приковывающую къ нему вниманіе, трогающую душу и волнующую сердце,—мы поставляемъ“, говоритъ прот. Кратировъ, „въ зависимость, главнымъ образомъ, отъ умѣлаго, живого произношенія. А потому, мы предложили бы пастырямъ-проповѣдникамъ одинъ совѣтъ: если они не хотятъ, чтобы отъ ихъ проповѣдей бѣгали, то они должны научиться умѣнью хорошо говорить проповѣди. Проповѣдь сильна произношеніемъ“ ²⁾.

Мысль прот. Н. Кратирова, что проповѣдь сильна произношеніемъ, въ тѣхъ же Донскихъ епарх. Вѣдомостяхъ подвергаетъ критикѣ г. Д. Граціанскій. Находя почему-то, что „даръ“ (?) произношенія данъ далеко не всѣмъ, г. Граціанскій положенію прот. Н. Кратирова, что проповѣдь сильна произношеніемъ, противопоставляетъ другое положеніе, что

Димитрій Муретовъ, архіеи. херсонскій, Никаноръ, архіеи. херсонскій и др., которые выходили на церковную кафедру всегда съ тетрадкой. См. В. О. Пьяницкаго.—„Церковное краснорѣчіе и его основныя законы“. Кіевъ. 1906, стр. 280 и дал.

¹⁾ См. „Объ укоризнахъ, коимъ подвергается церковная проповѣдь“ въ № 29 Донскихъ епарх. Вѣдом. за т. г.

²⁾ Ibid. стр. 793.

проповѣдь сильна ея *переживаніемъ*, при силѣ благодати Св. Духа въ проповѣдникѣ. „Лучшіе проповѣдники“, говоритъ г. Граціанскій, „какихъ знаетъ исторія Церкви, потому были лучшими и великими, что на себѣ пережили животворный духъ и силу проповѣдуемаго. Отъ этого, блестящая по стилю и декламации лекція профессора иногда является „яко кимваль бряцающей и мѣдь звенящая“, а некрасноглаголивая рѣчь отшельника будитъ сознание массъ. Про о. Іоанна Кронштадтскаго намъ довелось слышать такой разсказъ. Вышелъ о. Іоаннъ говорить проповѣдь, началъ, потомъ остановился, обвелъ глазами слушателей и сказалъ: „Не то! Не такъ я началъ...“ и сталъ говорить снова. Вниманіе слушателей возросло до чрезвычайности. Судя по постоянной искренности въ Бозѣ почившаго пастыря, нельзя думать, что здѣсь былъ съ его стороны какой-либо риторическій приемъ. Я учился у одного преподавателя семинаріи, у котораго почти отсутствовала декламация; рѣчей его я и большинство моихъ товарищей по семинаріи, я увѣренъ, до смерти не забудемъ...“ Итакъ, заключаетъ г. Граціанскій: „слово, пережитое проповѣдникомъ, будетъ въ большей или меньшей мѣрѣ дѣйственно при всякомъ произношеніи и при томъ, какое Богъ далъ“ ¹⁾.

Противъ того, что говоритъ г. Граціанскій о переживаніи проповѣди возразить, конечно, ничего нельзя. Все это—вѣрно, и самъ прот. Н. Кратировъ, въ отвѣтъ г. Граціанскому, прекрасно объясняетъ, что значитъ переживать проповѣдь. „Это значитъ“, говоритъ онъ, „прочувствовать ее, отнестись къ ея сюжету съ живымъ участіемъ, выболѣть ею, выстрадать. Проповѣдникъ переживаетъ свою проповѣдь, если сюжетъ ея проникаетъ въ его сердце, трогаетъ его, возбуждаетъ въ немъ соотвѣтственныя движенія, если радостный сюжетъ проповѣди наполняетъ сердце проповѣдника радостью,

¹⁾ „По поводу статьи: Объ укоризнахъ, коимъ подвергается церковная проповѣдь“. Ibid. с. 794—795.

а печальный—вызываетъ въ немъ печаль, скорбь, слезы. Проповѣдникъ переживаетъ свою проповѣдь, когда отраднѣйшая сюжетъ приводитъ его въ восторгъ, а какая-либо людская пошлость возмущаетъ его душу и возбуждаетъ въ ней чувство негодованія. Такое отношеніе проповѣдника къ предмету своей проповѣди, конечно, не можетъ не вліять соотвѣтственнымъ образомъ и на его слушателей“¹⁾).

Но прот. Н. Кратировъ, совершенно справедливо по нашему мнѣнію, указываетъ, что хорошее произношеніе проповѣди имѣетъ громадное вліяніе на успѣхъ ея. И если хорошо произнесенная, заурядная даже по содержанію, проповѣдь производитъ, прежде всего, то воздѣйствіе на богомольцевъ, что они не уходятъ изъ храма при началѣ проповѣди, что же сказать о томъ впечатлѣніи, которое произведетъ дышащая вдохновеніемъ проповѣдь въ устахъ искуснаго проповѣдника—декламатора?—Впечатлѣніе можетъ получиться потрясающее! Правда, искусство хорошаго произношенія относится къ внѣшней сторонѣ проповѣдничества. Но почему бы и не поучиться этому искусству, искусству—скажемъ—доступному, въ большей или меньшей степени, положительно для всѣхъ? Вѣдь и самъ г. Граціанскій признаетъ, что „если при переживаніи проповѣдникъ обладаетъ даромъ (искусствомъ?) произношенія, получается нѣчто весьма сильное“²⁾).

Конечно, успѣху проповѣди въ большей степени способствуетъ и обаяніе личности проповѣдника. На эту сторону дѣла указываетъ авторъ статьи „Пастырь-Проповѣдникъ“ въ Извѣстіяхъ по Казанской епархіи. Онъ говоритъ: если мы знаемъ проповѣдника за человѣка, глубоко убѣжденнаго въ томъ, что онъ говоритъ съ кафедры, мы постараемся не проронить ни одного слова изъ его проповѣди. Замѣчательно, что иная проповѣдь ничего особеннаго не имѣетъ въ своемъ содержаніи, она, повидимому, самая обыкновенная и, если

¹⁾ „О переживаніи проповѣди“. Ibid. № 30, с. 831.

²⁾ Ibid. № 29, с. 794.

бы попала въ печать, то не обратила бы на себя вниманія, но „произнесенная съ чувствомъ, съ жаромъ, духоносно, она потрясаетъ вашу душу, поражаетъ васъ внутреннею силою, которая дышитъ въ каждомъ словѣ проповѣдника, выражается въ каждомъ движеніи его и особенно ярко бываетъ написана на вдохновенномъ лицѣ и въ огненномъ, до глубины души проникающемъ взорѣ“¹⁾.

Таковы условія, обезпечивающія успѣхъ проповѣдническаго служенія современнаго пастыря, по изображенію цитируемыхъ авторовъ.

Н. Пальмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Вологодск. Епарх. Вѣдом. с. 410.

²⁾ См. № 45-й за 1909 г.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ²).

Подчиненные органы инспекторскаго надзора за учениками семинарии.

По надзору за учениками семинаріи трудъ инспектора первѣе всего раздѣляли помощники инспектора, назывшіеся тогда субъ-инспекторами. Субъ-инспекторами не были особья лица, а должность помощника инспектора поручалась кому-либо изъ наставниковъ, и была, такъ сказать, прибавочною для нихъ, съ чѣмъ соединено было прибавочное содержаніе къ скромному основному наставническому окладу. Мнѣ, жившему въ семинарскомъ общежитіи, мало была видна дѣятельность помощниковъ инспектора. Да, кажется, они и необременяли себя излишними трудами: посѣщали изрѣдка квартиры учениковъ, исполняли кой-какія порученія ректора или инспектора и сообщали инспектору о неблаговидныхъ поступкахъ учениковъ, случайно ими замѣченныхъ. Собственно го-

¹) Вологодск. Епарх. Вѣдом. с. 410.

²) См. № 45-й за 1909 г.

воря, для наставниковъ должность субъ-инспектора, оплачиваемая хотя незначительнымъ вознагражденіемъ, была, по тогдашнему порядку вещей, скорѣе синекурою, не возлагавшею на нихъ особенной служебной тяготы. Со стороны наставниковъ усердія къ исполненію этой прибавочной должности не проявлялось, да, повидимому, настоятельно и не требовалось.

Главнымъ вспомогательнымъ органомъ для инспектора по надзору за учениками былъ институтъ старшихъ. Старшіе избирались изъ лучшихъ учениковъ богословскаго класса, и они были ближайши и непосредственными блюстителями порядка, какъ въ семинарскомъ корпусѣ въ учебные часы, такъ въ не учебные часы на квартирахъ.

Для наблюденія за порядкомъ въ семинаріи во время классныхъ занятій учреждены были изъ старшихъ особия дежурства. На каждую недѣлю назначалось два дежурныхъ старшихъ, — одинъ изъ квартирныхъ, а другой изъ старшихъ бурсы. Предъ началомъ уроковъ эти дежурные старшіе являлись къ ректору и инспектору, и, получивъ отъ нихъ какія-либо распоряженія, отправлялись въ семинарію (ректоръ и инспекторъ жили не въ семинаріи), и здѣсь, освобожденные отъ обязательнаго присутствія на урокахъ, они должвы были дежурить, — стоять на крыльцѣ или въ коридорѣ, — квартирный старшій на одномъ переднемъ, а старшій семинарскаго общегитія на другомъ, заднемъ. Дежуря на коридорахъ, старшіе должны были смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ учебные часы никто не выходилъ изъ класса, чтобы до прихода наставника не было какого-либо безобразнаго шума въ классахъ. Если пріѣзжалъ въ семинарію ректоръ или инспекторъ, дежурный старшій непременно долженъ былъ встрѣтить его на своемъ коридорѣ, и если нужно было ректору или инспектору позвать какого-либо ученика, на примѣръ, для разбирательства какого-либо простуика, о которомъ сдѣлалось извѣстнымъ ректору или инспектору, или для какой-либо другой надобности, вызовъ такого обыкновенно поручался дежурному старшему.

А такое разбирательство ученическихъ проказъ очень часто случалось въ промежуткахъ между уроками. Если случалось въ какомъ-либо классѣ что-либо выходящее изъ ряда обычныхъ происшествій, объ этомъ сообщалось дежурному старшему для донесенія начальству. Наблюденія за исправнымъ посѣщеніемъ классовъ наставниками не поручалось дежурнымъ старшимъ. Но присутствіе на коридорѣ блюстителя порядка въ семинаріи во время классныхъ занятій не оставалось для нихъ безъ всякаго дѣйствія. Они все-таки стѣснялись имъ, хотя ему поручалось смотрѣть только за учениками. Изъ-за него они нерѣдко, сходясь вмѣстѣ въ коридорѣ, сокращали свои бесѣды предъ урокомъ, и уходили въ классъ раньше, чѣмъ бы хотѣли, опасаясь, какъ бы дежурный старшій не доложилъ ректору о неурядкахъ съ ихъ стороны. Ректоръ-де могъ спрашивать его обо всемъ, что могло подпадать его наблюденію, не ограничиваясь кругомъ ученическихъ дѣлъ. Мнѣ разъ, когда я былъ дежурнымъ и стоялъ на коридорѣ, случилось услышать такой возгласъ. Среди оживленной затянувшейся бесѣды наставниковъ въ урочные часы, одинъ изъ нихъ громко сказалъ: „Господа! пора намъ въ классъ: а то дежурный запишетъ, что мы поздно пошли на урокъ“.

Кромѣ дежурныхъ старшихъ, наблюдавшихъ за порядкомъ во всей семинаріи, въ каждомъ классѣ отдѣльно были свои особые старшіе, называвшіеся цензорами, на которыхъ возлагалась обязанность блюсти порядокъ, до прихода наставника, въ своемъ классѣ. Эти цензора вели классическіе журналы, въ которыхъ записывали небывшихъ въ классѣ на урокахъ, съ указаніемъ причины неприбытія ученика на урокъ. Законною причиною, по которой ученики не являлись на урокъ, была болѣзнь, и она отмѣчалась на журналѣ. Но писалось иногда, что такой-то не былъ по неизвѣстной причинѣ, а иногда,—по невозвращенію изъ отпуска. Послѣ каждаго урока журналъ подавался наставнику, и онъ скрѣплялъ

запись цензора своею подписью. Эта подпись наставника на журналъ была свидѣтельствомъ того, что наставникъ давалъ урокъ въ назначенное для него время.

Очень затруднительно было цензору исполнять другую обязанность, на него возлагаемую,—наблюдать за тишиною въ классѣ, до прихода наставника, и эта обязанность плохо исполнялась, и большею частію даже вовсе оставалась безъ исполненія. Цензоръ не снабженъ былъ никакими полномочіями для дѣйствія на своихъ товарищей, и могъ дѣйствовать на нихъ, въ случаѣ производимаго ими безпорядка въ классѣ, только просьбами и скромными товарищескими увѣщаніями. Но на эти просьбы и увѣщанія товарищи часто не обращали никакого вниманія. Въ классѣ было болѣе шестидесяти человекъ: они не сидѣли молча до прихода наставника, который иногда запаздывалъ. Въ классѣ слышенъ былъ громкій говоръ, не рѣдко раздавалось пѣніе, поднимался шумъ и гамъ, который разносился и за стѣны класса, и мѣшалъ занятіямъ въ сосѣднемъ классѣ. И цензоръ за это былъ въ отвѣтѣ. Для меня лично особенно непріятно было положеніе цензора, когда эту обязанность исполнялъ я, будучи въ четвертомъ низшемъ отдѣленіи. Въ коридорѣ, предъ дверью этого класса, обыкновенно ректоръ и инспекторъ производили разборъ разныхъ ученическихъ дѣлъ, а этотъ разборъ производился иногда довольно долго. А въ классѣ шумятъ; учениковъ утомонить ничѣмъ нельзя, хотя они знаютъ, что за дверью стоитъ ректоръ. И вотъ онъ отворяетъ дверь класса (что бывало довольно часто) и кричитъ: „что за шумъ?.. Цензоръ!..“ Нужно замѣтить впрочемъ, что я и другіе цензора никогда не подвергались наказанію за шумъ въ классѣ. Ректоръ не могъ не знать, что цензоръ не имѣетъ никакихъ средствъ къ тому, чтобы заставить своихъ товарищей сидѣть тихо и смиренно, когда въ классѣ нѣтъ наставника.

И въ домашней жизни, въ неучебные часы, ученики не были предоставлены самимъ себѣ. Имъ дана была строгая

инструкція, указывающая имъ, какъ они должны вести себя, и съ нею они должны были сообразовать порядокъ своей жизни и поведенія. А за точнымъ исполненіемъ ея было надъ ними нѣсколько надзирателей. Прежде всего въ каждой квартирѣ, гдѣ жило нѣсколько учениковъ одинъ изъ учениковъ высшаго класса назначался *довѣреннымъ* старшимъ, и онъ былъ отвѣтственнымъ лицомъ за допущеніе какого-либо беспорядка въ квартирѣ. Большими полномочіями облечены были старшіе районные, надзору которыхъ поручалось нѣсколько квартиръ, расположенныхъ въ извѣстной мѣстности, близко одна отъ другой. Эти районные старшіе должны были, какъ можно чаще, посѣщать квартиры своего района, могли дѣлать замѣчанія живущимъ въ нихъ, и если усматривали какую-либо неисправность, о болѣе или менѣе важныхъ проступкахъ доносили инспектору. Особенно внушалось имъ, чтобы они смотрѣли за неопустительнымъ посѣщеніемъ богослуженія въ воскресные и праздничные дни. Старшіе районные ежемѣсячно представляли инспектору вѣдомости, въ которыхъ дѣлали характеристику учениковъ, подчиненныхъ ихъ вѣдѣнію, и вниманію начальства указывали особенно отличающихся скромностію, благонаравіемъ, трудолюбіемъ и религіозностію. На основаніи этихъ списковъ, представляемыхъ старшими, инспекторъ ежемѣсячно представлялъ въ Правленіе семинаріи донесеніе о поведеніи учениковъ семинаріи и въ этомъ донесеніи указывалъ тѣхъ, которые, отличаясь добрыми качествами, ведутъ себя примѣрно и своимъ поведеніемъ заслуживаютъ одобренія начальства. Списки особенно благонаравныхъ учениковъ, представляемые инспекторомъ въ Правленіе, каждый мѣсяць мѣнялись: въ одинъ мѣсяць однихъ включаютъ въ списокъ благонаравныхъ, въ другой другихъ. Отмѣчаемые инспекторомъ, какъ особенно исправные и благонаравные, ученики вызывались въ Правленіе, и здѣсь, въ присутствіи всѣхъ членовъ Правленія, прочитывались списки учениковъ, рекомендуемыхъ инспекторомъ, и имъ объявлялась ректоромъ благодарность за доброе поведеніе, и

дѣлалось внушеніе, чтобы они и впредь вели себя также исправно. Вызываемые въ Правленіе для выслушанія одобренія за доброе поведеніе бывали очень довольны; въ особенности рады были, когда удостоивались этой чести не отличавшіеся успѣхами и стоявшіе внизу разряднаго списка. Такіе спѣшили сообщать о такомъ радостномъ для нихъ событіи своимъ родителямъ, и, ободренные вниманіемъ начальства, долгое время благодумствовали. Въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ инспекторъ долженъ былъ, по Уставу, указывать и замѣченныхъ имъ въ предосудительныхъ поступкахъ. Но, кажется, въ вѣдомостяхъ инспектора Виталія графа эта оставалась пустою, и чрезвычайно рѣдко вписывались въ нее имена виновныхъ, заслуживавшихъ выговора или наказанія. И я не помню, чтобы когда-либо вызывали въ Правленіе вмѣстѣ съ благоправными и провинившихся, чтобы разомъ нѣсколькимъ изъ нихъ сдѣлать строгое внушеніе. Этимъ я не хочу сказать, что не было проступковъ у учениковъ семинаріи, и не появлялось между ними такихъ, которые своимъ предосудительнымъ поведеніемъ заслуживали не только выговоры, но и строгія наказанія. Такіе, конечно, были. Но несомнѣнно благоправныхъ было гораздо больше, чѣмъ учениковъ, худо ведущихъ себя. Если первыхъ нужно считать десятками, даже сотнями, то послѣднихъ рѣдкими единицами. Притомъ, когда попадались таковыя, ихъ по одиночкѣ призывали къ инспектору или въ Правленіе, и подвергали заслуженному ими наказанію, не ожидая срока, когда инспекторъ представить мѣсячную вѣдомость о поведеніи учениковъ.

Въ Исторіи Владимірской семинаріи, при изображеніи нравственнаго состоянія учениковъ моего времени, нѣсколько страницъ¹⁾ посвящено указанію пороковъ и грубыхъ проступковъ учениковъ, о которыхъ инспекція доводила до свѣдѣнія Правленія. Между ними первое мѣсто занимаетъ

¹⁾ Исторія Владимірской семинаріи. Вып. II, стр. 356—368.

пьянство, указываются далѣе случаи воровства, хотя рѣдкіе, случаи грубаго оскорбленія наставниковъ, отмѣчено, какъ нарушеніе семинарской дисциплины, табакокуреніе, посѣщеніе театровъ, опущеніе уроковъ, отлученіе изъ квартиръ въ несвоевременные сроки, даже пѣніе въ церквахъ безъ разрѣшенія начальства и т. под. Авторъ Исторіи семинаріи извлекаетъ свои показанія изъ архивныхъ документовъ. Извлекая изъ нихъ записи о наиболѣе крупныхъ проступкахъ, и ставя ихъ рядомъ, хотя они случались на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ даетъ поводъ читателю представлять нравственность семинаристовъ того времени въ очень непривлекательномъ видѣ. Но не смотря на эти архивныя свидѣтельства, я долженъ выступить апологетомъ нравственности семинаристовъ моего времени. Правда, живя въ бурсѣ, я мало знакомъ былъ съ жизнію семинаристовъ, помѣщавшихся на наемныхъ квартирахъ, и посѣщалъ изъ нихъ одну или двѣ. Но сколько помнится, и сколько доходило до моего свѣдѣнія, и въ квартирахъ, какъ и въ семинарскомъ общежитіи, жизнь текла правильнымъ путемъ, и вездѣ порядокъ соблюдался такой, какой предписывался дисциплинарными распоряженіями. А грубые проступки и рѣзкія нарушенія дисциплинарнаго порядка замѣчались, какъ рѣдкія исключительныя явленія. И объ нихъ, какъ о выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ явленій, сохранились записи въ архивахъ семинарскаго Правленія. А что текло правильнымъ порядкомъ, все согласное съ установившимся ходомъ вещей, то не отмѣчалось, и о томъ не было нужды дѣлать особыя записи. Между тѣмъ явленія такого порядка составляли, можно сказать, всю полноту семинарской жизни, которая только изрѣдка возмущалась какими-либо тревоженіями. Не по этимъ рѣдкимъ тревоженіямъ нужно судить о томъ, какъ жили и вели себя семинаристы.

Я въ семинаріи велъ себя исправно, и въ теченіе пятилѣтняго пребыванія въ ней не подвергался никакимъ взысканіямъ со стороны инспекціи. Но разъ былъ случай, ко-

гда я оказался безъ вины виноватымъ, и объ этомъ случаѣ стоитъ разсказать подробно. Вина моя состояла въ томъ, что я участвовалъ въ празднованіи именинъ своего товарища. Дѣло было въ масляницу. Два мои близкіе товарища,—Алексѣй Ивановичъ Радучинъ и Алексѣй Ивановичъ Цвѣтковъ, занимавшіе въ разрядномъ спискѣ второе и третье мѣсто, оба были именинниками 12 февраля, какое число въ тотъ годъ (1851) падало на понедѣльникъ сыропустной недѣли. Оба эти именинника,—дѣти достаточныхъ городскихъ священниковъ, захотѣли въ день своего тезоименитства предложить скромное угощеніе своимъ близкимъ пріятелямъ. Радучинъ созвалъ своихъ пріятелей, наканунѣ своихъ именинъ, 11 февраля. Я ничего не зналъ объ этомъ замышляемомъ имъ, скромномъ семинарскомъ пиршествѣ, и вовсе не расположилъ быть на немъ. Но за мной въ бурсу пришелъ одинъ изъ товарищей Радугина, жившій съ нимъ на одной квартирѣ, и я вмѣстѣ съ нимъ отправился на именинное семинарское пиршество. Пиршество было самое скромное. Угощеніе состояло изъ чая и сластей. Не помню, было ли что изъ питей. Но все шло чинно и благопристойно. Въ десять часовъ вечера я уже былъ дома, то есть, въ бурсѣ. Алексѣй Ивановичъ Цвѣтковъ пригласилъ къ себѣ своихъ близкихъ и всѣхъ бывшихъ у Радугина, на другой день,—день своихъ именинъ. Вечеромъ, въ понедѣльникъ на масляницѣ, мы мирно на его квартирѣ распивали чай и бесѣдовали по-дружески. Кое-что было здѣсь и изъ нитій запрещеннаго свойства. Но ни до какого излишества въ употребленіи ихъ никто не доходилъ. Вдругъ (это было въ десятомъ часу вечера) въ квартиру Цвѣткова, неожиданно, негаданно, является секретарь Правленія семинаріи А. И. Розовъ. Это неожиданное явленіе въ ученическую квартиру не помощника инспектора, а секретаря Правленія, поразило насъ. Я, при появленіи его, тотчасъ же отправился къ себѣ въ общежитіе, и онъ едва ли замѣтилъ меня. Возвратившись домой, я разсказалъ объ этомъ своимъ товарищамъ, живущимъ въ бурсѣ, и совершенно не

могъ объяснить, чѣмъ вызвано посѣщеніе квартиры Цвѣткова Розовымъ. Часу въ двѣнадцатомъ вечера приходитъ въ нашъ номеръ въ бурсѣ, гдѣ я жилъ, смотритель бурсы Иванъ Гаврилычъ Бѣляевъ, и, спросивъ, дома ли, нашелъ меня мирно почивающимъ на своей койкѣ. На другой день утромъ я иду въ квартиру Цвѣткова, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. А мнѣ на встрѣчу понадается соквартирантъ Цвѣткова Тугорскій, который шелъ въ бурсу, чтобы рассказать мнѣ, какъ было дѣло послѣ моего ухода. Было засѣданіе Правленія семинаріи вечеромъ, и въ Правленіе къ-то допесено было, что въ квартирѣ Цвѣткова бражничаютъ, и бражничаютъ первенцы - богословы, считающіеся наиболѣе благонравными. Вслѣдствіе этого доноса и посланъ былъ экстренно въ квартиру Цвѣткова секретарь Правленія, чтобы посмотрѣть, какъ мы бражничаемъ или кутимъ. Никакого особеннаго безобразія секретарь не нашелъ, но видѣлъ на столѣ нѣчто изъ запрещенныхъ питій. Вслѣдъ за А. И. Розовымъ всѣ, живущіе на квартирѣ вмѣстѣ съ Цвѣтковымъ, и его гости отправились къ инспектору Питалію разъяснить ему, по какому случаю было пиршество, и заявить ему, что у насъ не было никакого безобразнаго кутежа, и что всѣ, счетшіе долгомъ явиться къ инспектору, были совершенно трезвы. Одного только (Георгіевскаго) инспекторъ заподозрилъ, что онъ какъ будто выпилъ лишнее, услышавъ отъ него запахъ хмельнаго питія. Кто донесъ на насъ начальству, долгое время мы разыскивали, но никакъ не могли доискаться доносчика. Вѣроятно, такимъ былъ кто-либо изъ товарищей, знавшихъ, что Цвѣтковъ зоветъ къ себѣ гостей на именины, но неполучившихъ отъ него приглашенія.

Собственно преступленія и какого-либо важнаго нарушенія семинарской дисциплины въ этомъ случаѣ не было. Я и нынѣ, когда вспоминаю объ этомъ обстоятельстве, никакой особенной вины за собою и за своими товарищами не вижу. Отчего товарищамъ, дружно живущимъ между собою, не собраться вмѣстѣ у добраго именинника, чтобы угоститься

чаемъ и кой-какими сластями и мирно побесѣдовать между собою? Тѣмъ болѣе казалось намъ это умѣстнымъ и невиннымъ, что была масляница, и на другой день предполагался отпускъ семинаристовъ. Но начальство семинарское посмотрѣло на это дѣло иначе. Оно увидѣло въ этомъ нашемъ собраніи нарушеніе порядка, предписаннаго семинаристамъ. Уликою противъ насъ было только то, что на столѣ въ квартирѣ усмотрѣны были бутылки, содержанія питія, запрещенныя для семинаристовъ. Можетъ быть, въ виду этой одной улики начальство семинарское посмотрѣло на это дѣло иначе, и не хотѣло оставить насъ безъ взысканія. Признавая за нами вину, оно, впрочемъ, отнеслось къ намъ, по тогдашнему времени, снисходительно. Не оглашая нашей вины, оно все таки наложило на насъ наказаніе. Наказаніе паложено на насъ было такое: на второй недѣлѣ поста, когда откроются учебныя занятія, на одномъ изъ уроковъ какого-либо наставника, всѣ, пировавшіе у Цвѣткова, должны простоять на колѣняхъ, и я, какъ менѣе виновный и ранѣе другихъ ушедшій съ пиршества, на ногахъ за партю. Кромѣ насъ, никому объ этомъ наказаніи не было объявлено. Дня черезъ три, по открытіи занятій въ Великомъ постѣ, ректоръ спрашиваетъ дежурнаго старшаго, который, можетъ быть, не зналъ, что мы заслужили кару начальства, стояли ли такіе-то на колѣняхъ, и онъ сказалъ ректору: нѣтъ, не стояли. Тогда ректоръ заставилъ насъ понести наложенное на насъ наказаніе на его урокѣ, въ его присутствіи. И вотъ мои товарищи, бывшіе на именинахъ у Цвѣткова, и самъ Цвѣтковъ, во время урока ректора, стали на колѣна у стѣны класса подъ хорами, а я стоялъ за партю на ногахъ, когда всѣ другіе сидѣли. Ректоръ, впрочемъ, смилвался надъ нами. Къ концу урока онъ разрѣшилъ намъ сѣсть на свои мѣста, удовольствовавшись хотя неполнымъ понесеніемъ наложеннаго на насъ наказанія.

Разсказанный случай самъ по себѣ не важный. Но молва о немъ распространилась далеко за предѣлы семинарскаго

круга, и даже за предѣлы города Владиміра, и подѣ вліяніемъ стоустной молвы онъ выросъ въ событіе крупнаго размѣра. Такое крупное значеніе придали этому случаю, можетъ быть, потому, что въ немъ фигурировали или замѣшаны были, какъ говорили, первенцы семинарскіе, занимавшіе первыя мѣста въ разрядномъ спискѣ. Слухъ объ этомъ событіи дошелъ и до моего дѣда, моего опекуна и ближайшаго родственника, бывшаго тогда настоятелемъ Вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря. Узнавши о немъ, протоіерей Вязниковскій Воиновъ, бывший членомъ Вязниковскаго духовнаго Правленія, которое помѣщалось въ монастырѣ, нарочито приходитъ къ дѣду и сообщаетъ ему о нецрїятной исторіи, въ которой замѣшанъ (говорить онъ) и внукъ вашъ, то есть, я. Дѣдъ мой немало былъ обезпокоенъ этимъ сообщеніемъ и думалъ, что я испортилъ свою карьеру. Но мнѣ онъ ничего не писалъ по этому поводу, хотя не разъ собирался пожуричь меня (лично я съ нимъ не видался до конца учебнаго года). 15-го іюля, когда былъ роспускъ семинаристовъ, онъ прїѣзжаетъ во Владиміръ по своему дѣлу или дѣлу монастыря, и кстати для того, чтобы взять меня съ собою на вакацію, въ Вязники. Когда я, явившись къ нему, объявилъ ему, что я назначенъ въ Кіевскую академію, гдѣ уже два года учился мой братъ, онъ очень обрадовался и сказалъ, что не ожидалъ этого, и при этомъ подробно передалъ, какъ приходилъ къ нему протоіерей Воиновъ, и съ оттѣнкомъ не то сожалѣнія, не то злорадства рассказывалъ ему, какъ я попался замѣшаннымъ въ нецрїятной исторіи, вѣроятно, полагая, что эта исторія имѣла болѣе серьезный характеръ. Думаю, что и дѣдъ мой прїѣхалъ во Владиміръ (гдѣ онъ бывалъ очень рѣдко) съ тѣмъ, чтобы разузнать, въ чемъ я провинился предъ начальствомъ, которое, по слухамъ, возымѣло большой гнѣвъ на меня. И если бы меня не послали въ Кіевскую академію, а оставили въ семинаріи еще на годъ, какъ предполагали, чтобы отправить черезъ годъ въ Московскую академію,—мнѣ трудно было бы оправдаться предъ нимъ,

и онъ почелъ бы, что меня не послали въ академію черезъ годъ богословскаго курса, какъ моего старшаго брата, именно въ наказаніе за мою провинность.

Проф. *Василій Птовницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка объ апостольскихъ и евангельскихъ чтеніяхъ съ 29 ноября 1909 г. по 7 февраля 1910 г.

Текущій церковно-пасхальный годъ (отъ пасхи 1909 г. до пасхи 1910 г.) въ отношеніи литургійныхъ апостольскихъ и евангельскихъ чтеній подпадаетъ подъ уставный терминъ „вѣтъ-пасха“. Это выраженіе, находящееся въ „сказаніи, при-емлющемъ всего лѣта число евангельское“, помѣщаемомъ въ началѣ служебнаго евангелія, означаетъ, что между Пасхо предшествующаго гражданскаго года (въ данномъ случаѣ 29 марта 1909 г.) и Пасхой наступающаго года (нынѣ—18 апрѣля 1910 г.) приходится болѣе 365 дней, т. е., болѣе года. Въ такомъ случаѣ долженъ естественно ощущаться нѣкоторый недостатокъ въ апостольскихъ и евангельскихъ чтеніяхъ, такъ какъ находящійся при богослужебныхъ апостолѣ и евангеліи указатель этихъ чтеній рассчитанъ всего лишь для 50 недѣль, а, считая отъ Пятидесятницы до недѣли Мытаря и фарисея,—для 32 недѣль (воскресеній) и 33 седмиць. Между тѣмъ, въ текущемъ церковномъ году отъ одной Пасхи до другой—55 седмиць, а отъ Пятидесятницы до мытаревой недѣли—37 недѣль (воскресеній) и 38 седмиць. Церковный уставъ не оставляетъ безъ вниманія такіе случаи недостачи апостольскихъ и евангельскихъ чтеній и даетъ правила о т. н. *отступкѣ*. Къ сожалѣнію, эти правила, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ Типикона и Евангелія, не отличаются особенною ясностью, а потому даже у видныхъ истолкователей

церковнаго устава получаютъ разнорѣчивыя объясненія ¹⁾, для лицъ же мало знакомыхъ съ тонкостями Типикона могутъ оказаться и совсѣмъ непонятными. Желая придти съ посильною помощію къ тѣмъ оо. настоятелямъ, кои затруднились бы разобраться во всѣхъ указаніяхъ церковнаго устава относительно отступки текущаго пасхальнаго года, мы и рѣшаемся дать указатель литургійныхъ апостольскихъ и евангельскихъ чтеній на періодъ времени съ 28 недѣли по 50-цѣ до недѣли о Мытарѣ и фарисеѣ. Этотъ указатель, располагаемый нами въ такомъ порядкѣ, что сначала идутъ евангелія и апостолы на субботы и недѣли (воскресенья), а потомъ на дни седмичные (понедѣльникъ, вторникъ, среда, четвергъ и пятница), мы постараемся снабдить посильными разъясненіями.

Особенности въ распредѣленіи *недѣльныхъ* (воскресныхъ) зачалъ изъ апостола и евангелія начинаются въ текущемъ году съ 29 ноября, на каковое число падаетъ недѣля 28-я. Въ эту недѣлю, по смыслу типиконнаго указанія (подъ 11 декабря), нельзя читать рядового евангелія 28-й недѣли, такъ какъ это евангеліе по своему содержанію (Лук. зач. 76, о званыхъ на вечерю) приурочено къ одной изъ предъ-рождественскихъ недѣль, именно къ недѣлѣ Праотецъ. Вслѣдствіе этого уставъ предписываетъ: „на литургіи (въ недѣлю Праотецъ) евангеліе чти недѣли 28-й, отъ Луки зач. 76: Человѣкъ нѣкій сотворилъ вечерю велию, непремѣнно едино. *А въ 28-ю недѣлю чти рядовое, кое прилучится иныя недѣли*“ ²⁾. Послѣднее замѣчаніе Типикона понимается различ-

¹⁾ Неодинаково, напр., толкуютъ правила объ отступкѣ въ своихъ „Богослужебныхъ уставахъ“ прот. Никольскій и В. Розановъ, а также авторъ статьи: „О чтеніи на литургіяхъ Зачалъ изъ апостола и евангелія въ 1904—1905 пасхальномъ году“ г. Лотоцкій. (См. эту статью въ Тул. Еп. Вѣд. за 1904 г. мѣсяцъ ноябрь).

²⁾ См. Типиконъ подъ 11 декабря предъ Марковой главой о недѣлѣ Праотецъ.

но. Одни ¹⁾ полагають, что въ 28-ю недѣлю, если она не совпадаетъ съ недѣлею Праотець, слѣдуетъ читать то евангеліе, какое по порядку придется на Праотеческую недѣлю. Такимъ образомъ, произойдетъ перестановка лишь двухъ евангельскихъ чтеній: евангеліе 28-й недѣли будетъ читаться въ недѣлю Праотець, а рядовое евангеліе недѣли Праотець слѣдуетъ читать въ недѣлю 28-ю ²⁾. Другіе понимаютъ выраженіе Типикона: „чи рядовое, кое прилучится иныя недѣли“ въ томъ смыслѣ, что въ 28-ю недѣлю, если она не совпадаетъ съ недѣлею Праотець, нужно читать евангеліе или предыдущей, 27-й недѣли (при поздней пасхи предшествующаго года) или послѣдующей 29-й недѣли, какъ, напр., въ данномъ году. Въ такомъ случаѣ въ текущемъ году 29 ноября слѣдуетъ читать евангеліе 29 недѣли, а въ 29 недѣлю (6 декабря)—евангеліе 30-й недѣли ³⁾. Но такую практику нельзя всецѣло одобрить: соблюденіе послѣдовательности въ воскресныхъ евангельскихъ зачалахъ въ этомъ случаѣ ведетъ къ другому практическому неудобству—евангельскія зачала пойдуть однимъ воскресеньемъ впередъ. Нарушеніе же послѣдовательности евангельскихъ зачалъ нисколько не противорѣчитъ духу устава, ибо онъ даже предписываетъ нарушать эту послѣдовательность, когда указываетъ зачало 28-й недѣли относить непременно къ недѣлѣ Праотець. Итакъ, слѣдую первому пониманію Типиконнаго выраженія „кое прилучится иныя недѣли“, должно въ 28 недѣлю, 29 ноября сего года читать евангеліе недѣли 30-й—*Лук. зач. 91 (о богатомъ юношѣ); апостольское же чтеніе остается на своемъ мѣстѣ, т. е. Колос. зач. 250.*

¹⁾ Напр., прот. Никольскій, Богослужебный уставъ, Сиб. 1907 г. стр. 408; г. Логоцкій, Тульск. Епарх. вѣд. 1904 г. ноябрь.

²⁾ Напр., авторъ „Богослужебнаго Устава“, В. Розановъ, (стр. 344—346, таблицы 10—11).

³⁾ Такъ и показано въ замѣткѣ свящ. Шпачинскаго, помѣщенной въ Кіев. Еп. вѣд. за 1909 г. № 47, стр. 1137.

Въ слѣдующую 29-ю недѣлю, 6 декабря, евангеліе остается этой недѣли, т.—е., Лук. зач. 85 (о десяти прокаженныхъ), апостолъ же берется изъ недѣли 30-й,—Кол. зач. 258-ое, такъ какъ апостольское зачало 29-й недѣли, подобно евангельскому зачалу недѣли 28-й, приурочено къ недѣлѣ Праотецъ (Типик. предъ 12 дек.). Хотя объ этой замѣнѣ апостольскихъ зачалъ одного другимъ не сказано въ Типиконѣ, но она дѣлается по аналогіи съ описанною перестановкою въ евангельскихъ чтеніяхъ.

13 декабря въ недѣлю Праотецъ читается евангеліе 28-й недѣли—Лук. зач. 76, а апостолъ—изъ 29 недѣли—Кол. 257. На это есть прямое указаніе въ Типиконѣ (предъ 12 дек.).

19-го декабря—суббота предъ Рождествомъ Христовымъ. Апостолъ—Гал. зач. 205; евангеліе—Лук. зач. 72 (святому евангелію и апостола на 19 декабря нѣтъ). Типиконъ указываетъ еще и рядовыя чтенія: „таже рядъ“, но въ виду большой отступки, рядовое субботнее чтеніе въ этотъ день слѣдуетъ оставить: въ Типиконѣ о субботахъ всегда говорится параллельно съ недѣлями (воскресеньями), а при большой отступкѣ въ нѣкоторыя недѣли, когда бываетъ два чтенія—рядовое и нарочитое, по замѣчанію Типикона, только тогда слѣдуетъ читать „рядъ“, когда нѣтъ отступки, въ противномъ случаѣ „рядъ“ оставляется (см. Типиконъ подъ 26 дек. 5-ое „зри“ и подъ 7 янв.—1-ое „зри“) ¹⁾. Дѣлается это, очевидно, по тѣмъ соображеніямъ, чтобы достало евангельскихъ чтеній для субботъ и недѣль, имѣющихъ быть за недѣлею по Просвѣщеніи (объ этомъ ниже).

20 декабря, недѣля св. Отецъ, предъ Рождествомъ Христовымъ. Апостолъ и евангеліе—этой недѣли, т.—е., Евр. зач. 328, Мѡ. зач. 1 и 2-е.

¹⁾ См. объ этомъ у г. Лотоцкаго, Тул. Еп. вѣд. ноябрь 1904 г., отдѣльный оттискъ, стр. 6, примѣч. 7.

26 декабря, суббота по Р. Хр. и Соборъ Пресвятыя Богородицы. Прокимень одинъ—Богородицы (Величить душа); два апостола: Богородицы—Евр. 306 и субботы по Р. Хр.—Тим. зач. 288; два евангелія: Мѡ. зач. 4 и Мѡ. зач. 46¹⁾).

27 декабря, недѣля по Р. Хр. Апостолъ—Гал. зач. 200; евангеліе—Мѡ. зач. 4. Рядъ недѣли по вышеуказанной причинѣ оставляемъ.

1-го января—Обрѣзаніе Господне и св. Василия Великаго. Апостолъ и евангеліе—празднику и святому.

2-го января—суббота предъ Просвѣщеніемъ. Оставивъ по указанной причинѣ рядовыя апостольскія и евангельскія чтенія, читаемъ только субботъ предъ Просвѣщеніемъ: апост.—Тим. 284, ев. Мѡ. 5.

3-го января—недѣля предъ Просвѣщеніемъ. Ап. Тимоѡ. зач. 298, ев. Мрк. зач. 1.

9-го янв.—суббота по Просвѣщенію. Апостолъ—Еф. зач. 233, евангеліе— Мѡ. зач. 7.

10-го января, недѣля по Просвѣщенію. Апостолъ—Еф. зач. 224 (отъ полѹ), ев.—Мѡ. зач. 8.

Съ 17 января начинается для субботъ и недѣль (воскресеній) *отступка*²⁾. Объ отступкѣ въ богослужебныхъ книгахъ есть два указанія: одно—въ Типиконѣ, подъ 7 января (6-е „зри“), другое—въ служебномъ евангеліи, въ „сказаніи,

¹⁾ Въ Типиконѣ нѣтъ указанія на тотъ случай, если Соборъ Пр. Богородицы придется въ субботу по Р. Хр. Говоримъ объ одномъ прокимнѣ (Собора) потому, что если бы присоединить еще и прокимень субботы по Р. Хр., то вышло бы два прокимна въ честь Богородицы: „Величить душа“... и „Помяну имя Твое“... Хотя, слѣдуя указанію Типикона о соединеніи субботы по Просвѣщенію съ 7-мъ января. (См. Тип подъ 7 янв., 4-ое „Зри“), должно-бы и въ субботу по Р. Хр., когда она случится вмѣстѣ съ Соборомъ Пр. Богородицы, пѣть два прокимна и субботнія апостольскія и евангельскія чтенія помѣщать прежде апостола и евангелія „Собора“.

²⁾ Для седмицныхъ дней: понедѣльника, вторника, среды, четверга и пятницы эта отступка, какъ увидимъ ниже, начинается ранѣе.

пріемлющемъ всего лѣта число евангельское“. Первое гла-
сить: „подобаетъ вѣдати, яко евангелія и апостолы отъ не-
дѣли мясопустныя, вспать исчитая, до недѣли пріидуція,
яже есть первая по просвѣщеніи недѣли. Увѣдавъ извѣстно,
въ кое число мѣсяца предъ мясопустною недѣлею будетъ не-
дѣля о мытари и фарисей, и вспать изчетъ на мимошедшія
недѣли возвратився, начни рядъ досязающъ недѣли о мытари
и фарисей. Аще же когда преизбудеть недѣль сихъ, оста-
вивъ, блюди рядъ о мытари и фарисей“. Но это указаніе
относится къ седмичнымъ евангельскимъ и апостольскимъ
чтеніямъ. Возвращаться на мимошедшія недѣли „вспать“ и
еще разъ *повторяютъ* уже разъ читанныя *воскресныя* апо-
стольскія и евангельскія зачала нѣтъ никакой необходимости.
Это открывается изъ второго извѣщенія объ отступкѣ, нахо-
дящемся въ служебномъ евангеліи: „Аще за еже не снизи-
тися пасцѣ не достанеть и въ Луцѣ субботъ и недѣль: чет-
ся тамо сія недѣля Матѳеева, яже есть Ханааняна, прежде
Закхеевы“. Почему это „сказаніе“ предполагаетъ недостатокъ
только въ *одномъ* воскресномъ евангельскомъ чтеніи и ука-
зываетъ возмѣщать этотъ недостатокъ евангельскимъ зача-
ломъ 17-й недѣли? Очевидно потому, что и при самой боль-
шей отступкѣ можетъ недостать евангельскаго зачала только
для *одного* воскресенья. А это будетъ тогда, когда въ рас-
предѣленіи евангельскихъ зачалъ будетъ соблюдаться нѣкото-
рая, такъ сказать, экономія, когда не будутъ совмѣщать
двухъ евангельскихъ чтеній въ одно воскресенье безъ осо-
бой къ тому нужды, какъ, напримѣръ, въ недѣли: по Р. Хр.,
предъ—и по—Богоявленіи. Отсюда понятно, почему уставъ
говоритъ о рядовыхъ чтеніяхъ въ поименованныя недѣли
подъ условіемъ, „аще не будетъ отступки“. Принимая все
сказанное во вниманіе, для января текущаго пасхальнаго
года слѣдуетъ установить такой порядокъ чтеній въ отноше-
ніи къ субботамъ ¹⁾ и недѣлямъ (воскресеньямъ):

¹⁾ Суббота всегда выдѣляется въ церковномъ уставѣ изъ ряда сед-
мичныхъ дней. Въ отношеніи къ апостольскимъ и евангельскимъ чте-

16 января, въ субботу—апостолъ и евангеліе 31 субботы, т.-е., Кол. зач. 249 (отъ полу), Лук. зач. 81.

17 января, въ недѣлю 35 по 50-цѣ—апостолъ и евангеліе 31 недѣли, т.-е., Тимоѳ. зач. 250 (отъ полу); Лук. зач. 93. Зачала этихъ субботы и недѣли оставались доселѣ еще не читанными.

23 янв., въ субботу слѣдуетъ читать апостолъ и евангеліе изъ субботы, предшествующей 17 недѣль, т.-е., Кор. зач. 156 и Мѳ. зач. 104.

26 янв., въ недѣлю 36-ю по пятидесятницѣ—апостолъ и евангеліе 17-й недѣли (хананейянки), Кор. зач. 182 и Мѳ. зач. 62. Помѣщаемъ здѣсь чтенія изъ 17-й недѣли на точномъ основаніи выраженія „сказанія“: „...чтется тамо сія недѣля Матѳеева, яже есть Ханааныня, прежде Закхеевы“. Практику ставить 17-ю недѣлю послѣднею предъ мытаревой недѣлей должно считать поэтому расходящеюся съ буквою устава ²⁾).

ніямъ она какъ бы ставится въ одну линію съ воскресеньемъ. Такъ называемыя „вводныя“ недѣлямъ (воскресеньямъ) соотвѣтствуютъ и вводныя субботы. Напр., недѣлѣ предъ Воздвиженьемъ соотвѣтствуетъ *суббота* предъ Воздвиженіемъ, недѣлѣ по Воздвиженію соотвѣтствуетъ и *суббота* съ таковыми же наименованіями; праздниѣ: Рождества Христова и Крещенія имѣють предъ собою и послѣ себя особыя недѣли и *субботы*. Достаточно заглянуть въ указатель при апостолѣ и евангеліи, чтобы сразу же замѣтить, что для субботы, подобно тому, какъ и для воскресенія, здѣсь назначены нарочитыя зачала, тогда какъ для прочихъ седмичныхъ дней эти зачала въ большинствѣ случаевъ идутъ по порядку (напр., въ седмицу 24-ю евангелія съ поведѣльничка до пятницы идутъ по порядку, съ 27 по 32 зачало, а въ субботу уже назначено не 33 зачало, а 101; или: въ седмицѣ 20-й для седмичныхъ дней идутъ зачала апостола съ 179—по 184, а для субботы назначено зачало 125). Да и въ правилѣ объ отступкѣ суббота ставится на одну линію съ недѣлей (воскресеньемъ): „Аще не доставеть и въ Луцѣ *субботѣ* и недѣль“. На этомъ основаніи мы и полагаемъ, что въ періодъ отступки субботы должны подчиняться тѣмъ же правиламъ, что и воскресенья и согласоваться съ послѣдними

²⁾ Таковую практику допускають таблицы, составленныя иѣкинѣмъ Еммануиломъ Гавзоніемъ и помѣщаемыя при евангеліяхъ „апракосѣ“. См. напр., въ евангеліи апракосѣ, изд. М. 1904 г., таблицу подъ заглавіемъ „Пасха Христова апріліи 18“.

30 янв., въ субботу, евангеліе и апостоль *святѣмъ* (см. Тип. гл. 15).

31 янв., *недѣля 37-я по пятидесятницѣ*, послѣдняя предъ недѣлею мытаря и фарисея. По смыслу „сказанія... всего лѣта“ въ эту недѣлю читается евангеліе о Закхее. Слѣдовательно, *апостоль—Тим. зач. 285 (отъ полу), ев. Лук. зач. 94.*

При отступкѣ для дней *седмичныхъ* слѣдуетъ руководствоваться вышеприведеннымъ указаніемъ Типикона подъ 7-мъ января (6-ое „зри“) и имѣть въ виду еще слѣдующее замѣчаніе „сказанія“ богослужебнаго евангелія: „аще въ пасха будетъ, никако-же, сирѣчь имать читатися и сія *седмнадцатъ* седмица, возвращайся всячь и отнюдуже хощещи, чти пять дней“. Такимъ образомъ, въ продолжительномъ пасхальномъ году должны быть двѣ отступки: одна въ январѣ (по Типикону), а другая въ сентябрѣ, на 17-й недѣль, или 18-й седмицѣ, (по „сказанію“ богослужебнаго евангелія). Сентябрьская отступка происходитъ оттого, что при ранней Пасхѣ Марковы зачала могутъ окончиться, а чтенія зачалъ отъ Луки начинать еще нельзя, такъ какъ еще не было понедѣльника по Воздвиженію—этого *terminus'a a quo* для зачалъ Луки ¹⁾. Между окончаніемъ Марковыхъ зачалъ и началомъ чтеній отъ Луки можетъ пройти пять дней. Для этихъ пяти дней и нужно брать евангелія изъ прежде читанныхъ, „отнюдуже хощещи“. Эта первая отступка предпосылается въ тѣхъ видахъ, чтобы достало зачалъ до недѣли по Просвѣщенію—этой начальной грани для второй, январьской отступки (см. Типиконъ 7 янв.). Въ текущемъ пасхальномъ году должна была имѣть мѣсто и первая отступка на 18 седмицѣ. Марковы зачала окончились въ пятницу 11 сентября. Ев. Луки по смыслу „сказанія“ нужно и можно было

¹⁾ Относительно того, какъ понимать „понедеѣльникъ по Воздвиженію“, подробно изложено въ статьѣ г. Лотоцкаго. Тул. епарх. вѣд. 1904 г. ноябрь; въ отд. брош. стр. 9—10

начинать только съ 21 сентября—съ понедѣльника по Воздвиженіи. Въ такомъ случаѣ седмичныя зачала должны были на одну седмицу отставать, т.-е., въ теченіе 19-й седмицы (21—25 сент.) должны были читаться зачала седмицы 18-й, въ двадцатую седмицу—зачала 19-й седмицы и т. д. Последняя, 33-я седмица пала бы какъ разъ на періодъ времени съ 4-го по 7-ое января, седмичныхъ евангелій достало бы до недѣли по Просвѣщеніи, съ каковой недѣли и должно было бы начать отступку, согласно Типикону. Для того, чтобы правильно воспользоваться этой второй отступкой, нужно знать, въ какое число придется недѣля о Мытарѣ и фарисеѣ, и сосчитать, сколько будетъ седмицъ отъ недѣли мытаревой до недѣли по Просвѣщеніи. Затѣмъ, „отъ недѣли *мясопустныя*... вспять исчетъ, въ мимошедшія недѣли возвратився“, нужно „начать рядъ, досязающъ недѣли о Мытарѣ и Фарисеѣ“. „Аще же когда преизбудеть зачалъ снхъ оставивъ, блюди рядъ о Мытари и Фарисеѣ“. И эти указанія Типикона понимаются различно. Одни думаютъ, что пачинать счетъ отступныхъ седмичныхъ зачалъ должно съ седмицы, которая слѣдуетъ за недѣлею (воскресеньемъ) Блуднаго сына, и предшествуетъ *мясопустному* воскресенью (по счету отъ пятидесятницы эта седмица 35-я). Если отъ недѣли по Просвѣщеніи до недѣли мытаревой случится пять седмицъ (самое большее число), не имѣющихъ евангельскихъ зачалъ, то слѣдуетъ съ 35 седмицы отсчитать пять седмицъ назадъ: 35, 34, 33, 32, 31—и читать въ седмицу, слѣдующую за недѣлей по Просвѣщеніи, зачала 31-й седмицы, далѣе пойдутъ зачала седмицы 32-й и т. д. Зачала 35 седмицы будутъ читаться какъ разъ предъ недѣлей о Мытарѣ и фарисеѣ¹⁾. Въ текущемъ году не ощущается нужды во всѣхъ пяти отступныхъ седмицахъ, а только въ *четырехъ* съ 11-го янв. по 5-ое февр., (при отступкѣ на 18 седмицъ); поэтому, пачавъ отступку съ 11-го янв. чтеніемъ зачалъ 31-й седмицы, должно закончить

¹⁾ Такъ толкуетъ правила объ отступкѣ г. Розановъ въ своемъ „Богослужебномъ Уставѣ“, стр. 329—332.

ее (отступку) евангельскими чтеніями изъ седмицы 34-й. Седмицу 35-ю надобно уже оставить и „блѹсти рядъ о мытари и фарисей“. Значить, въ текущемъ году „преизбѹдетъ недѣль сихъ“. т.-е., отступныхъ. По такому толкованію и *при отступкѣ на 18 седмиць* порядокъ евангельскихъ и апостольскихъ зачалъ въ седмицы между недѣлями по Просвѣщенію и о Мытарѣ и фарисеѣ будетъ такой: *въ седмицу, слѣдующую за недѣлей по Просв., по счету отъ 50-цы—34-ю, будутъ читаться зачала седмицы 31-й (первое евангельское чтеніе въ понедѣльникъ — Мрк. зач. 42, апостоль — зач. 329), въ седмицу 35-ю—зачала седмицы 32-й, въ седмицу 36-ю—зачала седм. 33-й, въ 37-ю седмицу—зачала седм. 34-й. На этой седмиць отступка кончается.*

Но при этомъ вполне возможно и такое явленіе: оо. настоятели и уставщики могли не воспользоваться отступкой на 18 седмиць и могли начать чтенія отъ Луки *непосредственно послѣ Марковыхъ зачалъ*, т. е. вести рядъ евангельскихъ чтеній отъ Луки не съ понедѣльника по Воздвиженію (21 сент.), а съ 18-й седмицы (съ 15 сент.). Такой противоуставный порядокъ имѣетъ ту практическую выгоду, что при соблюденіи его не приходится переставлять седмичныхъ зачалъ на одну седмицу назадъ: каждая седмица будетъ слѣдовать за своей недѣлей (воскресеньемъ). По въ такомъ случаѣ седмичныя зачала кончатся ранѣе недѣли по Просвѣщенію, т. е. ранѣе Типиконоваго срока, съ котораго можно начинать вторую (январскую) отступку; 33-я седмица (съ 4 по 8 января) окажется безъ подлежащихъ зачалъ. Придется, такимъ образомъ, начать отступку, вопреки уставу, ранѣе недѣли по Просвѣщенію на одну седмицу и воспользоваться всѣми возможными при самой большей отступкѣ пятью седмицами, а именно: *съ 4 по 8 янв. читать зачала седмицы 31-й, съ 11 по 15 янв.—зачала седмицы 32-й; съ 18 по 22 янв.—зач. седм. 33-й, съ 25 по 29 янв.—зач. седм. 34; съ 1 по 5 февр.—зачала седмицы 35-й.*

Съ такимъ счетомъ отступныхъ седмиць отъ недѣли мясопустной соглашаются не всѣ уставщики. Неоднократно

цитруемый вами г. Лотоцкій понимаетъ выраженіе Типикона „отъ недѣли мясопустныя вспять исчитая“ иначе. Онъ не считаетъ удобнымъ начинать счетъ седмиць отступки съ седмицы 35, т. е., слѣдующей за воскресеньемъ о Блудномъ сынѣ, а ведетъ счетъ съ седмицы 31-й, предшествующей мытаревой недѣлѣ¹⁾). Но и самъ г. Лотоцкій не выдерживаетъ до конца своего принципа и въ нѣкоторыхъ случаяхъ считаетъ возможнымъ заканчивать отступныя седмицы седмицею 34-ю, предъ недѣлею Блуднаго²⁾). При такомъ порядкѣ все равно придется читать зачала седмиць 33 и 34 два раза: въ первый разъ въ періодъ отступки, а вторично на своемъ мѣстѣ. Поэтому мы не находимъ достаточныхъ данныхъ оказать въ этомъ случаѣ предпочтеніе мнѣнію г. Лотоцкаго.

Естественно ожидать, что и съ нашими толкованіями будутъ согласны далеко не всѣ уставщики, хотя бы относительно отступки для седмичныхъ дней. Не рассчитывая на полную непогрѣшимость своихъ сужденій, мы утѣшаемъ себя надеждою, что наша замѣтка подастъ поводъ для нѣкоторыхъ оо. настоятелей и уставщиковъ самимъ заняться разсмотрѣніемъ всѣхъ указаній устава объ отступкѣ, а не полагаться на легкомысленныя указанія нашихъ свѣтскихъ календарей, въ которыхъ въ отдѣлахъ о евангельскихъ и апостольскихъ чтеніяхъ часто встрѣчаются изумительныя небрежности³⁾.

В. Пр—ій.

При семь №-рѣ рассылается объявленіе Редакціи
„Русскій Паломникъ“ о подпискѣ на 1910 г

¹⁾ Цит. брош. г. Лотоцкаго стр. 11, прим. 24.

²⁾ Тамъ-же таблица на стр. 14 и примѣч. 25.

³⁾ Напр., въ „Крестномъ“ календарѣ на 1910 г. на воскресенье 17 янв. указано: апостоль—евр. XI, 7—16; еванг.—Мѡ. I, 25, т. е., зачала недѣли предъ Р. Хр. Св. отецъ; на воскресенье 24 янв.—ап. Гал. I, 19, ев. Мѡ. II, 13—23, т. е., недѣли по Р. Хр..

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ, 30-го ноября 1909 г.

Цензоръ священникъ Николай Гроссу.

Киевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на шѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 50.

Подписка принимается въ редак-
ци журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года декабря 13-го дня.

Содержаніе: I. Значеніе доброй жизни пастыря, какъ примѣра, въ пастыр-
ской дѣятельности. I. Т.—II. Что говорить о проповѣдническомъ
словѣ? (Окончаніе). Н. Пальмовъ.—III. Христіанское названіе
женщины и женская эмансипація нашего времени. (Продолженіе).
Прот. Н. Стеллецкій.—IV. Запѣтка. О предбрачныхъ свидѣтель-
ствахъ.—V. Объявленіе.

Значеніе доброй жизни пастыря, какъ примѣра, въ пастырской дѣятельности.

Въ № 42 „Руководства для сельскихъ пастырей“ с. г.
помѣщена небольшая, но глубоко-назидательная и въ высшей
степени поучительная „запѣтка“ („Къ сожалѣнію“) свящ. А.
Матвѣева о томъ, что наши пастыри подчасъ *сами*, именно
своимъ худымъ примѣромъ и нравственно-предосудительными
поступками колеблютъ и разрушаютъ великій авторитетъ па-
стырства. Особенно возмущается о. Матвѣевъ дурнымъ обы-
чаемъ современныхъ батюшекъ, при встрѣчахъ съ своими
пасомыми, подавать имъ руку вмѣсто осѣненія ихъ благосло-
веніемъ во имя св. Троицы, какъ подобаетъ истинному па-

стырю стада Христова. Далѣе о. Матвѣевъ указываетъ на тотъ печальный фактъ, что современные іереп крайне блазнительно ведутъ себя при поѣздкахъ по желѣзнымъ дорогамъ. Обычная картина, по словамъ о. Матвѣева, что батюшка, входя въ залъ станціи,—залъ, наполненный пассажирами, не только не осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ предъ находящейся тамъ св. иконой, но даже не снимаетъ и шапки или шляпы. „Только иногда, надвинувъ послѣднюю „на бекрень“, преспокойно вынимаетъ изъ кармана (куда часто кладетъ и св. просфору и пр.) папиросу и закуриваетъ“. Закачивается „замѣтка“ о. Матвѣева добрымъ, святоотеческимъ пожеланіемъ нашимъ пастырямъ, чтобы они всегда сознавали важность и святость своего великаго сана и, согласно ему, осмотрительно устроили „каждый шагъ своей жизни“.

Мы лично вполне раздѣляемъ глубокую скорбь свящ. Матвѣева объ индифферентномъ отношеніи многихъ современныхъ пастырей къ дѣламъ вѣры и о блазнительномъ для паствы ихъ поведеніи. Невыразимо грустно и тяжело становится за современное пастырство, когда слушаешь слова и рѣчи иного представителя его съ—одной стороны, и посмотришь на жизнь его—съ другой; невольно бросается въ глаза то несогласіе, какое замѣтно здѣсь между ними. Потому-то рѣчи современныхъ пастырей многими мірянами нынѣ совсѣмъ и не слушаются. Вѣдь каждый знаетъ, какъ нерѣдко, особенно въ городскихъ церквахъ, при одномъ поставленіи аналогія на амвонѣ, многіе богомольцы спѣшатъ удалиться изъ храма... Каждый знаетъ и то, сколько ропота, брани, недовольства и укоризны за послѣднее время вылило было по адресу нашего духовенства. Братскія вразумленія и наставленія современнаго пастырства стали наконецъ слышаться со стороны самихъ же пастырей.

Въ чемъ же главная сила всѣхъ современныхъ недобрыхъ толковъ и сужденій о пастырствѣ? Отчего надасть престижъ и обаяніе духовнаго чина, предъ конемъ такъ благоговѣли и преклонялись наши отцы и прадѣды? Чѣмъ объяс-

нить то разобщеніе и отдѣленіе паствы отъ пастыря, которое за послѣднее время стало возрастать все болѣе и болѣе?

Но нашему мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ всѣхъ вышеназванныхъ золъ и недуговъ пастырской жизни—въ самомъ же пастырствѣ, именно — въ поступкахъ перѣдкихъ представителей его, отрицательно дѣйствующихъ (поступкахъ) на нестроеніе паствы. Надо сознаться, что современное „освободительное“ движеніе положило печать свою и на духовенство наше. Никто не будетъ отрицать того прискорбнаго факта, что не мало современныхъ пастырей не за собою ведутъ міръ, а сами бѣгутъ за міромъ, сами стремятся подражать ему—и не только въ добромъ, но и худомъ. Вотъ почему жизнь такихъ пастырей Церкви ничѣмъ не отличается отъ жизни его пасомыхъ; вотъ почему часто послѣдніе, видя въ своемъ батюшкѣ по всему подобнаго себѣ человѣка, облеченнаго лишь только въ рясу, естественно перестаютъ видѣть въ немъ дѣйствительнаго учителя евангельской истины, провозвѣстника Божественной правды, добраго отца и руководителя въ духовно-правственной жизни, а нѣкоторые, особенно интеллигенты, такъ прямо считаютъ его какимъ-то почтеннымъ архаизмомъ, съ которымъ приходится вѣдаться въ Рождество и Пасху, припасши для этого закуску и нѣсколько, вовсе не интересныхъ никому, вопросовъ о богослуженіи или праздникахъ.

Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, благочестивый прихожанинъ искренно чтить, цѣнить и уважать своего пастыря, признавать въ немъ нравственный авторитетъ и считать его за судю своихъ дѣяній, когда видѣть, что въ жизни пастыря нарушается евангельская нравственность; когда замѣчается, что онъ, пастырь, не служителъ небесной правды и Божественной истины, не „небесный человѣкъ“, а служителъ духа времени. Я, напримѣръ, никакъ не могу спокойно, безъ осужденія и непріязни смотрѣть на современныхъ „прогрессивистовъ“—іереевъ, которые, къ великому соблазну всѣхъ вѣрующихъ, стригутъ свои волосы (иногда прямо подъ съобку)

и бороды, свободно и на всякомъ мѣстѣ раскуриваютъ, привѣтствуютъ рукопожатіемъ своихъ пасомыхъ, стыдятся даже называть себя пастыремъ и „отцемъ“ пасомыхъ и предпочитаютъ именоваться: „Иванъ Максимычъ“, „Павель Тимофенчъ“. (И это творятъ даже почтенные, украшенные съдѣлами протоіереи). Намъ лично приходилось наблюдать возмутительную картину, какъ одинъ о. благочинный отказывался благословлять подчиненныхъ ему діакона и псаломщика и „любезно“, „товарищески“ простиралъ къ нимъ для пожатій свою десницу. Въ другой разъ сей же маститый старецъ— протоіерей и „благочинный“, при многочисленномъ стеченіи интеллигентной публики, творилъ великое „безчynie“ свободно, имѣя на себѣ наперсный крестъ, раскуривалъ сигару.

При такомъ отношеніи „современныхъ“ пастырей къ своему высокому и святому званію, при ихъ желаніи ни въ чемъ не отстать отъ міра, но во всемъ рабски слѣдовать и подражать ему,—вопреки словамъ Христа къ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и ко всѣмъ пастырямъ: „вы—не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра“ (Іоанн. 15, 19; 17, 14. 16),—трудно говорить объ обновленіи нашихъ приходоѡ, объ улучшеніи въ нихъ церковной жизни, объ идеальныхъ, отеческихъ отношеніяхъ между пастыремъ и паствой. Достоинство истиннаго пастыря Церкви въ томъ и состоитъ, чтобы говорить подобно ап. Павлу: „аще человекѡмъ угождалъ быхъ. Христовъ рабъ не быхъ убо былъ“ (Гал. 1, 10). И замѣчательно, не только Свящ. Писаніе, творенія свв. отцевъ и учителей Церкви, но даже свѣтскіе писатели, когда желаютъ представить типъ пастыря, представляютъ его не иначе, какъ борцомъ съ міромъ. Возьмете ли сочиненіе Лѣскова: „Владычній Судъ“, „Соборяне“, „На краю свѣта“, или типъ идеальнаго сельскаго священника у Мещерскаго, или появленіе духовниковъ у умирающихъ грѣшниковъ и грѣшницъ въ романахъ Вс. Крестовскаго и Всев. Соловьева,—вездѣ пастырь является или въ борьбѣ съ міромъ, или какъ живая противоположность міру. Напротивъ, самымъ тяжкимъ обви-

непиемъ духовенства служить въ устахъ свѣтскихъ писателей уподобленіе ихъ мірскимъ дѣятелямъ, и порядковъ церковной жизни—порядкамъ чиновничьимъ. Здѣсь опять сойдутся писатели самыхъ разнообразныхъ школъ: „возьмете ли вы „Девятый валъ“ Данилевскаго, или романы Тургенева и поэмы Некрасова, или статьи Самарина, Аксакова, Влад. Соловьева, Елагина—вездѣ уподобленіе жизни и поступковъ священника дѣйствию міра свѣтскаго является самою тяжелою виною духовенства (архіеп. Антоній: „О православномъ пастырствѣ“). Облеките пастыря Церкви въ свѣтское платье, остригите ему волосы, посадите на велосипедъ или автомобиль, пустите въ театръ, циркъ, позвольте танцовать, разрешите второй, а, можетъ быть, и третій бракъ,—словомъ, сравняйте его съ міряниномъ, и вы ясно увидите, какое уваженіе къ такому пастырю будетъ чувствовать мірянинъ.

Нѣтъ, ужъ если пастыри, по слову Христа, „соль земли“, „свѣтъ міра“ (Мѡ. 5, 13, 14), такъ пусть они и будутъ дѣйствительно „свѣтомъ“. Пусть пастыри свѣтятъ міру своими добродѣтелями, воздержаніемъ, молитвою, смиреніемъ, чистымъ и святымъ житіемъ. Пусть современные „прогрессисты“—іереи вспомнятъ ту великую и несомнѣнно забытую ими истину, что христіанство—не доктрина, а прежде всего и главнымъ образомъ *жизнь*, жизнь совершеннѣйшая, истиннѣйшая, какую далъ міру Христосъ, что путь христіанства проходится преимущественно „*дѣланіемъ*“, а не искусствомъ говорить (преп. Исидоръ Пелусіотъ), что дѣйствительное и правильное пониманіе христіанства возможно не чрезъ діалектику, не путемъ разбора и изслѣдованія отвлеченнаго теоретическаго ученія христіанства, а именно нравственно-духовнымъ опытомъ, наблюденіемъ и самымъ переживаніемъ реальной жизни по Христу. Проповѣдь о царствѣ Божіемъ, стронтелями коего на землѣ должны быть пастыри, состоитъ, по апостолу, не въ препрѣтельныхъ словесахъ мірскаго витійства, но въ „явленіи духа и силы“ (1 Кор. 2, 4). Отсюда, плодною будетъ лишь та проповѣдь, учитель которой

через исполненіе заповѣдей пребываетъ во Христѣ (Іоани. 15, 4), въ Его любви. Дѣйственно будетъ служеніе (паствѣ) лишь того пастыря Церкви, который имѣетъ христіански-чистое настроеніе души, проводить добрую, нравственно-безукоризненную жизнь. „Собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы?“—спрашивалъ Спаситель, и заключаетъ: „не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево *худое* приносить плоды *добрые*“ (Мѣ. 7, 16. 18). Поэтому-то Господь называетъ тщетными миссіонерскіе труды злочестивыхъ книжниковъ (Мѣ. 23, 15). Тотъ, кто только говоритъ, а самъ не поступаетъ, какъ нужно, подобенъ, по словамъ святителя Димитрія Ростовскаго, грому во время суши, безъ дождя. Какая польза отъ такого грома, если на жаждущую землю не прольется дождь; точно также какая польза пасомымъ отъ пастыря, поучаемымъ отъ учителя, если онъ своими собственными поступками и дѣлами не только не наставляетъ, а, наоборотъ, развращаетъ? „Что художникъ, который живописуетъ на стѣнахъ воду и не можетъ тою водою утолить своей жажды, и что человекъ, который видитъ прекрасные сны, то же и слово, неоправданное дѣятельностью“. Недаромъ и ап. Павелъ, научая пастыря Ефесской церкви руководить другими, прежде всего заповѣдуетъ самому ему лично „вникать въ себя и ученіе, заниматься сими постоянно“ (1 Тим. 4, 16), самому быть „образцемъ“, примѣромъ для вѣрныхъ не только въ словѣ, но и въ *житіи* (4, 12). „Слово бо безъ образа добродѣтельнаго житія,—прекрасно въ данномъ случаѣ поясняетъ мысль апостола святитель Ростовскій,—*нѣсть дѣйственно*. Буди кто носилъ на языцѣ аки медь сладкоглаголаніе, аще въ дѣлѣхъ зрится желчь соблазновъ, не усладитъ сердца слышателя... цныхъ просвѣтити хотяи *самъ* да будетъ не тьма, но свѣтъ“.

И дѣйствительно, только слово *дѣлано* пастыря Церкви бываетъ живо и дѣйственно. Слово такого пастыря, сказанное изъ глубины его сердца, какъ плодъ его личнаго наблюденія и опыта и воочію всѣхъ подтверждаемое примѣромъ

его собственной благочестивой жизни, въ моментъ передачи его другимъ пріобрѣтаетъ силу убѣдительности и доказательства, оно проникаетъ прямо въ душу слушателей, властно дѣйствуетъ и покоряетъ ее. Отъ такого учителя нравственности вѣтъ какая-то особая, благодатная теплота, которая все согрѣваетъ, возбуждаетъ нравственную энергію и рождаетъ готовность на всякаго рода духовныя дѣла и подвиги. Такіе пастыри „невольнo влекутъ къ себѣ“; они, по прекрасному выраженію преосв. Феофана (Затворника), „замѣняютъ апостольскія мрежи. И какъ около сильнаго магнита собирается множество опилокъ, или какъ сильный характеръ увлекаетъ слабыхъ, такъ и обитающая въ нихъ сила духа влечетъ къ себѣ всѣхъ“.

Итакъ, вотъ гдѣ сила и залогъ къ успѣшному прохожденію пастырскаго служенія, къ тѣсному духовному соединенію паствы съ своимъ пастыремъ, къ созиданію изъ множества вѣрующихъ единой нераздѣльной семьи, — это въ личномъ подвигѣ пастыря Церкви, въ истинно-христіанскомъ его поведеніи, въ доброй, святой его жизни. Поменьше словъ, побольше дѣла! Пусть жизнь пастыря Церкви будетъ для его пасомыхъ живымъ свидѣтельствомъ святости Христовой вѣры, образцемъ чистѣйшей нравственности, побужденіемъ къ духовному самоусовершенствованію, чтобы можно было кому угодно (и вѣрующему и невѣрующему) указать на нее и сказать словами св. Златоуста: „прійди и учись“ — истинному воплощенію и осуществленію христіанства. Значеніе примѣра въ дѣлѣ духовнаго воспитанія и руководства другихъ громадное, — онъ сильнѣе и дѣйственнѣе всякихъ рѣчей и наставленій. *Verba docent, exempla trahunt.* И это повятно: примѣръ есть конкретная наглядность, а наставленіе — всегда большая или меньшая абстракція. Вотъ почему полезно и необходимо каждому пастырю Церкви начертать на скрижаляхъ своего сердца слѣдующія великія слова св. Димитрія Ростовскаго: „аще учитель еси (а таковымъ и является пастырь), буди яко ангелъ Божій житіемъ непороченъ; глаголай словеса Божія, не дѣлай демонскія дѣла“.

I. T.

Что говорятъ о проповѣдническомъ словѣ?

(Окончаніе ¹⁾).

IV.

Говорить — легко, находить о. А. Пономаревъ въ Екатеринбургскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ ²⁾); говорить—удовольствіе и—совѣмъ не тягота, находитъ и авторъ статьи: „Простѣйшіе опыты живаго проповѣдничества“, въ Донскихъ епарх. Вѣдомостяхъ ³⁾). Оба автора — сторонники изустнаго церковнаго слова, которое они называютъ то живымъ, то импровизированнымъ.

Мы, прежде всего, поставили бы возраженіе противъ отождествленія слова изустнаго съ словомъ живымъ и импровизированнымъ. Выше мы имѣли случай замѣтить и теперь повторимъ, что говорить гладко и безъ тетрадки не значить, съ тѣмъ вмѣстѣ и непремѣнно, предлагать слушателямъ слово, согрѣтое въ душѣ проповѣдника и вызывающее духовную теплоту въ сердцѣ слушателей,—слово, „дающее, возбуждающее и направляющее жизнь“, по выраженію архіеп. Амвросія харьковскаго. Безукоризненное съ внѣшней стороны слово можетъ быть мертвенно по своему внутреннему содержанію, являясь тѣмъ „киваломъ бряцающимъ и мѣдью звенящею“, съ которыми сравнивалъ св. апостоль Павелъ слово, лишенное внутренней, духовной силы.

Точно также, говорить наизусть не значить еще импровизировать. Подъ импровизаціей разумѣется слово безъ всякаго приготовленія, даже безъ предварительнаго выбора для него предмета. Какъ таковое, импровизированное слово составляетъ рѣдкій видъ церковной проповѣди и примѣняется

¹⁾ См. № 49-й за 1909-й г.

²⁾ № 33 за т. г., стр. 488.

³⁾ Перепечат. въ Черниг. епарх. Вѣдом. № 20 за т. г. стр. 741.

въ исключительныхъ случаяхъ, когда какія-либо неожиданныя и непредвидѣнныя обстоятельства заставляютъ проповѣдника немедленно отозваться на нихъ словомъ. Но всякой проповѣди, будь это проповѣдь даже и изустная, проповѣдникъ долженъ тщательно приготовляться. Правда, существуетъ взглядъ, что проповѣдникъ можетъ всегда выходить на церковную кафедру безъ приготовленія въ надеждѣ, что тотчасъ проповѣдника озаритъ вдохновеніе, которое укажетъ ему предметъ проповѣди и поможетъ раскрыть его съ надлежащею силою и красотою слова. Но этотъ взглядъ, полагающій суть проповѣди въ одномъ вдохновеніи, осужденъ наукою церковнаго проповѣдничества, которая, устами наиболѣе авторитетныхъ своихъ представителей, требуетъ тщательнаго приготовленія проповѣди, предостерегая сторонниковъ „вдохновенія“ отъ опасности подвергнуться строгому осужденію свыше за небрежное исполненіе дѣла Божія. *Прокляты всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ*, говоритъ св. апостоль Павелъ ¹⁾).

Говорить—легко, находятъ цитируемые нами авторы.—Разумѣется, при нѣкоторомъ дарѣ слова и томъ упрощенномъ взглядѣ на проповѣдь, которому хотять теперь слѣдовать многіе проповѣдники,—не трудно продержаться на церковной кафедрѣ нѣсколько минутъ. Но большая ли польза будетъ отъ этого слушателямъ? Вѣдь проповѣдникъ выходитъ на кафедру не для того, чтобы только говорить, но для того,

¹⁾ В. О. Пивницкій въ книгѣ „Церковное проповѣдничество и его основные законы“ приводитъ интересный отвѣтъ одного виднаго протестантскаго проповѣдника Гарриса на вопросъ другого проповѣдника. „Не правда ли, г. пробствъ“, обратился съ вопросомъ къ Гаррису тотъ проповѣдникъ,—„вы уже не записываете своихъ проповѣдей? Когда я былъ молодъ, я записывалъ ихъ, а теперь Духъ Святый даетъ мнѣ, что я долженъ говорить“ — „Я и теперь записываю всѣ свои проповѣди“, отвѣтилъ Гаррисъ. „Единственный разъ въ своей жизни я не сдѣлалъ этого. Тогда Духъ Святый сказалъ мнѣ на кафедрѣ: Клавдій, Клавдій (такъ звали Гарриса), ты лѣнивъ сталъ! Ничего другого не сказалъ мнѣ Духъ Святый“.

Стр. 284—285.

чтобы говорить назидательно и во спасеніе братіямъ. Но говорить такъ—легко ли?

Нѣтъ и нѣтъ! отвѣчаютъ представители науки церковнаго проповѣдничества. „Дѣло проповѣдника мы считаемъ дѣломъ высокимъ и святымъ, требующимъ отъ служителя церковнаго слова всевозможнаго съ его стороны вниманія. А это вниманіе влечетъ за собою усердіе и трудъ. Чтобы совершать достойнымъ образомъ святое дѣло, порученное проповѣднику, отъ него ожидается и требуется возможное съ его стороны напряженіе душевныхъ силъ, ему дарованныхъ... Нуженъ трудъ, какъ для совершенія проповѣдническаго служенія вообще, такъ и для всѣхъ частныхъ, отдѣльныхъ проявленій его“. Вотъ голосъ маститаго русскаго гомилета В. Ѳ. Пѣвницкаго, который и самъ воспитался на лучшихъ образцахъ церковнаго слова и подарилъ церковную каѳедру собственными превосходными проповѣдями ¹⁾.

Высокій взглядъ на церковное слово обязываетъ проповѣдника, помимо заботы объ общей подготовкѣ къ проповѣдническому служенію, тщательно приготовляться къ каждой проповѣди. И цитируемые нами авторы признаютъ необходимость тоже нѣкоторой подготовки къ тому слову, которое они называютъ живымъ и импровизированнымъ. Авторъ статьи: „Простѣйшіе опыты живого проповѣдничества“, высказываетъ: „Обязательно нужно продумать евангеліе наканунѣ. Прочитайте русскій переводъ, и у васъ явится вереница мыслей, которыя нужно систематизировать, т. е. намѣтить порядокъ главныхъ мыслей, или пунктовъ поученія и закрѣпить въ памяти“ ²⁾. Авторъ статьи: „Пастырь-проповѣдникъ“, также указываетъ на необходимость предварительной подготовки къ проповѣди и считаетъ лучшимъ временемъ для того время послѣ чтенія вечернихъ или утреннихъ правилъ предъ литургіей. „Тогда“, говоритъ онъ, „въ душѣ пропо-

¹⁾ „Церковное краснорѣчіе и его основные законы“, с. 261—252.

²⁾ Черниговск. епарх. вѣдом. с. 740.

вѣдника бываетъ молитвенное настроеніе—лучшій залогъ хорошей, одушевленной проповѣди“¹⁾. До мінімум'а сводить подготовку къ проповѣди о. А. Пономаревъ, отводя ей, по видимому, лишь время чтенія апостола и евангелія. „Бывало наканунѣ, въ субботу, начнешь соображать, что завтра на литургіи сказать: то, другое, третье—масса темъ, неотложныхъ, важныхъ вопросовъ, требующихъ пастырскаго разъясненія и освѣщенія. Все бы сказалъ, да какъ все сольешь воедино, чтобы было кратко, ясно, точно и понятно прихожанамъ?! Думаешь, думаешь—ничего! Отрывки текстовъ,—фразы изъ гдѣ-то и когда-то читанныхъ проповѣдей. Придешь въ храмъ. Начнется служба. Время чтенія апостола, евангелія. Вотъ и тема нашлась: выяснить прочитанное“²⁾.

Не слишкомъ ли, однако, ограниченное время для подготовки къ проповѣди назначаютъ цитируемые авторы? За нѣсколько часовъ, и даже—минуть (о. А. Пономаревъ) трудно выбрать тему и разработать ее. Самое большее, чего можно достигнуть при столь кратковременной подготовкѣ къ проповѣди, это—разсказать своими словами евангеліе и бросить слушателямъ два-три нравственныхъ урока, которые едва-ли не сведутся къ шаблоннымъ фразамъ, надѣждающимъ слушателямъ отъ частнаго и однообразнаго ихъ повторенія. Чѣмъ, какъ не шаблономъ, отзывается схема импровизаций, съ которою знакомитъ насъ авторъ статьи: „Простѣйшіе опыты живаго проповѣдничества“, и подражать которой рекомендуетъ начинающимъ импровизаторамъ? „Прочитайъ Евангеліе, которое тотчасъ цѣлуютъ подошедшіе“, разсказываетъ нашъ авторъ³⁾, я закрываю его, кладу на поданный съ клироса

¹⁾ Вологодск. енарх. Вѣдом. с. 414.

²⁾ Екатеринбург. енарх. Вѣдом., стр. 488.

³⁾ Надо замѣтить, что у себя въ церкви онъ завелъ обычай говорить проповѣдь послѣ евангелія. Но какая надобность въ измѣненіи обычнаго порядка во времени сказыванія проповѣди? Будто бы, какъ объясняютъ, легче слушать проповѣдь въ началѣ обѣдни, чѣмъ въ концѣ... Но если проповѣдь хороша, то не затруднится богомольцы выслушать ее и въ концѣ литургіи!

аналой и начинаю: „Въ сегодняшнемъ евангелии, братіе, повѣствуется“... Слѣдуетъ пересказъ евангелія и далѣе, самымъ естественнымъ и легкимъ порядкомъ, слѣдуетъ поученіе на тему евангелія простыми, понятными народу словами. Затѣмъ, дѣлаю приложеніе къ ихъ жизни и обычаямъ: вы такъ-то и такъ поступаете, а нужно иначе, по-евангельски, по-Божьему, и—заключеніе о силѣ вѣры, обращенія ко Христу, о молитвѣ“¹⁾. Нашъ авторъ свидѣтельствуетъ, что такого рода проповѣди имѣють большой успѣхъ. Слушатели искренно благодарятъ за нихъ проповѣдника.

Но, намъ кажется, успѣхъ шаблонной проповѣди и благодарность за нее со стороны слушателей находятъ простое объясненіе въ томъ, что у нашего народа есть сильная жажда къ проповѣдническому слову. Онъ охотно внимаетъ и слабымъ его опытамъ, потому что для утоленія духовнаго голода и такія проповѣди даютъ нѣкоторую пищу. Не оставляетъ народъ безъ вниманія и книжныя проповѣди, которыя иногда предлагаются ему. Народъ выслушиваетъ ихъ и умиляется²⁾.

Однако, надо имѣть въ виду, что развитіе народа идетъ теперь быстро, и не далеко уже то время, когда онъ перестанетъ удовлетворяться шаблонными и малосодержательными, хотя бы и изустными, проповѣдями. Онъ захочетъ слушать истинно назидательное проповѣдническое слово. Въ виду этого, какъ и вообще въ виду важности самого проповѣдническаго служенія, на подготовку къ нему и на исполненіе его необходимо обратить самое серьезное вниманіе, несравненно болѣе серьезное, чѣмъ то, какое рекомендуется новыми учителями проповѣдничества. Надо имѣть большую самоувѣренность, чтобы отвергать, какъ они это дѣлають, всѣ руководства и пособія по части составленія проповѣдей, ука-

¹⁾ Черниг. епарх. Вѣдом., стр. 740.

²⁾ О. прот. Н. Кратировъ сдѣлалъ въ этомъ случаѣ совершенно правильное наблюденіе. Донск. епарх. Вѣдом. № 29, стр. 790.

зывая на одинъ источникъ ихъ Библію или даже—только Евангеліе и при этомъ усвояя одному собственному разуму руководство при пользованіи Боговдохновеннымъ источникомъ. „Ничего мнѣ не надо“, говоритъ о. А. Пономаревъ: „была бы Библія. Ее я читаю довольно часто, черпая изъ этой сокровищницы вѣчной мудрости матеріаль для моихъ импровизацій“¹⁾. „Желая выполнить долгъ учительства“, говоритъ авторъ статьи: „Простѣйшіе опыты живого проповѣдничества“, „я сначала перебралъ множество сборниковъ, но ни одинъ меня не удовлетворилъ; все это было не мое, не одушевляло меня, не отвѣчало моменту, состоянію слушателей. Я бросилъ книги и приобрѣлъ маленькое русское Евангеліе, думая воспользоваться имъ прямо, какъ самымъ лучшимъ сборникомъ поученій“²⁾.—Но неужели святоотеческія творенія, полныя глубокихъ и возвышенныхъ мыслей, вѣющія съ каждой страницы благодатнымъ духомъ помазанія, заставлявшія великихъ богослововъ преклоняться предъ ними и дававшія богатый матеріаль для слова лучшимъ проповѣдникамъ, оказываются теперь уже ненужными при разработкѣ проповѣдическихъ темъ? Неужели нашимъ нынѣшнимъ проповѣдникамъ нечему поучиться у славныхъ служителей церковнаго слова, хотя бы—русскихъ, и нечего взять изъ проповѣдической литературы въ качествѣ того же матеріала при изготовленіи собственнаго слова? Неужели они махнули рукою на всю область предметовъ, которыми пытались обезсмертившіе свое имя проповѣдники?

Какъ видно, серіозная подготовка къ проповѣди перестала быть обязательною для современныхъ импровизаторовъ. Они безъ затрудненія говорятъ (имъ легко стало говорить) и часто говорятъ, но возрасла ли отъ этого проповѣдь въ силѣ и дѣйственности—большой вопросъ.

Между тѣмъ, съ какою тщательностью приготовляли проповѣди выдающіеся проповѣдники. Какія заботы припла-

²⁾ Екатериинб. епарх. Вѣдом., стр. 489.

¹⁾ Черниг. епарх. Вѣдом., стр. 739.

гали они объ общемъ проповѣдническомъ образованіи своемъ. и какого труда стоили имъ тѣ проповѣди, которыя именно давали, возбуждали и направляли жизнь души. Печать не вдохновенія и помазанія только лежитъ на проповѣдяхъ такихъ великихъ витій, каковы, напр., м. Филаретъ московскій, архіеп. Иннокентій херсонскій, архіеп. Димитрій херсонскій, архіеп. Никоноръ херсонскій, архіеп. Амвросій харьковскій, но и печать *упорнаго труда*. А вотъ, напр., признаніе протоіерея Р. Путятина, который за простоту и общедоступность своихъ проповѣдей получилъ названіе проповѣдника народнаго. „И самое краткое поученіе“, признавался онъ, „не малаго труда мнѣ стоитъ: вчера часа три, четыре я все рождалъ, и десять строкъ, не болѣе, успѣлъ написать. Да, я всю ночь мучился, не спалъ, по милости приготовленія поученія и доходилъ вчера до совершеннаго изнеможенія. Дорого бы я далъ, если бы кто меня избавилъ отъ моего труда!.. Тяжелое дѣло сочинительство. Сколько однѣхъ тревогъ, сомнѣній, недоумѣній, опасеній...—Вотъ искушеніе! Первый часъ за полночь, а я не сплю, и никакъ уснуть не могу. Думалъ о поученіи къ завтраму: ничего не могъ придумать. Отчего эти поученія не даются намъ такъ, безъ труда? Мало того, что трудъ для нихъ необходимъ: нѣтъ, надобно... ужъ я не знаю, какъ сказать, что надобно. Надобно измучиться, изъ силъ выбиться, послѣ большихъ усилій, послѣ долгаго напряженія, и все-таки этого мало. Не напрасно говорятъ, что для великаго писателя вдохновеніе необходимо, т. е. необходимо, чтобы выше что-нибудь пришло къ тебѣ, чтобы что-нибудь натолкнуло тебя на мысль. Что меня заставляетъ заниматься, или, вѣрнѣе сказать, мучиться надъ поученіями? А я въ собственномъ смыслѣ мучусь или мучился надъ нѣкоторыми изъ нихъ“¹⁾.

¹⁾ Эта цитата изъ „Дневника“ прот. Р. Путятина у В. О. Пшоничаю въ книгѣ „Церковное краснорѣчіе и его основныя законы“, с. 283—284.

Если всякая проповѣдь требуетъ приготовленія, то различіе между проповѣдникомъ, сказывающимъ свое слово наизусть, и проповѣдникомъ, произносящимъ слово по тетрадѣ, будетъ сводиться къ несущественному. Оба они заранѣе готовятъ содержаніе слова, но первый передаетъ его свободною рѣчью, а второй—съ помощью тетрадки. И оба они могутъ произвести на слушателей одинаково сильное впечатлѣніе. Конечно, рѣшающійся говорить безъ тетрадки долженъ предвидѣть всякія случайности: онъ можетъ потерять нѣтъ мыслей, можетъ быть увлеченъ развитіемъ новой мысли, неожиданно явившейся у него въ сознаніи, можетъ испытать наплывъ новыхъ чувствъ, которыя разрушаютъ планъ первоначальнаго построения проповѣди и повліяютъ на измѣненіе самаго ея содержанія. Проповѣдникъ долженъ обладать умѣньемъ выходить изъ подобнаго рода затруднительныхъ положеній. Онъ и выйдетъ, если у него есть быстрая мысль, живое воображеніе, отличная память, даръ слова и, при этомъ, спокойствіе и полное самообладаніе, словомъ—та совокупность многихъ дарованій, которая не часто встрѣчается въ жизни.

Проповѣдующій по тетрадѣ застрахованъ отъ указанныхъ случайностей. И нечего, говоритъ В. О. Шѣвницкій, стѣсняться выходить на церковную кафедру съ рукописью въ рукахъ, когда не обладаешь счастливою памятью и не увѣренъ въ томъ, что съ полнымъ успѣхомъ выступишь свое дѣло безъ пособія тетрадки. Суть дѣла вовсе не въ манерѣ составленія и приготовленія проповѣдей. „Суть дѣла въ томъ“, объясняетъ опытный гомилетъ: „чтобы проповѣдникъ искренно былъ преданъ дѣлу вѣры и дѣлу спасенія своихъ братій, чтобы въ его груди теплился и, когда нужно, воспламенялся огонь благочестиваго одушевленія. Если въ немъ есть много одушевленія, изъ его устъ будетъ раздаваться впечатлительное слово, какъ бы онъ ни готовилъ его. Этимъ огнемъ будетъ согрѣваться его душа, когда онъ въ своемъ кабинетѣ, при уединенномъ размышленіи, будетъ об-

думывать, что сказать своимъ слушателямъ, которымъ онъ долженъ нести спасительное слово благовѣстія. И этотъ огонь не угаснетъ, если онъ будетъ предавать письму то, чѣмъ возбуждена и занята душа его. Напротивъ, чрезъ эту записъ отвердѣють волнующіяся летучія мысли и, получивъ наглядную форму, онѣ, какъ дрова, положенныя подъ сосудъ съ водою, будутъ поддерживать и все болѣе возбуждать пламя, движущее и согрѣввающее душу проповѣдника. И когда настанетъ часъ вынести предъ лице братій слово спасенія, выношенное проповѣдникомъ въ мнуту кабинетнаго размышленія и, пожалуй, повѣренное письмени,—одушевленіе, хранящееся въ душѣ его, преданной дѣлу Божію, дѣлу вѣры и спасенія, проявится съ новою силою, разгорится яркимъ пламенемъ при видѣ множества людей, ждущихъ отъ него святаго назиданія¹⁾.

Заканчивая впечатлѣнія свои по поводу статей, посвященныхъ проповѣдническому слову, невольно задаемся вопросомъ: почему до сихъ поръ въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ нѣтъ серіозной, научной постановки предмета церковнаго проповѣдничества? Вѣдь еще изъ *seminarii* наши пастыри-проповѣдники должны были бы выносить и понятіе о проповѣди и знаніе тѣхъ правилъ, отъ умѣлаго примѣненія которыхъ можетъ зависѣть успѣхъ проповѣди!

Н. Пальмовъ.

¹⁾ „Церковное краснорѣчіе и его основныя законы“, стр. 294.

Христіанское назначеніе женщины и женская эмансипація нашего времени.

(Продолженіе ¹⁾).

Но вотъ рядомъ съ женщиной — матерью стоитъ другая, которой не выпало на долю супружество и материнство. Можетъ ли выполнить она указанное ей Богомъ назначеніе? Какое приложеніе будетъ имѣть ея любовь? Какъ она можетъ быть для мужчины „помощницей по нему“? Велико служеніе женщины-христіанки на пользу челоувѣчества и въ состояніи *дѣвства*, иногда даже несравненно выше служенія женщины замужней; только бы было у нея искреннее желаніе служить! Ап. Павелъ ясно указываетъ на ея служеніе. „Есть разность, говоритъ онъ, между замужнею и дѣвицею: незамужняя заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, чтобы быть святою и тѣломъ и духомъ; а замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу... Посему выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ хорошо; а не выдающій поступаетъ лучше“ (1 Кор. 7, 33—34, 38). Изъ этихъ словъ апостола ясно видно, что и незамужняя женщина можетъ выполнить свое назначеніе, и даже лучше замужней. Свобода отъ супружескихъ обязанностей расширяетъ кругъ ея благотворительной дѣятельности. Женщина есть по преимуществу челоувѣкъ сердца: „да будетъ украшеніемъ вашимъ, пишетъ ап. Петръ христіанскимъ женщинамъ, сокровенный *сердца челоувѣкъ*“ (1 Петр. 3, 3—4). Женщинѣ присуще обиліе любви, дарованное ея сердцу по особенному ея назначенію. Въ естественномъ ея состояніи, т. е., когда женщина выходитъ замужъ, сила ея любви направляется на семейство — на мужа и дѣтей. При одиночествѣ, она обнаруживается гораздо шире, высказывается въ любви къ Богу и ближнимъ и за-

¹⁾ См. № 48-й за 1909-й г.

ставляетъ женщину жертвовать собой для блага челоуѣчества, подобно тому, какъ супруга и мать дѣлаетъ это для блага собственной семьи. Такъ явились святые и челоуѣколюбивыя дѣвы,—или, лучше, *сестры милосердія*, у которыхъ и надобно искать совершеннѣйшихъ образцовъ христіанской благотворительности. Труженицы земныя, стремящіяся къ жизни небесной,—онѣ, кажется, только и заняты тѣмъ, какъ бы удовлетворить требованіямъ своего сердца, дышащаго любовью къ ближнимъ,—своимъ безкорыстнымъ самоотверженіемъ на пользу страждущимъ, больнымъ, сиротамъ, дѣтямъ, нерѣдко оставляемымъ людьми и часто ими забытымъ. Какой великій подвигъ совершаютъ онѣ, служа Христу въ лицѣ этихъ несчастныхъ (меньшихъ) братій Его! Среди своихъ страданій эти брошенные людьми крестоносцы въ ихъ словахъ любви и участія, въ ихъ заботахъ и возможной помощи развѣ не видятъ Христа, развѣ не чувствуютъ Его духа, Его любви, Его небесной помощи? А сколько утѣшеній эти труженицы Христовы могутъ пролить въ души страдальцевъ въ тяжкія минуты перехода ихъ въ иной міръ, въ минуты смерти! Словами любви, словами молитвы, искреннею слезою сердечнаго участія онѣ не только смягчаютъ страшныя душевныя боли, но умиротворяютъ трепещущую душу страдальца, готовящагося предстать на судъ Божій. Какое благо на землѣ можетъ сравниться съ этимъ великимъ благомъ? И для такого славнаго, по истинѣ великаго предъ Богомъ служенія, нужно только одно—познаніе Христа и живая любовь въ Немъ къ людямъ.

Къ сожалѣнію, такихъ труженицъ у насъ очень и очень немного. Жатва обширна и не находитъ жателей, а жатели блуждаютъ въ одиночествѣ, не находя дѣла. Люди стоятъ, не находя подлѣ себя челоуѣка сочувствующаго, а люди, полныя сочувствія, страдаютъ, пожираемые силою любви, которая не находитъ исхода. Но вотъ примѣръ незамужней женщины, хотя и не русской, однакоже на Руси совершившей свой подвигъ челоуѣколюбія. Разумью англійскую сестру ми-

досердія мисць *Кэти Марсденъ*, болѣе трехъ тысячъ верстъ сдѣлавшую верхомъ, чтобы найти въ Якутской области прокаженныхъ; равно какъ цѣлебное растеніе противъ этой неизлѣчимои болѣзни, и обратить на нихъ вниманіе человѣчества. Съ Божіею помощію она вполнѣ достигла своей цѣли: о ней и ея подвигѣ говорили и писали, собирались пожертвованія на пріютъ для призрѣнія прокаженныхъ, и самая эта болѣзнь поддавалась излѣченію. Что создало эту героиню? Единственно—это доброе отзывчивое къ страданію человѣческому, женское любящее сердце. Обратимся къ русскимъ литературнымъ типамъ женщины, и опять мы увидимъ, что истинно симпатичною дѣлаетъ дѣвицу ея вѣрующее, чистое сердце. Безъ сомнѣнія, во всей нашей литературѣ не найдется болѣе симпатичнаго типа незамужней женщины, чѣмъ изображенный Тургеневымъ въ лицѣ *Лизы* („Дворянское Гнѣздо“). Но что сообщаетъ необыкновенную симпатичность Лизѣ? Ея вѣра и отзывчивость къ всему истинно доброму. „Счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога“,—говоритъ она Лаврецкому. „Да, я за васъ молилась и молюсь каждый день. А вы, пожалуйста, не говорите легко объ этомъ“. И далѣе: „христианиномъ нужно быть, для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть“ (ему же). На эту тему о значеніи для женщины вѣры въ Бога, для образованія въ ней любящаго сердца, этого родника ея плодотворныхъ и великихъ силъ, много можно бы говорить не словами только, но и историческими примѣрами, ибо все истинно-великое въ области женскаго труда какъ въ древнія, такъ и въ новыя времена, совершенно вѣрующею и любящею женщиною. Здѣсь можно бы припомнить величавые образы свв. дѣвственницъ, прославившихся миссіонерскою дѣятельностію, какъ Фекла, ученица ап. Павла, св. Нина, просвѣтительница Грузіи, и др., мученицъ и исповѣдницъ Христовыхъ, какъ Бланина въ Лионѣ, не страшившаяся никакого позора, Домицилла и Агнесса въ Римѣ, Агафоника въ Шергамѣ и мн. др. Но мы ограничимся примѣрами изъ Новаго Завѣта.

Господь, по сказаніямъ евангелистовъ, похвалаетъ нѣсколько женщинъ Кто же эти съ тѣхъ поръ всемірно-извѣстныя женщины? Это—женщина въ домѣ Симона, въ своей трогательной любви къ Господу Іисусу Христу, возлившая на главу Его миро. „Истинно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ въ память ея и о томъ, что она сдѣлала“ (Мѣ. 26, 13). А между тѣмъ она, съ этого момента историческая личность, сдѣлала только то, что подсказало ей любящее сердце. Рядомъ съ этой женщиной стоитъ другая евангельская женщина, которой прощены Господомъ многіе грѣхи ея за то, что она возлюбила много (Лук. 8, 36—50). Немудрено послѣ этого, что первыя послѣдовательницы Господа всѣ служили именно такъ, какъ Онъ училъ. Евангеліе Луки называетъ нѣсколько изъ этихъ женъ: Марію Магдалину, Іоанну, жену Хузы, домоправителя Иродова, Сусанну и мн. др. (Лук. 8, 2—3). О нихъ говорится, что онѣ служили Христу имѣніемъ своимъ, т. е. снабжали Его всѣмъ нужнымъ во время Его странствованій. Можно думать, что Господь принималъ такого рода помощь нерѣдко. Такъ извѣстно, что уже въ самомъ началѣ своего общественнаго служенія Онъ воспользовался гостепріимствомъ испѣленной имъ тещи ап. Петра (Марк. 1, 31), затѣмъ въ Вифаніи—гостепріимствомъ Маріи и Марфы. Эти немногія указанія въ достаточной степени ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какова была форма первоначальнаго служенія женщины, въ особенности незамужней, въ кругу первыхъ послѣдовательницъ Господа: это—гостепріимный приѣмъ Его въ домѣ и попеченіе о Немъ и Его ученикахъ во время путешествій. Думать при этомъ объ особой какой-либо бѣдности или нуждѣ Господа нѣтъ основаній; при такой любвеобильной попечительности женщинъ, Онъ долженъ быть всегда обезпеченъ. Въ то время, какъ всѣ ученики Его разбѣжались, эта любовь женщины слѣдовала за Нимъ даже до креста и гроба, заботилась о Немъ и по смерти. Св. мирносицы съ трепетомъ сердца поспѣшали на восходѣ

солнца ко гробу Господню, чтобы только помазать миромъ полюбленнаго Учителя. Не говоримъ уже о Препоблагословенной Дѣвѣ Маріи, стоявшей въ безмолвныхъ страданіяхъ при крестѣ Иисусовѣ. Женщины же были и первыми свидѣтельницами и благовѣстницами Христова воскресенія. Таково служеніи женщины-дѣвственницы по Евангелію.

Обратимся теперь къ Дѣянїямъ и посланїямъ св. Апостоловъ. Здѣсь, кромѣ женщинъ, родственныхъ Иисусу—Маріи и Соломонїи, мы находимъ между первыми христіанками Тавифу въ Іоппїи, попечительницу о бѣдныхъ вдовахъ, для которыхъ она шила рубашки и платья. Ея дѣятельность, такимъ образомъ, представляетъ собою первый примѣръ женскаго призрѣнїя бѣдныхъ. Встрѣчаемъ далѣе торговавшую багрянницей въ Филиппахъ Лидїю, которая принимала ап. Павла. Она была первою изъ обращенныхъ апостоломъ языковъ женщинъ, которыя оказали цѣнныя услуги для самаго распространенія христіанства. Лидїя не только открыла свой домъ лично ап. Павлу, но и сдѣлала его мѣстомъ дѣятельности апостола. Такое же пристанище, вѣроятно, онъ и его помощники находили у Дѣмарїи въ Афинахъ (Дѣян. 17, 34) и, безъ сомнѣнїя, у Фивы въ Кенхрелхъ, Маріи, Трифены, Трифосы и др. (Рим. 16 гл.). Всѣ онѣ оказывали услуги апостолу или христіанскимъ общинамъ, и не только гостепріимствомъ, но и содѣйствовали распространенію христіанства. Въ чемъ собственно состояло это содѣйствіе, мы можемъ только догадываться. Безъ сомнѣнїя, въ кругъ служенія женщины входили слѣдующія, всего болѣе близкія женской природѣ, обязанности: домашнее попеченіе и гостепріимство, призрѣнїе бѣдныхъ, уходъ за больными, посѣщеніе заключенныхъ, наставленіе женщинъ и дѣтей, готовившихся къ крещенію, въ истинахъ вѣры, погребеніе мертвыхъ и пр. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для апостоловъ и ихъ сотрудниковъ былъ закрытъ доступъ въ помѣщенія женщинъ, женская помощь, требуемая приличіемъ, напр., раздѣваніе и погруженіе при крещеніи лицъ женскаго пола, для нихъ была чрез-

вычайно необходима. Безъ такихъ вспомогательныхъ услугъ со стороны женщинъ мы не можемъ даже представить себѣ самаго распространенія христіанства, которое именно среди женщинъ всегда находило особенно много послѣдователей. Весьма вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ общинахъ женщины даже проповѣдывали въ собраніяхъ. По крайней мѣрѣ 11 глава 1 посланія къ Коринѳянамъ даетъ понять, что и женщины также выступали съ пророческимъ словомъ и молитвою; только онѣ должны были покрывать свои головы. Если въ 34 стихѣ 14 главы того же посланія ап. Павелъ обязываетъ женщинъ къ молчанію, то это не можетъ относиться къ ихъ пророческому служенію, такъ какъ въ книгѣ Дѣяній (21, 8—9) въ качествѣ пророчицъ упоминается четыре дѣвцы, дочери благовѣстника Филиппа, одного изъ семи диаконовъ. И только въ болѣе позднемъ повелѣніи апостола (1 Тим. 2, 11 и дал.) женщинамъ уже запрещается всякое ученіе. Можно думать, что это запрещеніе вытекло изъ духа времени. Что считалось не зазорнымъ въ небольшихъ семейныхъ кружкахъ, то стало казаться соблазнительнымъ, когда христіанскія собранія начали принимать полуобщественный характеръ. Что дозволялось, какъ исключеніе, пророчицѣ, то не могло быть допущено для всѣхъ женщинъ безъ различія. Рѣшительное запрещеніе учить женщинъ въ церкви, находящееся въ 1 посланіи къ Тимоѳею, позволяетъ заключить, что изъ разрѣшеній проповѣдыванія, даваемыхъ отдѣльнымъ женщинамъ, получались печальные опыты. Однакожъ, не смотря на все это, вплоть до конца второго вѣка, нѣкоторыя женщины еще выступали въ качествѣ наставницъ и миссіонерокъ; только ихъ дѣятельность, вѣроятно, проявлялась не въ общественныхъ собраніяхъ, а въ отдѣльныхъ домахъ.

Новозавѣтное Слово Божіе не оставляетъ безъ вниманія и *вдовъ*. Господь Иисусъ Христосъ похваляетъ одну бѣдную вдову, опустившую въ сокровищницу лишь двѣ лепты, но за то имѣвшія въ глазахъ Его особенно высокую цѣнность, такъ

какъ онѣ составляли все ея достояніе, съ которымъ она, оказалось, невѣдомо для посторонняго глаза, раставалась со всѣмъ усердіемъ, по движенію своего добраго сердца. Въ книгѣ Дѣяній св. Апостоловъ, среди первыхъ христіанокъ въ Іерусалимѣ мы находимъ Марію, мать Марка, вѣроятно, вдову, въ домѣ которой многіе собирались тогда для церковной молитвы (Дѣян. 12, 12). Итакъ, предъ нами уже знакомое служеніе женщины Христу. Такое добровольное участіе христіанскихъ вдовъ въ подвигахъ любви и въ жизни Церкви было для первыхъ вѣковъ важнѣе, чѣмъ специальное служеніе особо поставленныхъ общиной женщинъ. Определенныя обязанности для вдовъ или *діакониссъ* установлены были вообще только въ концѣ перваго вѣка. О вдовахъ-діаконахъ упоминается въ древнихъ источникахъ только два раза: въ 1 посланіи къ Тимоѳею (3, 11), гдѣ однако остается неяснымъ, не разумѣются ли здѣсь просто жены діаконовъ, и въ письмѣ правителя Вѣнціи Плинія къ императору Траяну, гдѣ онѣ выступаютъ лицами незначительнаго положенія. Собственно церковнымъ служеніемъ женщинъ въ первые два вѣка было служеніе не *діакониссъ*, а просто *вдовъ*. Изъ числа призрѣваемыхъ общиною вдовъ въ то время обыкновенно избирались пожилыя, уже приобрѣвшія въ качествѣ женъ и матерей житейскую опытность и доказавшія свою вѣрность лица—для того, чтобы помогать при уходѣ за бѣдными и больными, въ наставленіи женщинъ и дѣтей, при воспитаніи сиротъ и при совершеніи крещенія и миропомазанія. Въ награду за такіе труды онѣ занимали почетныя мѣста при богослуженіи и выступали также въ качествѣ пророчицъ и учительницъ. Имена ихъ, какъ церковныхъ наставницъ, стояли рядомъ съ именами епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. Въ третьемъ вѣкѣ, въ качествѣ такихъ официальныхъ помощницъ кляра, онѣ пользовались довольно большою самостоятельностью, такъ что при случаѣ претендовали даже на право совершать крещеніе. Забота о бѣдныхъ и больныхъ лицахъ женскаго пола лежала почти исключительно на нихъ;

онѣ представляли изъ себя родъ особаго совѣта въ женской части общины. Но именно эта самостоятельность вдовъ вызвала подозрительность къ нимъ со стороны многихъ епископовъ, которые, чтобы ограничить кругъ ихъ дѣятельности, создали себѣ новую, болѣе послушную вспомогательную силу, въ лицѣ *діакониссъ*, *женщинъ-діаконовъ*. Таково происхожденіе женскаго діаконата. Служеніе діакониссъ отчасти совпало съ тѣмъ, какое ранѣе несли вдовы, какъ напримѣръ, уходъ за бѣдными и больными,—отчасти было шире, насколько онѣ, напр., въ качествѣ привратницъ и низшихъ церковныхъ служителей должны были заботиться о чистотѣ, порядкѣ и благоприличіи въ женскихъ отдѣленіяхъ церкви. На это свое служеніе діакониссы ставились чрезъ епископское рукоположеніе. Интересный обрядъ посвященія ихъ излагается въ 8 книгѣ Апостольскихъ Постановленій—19 и 20 главахъ. Есть упоминаніе о немъ и въ 15 правилѣ Халкидонскаго собора. Плодотворное учрѣжденіе діакониссъ, о возстановленіи котораго теперь у насъ такъ хлопочуть („Церковныя Вѣдомости“ 1907 г. № 6; 1908 г. №№ 7 и 15—16), держалось на Востоку нѣсколько столѣтій, по крайней мѣрѣ—по имени. Однако, большаго значенія имѣть оно не могло, такъ какъ попеченіе о больныхъ и бѣдныхъ изъ дѣла свободной любви превратилось теперь въ институтъ епископскаго служенія. Въ Константинополѣ еще въ седьмомъ вѣкѣ было до 40 діакониссъ, а по имени это служеніе продолжало существовать до тринадцатаго вѣка. Одной изъ ближайшихъ причинъ прекращенія женской діаконіи въ церкви было возникновеніе женскихъ монастырей, гдѣ естественно должна была образоваться совершенно новая форма служенія женщинъ въ христіанствѣ.

Говоря о служеніи христіанскихъ вдовъ и дѣвицъ въ первые вѣка исторіи церкви, мы не можемъ не вспомнить о нѣкоторыхъ изъ нихъ, которыя заняли выдающееся мѣсто въ дѣлѣ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ. Выступали онѣ, обыкновенно, не въ своемъ должностномъ положеніи, а въ добро-

вольномъ служеніи и подъ руководствомъ выдающихся епископовъ. Такова была *Олимпіада*, супруга префекта Небриція, овдовѣвшая на 18 году своей жизни. Она отказалась вторично выйти замужъ за родственника императора Феодосія и отдала всё свои силы и свое большое состояніе въ распоряженіе епископа на нужды бѣдныхъ. Привлеченная императоромъ къ ответственности за разсточительность, объявленная несовершеннолѣтнесю, она дала ему замѣчательный отвѣтъ: „Государь! ты оказалъ мнѣ милость, достойную не государя только, но и епископа: опекою надъ моими имѣніями освобождена я отъ моихъ заботъ. Для большаго же счастья моего только прошу тебя подѣлать его между церквами и нищими. Издавна боюсь я движеній тщеславія, которыя при личной раздачѣ имѣній такъ легко возникаютъ.хлопоты изъза временныхъ благъ, пожалуй, могутъ отдалить мое сердце отъ благъ истинныхъ, духовныхъ и вѣчныхъ“. Особенно щедрую благотворительность она проявила подъ вліяніемъ св. Іоанна Златоуста, находясь съ нимъ всегда, даже и во время его изгнанія, въ живомъ, духовномъ общеніи.

Выдавалась своею широкою благотворительностію и *Горюнія*, сестра св. Григорія Богослова, бывшая въ замужествѣ за гражданиномъ Иконіи. О ней также извѣстно, что она была „окомъ“ для слѣпыхъ, „ногой“ для хромыхъ, „матерью“ для сиротъ; ея домъ былъ общимъ пристанищемъ для всѣхъ нуждающихся

На Западѣ, какъ и на Востокѣ, въ древнія времена христіанства, были женщины знатнаго происхожденія, которыя предпочитали богатству жизнь, полную лишеній и воздержанія. Духовнымъ отцемъ этихъ женщинъ былъ бл. Іеронимъ. Самая выдающаяся изъ нихъ *Павла*, которая пожертвовала въ пользу бѣдныхъ все свое состояніе. Впослѣдствіи она жила съ своею дочерью *Евстохіей* въ Внолеемѣ, гдѣ ея былъ построенъ странно-пріимный домъ. Другая—знатная римлянка *Фабіола*—построила въ Римѣ первую христіанскую больницу. Она сама ухаживала за больными и даже сама

обмывала ихъ. Въ ея госпиталѣ находили пріютъ калѣки, разслабленные, слѣпые и прокаженные. Бѣдные желали, по словамъ Иеронима, заболѣть, чтобы только пользоваться ея уходомъ.

И наша русская Православная Церковь далеко не обижена именами подобныхъ женщинъ: русская женщина таитъ въ себѣ богатый запасъ дѣятельнаго сочувствія всякимъ страданіямъ ближняго, какъ и всякимъ благороднымъ подвигамъ. Нравственная энергія ея, ея цѣльность и чистота стремленій нашли для себя высшую оцѣнку и въ нашей художественной литературѣ. Героизмъ и стойкость княгини Волконской и кн. Трубецкой, этихъ безсмертныхъ женъ декабристовъ, особенно долго будутъ жить въ потомствѣ, такъ какъ эти женщины предпочли рудники и каторжную жизнь жизни во дворцахъ, среди богатства, роскоши и свободы. и предпочли это изъ-за идейныхъ стремленій:

Вернуться? жить среди клеветъ,
 Пустыхъ и темныхъ дѣлъ?..
 Тамъ мѣста нѣтъ, тамъ друга нѣтъ
 Тому, кто разъ прозрѣлъ!“

—говорить кн. Трубецкая, по словамъ Некрасова. Не менѣе величественный образъ русской женщины нарисованъ Пушкинымъ въ его поэмѣ „Анжело“.

Среди извѣстныхъ намъ подвижницъ христіанскаго милосердія наиболѣе видное мѣсто занимаетъ инокиня Анастасія, въ мірѣ великая княгиня Александра Петровна, умершая въ 1900 году. Она устроила въ Кіевѣ Покровскую женскую общину съ монастырскимъ уставомъ для служенія страждущимъ и нуждающимся. При общинѣ ея устроена больница я открытъ пріютъ для дѣвочекъ и слѣпыхъ. Профессоръ Сикорскій въ „Кіевскомъ Словѣ“, въ свое время, по случаю ея кончины такъ охарактеризовалъ благотворительную дѣятельность этой замѣчательной женщины. „Она стала на службу страждущимъ людямъ съ тою любовью и съ тѣмъ

величайшимъ нравственнымъ и физическимъ напряженіемъ, которое можно назвать исключительнымъ и безпримѣрнымъ. Она была для больныхъ и сестрой милосердія, и свѣлкой, и матерью, и все это—такъ просто, такъ радостно. Цѣлые годы проведены ею среди больныхъ въ полномъ значеніи этого слова: она жила въ одной изъ больничныхъ палатъ, въ постоянномъ, непосредственномъ соприкосновеніи съ больными, проводила дни и ночи въ такихъ условіяхъ и при такой обстановкѣ, что эту жизнь надо признать непрерывнымъ подвигомъ. По ея собственнымъ словамъ, тишина и покой будили ее, такъ какъ она боялась пропустить минуту необходимой помощи страждущимъ. Ко всѣмъ труднымъ больнымъ она вставала по нѣсколько разъ въ теченіе ночи и тѣмъ перѣдко лишала себя и того наименьшаго отдыха, который необходимъ для поддержанія здоровья и силъ. Изъ ея рукъ больные получали лѣкарства, изъ ея устъ они слышали слова облегченія, утѣшенія и состраанія. Она присутствовала при всѣхъ операціяхъ, дѣятельно помогая врачу, какъ опытный помощникъ, своею умѣлой и твердой рукой. Всѣхъ больныхъ, которымъ предстояли тяжелыя операціи, она мыла собственными руками, чтобы обезпечить необходимую чистоту“.

Августѣйшую инокиню Анастасію по своему самоотверженному служенію ближнему много напоминаютъ: *Ульяна Устиновна Осорьина* (ум. 1604 г.), жизнь которой описана ея сыномъ Каллистратомъ Дружиною-Осорьинимъ (см. проф. Ключевского „Добрые люди древней Руси“. „Богослов. Вѣстникъ“, 1892 г. 1, 83. ср. С. М. Соловьева „Исторія Россіи“. Изд. т-ва Обществ. Польза. I. С. П. 1392), *Матрона Наумовна* (1769—1851), подвизавшаяся въ городѣ Задонскѣ, Воронежской губерніи, и „сестра Варвара“—или *Варвара Алексѣевна*—дочь богатаго малороссійскаго помѣщика (см. И. П. Ювачева „Сестра Варвара“. Спб. 1903 г.). Но этими женщинами, разумѣется, кругъ русскихъ подвижницъ любви не ограничивается. Несомнѣнно, въ разныхъ

углахъ нашего обширнаго отечества не мало было и есть другихъ женщинъ, которыя во имя Христа самоотверженно служили и служатъ страждущимъ. Онѣ совершаютъ свой великій подвигъ безшумно, въ глубокомъ смиреніи, и не ища человѣческой похвалы, подобно инокинь Анастасіи, которая завѣщала похоронить себя въ простомъ некрашенномъ гробу, въ обыкновенной (безъ сводовъ) могилѣ, безъ вѣнковъ и безъ рѣчей.

Таково христіанское назначеніе женщины. Въ христіанствѣ женщина,—кто бы она ни была и въ какомъ ды положеніи ни состояла,—не раба мужчинѣ, какъ была, и доселѣ еще есть въ язычествѣ,—не предметъ грубыхъ наслажденій, какъ въ магометанствѣ, а свободная „помощница“ его въ трудахъ и равноправная участница не только въ благахъ жизни земной, но и въ блаженствѣ жизни вѣчной. Поэтому просвѣщеннымъ людямъ нашего времени надлежало бы уравнивать только пути и устранять препятствія къ достиженію назначенія, указаннаго женщицѣ христіанствомъ, а не обращать въ вопросъ то, что уже рѣшено, и не искать того, что давно составляетъ нашу собственность.

Говоря это, мы имѣемъ въ виду современныхъ писателей по, такъ называемому, женскому вопросу—*феминистовъ*, которые взваливаютъ всю вину женскаго приниженія и даже порабощенія именно на христіанство. Эти писатели указываютъ на несовершенство христіанскаго брака, въ которомъ женщина будто бы осталась въ томъ же стѣснительномъ положеніи, въ какомъ она находилась въ до-христіанское время и въ какомъ она является теперь у народовъ, нетронутыхъ цивилизаціей. Даже больше того. Они обвиняютъ христіанство въ томъ, что оно своимъ брачнымъ институтомъ окончательно закрѣпило женщину за мужчиной: оно головой выдало женщину мужчинѣ. „Мужъ есть глава жены“,—что, говорить, можетъ быть хуже подобной проповѣди? Даже такой серьезный защитникъ свободы и независимости женщи-

ны, какъ извѣстный англійскій писатель *Джонъ Стюартъ Милль*, в тотъ въ своемъ трактѣ „О подчиненіи женщины“ считаетъ христіанскій бракъ „единственнымъ видомъ рабства, признаваемымъ новѣйшими законами“.

Прот. *И. Стеллецкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

О предбрачныхъ свидѣтельствахъ.

Херсонская духовная консисторія усматриваетъ, что нѣкоторые церковные причты выдаютъ прихожанамъ предбрачныя свидѣтельства, въ которыхъ обозначаютъ имя только одного жениха или одной только невѣсты, а о другомъ брачующемся умалчиваютъ, именуя его „лицемъ безпренятственнымъ“. Такъ какъ подобныя свидѣтельства не соотвѣтствуютъ установленной закономъ формѣ, по существу своему безсодержательны, во всякомъ случаѣ, не достигаютъ цѣли, то херсонская духовная консисторія даетъ знать причтамъ, что въ предбрачныхъ свидѣтельствахъ должны быть поименованы оба лица, желающія вступить въ бракъ, какъ то требуется установленною закономъ формою брачнаго обыска (Совр. Лѣт.).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи

ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1910 подписномъ году.

Вступая въ 51 годъ своего существованія, журналъ нашъ останется неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ—содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, православному русскому духовенству въ его святомъ и многотрудномъ служеніи; останется вѣрнымъ и своимъ, испытаннымъ полувѣковою жизненностью, традиціямъ—разрѣшать и освѣщать волнующіе жизнь приходскаго пастыря вопросы въ духѣ Христова Евангелія и ученія Святой Его Церкви.

Въ этихъ видахъ журналъ отведетъ на своихъ страницахъ широкое мѣсто статьямъ по основнымъ и неизмѣнно насущнымъ вопросамъ церковно-пастырскаго служенія, связаннымъ съ изясненіемъ Слова Божія, его проповѣданіемъ и съ устроеніемъ всей приходской жизни на основѣ Евангелія и церковныхъ каноновъ, а также статьямъ литургическаго и церковно-историческаго характера.

Всегда трудное, пастырское служение при современных условиях религиозной и церковной жизни требует необычайного напряжения духовных силъ пастыря и знакомства съ умственными и общественными теченіями въ нихъ правильномъ освѣщеніи. Невѣріе и отрицаніе, никогда не прекращавшія своихъ нападокъ на Церковь Христову, въ настоящее время уже проникли въ среду простого народа, доселѣ бывшаго вообще благочестивымъ и преданнымъ Церкви. Пновѣріе и сектантство, получивъ права свободнаго исповѣданія, съ удвоенной энергіей отторгають отъ Церкви ея чадъ, настоятельно вызывая пастырей и архипастырей на неотложную борьбу съ этимъ зломъ нашихъ дней. Въ то же время въ русскомъ народѣ широко распространяются нравственная грубость и распушенность, и замѣчается извращеніе элементарныхъ нравственныхъ и человѣческихъ понятій. Освѣщать всѣ эти язвы современной религиозно-нравственной жизни, указывать сообразныя съ духомъ вѣры Христовой средства къ исцѣленію ихъ нашъ журналъ считаетъ предметомъ, входящимъ, какъ это было и раньше, въ кругъ его зачатъ и въ подлежащемъ полнѣшномъ году изданія.

Точно также журналъ будетъ отъликатся на своихъ страницахъ замѣтками и статьями о цѣлесообразной постановкѣ оживляющихъ приходскую жизнь организаций, каковы, напр., приходскіе совѣты, братства, общества трезвости, благотворительности и пр., и займется послѣднимъ обсужденіемъ проектированныхъ преобразованій въ разныхъ мѣстныхъ областяхъ церковной жизни.

Во взаимобщеніи и единеніи — прочный залогъ для успѣшной дѣятельности, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сопастырями. Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями пастырскаго опыта журналъ въ 1910 полнѣшномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ

страницахъ, свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ православно-христианскихъ церквахъ, а также обзоръ церковно-общественной жизни и выдающихся событій приходской жизни Россіи.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома; изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго бібліографическаго Листка“.

Кромѣ того, для на встрѣчу назрѣвшимъ миссіонерскимъ потребностямъ, Редакція дастъ въ 1910 году своимъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, особую книгу „Краткая исторія и обличеніе новыхъ рационалистическихъ сектъ“.—Сочиненіе препод. Кіевской семин. Н. Т. Гумилевскаго. Въ книгу войдутъ: Штундо-баптизмъ, Малеванщина, Пашковщина, Толстовство, Адвентизмъ.

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской имперіи *шесть рублей*; за границу *8 руб.* Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1910 г.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святейшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

За перемѣну адреса среди подписного года гг. подписчики благоволятъ присылать *25 коп.* (Можно почтовыми марками).

Подписка принимается только на весь цѣлый годъ, на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 м. не принимается

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 7-го декабря 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ъ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 51.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года декабря 20-го дня.

Содержаніе: I. Паденіе римскаго цезаро-папизма. Кир. Тихомировъ.—II. О. законоучитель. С. А. В—ій.—III. Христіанское назначеніе женщины и женская эмансипація нашего времени. (Продолженіе). Прот. Н Стеллецкій.—IV. Огъ Редакціи.

Паденіе римскаго цезаро-папизма.

(Къ характеристикѣ папства).

Папство падаетъ. Провозглашеніе въ концѣ XIX вѣка догмата о папской непогрѣшимости въ дѣлахъ религіи и нравственности намъ представляется послѣднею судорогою агоніи догматическаго католицизма. Это судорожное состояніе можетъ длиться, пожалуй, еще много лѣтъ, но только съ увѣренностью можно сказать, что окончится паденіемъ католицизма. Средніе вѣка уже подготовили это паденіе: лютеранство, кальвинизмъ и гусситство—вотъ первые грозные удары, поколебавшіе вѣковые устои верховной власти и главенства папы въ католическомъ мірѣ. Въ лицѣ Лютера, Кальвина и Гусса человѣчество впервые громогласно запротестовало и возстало противъ кощунственнаго и дерзкаго возвышенія рим-

скимъ папою себя на степень Божества,—противъ стремленія папской свѣтской власти подчинить себѣ весь міръ во всѣхъ отношеніяхъ. Да и какъ не протестовать? Христось проповѣдываль отреченіе отъ благъ и власти земной и говорилъ: „Моя власть не отъ міра сего“, а папа, стремящійся къ свѣтской власти, къ возстановленію папскихъ владѣній и къ земному блеску и могуществу, имѣеть ли нравственное право именовать себя непогрѣшимымъ намѣстникомъ Спасителя и единымъ видимымъ главою Церкви Христовой? Не есть ли это богохульство и кощунство? Спаситель былъ образомъ смиренія и отреченія. Папа не служитъ ли образцомъ противоположныхъ качествъ? Требуя себѣ поклоненія, именуя себя „намѣстникомъ Бога“, не представляетъ ли онъ для людей образецъ человѣческой гордости и самомнѣнія безграничнаго?

Вмѣсто того, чтобы стремиться къ утвержденію на землѣ правды, любви и мира, папство заботилось только о стяжаніи громаднхъ имуществъ и капиталовъ, о содержаніи полчища фанатически преданныхъ слугъ, воиновъ, о внѣшнемъ театральномъ блескѣ и о суетной—земной славѣ. Въ сферѣ такой папской политики открывался широкой просторъ для всякаго рода злоупотребленій, интригъ, которыя стали признаваться фанатическими исповѣдниками папизма подвигами богоугодными и святыми, лишь бы только они служили торжеству папы и побѣдѣ надъ людьми, не покоряющимися его власти. Дѣятельность въ этой сферѣ считалась единственнымъ мѣриломъ преданности церкви. Формы государственной жизни пересены были въ церковь, и, такимъ образомъ, малопомалу церковная жизнь отождествлялась съ жизнію мірскою, общественною, политическою. Подъ массою человѣческихъ узаконеній и предписаній почти совершенно потерялся изъ виду христіанскій нравственный законъ. Это особенно подѣйствовало на убѣжденія католическаго духовенства, такъ что многіе изъ его членовъ стали думать, что церковью лучше

управлять по предписаніямъ человѣческимъ, нежели по закону евангельскому.

Св. апостолы и отцы Церкви учили своихъ послѣдователей покоряться земнымъ властямъ, безропотно переносить даже ихъ иногда несправедливыя гоненія и молиться за своихъ мучителей. „Нѣсть власть аще не отъ Бога“, говоритъ апостоль Павелъ: „всякъ противляющійся власти, Божію повелѣнію противляется“. А римскіе папы, наперекоръ Закону Божію, сами вступаютъ въ борьбу съ императорами и королями и возбуждаютъ народъ противъ законныхъ властей. Вотъ почему главное содержаніе средневѣковой исторіи западно-европейскихъ государствъ заключается въ борьбѣ папъ съ свѣтскими властями; вотъ почему исторія папъ есть исторія религіозныхъ войнъ, ужасовъ, пытокъ, инквизицій, казней, костровъ; вотъ почему исторія папъ есть исторія продажи индульгенцій, вымогательствъ, застрачиваній проклятіями и муками ада,—исторія папства опозорена кровью и злодѣйствомъ. Да и въ настоящее время папскій принципъ проявляетъ свою силу не только въ католическихъ, но даже въ протестантскихъ и православныхъ странахъ. Онъ чувствуется болѣзненно и въ Россіи, не только нѣ нашихъ польскихъ и западныхъ губерніяхъ, но даже въ Петербургѣ и вездѣ, гдѣ есть католики. Всюду принципъ папской власти вноситъ смуту и раздоры, позорящіе христіанство.

Истинная Церковь Христова не желаетъ имѣній, ее не интересуеъ богатство, какъ сокровище проходящее, и если она пріобрѣтаетъ его, то преимущественно для того, чтобы употребить на пользу бѣдныхъ. Имущество Церкви не принадлежитъ холодному эгоизму немилосердаго собственника; оно употребляется на дѣла любви и милосердія, оно *богатство бѣдныхъ*. Антиохійскій соборъ (341 г. пр. 25) такъ опредѣляетъ назначеніе церковнаго имущества: „епископу имѣти власть надъ церковнымъ имуществомъ, да распоряжаетъ имъ со всякою осмотрительностію и страхомъ Божіимъ, на пользу всѣхъ *нуждающихся*: и самъ да взимаетъ

изъ него должную часть, *аще имѣетъ нужду, на необходимыя свои потребности* и на потребности *страннопріемлемыхъ*.

Но дѣйствія папства далеко не соотвѣствовали этому христіанскому идеалу. Исторія свидѣтельствуетъ о ненасытной жадности Ватикана къ пріобрѣтенію земныхъ благъ, а также и о томъ, что забота о бѣдныхъ отнюдь не была побужденіемъ для этой всепожирающей страсти. На этомъ поприщѣ римская церковь такъ сильно дѣйствовала и такъ мало дѣлала для выполненія своего прямого назначенія, что возбудила сильнѣйшее противодѣйствіе мірянъ. Средства, употребляемыя для возбужденія доброты мірянъ, и формы пріобрѣтеній мѣнялись сообразно съ временемъ и мѣстными условіями. Такъ, страхъ близкой кончины міра, дѣйствовавшій сильно въ X вѣкѣ, въ послѣдующіе вѣка замѣненъ былъ, хотя догматически вѣрнымъ, но нарочито изъ корыстныхъ цѣлей возбуждаемымъ страхомъ мученій адскихъ. Продажи индульгенцій, всякаго рода вымогательства въ этой сферѣ дѣятельности дошли до крайнихъ предѣловъ и возбудили ожесточенную борьбу римской церкви (клира) съ мірянами. Эта борьба за обладаніе земными благами составляетъ одно изъ печальныхъ явленій средневѣковой исторіи. Жалобы древнихъ франкскихъ королей на страшное возрастаніе недвижимыхъ имѣній римской церкви повторены были въ XVI вѣкѣ принцами германскими, въ XVII республикою венеціанскою; а отображеніе этихъ имѣній, совершенное Карловингами въ XVII вѣкѣ, систематически и въ болѣе обширномъ объемѣ продолжалось и продолжается въ XVIII, XIX и XX вѣкахъ.

Послѣ всего этого неудивительно, что еще въ средніе вѣка многіе милліоны людей въ католическомъ мірѣ прозрѣли и поняли, что папство есть зло и грѣхъ на землѣ, и, уразумѣвъ сіе, ушли „прочь отъ Рима“. Англійскій богословъ Георгій Тиррель въ одной изъ своихъ статей приводитъ слѣдующую діатрибу противъ папства: „вѣрное свидѣтельство исторіи указываетъ намъ на Ватиканъ, какъ на постоянный

источникъ нравственнаго соблазна для свѣта. Папы смѣняются, но Ватиканъ со своимъ духомъ свѣтскости, интригъ, честолюбія, не говоря о худшемъ, сдѣлалъ больше зла своимъ примѣромъ, нежели добра своей службой управленія церковію. Кто когда-либо шелъ въ Ватиканъ, чтобы изучить христіанство въ его чистѣйшей формѣ и содержаніи? Въ немъ царить духъ придворничества, который дѣйствуетъ только на воображеніе вульгарной публики; и въ немъ есть духъ безнравственности, который поражаетъ духовное и религіозное чувство всѣхъ людей съ доброй волей. Римская церковь уже много вѣковъ назадъ потеряла свой религіозный авторитетъ, сохранивъ до сихъ поръ то юридическое первенство, которое она завоевала себѣ вмѣсто прежняго духовнаго первенства.

При такомъ положеніи дѣлъ въ Ватиканѣ, всѣ усилія поддержать римскую теократію посредствомъ воззваній къ народнымъ массамъ въ католическомъ мірѣ, пропадаютъ безплодно подъ напоромъ умственныхъ и религіозно-нравственныхъ требованій и заботъ современной жизни. Умственный складъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ имѣетъ въ себѣ слишкомъ мало такихъ элементовъ, которые способствовали бы поддержанію въ людяхъ слѣпой и безусловной вѣры въ явныя заблужденія католицизма. „Было время, говоритъ историкъ Лекки,—когда голосъ Ватикана потрясалъ Европу до основанія, и посылалъ горделивыя арміи въ степи Сиріи. Было время, когда вся доблесть и рыцарство католическаго міра готовы были слѣдовать подъ знаменами латинской церкви на любое поле битвы и противъ какого угодно врага. Теперь же на этотъ призывъ отвѣчаетъ лишь нѣсколько сотенъ фанатиковъ французовъ, бельгійцевъ и ирландцевъ. Августѣйшая древность Рима, поклоненіе, окружающее его главу, воспоминаніе объ его несравненномъ вліяніи, геній, освящающій его прошлое,—все это не можетъ спасти папскаго правительства отъ безповоротнаго и безнадежнѣйшаго паденія. Оно иногда принималось за реформы, но онѣ служили только

къ ускоренію его гибели. Прибѣгли теперь къ насильственной политикѣ, но и она оказалась неспособною прекратить успѣхи разрушенія. Начало живучести покинуло его“. Его слабость и безпомощность достигли такой степени, что нерѣдко оно принуждено бываетъ пускаться въ унижительныя объясненія съ министерствами покровительствующихъ державъ даже по вопросамъ, касающимся его главной специальности, провозглашенія тѣхъ или другихъ дисциплинарныхъ правилъ въ управляемой имъ церкви. Sic transit gloria mundi!

Кир. Тихомировъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О. законоучитель.

Разсказъ.

I.

Страдный учебный сезонъ приближался къ благополучному концу; оставалось миновать лишь послѣднюю школьную сциллу и харибду—экзамены, и для изморенныхъ трудомъ учащихся и учащихъ ласковая родная природа приволжскаго края готовила уже на своемъ лонѣ радушное отдохновеніе. Красавица—Волга одѣлась давно въ зелень своихъ раздольныхъ луговъ, манившихъ просторомъ. Мужская гимназія г. N., поглядывая безчисленными окнами завистливо на заволжскія дали, нетерпѣливо заканчивала свою страду.

По массивному зданію гулко разнесся звонокъ на большую перемяну. Въ коридорѣ втораго этажа, длинномъ на подобіе туннеля, слабо освѣщенномъ двумя окнами на противоположныхъ концахъ, одна за другой начали появляться фигуры преподавателей, покидавшихъ свои аудиторіи. Первой обозначилась въ пустынномъ еще коридорѣ на свѣтовомъ фонѣ окна высокая, тощая, и прямая фигура гимназическаго батюшки. Онъ славился среди гимназистовъ корректностію:

никогда не засиживался въ классѣ послѣ звонка и не являлся на урокъ раньше положенныхъ льготныхъ пяти минутъ. Шель онъ медленно, словно автоматически, серединой коридора, придерживая одной рукой на впалой груди кандидатскій крестъ и прижимая другой подъ мышкой классный журналъ. Батюшку одинъ за другимъ обгоняли другіе преподаватели, спѣшно и дружно направляясь къ широкой лѣстницѣ въ нижній этажъ, гдѣ была учительская. Пронесся мимо молоденкій, гладко-остриженный съ острыми черными глазками естественникъ Кульченко, размахивая на ходу журналомъ и вѣя полами разстергнутого новаго вицмундира; прошагалъ на длинныхъ ногахъ высокій тонкій математикъ Потаповъ въ обмазанной мѣломъ тужуркѣ съ циркулемъ и линейкой въ рукахъ; размѣреннымъ солиднымъ шагомъ послѣдовалъ толстый классикъ Шабаровъ, напоминавшій своей широкой сѣдой бородой и осанистымъ видомъ древняго патріарха. Миновали батюшку и еще двое сослуживцевъ—историкъ Траянский и словесникъ Зубко, сѣренькіе, подержаннаго вида личности, такъ что у дверей учительской батюшка оказался въ хвостѣ и вошелъ туда послѣднимъ.

Учительская комната сразу оживилась. Шумно занимали вошедшіе свои привычныя мѣста за большимъ столомъ, со вздохомъ облегченія кидая на него принесенные журналы. Задымилась напирасы, начался отрывочный обмѣнъ впечатлѣній отъ проведенныхъ уроковъ, взаимные разспросы, касавшіеся обыденщины, слышались шутки, раздавался смѣхъ при разсказахъ о случайныхъ курьезахъ, которыми такъ богато наше преподаваніе. Сразу между всѣми собравшимися замѣчалась общность интересовъ, хотя и не глубокая связь около одного дѣла, и педагогическая компанія являла собой не случайное сборище, а близкое подобіе дѣйствительнаго общества людей, идейно соединенныхъ между собой высшими интересами. И видимо, всѣ эти люди чувствовализдѣсь себя въ общеніи другъ съ другомъ легко, непринужденно, свободно, по-товарищески.

Одинъ лишь батюшка всякій разъ испытываль, оказавшись въ компаніи своихъ сослуживцевъ, тягостное томленіе духа, его мучило внутреннее сознаніе идейной отчужденности отъ всѣхъ этихъ людей, ему самому казалось собственное присутствіе среди нихъ лишнимъ, ненужнымъ, чуть не стѣснительнымъ. И такое состояніе началъ онъ испытывать не со вчерашняго дня; нѣтъ, оно мучило его давно, постепенно уясняясь и нарастая съ годами во все время законоучительской службы здѣсь на протяженіи пятнадцати лѣтъ. Но отчего бы, однако, могло создаться для него такое изолированное, сиротливое положеніе?—пытался не разъ уяснить себѣ батюшка мучительный вопросъ, и долго не находилъ удовлетворительнаго, близкаго объясненія. Самъ онъ лично всегда готовъ былъ сблизиться съ сослуживцами и признавалъ себя способнымъ на это по своему образованію и солидарнымъ съ ними по выработанному міросозерцанію; они наружно никогда не показывали къ нему и тѣни пренебреженія, относились всѣ во главѣ съ дирекціей корректно, предупредительно, называя неизмѣнно и съ самой уважительной интонаціей не иначе, какъ батюшкой; а въ результатѣ оказывалось неодолимое средостѣніе, полное отсутствіе личной близости, интимности въ взаимныхъ отношеніяхъ.

Даже самое названіе его неизмѣнно батюшкой, само по себѣ такое респектабельное, уважительное, звучало для него скрытой холодностью, официальностію: какъ будто, называя его такъ, а не по имени и отчеству, эти люди не хотѣли признать въ немъ живого человѣка, индивидуальную личность, а только формальнаго представителя своей профессіи. Впрочемъ, едва ли и знали его имя и величаніе нѣкоторые сослуживцы, а тѣмъ болѣе воспитанники-гимназисты; имъ и по уставу полагалось при обращеніи къ законоучителю называть его батюшкой, и было совсѣмъ не диво, если только при окончаніи курса узнавали нѣкоторые гимназисты, что ихъ законоучителя зовутъ о. Петромъ Висильевичемъ Аквилоновымъ.

Войдя послѣднимъ въ учительскую комнату, съ обычнымъ гнетущимъ настроеніемъ и въ этотъ разъ батюшка о. Петръ сиротливо помѣстился на пустующемъ диванѣ у окна. Онъ сразу почувствовалъ себя одинокимъ въ этой шумной, оживленной компаніи, никто не обращался къ нему послѣ того, какъ при входѣ нѣкоторые изъ преподавателей, не видѣвшіе его раньше, мимоходомъ пожали ему руку съ холоднымъ привѣтомъ: „здравствуйте, батюшка“. У нихъ были свои общіе интересы, свои разговоры. Естественникъ Кульченко передавалъ, какъ сегодня отличился опять Тараненко, крайне ограниченный мальчикъ, обычная мишень учительскаго остроумія, отвѣтивъ на вопросъ, какъ и чѣмъ дышать ракообразныя, — „усиками“. Убогонькій на видъ учитель словесности рассказалъ, видимо присочинивъ самъ, чтобы не отстать отъ другихъ, какъ у него на урокъ тотъ же ученикъ выраженіе оды: „богоподобная царевна киргизъ-кайсацкія орды“ отнесъ ни больше, ни меньше, какъ къ Богородицѣ. Преподаватели весело смѣялись анекдоту естественника, поддерживали смѣшкомъ и анекдотъ словесника. Но сегодня разговоры вращались больше около весеннихъ темъ, гуляній въ городскомъ скверѣ, приѣзда гастролирующей столичной труппы. Классикъ Шабаровъ, меньше другихъ склонный къ эфемернымъ увлеченіямъ, сговаривалъ товарищей собраться на очередной винтъ въ субботу къ историку Троянскому. И это предложеніе было единодушно одобрено и принято.

Въ концѣ перемѣны заглянулъ самъ директоръ Аристархъ Осипычъ Цвейтовъ, любившій навѣщать учительскую въ цѣляхъ поощренія педагоговъ къ болѣе аккуратному посѣщенію классовъ, зная ихъ слабость засиживаться здѣсь послѣ звонка. Это былъ типъ начальника съ постоянно серьезнымъ сосредоточеннымъ выраженіемъ блѣднаго лица и строгой выдержкой, не допускавшей фамильярности. Послѣ обычного „здравствуйте, батюшка,“ начальникъ не отошелъ отъ него сверхъ ожиданія, но продолжалъ смотрѣть на него серьезнымъ загадочнымъ взглядомъ.

— „Да... да, батюшка, у меня къ вамъ сегодня просьба, — заговорилъ онъ безстрастно, размѣренно: — тамъ, въ третьемъ классѣ, вы совѣтовали ученикамъ застаться новымъ учебникомъ Темномѣрова, что ли. Но, знаете, это обременительно для учениковъ и для родителей—лишняя трата, и они просятъ оставить прежній учебникъ, какой тамъ у васъ ходится. Такъ не будете ли добры отмѣнить предложеніе, пожалуйста. Вѣдь и на необходимые учебники по другимъ предметамъ требуется масса расходовъ, а я думаю—вамъ-то, въ сущности все равно. Учили же раньше по этому,—какъ его?—Свирѣлину что ли. По крайней мѣрѣ дешевле.

Что же, если таково ваше мнѣніе, придется учить и по старому,—съ едва скрываемымъ недовольствомъ отвѣтилъ о. Петръ.

Вотъ и прекрасно... Я такъ и скажу родителямъ и ученикамъ.—Обрадовался Аристархъ Осипычъ.—Спасибо вамъ. А вонъ уже и звонокъ. Не могу задерживать.

Директоръ двинулся къ выходу, но не ушелъ, выжидая, когда учащій персоналъ покинетъ мѣсто отдохновенія. Учителя двинулись въ классы. О. Петръ, выйдя изъ учительской, направился къ выходнымъ параднымъ дверямъ; у него уроковъ на сегодня больше не было, и онъ пошелъ въ свою квартиру. Унылое настроеніе батюшки усилилось еще болѣе послѣ случайной бесѣды съ начальникомъ.—И всегда-то такъ,—думалъ онъ, шагая по пустынной улицѣ пылавшаго полдневнымъ жаромъ большого города. — Нашъ предметъ словно и не предметъ: учи по старому учебнику—все равно. Ихъ предметы—другое дѣло: они важны и необходимы, а Законъ Божій—вѣдь это же въ ихъ глазахъ просто неизбѣжное и въ то же время не нужное ни къ чему и ни для кого бремя. Лишній предметъ, лишній и преподаватель: оба, и тотъ и другой, равно неинтересные, чуждые, бесполезные... Но, Боже мой, развѣ же это нормально? развѣ же такъ должно быть и должно продолжаться? Развѣ во всемъ этомъ не скрывается причина страшнаго, гибельнаго для

людей ослѣпленія и заблужденія. И какъ ни давила душу батюшки переживаемая имъ безотрадная дѣйствительность, въ глубинѣ его сознанія, гдѣ-то на самомъ днѣ души все же теплилась вѣра въ неумирающее значеніе своего дѣла, которое онъ не напрасно избралъ когда-то, считая его единственно „живымъ дѣломъ“ всей своей жизни.

II.

Петръ Васильевичъ Аквилоновъ сталъ законоучителемъ не сразу послѣ академіи. Какъ казенный воспитанникъ, онъ долженъ былъ отработать казенные хлѣба службой по назначенію въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ. Тихій, чувствительный, склонный къ самосозерцанію, свѣтлымъ мечтамъ, онъ сумѣлъ сохранить живую сердечную вѣру и честные порывы къ дѣятельности по душѣ; но назначеніе на „сухой“ предметъ по греческому языку—въ духовное училище глухого уѣзднаго городка заставило его отсрочить на время осуществленіе завѣтныхъ стремленій.

Нѣсколько лѣтъ нудной, безъидеиной работы надъ внѣдреніемъ эллинской грамоты въ дѣтскія головы начинали оказывать дѣйствіе: мысль притуплялась, энергія падала, честные порывы слабѣли, и Аквилонова мучили малодушныя опасенія. А что, если та же гибель ждетъ и меня въ будущемъ, думалъ онъ съ ужасомъ, наблюдая невольно, какъ его нѣкоторыхъ сослуживцевъ засасываетъ въ себя полупьянное картежное болото уѣзднаго существованія. Но Петра Васильевича спасло счастливое знакомство съ семействомъ соборнаго священника Зарницына. Любовь, загорѣвшаяся въ сердцѣ учителя къ его дочери Сонѣ, милой, мечтательной дѣвушкѣ—епархіалкѣ, и женитьба на ней наполнили пока его жизнь свѣтлымъ, чистымъ содержаніемъ, а тутъ скоро устроился и переходъ на законоучительскую должность въ N—скую гимназію. Мечты о законоучительствѣ и раньше увлекали вѣрующаго Аквилонова, но теперь, подкрѣпленные

одобреніемъ умнаго практическаго о. Николая и радостно встрѣченныя религіозной Соней, онѣ перешли въ желанную дѣйствительность.

Петръ Васильевичъ, получивъ назначеніе „съ обязательствомъ принять духовный санъ,“ сразу оживился и переживалъ пріятный подъемъ духа.

— Наконецъ-то найду полезное приложеніе и знаніямъ и нравственнымъ силамъ,—бодро и рѣшительно проектировалъ онъ будущую свою дѣятельность предъ Соней и тестемъ.

— Ну, развѣ можно указать иное дѣло съ такой широтой задачи, такого захватывающаго интереса: не какія-нибудь знанія, въ родѣ греческаго языка, придется вбивать насильно въ головы, а возвращать, расширять жизнь юныхъ душъ, идти на встрѣчу ихъ вѣчнымъ запросамъ, вести къ свѣту, правдѣ евангельской. Кто пожалѣетъ отдать на такое дѣло цѣлую жизнь?

— Я уже теперь вижу жадные, пытливые взгляды дѣтей, юношей, которые устремлены на меня въ классѣ,—всѣ напряжено стараются уловить каждую мысль, каждое убѣжденное, проникнутое вѣрой слово законоучителя. Тутъ всѣ живутъ—живетъ самъ учащій, живутъ дѣти, и глаза ихъ загораются нездѣшнымъ огнемъ... Говорятъ, нынѣ Законъ Божій въ упадкѣ, въ гимназіяхъ его вовсе не учатъ. Не хочу я этому вѣрить. Сдѣлать непривлекательной науку жизни можетъ только наше нерадѣніе, казенное, бездушное отношеніе къ дѣлу. Но пусть, встрѣчу на первыхъ порахъ въ своихъ ученикахъ равнодушіе, даже враждебность къ предмету; развѣ же не сладостный подвигъ бороться съ ними силою святого убѣжденія и видѣть, какъ таетъ постепенно ледъ, оковывавшій юныя воспріимчивыя души, и какъ оживаютъ онѣ на вашихъ глазахъ!..

Молчаливо, съ кроткой улыбкой слушалъ знакомый съ неотразимой подчасъ силою житейскаго зла старецъ—тесть восторженныя рѣчи, и жаль ему было разрушить, поколебать его самоувѣренность въ осуществленіи добрыхъ порывовъ,

хотя практическія возраженія сами напрашивались на языкъ. Съ непотревоженной надеждой на плодотворный успѣхъ въ новой дѣятельности простились молодые Аквилоновы съ уѣзднымъ захоlustьемъ, смѣло мѣняя его на незнакомую жизнь шумнаго, большого приволжскаго города N.

Гимназія сразу же показала прибывшему законоучителю преувеличенность его свѣтлыхъ надеждъ и подтвердила горькую обидную правду, распространенныхъ въ обществѣ мнѣній о незавидномъ положеніи Закона Божія въ свѣтской школѣ. Правда, со стороны корпораціи встрѣча была какъ будто привѣтливая, безъ видимаго предубѣжденія, питаемаго свѣтскимъ интеллигентомъ противъ рясы. Молодость новаго батюшки, откровенность, простота обращенія давали сослуживцамъ основаніе видѣть въ немъ подходящаго, покладистаго товарища, способнаго раздѣлять ихъ обыденные интересы включительно до легкой выпивки и невиннаго винта „по маленькой.“ И пока знакомство ограничивалось обыденщиной и поверхностнымъ обмѣномъ принятой общительности, положеніе батюшки среди сослуживцевъ было легкое и пріятное. Уже потомъ, спустя достаточно времени, когда стало ясно, что батюшка не этого поля ягода—не способенъ раздѣлять свѣтскаго времяпрепровожденія, стали ощутительнѣе и ощутильнѣе чувствоваться о. Аквилоновымъ шипы и терніи во взаимныхъ отношеніяхъ съ сослуживцами. Пришлось убѣдиться, что того единенія съ товарищами, которое создается общностию идейныхъ интересовъ, участіемъ въ одномъ дѣлѣ жизни, ему не достичь: доступъ въ этотъ ихъ внутренній мірокъ для него былъ закрытъ, недоступенъ. Ясно давалось понять, что онъ со своимъ дѣломъ, со своимъ міросозерцаніемъ и убѣжденіями для нихъ—человѣкъ посторонній, пришлецъ изъ другого не реальнаго міра, и столковаться, объединиться на этой почвѣ нѣтъ никакихъ основаній. Здѣсь о. Петръ предоставленъ былъ самому себѣ, и такая невольная изолированность развила въ немъ постепенно гне-

тущее сознание одиночества, нравственной сиротливости, въ какомъ застаеть его нашъ рассказъ.

Но эти разочарованія, встрѣченныя о. Аквилоновымъ на почвѣ товарищескихъ отношеній, были еще менѣе чувствительны, чѣмъ тѣ огорченія, какія готовило ему самое дѣло. Послѣ первыхъ уроковъ и знакомства съ учениками онъ, столкнувшись съ грубой дѣйствительностію, долженъ былъ опуститься какъ бы съ неба на землю. Дѣти низшихъ классовъ и юноши—выспихъ оказались не тѣми свѣтлыми, чуткими и воспріимчивыми ко всему доброму, идеальному существами, какими онъ ихъ представлялъ, а очень и очень похожими на его покинутыхъ учениковъ печальной памяти греческаго языка. Устремленныхъ на вдохновеннаго батюшку неотрывно дѣтскихъ и юношескихъ взоровъ, въ которыхъ бы свѣтилась неутомимая жажда познанія божественной истины, напряженнаго вниманія и опасенія проронить мысль или одно слово законоучителя въ классахъ не замѣчалось. „Буесть юности“, объ отогнаніи которой говорится въ молебнѣ отрокамъ, явно и безудержно сказывалась во время уроковъ въ первыхъ классахъ, вниманія—никакого; взоры юношей послѣднихъ выпускныхъ классовъ за самымъ оживленнымъ разговоромъ батюшки преспокойно устремлялись на книги или письменныя работы, которыми, не стѣсняясь, занимались ученики. Такъ, очевидно, уже раньше велось за Закономъ Божиимъ.

Кроткія попытки новаго батюшки измѣнить порядокъ путемъ напоминанія о важности предмета разбились о весьма основательное возраженіе учащихъ:—„да, вѣдь, батюшка, вы не урокъ рассказываете и этого не задаете; когда начнемъ по учебнику, тогда... будутъ слушать, чья очередь“. Батюшка и въ самомъ дѣлѣ велъ предварительныя идейныя бесѣды, чтобы увлечь юную аудиторію предметомъ, и, понятно, не спрашивалъ. Тогда для чего имъ было слушать, не лучше ли использовать время по своему желанію? Не встрѣтилъ оживленія и увлеченія со стороны учениковъ о.

Петръ и тогда, когда ученіе вошло въ колею, началось преподаваніе въ параллель съ учебниками, когда сталъ задавать онъ уроки и спрашивать. То же равнодушіе, нудность... При отвѣтахъ тѣ же унылые взгляды отвѣчающаго, обращенные къ нему словно съ мольбой: отпусти душу на покаяніе. Грустно было стоять лицомъ къ лицу съ такимъ подавляющимъ, общимъ равнодушіемъ воспитанниковъ къ религіознымъ вопросамъ; но батюшка не падалъ духомъ и, объясняя подобное состояніе гимназіи прежней запущенностію, надѣялся найти доступъ къ душамъ учениковъ, открыть въ нихъ Бога. Не можетъ быть, чтобы въ такіе годы души, сердца ихъ замерли, застыли безвозвратно, доброе сердечное слово, нравственное воздѣйствіе должно же пробудить отъ мертваго сна, этого ужаснаго религіознаго отупѣнія, безразличія... И о. Петръ съ любовію продолжалъ вести дѣло, его уроки были полны жизни, одушевленія, интереса; онъ чувствовалъ, что вкладываетъ въ нихъ свою душу и сердце. Найти доступъ въ душу дѣтей, проникнуть въ заглогшіе тайники вѣры и раздуть ея искру въ яркій пламень—вотъ къ чему стремился батюшка, и пытался достичь этого на почвѣ молитвы, живого общенія съ міромъ духовнымъ.

Желая подойти ближе къ воспитанникамъ съ этой стороны, о. Петръ воспользовался средствомъ въ родѣ анкеты. Въ одномъ изъ младшихъ и въ одномъ изъ старшихъ классовъ онъ предложилъ имъ разъ за урокомъ отвѣтить ему откровенно, по правдѣ, поднятіемъ рукъ на два вопроса: кто изъ нихъ имѣетъ постоянный обычай молиться дома утромъ и вечеромъ, и кто знакомъ съ житіемъ своего имяннаго святого? Отвѣты получились поразительныя, объяснившіе о. Петру вполне странную религіозную психологію его учениковъ. Въ младшихъ классахъ,—оказалось, молилось дома не больше четвертой части дѣтей, а въ старшемъ—три воспитанника. Знакомства съ жизнію своихъ имянинныхъ святыхъ почти совсѣмъ не было ни у кого.—Да видали ли вы по крайней мѣрѣ родителей своихъ, чтобы они молились по утру, вече-

ромъ? И неужели васъ они не заставляють молиться? спрашивалъ чуть не въ ужасѣ батюшка, но дѣти и юноши скромно молчали, а нѣкоторые изъ старшихъ рѣшились даже говорить въ оправданіе: мы же, батюшка, каждый день бываемъ на молитвѣ здѣсь въ гимназіи предъ уроками!

О. Петръ сталъ ревностно на урокахъ прививать воспитанникамъ любовь къ молитвѣ, съ увлеченіемъ раскрывалъ предъ ними духовную красоту и прелесть избранныхъ молитвъ, церковныхъ пѣсней; для ознакомленія съ благодатнымъ міромъ святыхъ снабжалъ учениковъ русской четвинеей, житіями и просилъ cadaго непременно прочесть житіе хотя бы своего небснаго покровителя. Труда было много, молитвы оказались забытыми, и ученики неохотно, съ ропотомъ возстановляли ихъ въ памяти, чтобы снова забыть. Съ житіями была своя исторія: какъ то выходило, что у большинства воспитанниковъ не находилось въ минеяхъ именно житій ихъ святыхъ, и батюшка невольно угадывалъ здѣсь лукавство учениковъ, которые, не желая читать скучной книги, ухитрялись называть своими тѣхъ святыхъ, житій которыхъ въ книгахъ не было.

С. А. В—ій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Христіанское назначеніе женщины и женская эмансипація нашего времени.

(Продолженіе ¹⁾).

Феминистическое движеніе, конечно, находитъ своего рода объясненіе и даже оправданіе въ томъ, что и христіанская эра не была свободна въ разное время отъ порабощенія женщины: и въ христіанскія времена женщина часто грубо оскорбляется и подвергается самой унижительной тираниі со стороны мужчинъ. Какъ на примѣръ, въ этомъ отношеніи

¹⁾ См. № 49-й за 1909-й г.

можно указать на средніе вѣка съ ихъ культомъ „дамы сердца“. Рыцарь, готовый до пролитія крови, до положенія жизни драться за честь и славу дамы сердца съ ея оскорбителемъ на турнирѣ,—этотъ же самый рыцарь въ частной своей жизни, въ стѣнахъ своего замка тиранилъ свою жену. Не говоримъ о распространенномъ въ средніе вѣка обычаѣ сжигать вѣдьмъ и колдуній. Не будемъ вспоминать и мрачныхъ страницъ изъ исторіи русской женщины въ до-петровское время господства возрѣній Домостроя, по которымъ женщина ничѣмъ не отличается отъ рабы,—время заключенія русской женщины въ теремахъ, наконецъ, недалекое отъ насъ время крѣпостничества. Обратимся лучше къ нашему гордому своимъ просвѣщеніемъ времени. И оно не можетъ похвалиться, что женщина стоитъ на высотѣ своего призванія и положенія, пользуется своимъ вліяніемъ, на которое имѣетъ право, въ христіанскомъ своемъ достоинствѣ равная мужу. Припомнимъ недавнія оргіи нигилизма на Руси, который, въ своемъ отрицаніи и Бога и всякихъ законовъ, отрицательно и насмѣшливо относился и къ матери, кощунственно видя въ ней одно призваніе—рождать. Припоминается намъ мнѣніе Бѣлинскаго о современной ему женщинѣ: „русская дѣвушка,—писалъ онъ еще въ 1842 году,—не человѣкъ, она—не что другое, какъ *невѣста*. Еще ребенкомъ она называетъ своими женихами всѣхъ мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ домѣ; еще въ колыбели ей говоритъ весь окружающій ее людъ, что она *невѣста*, что у нея должны быть женихи. Удивительно ли послѣ этого, что она не умѣетъ смотрѣть на себя какъ на человѣка, и видитъ въ себѣ только *невѣсту*?“ Даже и въ современномъ образованномъ обществѣ, если оно не руководится въ жизни христіанскими началами, невинная, непорочная невѣста имѣетъ привлекательность лишь какъ новинка, а какъ жена, уже послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ замужества, становится обузою, если не личнымъ врагомъ мужа. Такъ именно бываетъ по свидѣтельству „Крейцеровой

Сонаты“, Л. Н. Толстого, въ современныхъ бракахъ, утратившихъ въ глазахъ невѣрующихъ людей нашего времени смыслъ благословеннаго Богомъ супружества, и превращенныхъ въ простыя сдѣлки, ради чувственныхъ наслажденій или по тому или другому расчету. Браки по расчету проникли во всѣ слои современнаго общества, какъ указалъ намъ Чеховъ. Бракъ по расчету съ его послѣдствіями хорошо нарисованъ Шеллеромъ въ романѣ „На разныхъ берегахъ“. Карьеризмъ въ бракѣ играетъ видую роль и въ разсказѣ „Поединокъ“ Куприна. Политическіе браки тоже браки по расчету. Припомнимъ судьбу Наташи въ „Русалкѣ“ Пушкина и утѣшенія князя:

„... Что дѣлать?

Сама ты разсуди. Князя невольны,
 Какъ дѣвицы: не по сердцу они
 Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ
 Иныхъ людей, для выгоды чужой...“

Но вѣдь браки по расчету, или ради грубыхъ наслажденій глубоко унижаютъ жену-женщину. За такое уродливое извращеніе святѣйшаго таинства брака расплачивается вѣдь больше всего жена, на которой неудачный бракъ оставляетъ неизгладимые слѣды, въ случаѣ его разрыва. А какъ часты нынѣ разрывы брачныхъ союзовъ! И какъ громко опять говорятъ они объ унижительномъ положеніи современной женщины! Мы не будемъ подбирать многого множества другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что женщина нашего времени не имѣетъ того вліянія въ обществѣ, которое можетъ и должна имѣть въ христіанствѣ, но часто теряетъ и свое человѣческое достоинство. Объ этихъ фактахъ свидѣтельствуетъ та же современная литература. Русское купечество еще недавно представляло изъ себя то „темное царство“, изъ котораго сильная духомъ женщина выбилась только благодаря своему неудержимому стремленію къ свободѣ, при мѣръ каковаго стремленія мы видимъ въ Катеринѣ въ „Грозѣ“

Островскаго. Обыкновенныя же натуры жили жизнью существъ безъ человѣческихъ правъ, отношеніе къ которымъ со стороны мужчины можетъ быть обозначено словами Островскаго: „хочу съ кашей ѣмъ, хочу масла пахтаю“. Не лучше относились къ женщинѣ и въ аристократическихъ кругахъ. Некрасовъ влагааетъ въ уста княгини Маріи Волкопской такія рѣчи:

„Отецъ приказалъ

Подумать... нелегкое дѣло.

Давно ли онъ думалъ за насъ и рѣшалъ,

И жизнь наша мирно летѣла?

Училась я много; на трехъ языкахъ

Читала. Замѣтна была я

Въ парадныхъ гостинныхъ, на свѣтскихъ балахъ

Искусно танцуя, играя;

Могла говорить я почти обо всемъ,

Я музыку знала, я пѣла,

Я даже отлично скакала верхомъ,

Но думать совсѣмъ не умѣла.

Я только въ послѣдній двадцатый мой годъ

Узнала, что жизнь не игрушка...

Жилось хорошо и привольно; отецъ

Со мной не говаривалъ строго,

Осьмнадцать лѣтъ я пошла подъ вѣнецъ

И тоже не думала много“.

Сторонники женской *эмансипаціи* мѣтятъ именно въ эти и подобныя большыя мѣста современной христіанской жизни. Безспорно, здѣсь много правды. Дѣйствительность очень часто расходится съ намѣченнымъ идеаломъ, но христіанство въ этомъ не виновато. Возьмите золотую монету и выпачкайте ее грязью или сажей,—она потускнѣетъ, почернѣетъ; потеряетъ ли она отъ этого цѣнность! Нисколько. Вы всегда можете возратить ей прежній блескъ, если захотите. Точно также и съ вопросомъ о христіанскомъ взглядѣ на женщину, о ея человѣческомъ достоинствѣ. Не христіанство виновато

въ томъ, что женщина въ семьѣ до сихъ поръ не видитъ себя на высотѣ своего призванія, а виноваты люди, называющіе себя христіанами, но и доселѣ не возвысившіеся до истиннаго пониманія христіанскихъ требованій. Никогда и ни одинъ народъ не могъ сразу перестроить свой общественный бытъ и семейную жизнь согласно требованіямъ высокой христіанской морали. Прогрессъ истиннаго пониманія людьми христіанскихъ идеаловъ можетъ идти только постепенно. Христіанство въ жизни своихъ послѣдователей должно восходить отъ силы въ силу, отъ простѣйшихъ и менѣе совершенныхъ формъ къ болѣе совершеннымъ и согласнымъ духу евангельскаго ученія.

Женщина, по ученію христіанскому, — *подруга*, дарованная Богомъ мужу. Назначеніе ея — быть для мужчины *помощницей по нему*. Но защитники женской эмансипаціи говорятъ: этого мало. Значеніе помощницы мужу заключаетъ женщину въ строго ограниченный и тѣсный кругъ семейной жизни, гдѣ способности ея души, въ отношеніи которыхъ она рождается равною мужчине, стѣснены въ своемъ развитіи и употребленіи. Надобно вывести и ее на это широкое поприще, которое присвоили себѣ мужчины по праву сильнаго; надобно открыть ей всѣ источники знанія, всѣ роды дѣятельности; надобно сдѣлать ей доступными всѣ общественныя должности и всѣ „права человѣка“ вплоть до права на „временные браки“; только тогда, говорятъ, она явится во всемъ совершенствѣ и блескѣ своей природы и вполне раздѣлитъ съ мужчиной какъ борьбу и трудъ жизни, такъ и торжество успѣха.

Женщины, усвоившія себѣ идеи эмансипаціи отъ мужчинъ „свободной мысли“ (вѣдь женщины не сами выдумали эти идеи, а научились имъ отъ мужчинъ, почему онѣ оказываются соблазненнымъ въ этомъ дѣлѣ), особенно громко и настойчиво стали заявлять о своихъ правахъ на равенство съ мужскою половиною человѣческаго рода съ послѣднихъ десятилѣтій минувшаго XIX вѣка. Какъ и слѣдовало ожи-

дать, это женское движеніе началось на западѣ. Тамъ въ центрахъ умственной и политической жизни уже давно устраиваются цѣлые женскіе союзы (напр., „Лига мира. Съ задачами этой „Лиги“ можно познакомиться по книгѣ Берты Сутнеръ: „Долой оружіе“. Ср. Ея же: „Zür nächsten internationalen Kongress im Haag“. Berlin, 1907 г. и общества (напр., „Пѣмецкое общество женской реформы“), составляются женскіе конгрессы, издаются спеціальныя женскіе журналы и т. д. Не осталось равнодушнымъ къ женскому вопросу и русское общество. Съ 60 годовъ прошлаго столѣтія, т. е. эпохи великихъ реформъ, среди русскихъ писателей стали являться горячіе поклонники и пропагандисты *феминизма*. Самые либеральныя органы того времени „Отечественныя записки“, „Дѣло“ и др. содержатъ въ себѣ множество статей по женскому вопросу. По подсчету „Сѣвернаго Вѣстника“ (1887 г., іюль) всѣхъ статей до 1887 года по этому вопросу напечатано 1875). Не мало такихъ статей написано и самими женщинами (напр., Цебриковой). Даже на тогдашней художественной литературѣ отразились тенденціи женской эмансипаціи. Типы новыхъ женщинъ встрѣчаются въ произведеніяхъ Тургенева, Гончарова, Л. Толстого и др. *Феминистское* движеніе не заглохло и теперь. Журнала, посвященнаго спеціально женскому вопросу, въ Россіи не было до 1898 года, когда изданіе такого журнала было впервые разрѣшено г-жѣ Толивѣровой. Рядомъ съ этимъ мы должны отмѣтить основаніе различныхъ женскихъ образовательныхъ курсовъ въ Россіи и временное допущеніе женщинъ въ университеты, именно какъ результатъ женскаго движенія. Въ концѣ минувшаго года, съ разрѣшенія правительства, состоялся въ Петербургѣ и первый всероссійскій женскій съѣздъ, такъ сильно заинтересовавшій въ свое время наше интеллигентное общество.

Чѣмъ же было вызвано женское движеніе? Современнымъ, такъ называемымъ *экономическимъ прогрессомъ*, который выразился небывалымъ доселѣ подъемомъ научныхъ зна-

ній и промышленности. Развитие техники въ минувшемъ вѣкѣ шло рука объ руку съ развитіемъ положительной науки и научными открытіями. Каждымъ такимъ открытіемъ люди спѣшили воспользоваться для практическихъ цѣлей. Результаты этого не замедлили обнаружиться. Всѣ эти изобрѣтенія въ области промышленности лишили миллионы людей послѣдняго куска хлѣба. Ручной трудъ замѣнился фабричнымъ. Такъ какъ большая часть ручного труда прежде падала на долю женщинъ, то вслѣдствіе машиннаго производства масса женщинъ осталась безъ дѣла и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Естественно, многія женщины съ завистью обратили свои взоры на всѣ тѣ доходныя профессіи, которыя доселѣ составляли исключительное занятіе мужчинъ. Въ ихъ головахъ возникло недоумѣніе: почему мужчинамъ однимъ открытъ доступъ къ высшему спеціальному образованію и ко всѣмъ хорошо оплачиваемымъ должностямъ? Но экономическій прогрессъ, разрѣшившійся такимъ *экономическимъ кризисомъ*, повліялъ на возникновеніе женскаго вопроса и съ другой стороны. Въ доброе старое время, когда земледѣльческій трудъ былъ однимъ изъ главныхъ видовъ труда вообще, каждая семья представляла изъ себя крѣпко сплоченную единицу, единодушно борющуюся съ стихійными невзгодами. Одиночество и холостая жизнь для мужчины, живущаго земледѣлемъ, была почти невысказана. Бобыль, оторвавшись отъ семьи, отрывался и отъ земли, съ которою не могъ справиться однимъ своими руками. Поэтому въ прежнее время господствовалъ взглядъ на семейную жизнь, какъ на единственно возможную форму человѣческой жизни. Экономическій прогрессъ перевернулъ верхъ дномъ и это идущее изъ глубины вѣковъ убѣжденіе. Зачѣмъ въ потѣ лица добывать себѣ хлѣбъ отъ земли, когда его можно добыть болѣе легкимъ способомъ? Зачѣмъ связывать себя узами брака, когда всего лучше и легче прожить одному: „одна голова не бѣдна, а бѣдна такъ одна.“ Такъ много мужчинъ стало предпочитать холостую жизнь. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было

то, что многія женщины вынуждены такъ или иначе устроить свою незамужнюю судьбу, обезпечить себя на всю жизнь такимъ или инымъ трудомъ. Но гдѣ же искать его, какъ не въ сферѣ мужского труда? Разъ возникла такая мысль, почва для женскаго движенія явилась сама собою.

Кромѣ указанныхъ соціально-экономическихъ причинъ эмансипація женщинъ обусловливается еще тѣми нравственными принципами, которые выработаны положительною наукою XIX вѣка. Со времени Огюста Конта-главы позитивной школы религія и мораль стали трактоваться только какъ необходимыя ступени въ человѣческомъ развитіи. Естествознаніе учитъ насъ тому, что все въ мірѣ, начиная съ микроорганизмовъ и кончая человѣкомъ, подчиняется закону постепеннаго развитія. Съ легкой руки *Герберта Спенсера* развитіе идеи о нравственности стало любимую темою для многихъ ученыхъ. Нравственность въ человѣкѣ есть нѣчто измѣнчивое и непостоянное. Вначалѣ человѣкъ жилъ будто бы въ состояніи близкомъ къ животному, затѣмъ послѣдовательно въ состояніи дикомъ и наконецъ цивилизованномъ, но цивилизованномъ еще въ очень не совершенномъ видѣ. Человѣкъ подлежитъ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ въ развитіи своихъ понятій о нравственности. Предъ нимъ лежитъ, по словамъ *Летурно*, перспектива безконечнаго нравственнаго прогресса („Развитіе понятій о нравственности“). Поэтому, тѣ нравственные принципы, которые господствуютъ въ современномъ христіанскомъ обществѣ, не суть окончательные. Настанетъ время, когда нравственность будетъ свободна отъ религіозныхъ предразсудковъ. Такая проповѣдь о нравственности освободила людей XIX вѣка отъ старыхъ традицій и дала имъ возможность жить по своей волѣ. Одно изъ первыхъ требованій христіанской морали относительно супружеской вѣрности и цѣломудрія подверглось беспощадной критикѣ. *Чернышевскій* въ своемъ романѣ „Что дѣлать“ въ живыхъ лицахъ представилъ свободное отношеніе къ брачнымъ узамъ. *Лехки* взялъ проституцію подъ свою защиту („Исторія

развитія европейской нравственности“). А въ самое послѣднее время В. В. Розановъ проповѣдуетъ, что сущность брака вовсе не въ таинствѣ, а въ простомъ актѣ сожитія (см. его статьи въ „Новомъ Времени“, за 1901 годъ). И все это выдается за какое то новое откровеніе, долженствующее замѣнить собою старыя христіанскія воззрѣнія на бравъ. Практическія послѣдствія новыхъ нравственныхъ идей не замедлили обнаружиться. Милліоны молодыхъ людей оставили мысль о законномъ бракѣ, предпочитая временное сожительство съ женщинами. За явными и тайными развратниками-мужчинами потянулась и современная женщина. Подобно мужчинѣ, она ищетъ свободы отъ суровыхъ требованій „старой морали“, не хочетъ замужества, не желаетъ материнства, недовольна своимъ положеніемъ, указаннымъ ей самой природой, проповѣдуетъ „свободу любви“, въ противоположность стѣснительности брака, который провозглашаетъ устарѣлымъ учрежденіемъ.

Прот. Н. Стеллецкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отъ Редакціи.

Редакція „Р. д. с. п.“ извѣщаетъ своихъ высокочтимыхъ подписчиковъ, что *оффиціального* разрѣшенія отъ Св. Синода печатать „Толковый Типиконъ“ еще не получено, а потому „Типиконъ“ не можетъ быть высланъ теперь же; онъ будетъ высланъ всѣмъ подписчикамъ 1909 г. въ 1910 году.

Съ истиннымъ почтеніемъ *Редакція.*

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 15-го декабря 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣоть
ПЯТЬ руб., съ первою рубль.

№ 52.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевокой духов-
ной Семинаріи.

1909-го года декабря 27-го дня.

Содержаніе: I. Къ вопросу о вѣроисповѣдной борьбѣ въ Государственной Думѣ. Членъ Гос. Думы, сваш. С. Богдановичъ.—II. Падевіе римскаго цезаро-панизма. (Окончаніе). Кир. Тихомировъ.—III. О законоучителѣ. (Окончаніе). С. А. В—ій.—IV. Христіанское назначеніе женщины и женская эмансипація нашего времени. (Окончаніе). Прот. Н. Стеллецкій.

Къ вопросу о вѣроисповѣдной борьбѣ въ Государственной Думѣ.

Множество законопроектовъ, внесенныхъ въ Думу Департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, невольно наводитъ на мысль: должно быть энергичные люди управляютъ этимъ департаментомъ „иностранныхъ исповѣданій“, когда цѣлыми серіями вносятъ на „уваженіе“ Государственной Думы свои законопроекты о нуждахъ сектъ, расколовъ, иновѣрцевъ и прочихъ пришельцевъ земли Русской. Но къ пользѣ ли русскаго народа ведетъ эта энергія? Что можно сказать о членахъ или гласныхъ той городской управы, которая занимается благоустройствомъ главнымъ обра-

зомъ прїѣзжихъ и временно пребывающихъ въ городѣ иностранцевъ, игнорируя интересы постоянныхъ и коренныхъ жителей города? Конечно, послѣдніе не получаютъ пользы отъ такой дѣятельности управы и будутъ недовольны ей.

Когда читаешь всевозможные законопроекты, внесенные на „уваженіе“ Государственной Думы департаментомъ духовныхъ дѣлъ *иностранныхъ исповѣданій*, то приходишь къ заключенію, что дѣйствительно, въ концѣ всего, изъ-за рѣшающаго большинства членовъ Государственной Думы въ пользу своихъ и иностранныхъ ересей и расколовъ, вся Дума заслужить отъ коренного населенія Россіи одно лишь справедливое неуваженіе, если не презрѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, неужели члены Русской Государственной Думы призваны устроить прежде всего нужды иновѣрцевъ и иностранцевъ? неужели ужъ такъ благоустроены и духовно и матеріально обезпечены коренные жители Россіи, что Государственная Дума можетъ свободно затрачивать время и деньги на устроеніе, напримѣръ, прелатовъ и канониковъ, снабжая ихъ и почетнымъ званіемъ, и двойнымъ, а иногда и тройными окладами жалованья отъ казны (Разумѣется занятіе однимъ лицомъ нѣсколькихъ штатныхъ должностей. См. законопроектъ № 7196).

Правда, въ Гос. Думѣ поднимался вопросъ объ увеличеніи содержанія и коренному жителю и дѣятелю Россіи, православному духовенству, но сколько обидныхъ и незаслуженныхъ упрековъ и осужденій сыпалось съ думской трибуны по адресу этого духовенства, пока прошла черезъ Думу ассигновка жалкихъ 200 тысячъ рублей на почти 200-тысячный контингентъ духовенства.

Поговорили въ Гос. Думѣ и о православныхъ церковно-приходскихъ школахъ, но какъ поговорили? Прежде чѣмъ получить ассигнованіе скуднаго кредита на самыя насущнѣйшія потребности свои, этой школѣ пришлось выслушать всевозможные неирстойные нападки и издѣвательства отъ „благодѣтелей“ земли Русской, тогда какъ волпросы иностран-

ныхъ исповѣданій проходятъ черезъ Г. Думу въ деликатной формѣ и при благосклонномъ отношеніи и полномъ уваженіи со стороны того „большинства“ членовъ Г. Думы, которые, соглашаясь облагодѣтельствовать казеннымъ жалованьемъ и почетомъ иновѣрныхъ „пастырей“—законоучителей, въ то же время выступало съ дерзкою атакою на вопросы не инославнаго, а православнаго вѣроисповѣданія.

Что должно сказать членамъ Г. Думы коренное населеніе Россіи за ихъ заботы и симпатіи болѣе иновѣрцамъ, сектамъ, расколу и иностранцамъ, чѣмъ своимъ братьямъ по вѣрѣ и отечеству? Не напомнить ли оно имъ слова апостола: „Кто о своихъ, и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго“ (1 Тим. 5, 8)? И справедливо напомнить. Справедливость такого упрека создало бы и само „большинство“ членовъ Г. Думы если бы захотѣло и могло по совѣсти спросить себя: въ самомъ дѣлѣ, по какимъ законамъ поступаемъ мы, постановляя тѣ или другія рѣшенія по вопросамъ вѣроисповѣданій, въ частности, расширяя „свободу совѣсти“ разныхъ еретиковъ, раскольниковъ и иновѣрцевъ—этихъ враговъ Православной Церкви, у послѣдней же отнимая даже и ту власть самоуправленія, которою надѣлилъ ее Самъ Основатель, Господь нашъ Иисусъ Христосъ (Матѣ. 16, 18—19; 18, 17)?

Все это, господа, члены Государственной Думы, не только не нормально, но и преступно предъ вашими избирателями, а евангельской истинѣ, опредѣляющей „едино стадо, едину вѣру, едино крещеніе“,—противна такая ваша забота о еретикахъ и иновѣрцахъ, а потому, въ интересахъ сохраненія авторитета народнаго представительства, не лучше ли вамъ отложить до времени заботы, т. е. законопроекты, касающіеся благоустройства и воздаянія почетныхъ званій и всевозможныхъ льготъ иновѣрцамъ, а также внутреннимъ ересямъ и расколамъ. Ваша святая обязанность и забота должны быть прежде всего и главнымъ образомъ о благоустройствѣ гражданскаго общежитія *коренныхъ жителей на-*

шей страны. Если же вы будете удовлетворять нужды главнымъ образомъ и прежде всего иновѣрцевъ, сектантовъ, раскольниковъ и прочихъ еретиковъ, откладывая въ дальній ящикъ заботу о нуждахъ коренного хозяина земли Русской— православнаго населенія, то этимъ вы окончательно подрвете авторитетъ третьей Государственной Думы и вообще народнаго представительства на Руси. Итакъ поменьше увлеченія иновѣрцами и иностранцами и побольше вниманія своему русскому православному! Постройка зданія начинается съ фундамента, а не съ мансардныхъ отдѣленій 5-го этажа.

Членъ Вѣроисповѣдной Комиссiи Государственной Думы,
Священникъ *Савва Богдановичъ*.

Паденіе римскаго цезаро-папизма.

(Окончаніе ¹⁾).

Папство и теперь воображаетъ, что его вмѣшательство въ государственныя дѣла и его часто незаконныя притязанія приносятъ громадную пользу разнымъ правительствамъ, въ признательность за которыя послѣднія должны стараться, въ свою очередь, о сохраненіи независимости римскаго престола; многія европейскія правительства поддерживали до новѣйшаго времени въ папахъ эту пріятную иллюзію. Но съ распространеніемъ знаній и съ просвѣтлѣніемъ народнаго сознанія, правительства не могутъ оставаться глухими къ общественнымъ требованіямъ и потому всякій разъ, когда имъ приходится разрѣшать какія-нибудь крупныя недоразумѣнія между католическимъ духовенствомъ и мірянами, являются сторонниками послѣднихъ. Почти во всѣхъ католическихъ земляхъ, главные органы общественной и государственной жизни: семья, школы, политика постепенно освобождаются

¹⁾ См. № 51-й за 1909-й г.

изъ-подъ внѣшняго авторитета папства и становятся предметами общихъ заботъ всѣхъ гражданъ и государства.—Папа не хочетъ признать великихъ пріобрѣтеній человѣческой мысли и богатыхъ результатовъ неусынной дѣятельности народовъ въ области религіи, искусства и литературы. Какъ тысячу лѣтъ назадъ, такъ и теперь, папство старается подержать свое существованіе ссылками на предписанія разныхъ католическихъ соборовъ и старыхъ книгъ, какъ на божественный источникъ своей верховной власти; ему и въ голову не приходитъ, что этотъ источникъ давно изсякъ, что старыя книги, составленныя большею частью іезуитами, слишкомъ устарѣли, и что постановленія католическихъ соборовъ давно уже перестали считаться обязательными для всѣхъ. Возставая противъ безусловно полезныхъ религіозныхъ, политическихъ и экономическихъ сочиненій и торжественно осуждая ихъ, Римъ успѣлъ возбудить въ народныхъ массахъ вражду и презрѣніе къ своимъ проклятіямъ и отлученіямъ до такой степени, что догматика католицизма потеряла почти всякій интересъ въ глазахъ мірянъ, а религіозные—театрально обставленные—обряды римскаго духовенства начинаютъ подвергаться не только насмѣшкамъ, но и рѣшительнымъ ограниченіямъ. Все, что есть живого и мыслящаго въ католическомъ мірѣ, даже среди римскаго духовенства, покидаетъ ряды защитниковъ папства; и теперь весьма многіе католики или остаются совершенно равнодушными къ судьбамъ папства, или переходятъ во враждебный лагерь, который съ каждымъ годомъ все больше растетъ и увеличивается.

Къ усиленію и укрѣпленію лагеря противниковъ папства много способствуетъ возникшее недавно (2—3 года тому назадъ) новое религіозное движеніе, такъ наз.—„модернизмъ“, или новокатоличество. Это явленіе не національное, хотя и окрашенное національными особенностями, а явленіе общекатолическое, охватившее весь католическій міръ, начиная отъ центральнаго міра Італіи и Франціи, кончая полупро-

тестантскими Германіей, Англіей и Америкой. Не остались чужды ему и славянскія страны Австріи, даже русская Польша.

Но не во внѣшней только распространенности значеніе модернизма. Онъ затрогиваетъ до самыхъ корней всю систему католическаго міросозерцанія, вопросы не только чисто религіозные, но и нравственные, интеллектуальныя и притомъ со стороны наиболѣе понятной и близкой современному обществу. Модернизмъ—это открытое возмущеніе противъ централизаціи католицизма въ Римѣ, противъ высшей власти папы и противъ епископскаго абсолютизма; это движеніе представляетъ усиліе низшаго духовенства выйти изъ своей пассивной роли и принять вмѣстѣ съ мірянами болѣе дѣятельное участіе въ управленіи католической церковью. Такое, скажемъ, республиканское преобразование католицизма не можетъ совершиться безъ полнаго пересмотра его догматическихъ и дисциплинарныхъ принциповъ, а потому модернисты проповѣдуютъ теорію эволюціи, которая даетъ возможность римской церкви обновиться согласно требованіямъ времени и цивилизаціи.

Папа Пій X въ особой энцикликѣ („*Pascendi-Dominici mandatum*“, 16 сент. 1907 г.) предаль анаѳемъ модернистовъ и ихъ ученіе, которое, по мнѣнію „святого отца“, „не ересь, а сводъ и ядъ всѣхъ ересей“. Эта энциклика содержитъ въ себѣ самое суровое осужденіе новому движенію противъ католицизма и предписываетъ строгія и рѣшительныя мѣры борьбы съ нимъ, при чемъ папа не только направляетъ „достопочтенныхъ братьевъ“ епископовъ на внутренняго врага, но то и дѣло выступаетъ самъ, указывая, кому какой ударъ слѣдуетъ нанести въ модернизмѣ. Однако справиться съ этимъ движеніемъ Ватиканъ не въ силахъ и, не смотря, какъ мы сказали, на очень недавнее сравнительно появленіе, это движеніе успѣло оторвать цѣлыя сотни тысячъ католиковъ папистовъ и продолжаетъ распространяться очень быстро. Существуетъ на Западѣ громадное число молодыхъ священни-

ковъ, которые въ глубинѣ сердца—модернисты по убѣжденіямъ и симпатіямъ. Эти священники имѣютъ большое вліяніе на образованное свѣтское юношество и готовятъ так. образ. свѣтское модернистское общество. Поэтому мы думаемъ, что модернистское движеніе не можетъ быть остановлено, а если его сдавить, то оно съ теченіемъ времени пріобрѣтетъ еще больше силы. Это движеніе есть и будетъ революціоннымъ движеніемъ въ лонѣ католицизма,—и подаромъ Пій Х сказалъ въ своей буллѣ: „Первый шагъ сдѣланъ протестантствомъ,—второй дѣлаетъ модернизмъ“. И дѣйствительно, модернизмъ можетъ быть поставленъ на ряду съ такимъ грандіознымъ движеніемъ, какъ протестантство и, какъ таковой, будетъ имѣть громадное и рѣшающее вліяніе на будущую участь папства.

Много огорченій и заботъ причиняетъ Ватикану еще религіозныя движенія—старокатоличество и сродное съ нимъ „Маріавитство“. О первомъ, какъ общеизвѣстномъ, умолчимъ, а скажемъ два—три слова о послѣднемъ.

Въ Привислинскомъ краѣ съ 1906 года проявилось и быстро растетъ религіозное расколотеченіе, въ основѣ котораго лежитъ девизъ: „прочь отъ Рима“. По существу это движеніе—то же, что и старокатоличество, а именно: 1) непризнаніе главенства папы, отрицаніе его непогрѣшимости и полное отложеніе отъ римскаго клира; 2) славянское (польское) богослуженіе, уже и осуществленное маріавитами (въ костелахъ маріавитовъ съ прошлаго года уже совершаются богослуженія на польскомъ языкѣ); 3) основаніе независимой отъ Рима польской церкви; 4) отмѣна безбрачія духовенства и 5) полное невмѣшательство его въ политическія дѣла.

Движеніе маріавитовъ въ Привислинскомъ краѣ все болѣе прогрессируетъ и принимаетъ характеръ массоваго бѣгства поляковъ отъ Рима, и въ настоящее время маріавитовъ насчитывается уже болѣе 200,000 человекъ. Наибольшее число ихъ въ Петроковской губерніи—до 80 тысячъ чело-

вѣкъ, въ Варшавской губ.—до 20 тыс., въ Сѣдлецкой—до 15 т., въ Калишской до 5 тыс. и т. д. Мариавиты имѣютъ уже до 50 ксендзовъ (перешедшихъ изъ католичества) и открываютъ въ Плоцкѣ свою духовную семинарію. Все это творится въ томъ краѣ, гдѣ польское духовенство до послѣдняго времени влеклось къ папству всѣми своими симпатіями, гдѣ оно отличалось самымъ крайнимъ ультрамонтанствомъ и гдѣ оно больше привязано было къ своимъ интересамъ, чѣмъ къ интересамъ страны.

Наконецъ, папство понесло недавно громадную и невознаградимую потерю во Франціи, гдѣ всѣ ватиканскія конгрегаціи подъ видомъ „отдѣленія церкви отъ государства“ переданы въ вѣдѣніе гражданскихъ властей, которыя буквально разгромили и ограбили ихъ; церковные капиталы и имущество конфисковано, прекращенъ отпускъ средствъ на содержаніе церкви и духовенства, которое прямо выброшено на улицу изъ церковныхъ жилищъ, конфискованныхъ и обращенныхъ въ торговые, промышленныя и иныя заведенія. Иконы изъ учебныхъ заведеній и присутственныхъ мѣстъ вынесены, и ксендзы не допускаются въ учебныя заведенія для преподаванія Закона Божія, исключеннаго изъ курса обученія. Среди самага народа обнаружился расколъ: онъ раскололся на два лагеря—неогалликовъ (приверженцевъ государства, отвергшаго и разгромившаго церковь) и ультрамонтановъ (приверженцевъ папы). Послѣднихъ пока еще большинство, но постепенно оно уменьшается, неогалликовъ же прибавляется, и папство, такимъ образомъ, все болѣе теряетъ почву въ странѣ, гдѣ оно имѣло наибольшее количество поклонниковъ и въ которой видѣло наибольшую опору.

Такимъ образомъ, изъ рассмотрѣнныхъ нами антипапскихъ движеній каждое само по себѣ симптоматично, въ сложности же всѣ они представляютъ явленіе грозное и создаютъ для папства неминуемое крушеніе и разложеніе.

Единственными и рьяными защитниками папства остаются—іезуиты. Придерживаясь принципа безусловнаго пови-

новенія своему „генералу“, который живетъ въ Римѣ, этотъ орденъ составляетъ, кажется, единственное орудіе въ рукахъ ультрамонтановъ, и именно благодаря только тому обстоятельству, что дальнѣйшее существованіе и процвѣтаніе ордена тѣсно связаны съ судьбою папскаго престола. И весь вопросъ о папствѣ, намъ кажется, есть скорѣе вопросъ о существованіи іезуитизма и римской куріи, чѣмъ какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій. Кому неизвѣстно, что папа часто служитъ лишь ширмой въ интригахъ его собственнаго двора и іезуитскаго ордена? Что свѣтская власть папы должна составлять жизненный вопросъ для римской куріи, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Отнимите у папы Римскую область, обратите его въ простого итальянскаго епископа, куда же дѣнется тогда весь его дворъ? Бездѣтный епископъ можетъ, конечно, жить хорошо и на тѣ средства, которые останутся у папы въ распоряженіи, но этихъ средствъ не хватитъ на содержаніе всѣхъ лицъ, отправляющихъ теперь разныя служебныя обязанности въ Ватиканѣ и заинтересованныхъ здѣсь опять не сердцемъ и головою, а желудкомъ.—Неужели, спрашиваютъ себя люди, которымъ грозитъ несомнѣнная отставка,—неужели мы только для того состарѣлись въ разныхъ придворныхъ интригахъ и терпѣли въ продолженіе нашей жизни столько униженій, ласкали тѣхъ, кого отъ души ненавидѣли, и гнали другихъ, которыхъ мы сами любили,—неужели все это мы дѣлали только для того, чтобы въ настоящую минуту, когда мы достигли высшихъ почестей и матеріальнаго довольства, все это довольство и почести рухнули безвозвратно въ рѣку времени, оставивъ насъ дряхлыми, хилыми и въ общемъ презрѣніи у новыхъ властителей?—Короче сказать, римская курія и іезуиты поддерживаютъ папство потому, что оно кажется имъ единственнымъ якоремъ спасенія ихъ собственнаго ковчега отъ бурь современныхъ религіозныхъ движеній. Это не догматическая школа, а дипломатическій союзъ, не религіозное ученіе, а политическая программа.

Итакъ, папство переживаетъ теперь тяжелый, весьма серьезный кризисъ, и вопросъ о его окончательномъ паденіи есть вопросъ только времени. Политическія отношенія европейскихъ государствъ, можетъ быть, задержать еще крушеніе папства, но гибель его неизбѣжна. Паденіе же католицизма не можетъ остаться безъ значенія для Церкви вселенской. Паденіе лжи—торжество для истины; торжество для вселенской Церкви, которая живетъ вотъ уже 2000 лѣтъ непрерывной жизнію со временъ апостольскихъ. Она присутствовала при всѣхъ преобразованіяхъ христіанской вѣры на Западѣ; будучи старѣе римской церкви по времени, она была свидѣтельницею всѣхъ дѣйствій папъ и отмѣчала ихъ постепенныя нововведенія. Она видѣла рожденіе всѣхъ церквей, всѣхъ сектъ, и, среди движенія умовъ по противоположнымъ направленіямъ, она осталась неподвижною и преданною твердо заповѣдямъ Спасителя, проповѣди апостоловъ, ученію св. отцовъ и правиламъ Вселенскихъ Соборовъ. А потому она жить будетъ вѣчно, и врата ада не одолѣютъ ея!

Кир. Тихомировъ.

О. ЗАКОНУЧИТЕЛЬ.

(Окончаніе ¹).

III.

Для пробужденія религіозной жизни въ воспитанникахъ у батюшки было еще одно могучее, дѣйствительное средство. Гимназическая церковь—вотъ гдѣ долженъ быть неугасимый очагъ вѣры для юныхъ душъ,—думалъ онъ съ увѣренностію, — она должна являться той лабораторіей, „духовной кузницей“, гдѣ разсудочно пріобрѣтенныя на урокахъ сокровища религіознаго знанія должны претворяться въ живую силу вѣры,

²) См. № 51-й за 1909 г.

становиться достояніемъ сердца при помощи церковной бесѣды законоучителя, истоваго, благоговѣйнаго богослуженія съ дѣятельнымъ участіемъ въ немъ самихъ учащихъ, въ присутствіи ихъ родителей и педагоговъ—учителей. Но превратить гимназическую церковь въ живой, пламенѣющій очагъ вѣры, въ мѣсто религіознаго подъема и единенія учащихъ, родителей и педагоговъ являлось дѣломъ друднымъ. Очагъ оказывался едва не потухшимъ и не проливалъ согрѣвающаго свѣта. Неохотно посѣщали воспитанники церковь, и то больше „отдувались“ малыши, старшіе классы посылали очередныхъ представителей во избѣжаніе начальственной кары; учительскій персоналъ всегда отсутствовалъ, кромѣ обязательной инспекціи; родителей и богомольцевъ со стороны не привлекала убогая, унылая и короткая служба домовой школьной церкви. При попыткѣ къ оживленію запущеннаго дѣла вставляли предъ новымъ батюшкой серіозныя препятствія. Существовали кое-какіе циркуляры, мягко дававшіе совѣты не утомлять дѣтей продолжительностію богослуженій: учитель пѣнія не брался образовать хоръ взамѣнъ десятка малышей гимназистовъ, пѣвшихъ криво—косо подъ командой старичка класнаго надзирателя: преподаваніе пѣнія въ гимназін, оказывалось, имѣло инья, болѣе широкія образовательныя цѣли. Чтеніе и прислуживаніе за богослуженіемъ было въ рукахъ двухъ—трехъ любителей гимназистовъ изъ бывшихъ учениковъ духовнаго училища, и предложеніе о. Петра сдѣлать это очередной обязанностію для всѣхъ воспитанниковъ не встрѣтило сочувствія со стороны самой дирекціи, какъ небывалое, стѣснительное для дѣтей, нововведеніе.

Однимъ словомъ, немало непредвидѣнныхъ трудностей представилось батюшкѣ при выполненіи „живого дѣла“, и не часто приходилось пожинать ему утѣшительные плоды своихъ честныхъ усилій и самоотверженной работы. Но кто знаетъ, не оказался ли бы онъ современемъ счастливымъ побѣдителемъ, если бы на ряду съ поставленными имъ предъ собою цѣлями не стояли неумолимыя требованія программъ.

и къ нимъ объяснительныхъ записокъ. Здѣсь-то и скрывалась та скала, о которую скоро суждено было потерпѣть аварію отважному пловцу. Идейная, жизненная сторона предмета была для него на первомъ мѣстѣ, и это вмѣстѣ съ не требовательностію батюшки гибельно отразилось на выполненіи программъ. Эгоистическая юность безсердечно платила самоотверженному батюшкѣ за его любовь полнымъ пренебреженіемъ къ изученію уроковъ. На бѣду въ первые же годы законоучительства о. Петра назначенъ былъ отъ подлежащаго начальства особый наблюдатель за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ—„для поднятія обученія Закона Божія“, какъ мотивировалась новая мѣра. И вотъ послѣ присутствія на экзаменахъ у о. Петра такого наблюдателя была получена изъ округа бумага, предписывающая „обратить вниманіе на преподаваніе Закона Божія и принять мѣры противъ религіозной распущенности, замѣчаемой въ воспитанникахъ“.

Болью въ сердцѣ и обидой отозвался этотъ случай на о. Петрѣ. Такъ вотъ она—нравственная награда за его честную работу, за самоотверженный трудъ?—думалъ онъ съ горечью въ душѣ:—и чрезъ кого же? Не воспользовался ли этотъ наблюдатель, о. Сколопендровъ, при своемъ докладѣ объ экзаменахъ, его откровенностію, использованною предательски? О. Петру было ясно теперь, откуда обрушилась бѣда. Случай свелъ его съ этимъ о. Сколопендровымъ, мѣстнымъ протоіереемъ и тоже законоучителемъ реальнаго училища, еще въ началѣ службы, и онъ дѣлился откровенно съ нимъ своими первыми законоучительскими опытами, рассказывалъ о печальномъ состояніи религіозности, желая получить если не мудрый совѣтъ, то хотя нравственную поддержку, а въ результатѣ—іудино цѣлованіе!

Послѣ такого реальнаго столкновенія съ непреодолимой дѣйствительностію словно крылья кто подсѣкъ у батюшки Аквилонова. Раздвоенность и осторожность, самонаблюденіе за каждымъ своимъ шагомъ и невольное чувство разочаро-

ванія темной безрадостной тѣнью легли на любимое дѣло, отняли непосредственность, и прелесть, и увлеченіе въ занятіяхъ, въ отношеніи къ нему. Герой, подвижникъ дѣла постепенно уступалъ мѣсто подневольному исполнителю чужой казенной воли. Остались лишь гдѣ-то глубоко въ душѣ вѣра и надежда въ святость и вѣчность цѣлей, которымъ призванъ былъ служить, но осуществить которыя не въ его власти, и томленіе духа смѣняло постепенно прежнее бодрое, жизнерадостное настроеніе.

Не радовала полнотою счастья надорванную въ непереносимомъ служебномъ подвигѣ душу о. Аквилонова и домашняя, семейная жизнь. Софья Николаевна, къ взаимному супружескому огорченію, не подарила о. Петру ни одного наследника. Годъ отъ года двойное одиночество супруговъ становилось ощутительнѣе, тяжелѣе; недостатокъ связующаго и одухотворяющаго супружескія узы элемента—дѣтей, при отсутствіи широкихъ знакомствъ и внѣшнихъ связей, придавалъ всему строю домашней жизни унылый, однотонный характеръ. Одно чтеніе книгъ, обмѣнъ мыслей да сами по себѣ невеселые разговоры между супругами о крушеніи на каждомъ шагу служебныхъ плановъ, когда-то показавшихся легкодостижимыми, не могли наполнить и скрасить личное существованіе.

Только въ послѣдніе годы внесло нѣкоторое оживленіе въ домашнюю жизнь Аквилоновыхъ появленіе сиротки—племянника Володи, котораго по смерти бѣднаго брата-чиновника о. Петръ досталъ съ родины къ себѣ и помѣстилъ въ гимназію. Мальчикъ, оказавшійся молчаливымъ и смиреннымъ, сдѣлался сразу любимцемъ начинавшей тосковать въ одиночествѣ Софьи Николаевны; на него она расточала теперь обильно пробудившіяся материнскія чувства и попеченія, и между ними выростала духовная близость. Для о. Петра Володя сталъ ближайшимъ предметомъ воспитательныхъ заботъ; дядя слѣдилъ за умственнымъ и религіознымъ развитіемъ воспитанника. Но, странное дѣло, съ годами и Володя сталъ

обнаруживать стремление уклоняться отъ религіознаго воздѣйствія дяди, замыкаясь въ себѣ и все болѣе напоминая собою своихъ индифферентовъ—товарищей. Учась въ шестомъ классѣ, онъ какъ-то въ откровенной бесѣдѣ съ Софьей Николаевной, отъ которой у него не было тайнъ, признался, какъ его тяготитъ эта вѣчная опека дяди, — „хотя бы не ходить на каждую службу въ церковь, довольно и того, что учу по Закону всякій урокъ“. Видимо, что-то незримо вліяло и на него, какъ и на его товарищей, охлаждая, атрофируя религіозную жизнь; но что?—это было загадкой для Аквилоновыхъ...

— Володя милый! скажи ты мнѣ откровенно, что это у васъ въ гимназіи: отчего такъ всѣ, словно сговорились, относятся къ моему предмету? Не замѣтишь никогда ни интереса къ нему, ни любви: отвѣчаютъ, какъ мертвые, и въ церковь, самъ знаешь, много ли васъ ходитъ? Неужели не вѣрятъ ужъ въ Бога, или мной недовольны, надоѣлъ вамъ, быть можетъ?—Вотъ и ты тоже... не пожалуюсь—исправенъ, а все-таки...—Рѣшился, наконецъ, о. Петръ непосредственно узнать и выяснитъ черезъ племянника настоящую правду отношеній къ нему гимназической молодежи, но отвѣтъ Володи не могъ разсѣять мучившихъ его недоразумѣній.

— Ахъ, дядя, напрасно вы все тревожитесь, поднявъ голову отъ какого-то учебника и смотря спокойно на о. Петра, заговорилъ Володя:—у насъ въ гимназіи ничего противъ васъ не имѣютъ и всѣ любятъ, уважаютъ, не какъ, вонъ, о. Николая Сколопендрова реалисты: тому одно имя за глаза— „противный пошъ“, а васъ, не слыхалъ, никто такъ не бранить. Да вы же никого не обидите. У насъ батюшка добры—только и слышишь въ гимназіи. А интересъ въ Законѣ Божиемъ какой же? Все одно и то же, какъ начали учиться. И я вотъ, тамъ еще въ церковной школѣ училъ заповѣди, символъ, катихизисъ, священную исторію, богослуженіе, и здѣсь вы тому же учите. Это ужъ, дядя, не отъ васъ... И въ Бога вѣрятъ, какъ не вѣрять? Только не любятъ ходить

въ церковь, но, можетъ оттого, что заставляють... Нѣтъ, дядя, тревожиться вамъ, право же, напрасно и не стоитъ...

— И, въ самомъ дѣлѣ, чего еще мнѣ надо!—Иронизировалъ о. Петръ самъ надъ собой послѣ вразумительнаго отвѣта племянника.—Уважають, не бранять за глаза, зовуть добрымъ батюшкой. Однако, подъ всѣмъ этимъ не кроется ли простое признаніе „безвредной ненужности“! Вотъ, молю, человѣкъ могъ бы на каждомъ шагу притѣснить, измучить, заставляя долбить скучный предметъ, исполнять строго всѣ обязанности, а онъ умѣетъ быть невзыскательнымъ:—славный батюшка, добрый! Надобно и его уважить, подучивать къ экзамену, не проваливать въ глазахъ у начальства. Но развѣ о такихъ отношеніяхъ къ нимъ мечталъ онъ когда-то: пробужденіе живой, сознательной вѣры, любви Христовой въ юныхъ душахъ, воспитаніе изъ дѣтей истинныхъ христіанъ, нравственно-стойкихъ, честныхъ характеровъ при свѣтѣ Закона Божія—осуществлено ли все это? Ужъ не лучше ли поступаютъ неуязвимые оо. Сколопендровы, спокойно выполняя программу при строгомъ примѣненіи пятибальной системы и прививая любовь къ храму Божію при помощи дисциплинарныхъ взысканій... Пусть ненавидятъ, бранять за глаза, они образцово ведутъ свое дѣло, ихъ совѣсть спокойна. Но нѣтъ, сохрани Богъ угодиться имъ! вѣдь они забываютъ одно,—что отъ ненависти къ лицу, отъ „противнаго попа“ одинъ шагъ до отвращенія, нерасположенія къ самому дѣлу, предмету, которое можетъ отравить душу на цѣлую жизнь...

IV.

Изъ всей учительской корпораціи въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ батюшкѣ находился классикъ Андрей Андреевичъ Шабаровъ. Онъ, видимо, тяготѣлъ къ о. Петру, иногда заходилъ на квартиру къ нему провести за бесѣдой досужій вечерокъ; любилъ и батюшка поговорить по душѣ со „славнымъ старикомъ,“ какъ мысленно называлъ онъ его про себя. Можетъ

быть, въ основѣ ихъ взаимной симпатіи лежала однородность происхожденія и единство пройденной обоими школы. Шабаровъ, какъ и батюшка, былъ сыномъ духовнаго лица, дьякона, выросъ въ средѣ духовенства и обучался въ академіи; были въ немъ и личныя черты, способныя привлечь къ нему расположеніе.

Андрей Андреевичъ, въ душѣ заядлый старый классикъ, пережившій твердо крушеніе классической системы и утѣвшій отъ нея несокрушимо, отличался поразительно уравновѣшеннымъ характеромъ, спокойнымъ, яснымъ, положительнымъ взглядомъ на вещи, выработавшимся не безъ вліянія любимой имъ классической литературы. Высказывалъ онъ свои мысли съ оригинальной прямою, не особенно стѣсняясь называть вещи ихъ именами. Умный, прямолинейный старикъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, понималъ душевный міръ батюшки и цѣнилъ чистоту и высоту его стремленій, оттого, можетъ быть, всякій разъ послѣ бесѣды съ нимъ о. Петръ испытывалъ чувство облегченія, забывая тягостное сознаніе душевнаго одиночества. И это бодрое, проясненное рѣчами классика настроеніе, неизмѣнно остающееся послѣ посѣщеній его въ душѣ о. Петра, какъ будто трудно мирилось съ той беспощадной критикой и ѣдкой ироніей, съ какими обыкновенно обрушивался гость на школьный Законъ Божій, считая обученіе ему чуть не безплодною тратой времени.

Но дѣло было въ томъ, что въ суровыхъ филиппикахъ старика звучали ясно глубокая скорбь и возмущеніе о гибели великаго безцѣннаго сокровища изъ-за слѣпой, мертвящей школьной рутины, что въ неумолимой критикѣ формальнаго отношенія къ Закону Божию чувствовалось убѣжденіе въ необходимости вѣры для человѣка и страстное желаніе спасти эту вѣру въ молодежи, извлечь ее на свѣтъ и просторъ изъ-подъ убійственнаго бездушнаго пресса схоластическаго формализма. А развѣ не о томъ же болѣло сердце и тосковала душа батюшки? Вотъ отчего о. Петръ всегда

радостно вскакивалъ со спокойнаго кресла въ своемъ кабинетѣ, бросая чтеніе хорошей книги, и самъ шелъ въ прихожую, когда слышалъ вечеромъ троекратный особенный звонокъ, по которому онъ узнавалъ безошибочно прибытіе Андрея Андреича.

— А я къ вамъ, о. Петръ, на огонекъ... Мимо шель,— гудѣлъ уже въ прихожей басовой ровный голосъ, скидывающаго съ плечъ пальто гостя.—Безпринципные, неустойчивые люди нынѣшняя молодежь. У Кульченко винтъ назначенъ сегодня—долженъ бы знать. Прихожу, а его слѣды простыль. Горничная преспокойно отказывается: баринъ весь вечеръ не будетъ. Каково? Ну что жъ, думаю, такъ и запишемъ, а на улицѣ не останусь. Къ вамъ и направился. Знаю, вы всегда дома. Утѣшу, моль, унывающего.

Гость и хозяинъ усаживались другъ противъ друга въ небольшомъ зальцѣ за круглымъ столомъ,—классикъ удобно помѣщался на мягкомъ диванѣ, о. Петръ—на креслѣ. Лампа съ синимъ абажуромъ слабо освѣщала комнату, сидѣвшаго гостя съ широкой бѣлой бородой, такъ гармонировавшей съ крупнымъ добродушнымъ лицомъ духовнаго типа. Начинаясь бесѣда обыденными разспросами, фразами.

— А Софья Николаевна какъ здравствуетъ? А племянникъ Володя гдѣ?—Софья Николаевна, матушка, оказывается дома, выходитъ поздороваться, предложить чаю. Ею Андрею Андреевичу не нужно—нилъ дома. Володя укатилъ, должно быть, къ товарищамъ; развѣ нынѣшняя молодежь сидитъ дома, или считаетъ нужнымъ дать отчетъ, куда ходить.

— Сами-то вы, о. Петръ, напрасно не подражаете племяннику. Нигдѣ васъ не видно. Гулять нужно, необходимо; движеніе поднимаетъ душевную энергію, освѣжаетъ все-таки. Вотъ вы бы, Софья Николаевна, подъ ручку батюшку и—маршъ на Итальянскую.—Сочувственно совѣтуетъ и шутить Андрей Андреевичъ.

— Что ужь,—безнадежно, разочарованно отмахивается рукой о. Петръ.—Гулять бы хорошо, да обиды выслушивать тошно. Когда то, помните, Лёсковъ описывалъ архіерейскія жалобы, что не позволено имъ пѣшкомъ ходить, а теперь, пожалуй, и въ рясѣ не показывайся,—сейчасъ встрѣтишь насмѣшку. Шель я на-дняхъ изъ библіотеки мимо табачной фабрики, рабочіе сидѣли группой. Только минуль ихъ, слышу: „Го-сно-ди по-ми-луй!“ Тянуть шутники во слѣдъ проходившей рясѣ. Что тутъ подѣлаете? Ходили нынче же съ Соней къ знакомымъ. У параднаго крыльца звонокъ оказался испорченъ. Стучу рукой въ дверь разъ и два. И слышу сзади смѣшливый голосъ: „ничего, батюша, толцые и отверзетъ!“ Говорить это, будто мелькомъ, про себя, солидный, интеллигентный на видъ прохожій господинъ уже пожилыхъ лѣтъ и преспокойно продолжаетъ прогулку. Каково? Бываетъ и хуже, грубѣе. Покупаю какъ-то на базарѣ овощи и расплачиваюсь. Тутъ же мѣщанинъ какой-то или рабочій просить торговца уступить. Тотъ урезониваетъ: да вотъ же, батюшкѣ за эту цѣну продалъ.—А ты не сравнивай: съ нихъ вдвое не грѣхъ взять, у нихъ, у поповъ, деньги шальные, горячія.—Спокойно возражаетъ рабочій. И смолчалъ я, не ссору же глупую затѣвать. Вотъ со своей рясой и приходится прятаться, отвыкнешь отъ прогулокъ по неволѣ!..

— Ха-ха, ха...—совсѣмъ безобидно смѣется гость, откидываясь на спинку дивана, надъ мрачнымъ сообщеніемъ о. Петра.—А тонко и ловко умѣютъ уязвить, однако, нынѣшніе подлецы. Но вамъ-то лично, дорогой о. Петръ, стоитъ ли принимать такъ близко подобныя выходки. Вы относитесь философски. Вѣдь это же историческое наслѣдіе, заслуженное сословіемъ въ свое время и предназначенное къ раздѣлу прямымъ наслѣдникамъ. А вы-то при чемъ? Только и всего: ошибочно адресовано, не по тому адресу... Не стоитъ возмущаться...

— Легко такъ говорить тому, кто умѣетъ философски смотрѣть на вещи, какъ вы,—возражаетъ о. Петръ со вздо-

хомъ, показывающимъ ясно невозможность для него лично подобнаго равнодушія:—Завидую я вамъ, Андрей Андреевичъ, смотря на ваше спокойствіе и прямо-таки удивляюсь иногда. Взять хотя бы наши съ вами профессіи, у которыхъ есть большое сходство по-моему: и вашъ классицизмъ, латынь, дѣло мертвое, отпѣтое, предметъ по существу незанимательный для гимназистовъ, какъ мой же Законъ Божій. И вотъ—я весь измучился, видя, какъ тяготеютъ они имъ, или еще хуже—пренебрежительно, легкомысленно относятся, а васъ какъ будто вполне удовлетворяетъ обученіе латыни, которую, вѣрно, тоже недолюбливаетъ крѣпко молодое поколѣніе. И вамъ хорошо, вы чувствуете себя на своемъ мѣстѣ. Тутъ невольно позавидуешь и удивишься.

— Ну, ужъ это, батюшка, напрасно, ни къ чему... Сравненіе ваше не подходитъ.—Съ оживленіемъ вступаетъ классикъ за свой излюбленный предметъ.—Моя латынь и вашъ Законъ—вещи различныя. Моя латынь такой же положительный, настоящій предметъ, какъ и всякій другой—географія, математика, и я знаю, и ученики знаютъ, что сообщаю я неоспоримыя фактическія знанія, какъ когда-то говорили, склоняли, спрягали римляне. Другое дѣло, пригодится ли латинскій языкъ въ жизни, все равно, какъ пригодится ли гимназистамъ биномъ Ньютона, пифагоровы штаны или свѣдѣнія о какой-нибудь горѣ Монуа-Лоо—это уже насъ, учителей, не касается. Но мы то дѣлаемъ все же настоящее дѣло, даемъ настоящія знанія, и мы въ правѣ быть спокойны. А у васъ съ Закономъ Божиимъ—не то. Вы сообщаете ученіе о христіанскихъ догматахъ, нравственности, богослуженіи и все это для васъ—совершеннѣйшая истина, но для другихъ можетъ показаться,—знаете слова апостола,—соблазномъ, безуміемъ, или простыми словами, и только для вѣрующей души и сердца непреложной истиной, какъ и для васъ. Вотъ тутъ-то и вопросъ: предъ кѣмъ вы расточаете безцѣнные сокровища и не напрасно ли? И я бы на вашемъ мѣстѣ не усидѣлъ спокойно при видѣ равнодушія, нерасположенія

учениковъ. Тутъ, по-моему, безъ душевныхъ терзаній трудно обойтись живому человѣку.

Брошенная классикомъ случайно мысль сразу и на цѣлый вечеръ даетъ бесѣдѣ двухъ друзей серьезное принципиальное направленіе, отвлекая отъ обыденной дѣйствительности съ ея мелкими, житейскими интересами. Гость, вызываемый репликами хозяина, незамѣтно увлекается и громитъ безошадно существующую постановку преподаванія Закона Божія. При этомъ бѣдному батюшкѣ нерѣдко приходится представлять собою обвиняемаго, какъ будто онъ-то и есть главная причина всѣхъ недостатковъ и традиціонныхъ вопіющихъ ненормальностей, вѣвшихся исторически въ законоучительскую практику. Такое впечатлѣніе получается на посторонній взглядъ отъ того оживленнаго натиска на милого хозяина, съ какимъ обрушивается на него классикъ, выясняя свои взгляды, изливая свои наболѣвшія чувства и чаянія.

— Вы подумайте, — возвращался неугомонный классикъ къ затронутой темѣ: — то ли вы дѣлаете, что требуетъ отъ васъ призвавшее васъ въ школу общество, государство. Оно сказало вамъ, когда приглашало въ школы: научите дѣтей нашихъ вѣровать во Христа, сдѣлайте ихъ христіанами, какъ мы... Вы согласились, и вмѣсто того, чтобы научить быть христіанами, учите, какъ и во что должны вѣровать христіане. Не этихъ вотъ порученныхъ вамъ дѣтей учите быть вѣрующими, а рассказываете имъ, какъ какіе-то люди, называющіеся этимъ именемъ, должны вѣровать и гдѣ-то вѣрують. А до дѣтей дѣла нѣтъ, вѣрують ли они-то.

Взяли вы катихизисы, символы, гдѣ выражена, оформлена въ словахъ только вѣра живая, заставляете учить ихъ и думаете — дѣло сдѣлали. А слово жизни, сѣмя животное, изъ котораго вырастають „сыны царствія“, вы упрятали, и узнають его послѣ школы желающіе по толкованію Толстыхъ. Ваши свѣдѣнія, какія вы даете, они, вѣдь, даютъ безъ запроса вѣрующей души, какъ пятьдесятъ атмосферъ, душу учениковъ.

— И ничего вамъ не достичь, пока не загляните въ дѣтскую душу, тамъ не отыщете Бога... Только тогда, когда каждое ваше свѣдѣніе, урокъ будетъ необходимымъ отвѣтомъ на живой запросъ вѣрующей дѣтской души, ваше дѣло станетъ настоящимъ дѣломъ, и выростите, воспитаєте вы христіанъ и христіански-нравственныхъ гражданъ. Вы думаете, плохо учили во Франціи патеры, оттого и выгнали ихъ господинъ Комбъ? Да, можетъ, лучше вашего выполняли они программы, но тоже вотъ не воспитывали вѣрующихъ и оказались не нужны. Замѣнили ихъ другіе люди—учителя безрелигіозной нравственности. Въ этомъ-то и трагизмъ, Петръ Васильевичъ, вашего положенія.

Разставаясь съ о. Аквилоновымъ позднимъ вечеромъ, гость обыкновенно извинялся за лишнюю прямоту и горячность; но эта откровенная прямота ничуть не обидѣла хозяина. Онъ чаще всего находилъ въ жестокихъ рѣчахъ классика горькую правду и внутренне соглашался съ нимъ.

V.

Бездѣтныя, не связанные никакими семейными заботами супруги Аквилоновы могли вполнѣ свободно располагать лѣтнимъ временемъ, и о. Петръ вмѣстѣ съ Софьей Николаевной и Володей почти каждое лѣто покидалъ свое служебное мѣстожительство, душный и пыльный городъ N, выбирая для отдыха вдали отъ него мирныя, здоровыя, съ неповрежденной природой уголки, или предпринимая путешествія по обширному отечеству то по Волгѣ и ея району, то на благодатный югъ—Крымъ и Кавказъ. Такое времяпрепровожденіе давало здоровый отдыхъ, укрѣпляло расшатанные нервы измученному за годъ, неудовлетворявшемуся своимъ дѣломъ батюшкѣ и кромѣ того наглядно и жизненно знакомило съ родиной.

Въ этотъ годъ слѣдомъ по окончаніи экзаменовъ и полной ликвидаціи до осени гимназическихъ дѣлъ, Аквилоновы рѣшили снова, уже разъ въ третій, отправиться въ путеше-

ствіе по Волгѣ. О. Петру особенно нравились эти водяныя лѣтнія экскурсіи своимъ благотворнымъ дѣйствіемъ: родная русская рѣка своимъ величавымъ просторомъ, дивной красой своихъ береговъ, дѣловымъ оживленнымъ движеніемъ пестрой народной массы незримо и чудодѣйственно врачевала его душевныя рапы, поднимала, бодрила его самочувствіе. И теперь съ отраднымъ чувствомъ облегченія всходилъ батюшка съ женой и племянникомъ на большой, бѣлый, какъ лебедь, волжскій пароходъ, отправлявшійся вверхъ и обѣщавшій своимъ пассажирамъ на длинномъ пути не мало пріятныхъ и мирныхъ часовъ удовольствія въ общеніи съ чудной природой. Слегка дрогнувъ, мѣрно и плавно вышелъ рѣчной гигантъ на средину воднаго простора, увеличивая быстроту до полного хода и унося стоявшаго на борту батюшку дальше и дальше отъ душнаго города, отъ виднѣвшейся еще гимназіи, отъ нудной, такъ сѣро и безрадостно сложившейся службы.

День ото дня путешествіе все ощутительнѣе и замѣтнѣе оказывало свое чудодѣйственное вліяніе на Петра Васильевича. Душа оживала, бодрія чувства гнали уныніе прочь, пробуждались давно уснувшія надежды и даже самая служба законоучителя со всѣми неудачами и разочарованіями переставала казаться ему, какъ обычно, безпросвѣтной и мрачной и бесплодной пустыней. На сѣромъ фонѣ ея вышывали откуда-то свѣтлыя точки, отрадные эпизоды, моменты, гдѣ обнаруживались и чуткость и отзывчивость юныхъ душъ и гдѣ можно было предположить существованіе между ними и имъ незримыхъ нравственныхъ связей. Для пробужденія такого бодрого настроенія, для воскрешенія робкихъ надеждъ была теперь и особенная причина, это—предстоящій всероссійскій законоучительскій съѣздъ. Есть у всѣхъ подобныхъ съѣздовъ, не взирая на ихъ малую продуктивность, одно неопѣненное свойство—будить энергію и мысль не только въ ихъ членахъ, но у всѣхъ участниковъ извѣстнаго общаго дѣла, и въ этомъ—неотъемлемая заслуга и неоспоримая

польза такихъ собраній для оживленія и поднятія любого дѣла, общественнаго начинанія. Такъ было и теперь. Съѣздъ законоучителей выдвинулъ на очередь наболѣвшій законоучительскій вопросъ и заставилъ задуматься надъ нимъ чуть ли не всѣхъ скромныхъ тружениковъ святого дѣла на святой матушкѣ Руси и, неизбежно, окрылилъ унывающихъ свѣтлыми упованіями. О. Аквилонова при его идейности должно было расшевелить это событіе тѣмъ болѣе.

О. Петръ на съѣздѣ, конечно, не угодилъ,—командировку получилъ о. Сколопендровъ, какъ выдающійся дѣятель,—но это не помѣшало ему лично для себя рѣшать, осмысливать возбужденный теперь и всегда глубоко занимавшій его тревожный и трудный вопросъ. Подъ мѣрный мягко доносившійся стукъ паровой машины, раннимъ утромъ, когда пароходъ еще спалъ, и позднимъ вечеромъ, уединившись на кормѣ, спокойно размышлялъ батюшка о своемъ „живомъ дѣлѣ“. Мысль работала легко и свободно, сопоставляя вмѣстѣ личный служебный опытъ, приемы и практику своихъ соработниковъ на нивѣ Господней въ родѣ оо. Сколопендровыхъ и взгляды своего оригинальнаго друга-собѣсѣдника классика, батюшка неспѣшно дѣлалъ свои выводы, заключенія о лучшихъ путяхъ и средствахъ къ поднятію на должную высоту обученія юношества Закону Божію. Безъ опредѣленныхъ цѣлей,—можетъ, рѣшусь написать докладъ или статью,—мелькало въ умѣ,—вносилъ о. Петръ свои мысли и соображенія, свои свѣтлыя чаянія въ записную книжку, увлекаясь и оживляясь умственной добровольной работой. Ему представлялось, что нынѣшнее положеніе законоучительскаго дѣла требуетъ не заплатъ и починокъ въ видѣ измѣненія программъ, а принципиальной реформы, перемѣны взгляда на самый предметъ, и онъ писалъ въ своей книжкѣ: „Для законоучителя и учащихся Законъ Божій долженъ быть не просто школьнымъ предметомъ, системой, а именно живымъ словомъ Бога, Его откровеніемъ, идущимъ на встрѣчу религіозному чувству, религіозной жаднѣ учаща-

гося, воспитывающимъ, расширяющимъ и углубляющимъ его внутреннюю вѣру. Вся бѣда и упадокъ оттого, что свели Законъ Божій на заурядный школьный предметъ... Онъ долженъ быть видоизмѣненіемъ живого церковнаго учительства...

Сводя къ общему итогу свои мысли, батюшка страстными и убѣжденными словами, обращенными къ обществу и своимъ собратьямъ-соразботникамъ, а, главное, къ руководителямъ дѣла, писалъ въ своей книжкѣ: „— Скажемъ вообще, что для прочнаго утвержденія Закона Божія въ школѣ теперь и на будущее время необходимо превратить этотъ предметъ изъ разсудочно-сухой системы религіозныхъ знаній въ дѣйствительно жизненную нравственно-религіозную воспитательную дисциплину. Нѣтъ ничего пагубнѣе для нашего дѣла, какъ внѣдрять религіозныя знанія въ умъ воспитанниковъ безъ всякаго соотношенія съ ихъ внутреннимъ психическимъ міромъ. Прежде чѣмъ говорить о Богѣ, нужно помочь имъ найти, открыть Бога въ ихъ собственной душѣ: нужно найти доступъ къ той глубокой области духа, гдѣ теплится вѣра, зарождаются религіозныя порывы. И потомъ уже слѣдуетъ эту вѣру, эти святыя религіозно-нравственныя запросы дѣтской души бережно укрѣплять, прояснять и углублять сообщеніемъ религіозныхъ откровенныхъ истинъ и знаній, объединяющихся въ понятіи православной вѣры“...

Незамѣтно, среди идейной работы, промелькнуло для о. Петра въ этотъ разъ путешествіе по Волгѣ. Не вдалекѣ отъ ея верховья находился и тотъ городокъ, гдѣ начиналъ онъ педагогическую дѣятельность, и гдѣ жилъ, все еще продолжая служить, почтенный родитель Софьи Николаевны. Аквилонеры навѣстили милаго умнаго старика. О. Николай обрадовался несказанно свиданію съ дорогими дѣтьми и благодушно посмѣивался надъ прежними радужными мечтами своего зятя, который теперь самъ узналъ уже долготѣнимъ опытомъ горькую житейскую дѣйствительность. Остатокъ свободнаго времени провели Аквилонеры подъ мирнымъ кровомъ о. Николая, который своими откровенными на этотъ разъ

бесѣдами еще болѣе умирить унывающій раньше отъ неисполнимыхъ при несовершенствѣ дѣйствительности порывовъ духъ своего мечтателя-идеалиста зятя.

Лѣто прошло. Былъ первый учебный день въ N—ской гимназіи. Угрюмое, молчаливое, какъ будто вымершее лѣтомъ зданіе оживилось гуломъ и шумомъ молодой жизни, снова влившейся сюда для приобщенія къ свѣту и знанію. Ожила учительская; за большой перемѣной собрался по обычаю учебный персоналъ. Лица у всѣхъ казались поздоровѣвшими, загорѣлыми, больше замѣтно было жизни въ глазахъ, въ движеніяхъ, даже голоса будто перемѣнились—рѣчи звучали бодрѣе и тверже. Преподаватели дѣлились пережитыми впечатлѣніями другъ съ другомъ. Съ восторгомъ естественникъ рассказывалъ, какъ ему посчастливилось съ пользой провести свободное время, сдѣлать экскурсію въ Крымъ, обойти его чуть не весь пѣшкомъ и собрать очень интересную коллекцію. Другіе сообщали эпизоды и встрѣчи изъ своей дачной жизни. Но вотъ и роковой звонокъ. — „Ну, что жъ, господа, видно опять за дѣло съ Богомъ изъ шатра“! — Шутливо приглашалъ компанію жизнерадостный Кульченко, хватая журналъ:—у насъ товарищъ одинъ въ гимназіи такъ читалъ это мѣсто изъ „Полтавы“...

Преподаватели двинулись по классамъ, батюшка пошелъ вмѣстѣ съ другими...

С. А. В—ій.

Христіанское назначеніе женщины и женская эмансипація нашего времени.

(Окончаніе ¹⁾).

Что сказать намъ съ христіанской точки зрѣнія по такъ
называемому женскому вопросу?

Что касается прежде всего тѣхъ основаній, которыя
обыкновенно приводятся *эмансипаторами* въ пользу мнимаго

¹⁾ См. № 51-й за 1909-й г.

права женщины на совершенное равенство ея съ мужчиною, то они покоятся на такомъ возрѣніи на природу, назначеніе и склонности женщины, которое рѣшительно опровергается дѣйствительностію. Совершенно ложна тенденція вывести женщину изъ дома и семейства въ область широкой общественной жизни. Женщина обладаетъ способностями, которыхъ не дано мужчинѣ. Ея способности по преимуществу духовно-сердечнаго свойства, благодаря которому женщина и становится способною сдѣлаться „помощницей“ и *подругой* мужа, супругой, матерью, воспитательницей, хозяйкой, попечительницей о бѣдныхъ и больныхъ,—въ чемъ проявляется именно христіанское назначеніе женщины, и основывается особое преимущество, и особенная слава, дарованная ей. Но ея дарованія не приспособлены къ общественной жизни. *Женственность* есть нѣжность и боязливость, есть цѣломудренная застѣнчивость въ отношеніи къ окружающимъ, робость переступить предписанные природой предѣлы. Отнять у женщины ея женственность—значить уничтожить въ ней женщину. Иногда задаютъ вопросъ: равняются ли способности женщины способностямъ мужчины? Онѣ ни равны, ни неравны, характеръ ихъ другой, премудро приспособленный къ другой цѣли. Намъ представляется, что для выполненія обязанностей мужчины женщина не имѣетъ такихъ способностей, или, лучше сказать, дѣло мужчины—дѣло не ея интеллектуальныхъ силъ. Неутомимость въ изслѣдованіяхъ, широта и общность взгляда, сила въ постиженіи глубочайшихъ началъ и законовъ бытія, точность и строгая послѣдовательность выводовъ и, наконецъ, прочное обладаніе и цѣлесообразное употребленіе познаній—это неотъемлемыя принадлежности ума мужского, разумѣется, правильно развитого. Но особенности ума женскаго, въ которыхъ именно надо искать высшихъ его достоинствъ, и которыми восполняются наши недостатки,—это: вниманіе къ подробностямъ и частностямъ, ясное пониманіе мѣры, а главное—неотлучное соупутствіе сердца при всѣхъ движеніяхъ ума и, вслѣд-

стве этого, тонкое чувство истины и иногда поражающее своею вѣрностію—предчувствіе, или даръ предугадывать послѣдствія еще до полного появленія или развитія причинъ. Напрасно думаютъ, поэтому, что женщина только тогда внести въ человѣческое общество полный свѣтъ своего ума, когда она почитаетъ себя въ состояніи входить въ ученые пренія и участвовать въ рѣшеніи самыхъ высшихъ вопросовъ. Всѣ мы знаемъ, что здѣсь-то преимущественно и открываются слабыя стороны женскаго ума. Знаменитый *Ламменэ* говоритъ, что онъ никогда не зналъ женщины, способной въ теченіе четверти часа слѣдить за извѣстнымъ разсужденіемъ, требующимъ полного умственного напряженія. Даже самая умная женщина рѣдко достигаетъ высоты развитія мужчины со средними умственными способностями. Способность женщины къ усиленному умственному труду отрицается даже самими талантливыми, въ смыслѣ интеллектуальнаго развитія, представительницами собственного ихъ пола. „Женщины, не имѣя глубины въ своихъ взглядахъ, не могутъ быть геніями“, говоритъ *Жоржъ Зандъ*.

Этимъ мы, говорящіе отъ имени Церкви, отнюдь не хотимъ устранить женщину отъ участія въ научномъ и художественномъ образованіи. Вообще границъ между мужской и женской натурой нельзя провести самымъ точнымъ безусловнымъ образомъ, какъ будто бы одна не можетъ имѣть ничего изъ того, что принадлежитъ другой. Но мы утверждаемъ, что такая научная и художественная дѣятельность женщины можетъ выступать предъ обществомъ только въ исключительныхъ случаяхъ, между тѣмъ, какъ настоящее время какъ разъ наоборотъ представляетъ ужасно возрастающее производство именно женскихъ произведеній на книжномъ рынкѣ. Равнымъ образомъ мы утверждаемъ, что умственная и художественная дѣятельность женщины должна соподчиняться ея главному призванію, которое направляетъ ее все-таки въ домъ, въ семейство. Если интеллигентная женщина становится въ бракъ другомъ и ближайшимъ по-

могучимъ мужа, и если этотъ мужъ представляетъ изъ себя извѣстную культурную силу, то чѣмъ образованнѣе будетъ она, тѣмъ лучше для нихъ обоихъ, тѣмъ больше точекъ соприкосновенія въ средѣ ихъ духовной жизни. Жена добрая еще прекраснѣе, если она просвѣщенная. Наконецъ, мы убѣждены, что никакому женскому таланту не дано развивать дѣйствительно творческую дѣятельность, прокладывать новые пути въ наукѣ или искусствѣ, производить нѣчто такое, что бы дѣйствительно имѣло значеніе въ исторіи культуры, что бы содѣйствовало *прогрессу*. Безъ сомнѣнія, никто не укажетъ ни женщинъ Сократовъ, Платоновъ и Кантовъ, ни Ньютоновъ и Галилеевъ, ни Шекспировъ, Гете и Пушкиныхъ. ни Уаттовъ и Эдиссоновъ, ни Моцартовъ, Шубертовъ и Шопеновъ. Древнее преданіе Греціи повѣствуетъ о знаменитой поэтессѣ *Сафо*, да и та едва ли не вымысль фантазіи. Наша не такъ давно умершая *Софья Ковалевская*, при всемъ уваженіи къ ея математическимъ дарованіямъ, заставила о себѣ говорить больше по рѣдкости математиковъ—женщинъ, чѣмъ по дѣйствительному ея значенію въ области математической науки; кромѣ того, въ высшей степени знаменательна и поучительна ея ранняя смерть, свидѣтельствующая объ изнурительности и непосильности для женщины того труда, который она взвалила на себя. Если же *Стюартъ Милль* того мнѣнія, что „эпоходѣлающія“ женскія художественныя произведенія или литературные шедевры непременно появятся въ свѣтъ, какъ только женщины освободятся отъ тираніи мужчинъ, затруднявшей развитіе ихъ способностей,—что скоро изъ рядовъ прекраснаго пола выступятъ свои Гомеры, Аристотели и Бетховены, какъ только измѣнятся соціальныя, въ общемъ однообразныя, условія, въ которыхъ мы доселѣ могли наблюдать женщинъ, то мы, конечно, не будемъ долго останавливаться на этомъ, чисто изъ воздуха выхваченномъ мнѣніи, которое выводитъ насъ за предѣлы познаваемаго въ настоящее время, а просто будемъ держаться теперь опыта, „индуктивнаго метода“ и ссылаться

на него, чтобы въ этомъ отношеніи ни произвело будущее. Искусство, въ которомъ женскій талантъ можетъ достигнуть дѣйствительной самостоятельности, пожалуй, еще можетъ быть драматическое искусство, и именно потому, что оно по преимуществу есть искусство подражательное, поэтическая производительность изъ вторыхъ рукъ.

Итакъ, мы не противъ образованія женщины, самаго высокаго и разносторонняго, лишь бы только оно не разрушало въ ней связи ума съ сердцемъ. Но мы всецѣло противъ надменной мысли— вывести женщину на широкую арену общественно-государственной дѣятельности, рядомъ и наравнѣ съ мужчиною. Эта—надменная мысль, при осуществленіи ея, поведетъ къ одному—къ гибели самой женщины. Не будемъ говорить объ опасностяхъ, подтверждаемыхъ ежедневнымъ опытомъ, ожидающихъ женщину въ ея трудовой жизни въ конторахъ, канцеляріяхъ и пр. при столкновеніи съ мужчиною. Скажемъ, прямо, что едва ли было бы желательно и полезно для самой женщины открытіе ей доступа къ занятію всѣми вообще государственными и общественными дѣлами. Если современная женщина добьется исполненія этихъ своихъ горделивыхъ желаній, то не утратитъ ли она свой настоящій типъ, не лишится ли того лучшаго своего качества—женственности, которое, чтобы ни говорили поборники эмансипаціи, украшаетъ женщину, какъ существо болѣе сердечное, любящее, кроткое и въ громадномъ большинствѣ случаевъ болѣе нравственное, чѣмъ мужчина? Не рискуетъ ли она потерять эти драгоценныя качества, бросая свое настоящее призваніе и выступая на ложный путь неравной конкуренціи или своего рода борьбы за существованіе съ мужчиною? вмѣстѣ съ тѣмъ, если женщина не захочетъ остаться въ семьѣ, не потерпитъ ли крушенія самая семья, а по тѣснѣйшей связи съ ней не понесутъ ли не вознаграждаемаго ущерба и общество, и государство и даже человѣчество? Что за семьянинка, что за жена мужу, что за

мать дѣтильмъ будетъ она, отвлекаемая государственными и общественными дѣлами? Не промѣняетъ ли она почетное званіе госпожи дома на несовсѣмъ лестное званіе нахлѣбницы, постояльца, лишняго товарища мужчины въ общественной дѣятельности съ его же недостатками, только гораздо болѣе слабого, чѣмъ онъ самъ? Не ложно слово ап. Павла, правда затрудняющее женщинѣ доступъ къ церковнымъ должностямъ, но которое можетъ быть распространено и на всякія другія: „жены ваши въ церквахъ да молчатъ“ 1 Кор. 14, 34. ср, 1 Тим. 2 12). Единственная, кромѣ учебно-воспитательной, профессія, доступъ къ которой могъ бы быть открытъ для женщинъ, повидимому, есть медицинская. Само собою разумѣется, нѣтъ ничего предосудительнаго въ томъ, что женщины изучаютъ извѣстныя отрасли врачебной науки, съ цѣлью оказывать помощь лицамъ своего собственнаго пола. Но мы сомнѣваемся, чтобы можно было ставить ихъ на одинъ уровень съ мужскими врачами, какъ одинаково полноправныхъ, и потому не должны ли онѣ быть, напротивъ, ограничены извѣстными предѣлами въ практикѣ своего искусства и практиковать лишь подъ наблюдениемъ такихъ мужчинъ, которые располагаютъ болѣе свободнымъ научнымъ знаниемъ. Съ давнихъ поръ женщины добились доступа въ медицинскія учрежденія,¹⁾ и если доселѣ не слишкомъ-то много ихъ подвизается на этомъ поприщѣ и не слишкомъ-то велики результаты отъ ихъ дѣятельности, то, значить, причина этого не въ недостаткѣ женскихъ правъ, а въ чемъ-то другомъ, именно въ малой пригодности женщинъ и для медицинской профессіи. Когда защитники эмансипаціи требуютъ далѣе, чтобы женщинамъ были доступны юридическія положенія, напр., положеніе адвокатовъ, судей и членовъ парламента,

¹⁾ Въ XIV вѣкѣ въ медицинской школѣ въ Салерно уже работаютъ и женщины. Въ Болонскомъ университетѣ также. Въ Россіи исторія высшаго медицинскаго образованія для женщинъ начинается съ 1865 года, когда неутомимая Кошеварова первая получила дипломъ доктора медицины.

то они позволяют своему воображенію рисовать женскую натуру совершенно иною сравнительно съ дѣйствительной, и въ особенности упускаютъ изъ виду не юридическую натуру женщины, которая болѣе склонна руководиться чувствомъ, чѣмъ объективными причинами и спокойнымъ ихъ обсужденіемъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ поступать такъ, какъ будто бы совсѣмъ не существовало этихъ естественныхъ фактовъ. Такіе факты заставляютъ считаться съ дѣйствительностію, которая ясно показываетъ, что область женщины есть именно ея домъ, а не общественная жизнь.

Для того, чтобы показать политическія дарованія женщины, сторонники *эмансипаціи* приводятъ примѣры извѣстныхъ правительницъ, которыя, будучи облечены властію и стоя на высотѣ престола, обнаруживали великій государственный гений, и дѣлаютъ отсюда тотъ выводъ, что было бы желательно назначать также и женскихъ министровъ. Нельзя отрицать, что царствовали и женщины съ великимъ политическимъ талантомъ, какъ напр. Елисавета Англійская, Марія Терезія или Екатерина II. Можно даже признать, что королева Елисавета обладала такимъ политическимъ мужествомъ, что никогда не позволяла своимъ женскимъ слабостямъ вліять на дѣла государства. Но такія особенно одаренныя личности могутъ считаться лишь счастливыми исключеніями изъ женскаго пола, которыя, по извѣстной игрѣ природы, получили качества мужчинъ. Нужно, кромѣ того, признать въ качествѣ дѣйствительнаго политическаго такта со стороны выше названныхъ государынь, что ни одна изъ нихъ, насколько извѣстно, не смотрѣла оптимистически на государственную работоспособность своего пола и ничего рѣшительно не сдѣлала для расширенія его политическихъ правъ; ни одна изъ нихъ, напр., не избирала женскихъ министровъ, но всегда назначала на этотъ постъ мужчинъ, и слушалась ихъ совѣтовъ. Но правила нельзя основывать на исключеніяхъ и въ будущемъ нужно признать „страшной ненормальностью“, если женщина принимаетъ на себя самое мужественное изъ всѣхъ званій, т. е. званіе царя.

Нравственнымъ особенностямъ женской природы какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ и физическія. Послѣдніе выводы здравой и трезвой науки въ этомъ отношеніи показываютъ полную несостоятельность возрѣвнѣй глашатаевъ неограниченной эмансипаціи женщинъ. Масса наблюдений, собранныхъ различными учеными, поэтами и романистами всѣхъ временъ и народовъ говорятъ за весьма глубокое различіе, лежащее не въ психической только, но и тѣлесной природѣ мужчины и женщины (см. статья г. Астафьева: „Психическій міръ женщины, ея особенности, превосходства и недостатки“ въ декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1881 годъ). Какъ въ нравственномъ отношеніи типъ женщины является съ характеромъ кротости, скромности, чувствительности, преданности, покорности и т. п., такъ и въ физическомъ отношеніи женскій типъ характеризуется обыкновенно чертами большей нѣжности или, какъ глубоко вѣрно выражается апостолъ, *немоцности* (1 Петр. 3, 7),—впечатлительности, раздражительности—чертами, требующими для женщины опоры (услужливости) помощи. Одинъ простой взглядъ на тѣлесную организацію женщины ясно показываетъ, что она не предназначена для труда, требующаго физической силы мужчины и не призвана къ такому же умственному напряженію. Эту точку зрѣнія мы должны имѣть въ виду и при воспитаніи дѣвиць, и если она теряется изъ виду, то это влечетъ за собою неизбежное возмездіе. Съ точки зрѣнія эмансипаціи и безусловнаго равенства половъ нужно, конечно, требовать, чтобы дѣвочки получали совершенно такое же воспитаніе, какъ и мальчики, чтобы онѣ не только обучались тѣмъ же самымъ предметамъ, что и послѣдніе, но чтобы къ нимъ предъявлялись совершенно одинаковыя съ тѣми требованія въ дѣлѣ посѣщенія школы и школьнаго труда. Этотъ опытъ дѣлался болѣе чѣмъ въ одномъ мѣстѣ, въ особенности въ штатахъ Сѣверной Америки, но всякій разъ влекъ за собою гибельныя послѣдствія: здѣсь упускалось изъ виду должное вниманіе къ природѣ, къ ея нуждамъ

и требованіямъ. Гдѣ школа настаивала на томъ же умственномъ трудѣ для дѣвочекъ, что и для мальчиковъ, тамъ онѣ во время исполненія своихъ школьныхъ обязанностей только истощались, блѣднѣли и худѣли, становясь въ то же время неспособными для своего будущаго естественнаго призванія. Все это съ несомнѣнностью приводитъ къ убѣжденію, что необходимо считаться съ природой и ея законами. А она требуетъ того, чтобы въ извѣстныя, правильно перемежающіяся времена, женскій организмъ успокаивался, или, по крайней мѣрѣ, освобождался отъ большихъ усилій.

Цѣлью предшествующихъ разсужденій было показать ложность тѣхъ предположеній, изъ которыхъ исходитъ ученіе о *политико-гражданской эмансипаціи* женщины, требующее совершеннаго равенства ея съ мужчиной во имя правъ человѣческой природы. Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ по поводу *эстетической эмансипаціи* женщины, требующей равенства ея съ мужчиной во имя „свободной любви“. Спрашивается, чего же именно добьется эмансипированная женщина, отдаваясь „свободной любви“? Ничего другаго, кромѣ исполненія на ней изреченія Спасителя: „всякій, возвышающій самъ себя, униженъ будетъ“ (Лук. 18, 14). Всякое твореніе Божіе, которое въ своемъ самовозношеніи старается стать выше предписанныхъ ему Творцомъ предѣловъ, не только не достигаетъ желанной имъ высоты, но и падаетъ ниже того достоинства, которое предназначено для него. Презрительно отвергая христіанскій бракъ, какъ устарѣлое учрежденіе, она стремится поставить себя въ безусловно независимое положеніе по отношенію къ мужскому полу. Но этимъ она неосознательно попадаетъ въ ложную зависимость отъ мужчинъ. „Эмансипируя себя въ своихъ отношеніяхъ къ мужчинамъ, говоритъ Г. Мартенсенъ, она забываетъ, что они дѣлаютъ то же самое по отношенію къ ней, что сколько бы они ни льстили ей и ни восхваляли ея красоту, дарованія и превосходство ума, ея свободныя и чуждыя всякихъ предубѣжденій мнѣнія и проч., они въ то же время весьма хорошо

знаютъ, что она не выше ихъ, а ниже, и что она не можетъ освободиться отъ отъ извѣстныхъ женскихъ слабостей, что она отбросила свой лучший щитъ и оборону противъ послѣднихъ, именно христіанство, и данную ей природой скромность, что она сорвала съ себя покрывало женской застѣнчивости и стыдливости и поэтому легче можетъ сдѣлаться добычей такихъ нападений, которыя лежатъ совершенно за предѣлами ея соображеній. Какое право имѣеть она жаловаться, если случайно ея сердце (непонятно даже ей самой, какъ) будетъ охвачено *дѣйствительною* любовію къ мужчине, которому она отдала все, что только могла дать, и который теперь въ низкой невѣрности предоставляет ея одинокости ея глубоко уязвленнаго сердца? Истинная любовь, этотъ признакъ ея истинной женственности, становится для нея наказаніемъ. Тогда она обращается къ вѣрности, плачетъ и жалуется на нарушенную вѣрность и этимъ самымъ въ дѣйствительности апеллируетъ къ браку. Но развѣ она не явно признала то ученіе ложныхъ пророковъ, которое издѣвается надъ вѣрностію въ любви, какъ надъ обветшалою условностію, такъ какъ любовь-де зависитъ только отъ свободнаго влеченія сердца? И развѣ она не потеряла всякаго права, когда смолкъ этотъ голосъ? Она, конечно, думала и твердо вѣрила, что въ этомъ случаѣ любовь была такъ сильна съ обѣихъ сторонъ, что вѣрность выдержать, что невѣрность здѣсь будетъ полною невозможностію. А это и оказывается именно женскою иллюзіей. Но даже, когда и не произойдетъ случая, въ родѣ описаннаго, изреченіе: „всякій возвышающій самъ себя, униженъ будетъ“ все-таки найдетъ свое исполненіе. Женщина сорвала съ себя покрывало. Но наступятъ часы и времена въ ея жизни, когда она испытываетъ глубокую внутреннюю бѣдственность, состояніе бездомности, и почувствуетъ себя подобно оторванному отъ своей родной почвы растенію, которое нигдѣ уже не можетъ быть посажено и привиться; когда изъ своего мнимаго возвышенія и воображаемой свободы она тщетно будетъ тосковать по спокойной,

невидной людямъ жизни, ограниченной домомъ и совѣстью“. (*„Христіанское ученіе о нравственности“*. Спб. 1890 г., стр. 485—486).

Не говоримъ уже о томъ, что эмансипація женщины, требующая ея равенства съ мужчиной во имя „свободной любви“, угрожаетъ разрушеніемъ семейнаго быта, дѣлая чело­вѣка лицомъ только общественнымъ и совершенно свободнымъ въ своихъ частныхъ дѣйствіяхъ. При такой эмансипаціи сами собой падаютъ и уничтожаются всѣ домашніи отношенія однихъ членовъ семейства къ другимъ, и великое дѣло воспитанія дѣтей оказывается невозможнымъ, такъ какъ предоставляется не родителямъ, естественнымъ ихъ воспитателямъ (Колос. 3, 21. Ср. Еф. 6, 4), а цѣлому обществу. Такъ какъ общества чело­вѣческія не дошли еще до такого безнравственнаго безпорядка, и между ними продолжаетъ существовать естественный, Богомъ установленный, порядокъ семейной жизни, то въ современномъ стремленіи эмансипировать женщину можно видѣть лишь одну несбыточную, противоестественную и неприложимую къ общей жизни чело­вѣчества, теорію, которая сама въ себѣ носитъ начало общаго замѣшательства и разрушенія въ быту чело­вѣческомъ.

Чтобы избѣжать возможныхъ возраженій, мы закончимъ свои заключенія объ эмансипаціи женщины слѣдующимъ положеніемъ. Мы отнюдь не противъ предоставленія женщинамъ такого общественнаго дѣла и мужского труда, который онѣ также способны исполнять, какъ и мужчины (говоря это, имѣемъ въ виду, не только работы на фабрикахъ, но и занятія въ типографіяхъ, на телеграфѣ и пр.). Тѣмъ не менѣе такого рода конкуренція въ сферѣ мужского труда, какъ заключающая въ себѣ элементъ, чуждый женской натурѣ, кажется намъ все-таки не совѣмъ желательною для женщины. Но такъ какъ она совершается ради содержанія, то и находить свое объясненіе и нѣкоторое оправданіе въ экономическихъ условіяхъ послѣдняго времени, т. е. отчасти въ томъ обстоятельстве, что въ наше время есть такъ много здоровыхъ и способныхъ мужчинъ, которые подъ предлогомъ трудности содержать семейство уклоняются отъ законнаго брака, а отчасти въ томъ обстоятельстве, что заключаются много такихъ браковъ, въ которыхъ трудъ мужа оказывается недостаточнымъ для содержанія семьи, почему жена также должна искать себѣ заработка, во многихъ случаяхъ, на сторонѣ отъ дома. Но такое положеніе дѣла прямо требуетъ уже не реформы „чело­вѣческихъ правъ“ женщины, а скорѣе реформы нравовъ и соціальныхъ условій жизни и для увра-

чеванія этого зла только одно христіанство можетъ предложить свои незамѣнимыя услуги.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны радоваться и привѣтствовать съ христіанской точки зрѣнія тѣ формы общественнаго служенія женщины, которыя направлены къ духовному и матеріальному благу страждущаго человѣчества, хотя бы онѣ выходили за рамки спеціально домашнія и семейныя. Эти гуманнѣйшія и симпатичнѣйшія женскія профессіи сводятся къ служенію дѣлу миссіи и христіанскаго милосердія. Такой общественный трудъ женщины христіанство можетъ только благословить, потому что онъ соотвѣтствуетъ требованіямъ евангельскимъ и апостольскимъ. Для этого труда, между прочимъ, желательно было бы возстановить древне-церковный институтъ *діакониссъ*. Западная Европа въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, насъ уже опередила. Лютеранская церковь въ одной Германіи выпустила 1500 діакониссъ со спеціальной миссіей—борьбы съ невѣріемъ. Да и восточныя церкви подаютъ намъ примѣръ. По слухамъ патріархъ константинопольскій уже рукополагаетъ себѣ діакониссъ для той же миссіонерской цѣли. Вопросъ о возстановленіи въ нашей церкви званія діакониссъ Св. Синодъ отложилъ до будущаго Всероссійскаго Собора („Церк. Вѣдомости“ 1908 г. №№ 15—16, стр. 729). Вѣримъ и надѣемся, что съ преобразованиемъ нашего высшаго церковнаго управленія возстановится и у насъ этотъ благодѣлительнѣйшій институтъ, и тогда найдетъ свое разрѣшеніе у насъ и вопросъ объ организованномъ миссіонерскомъ служеніи женщинъ въ Церкви.

Богъ, молитвами св. Просвѣтителя земли Русской, да возжесть въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ сыновъ и дочерей ея тоже пламя св. ревности по вѣрѣ, какое горѣло въ душѣ небеснаго Покровителя нашего Братства, св. равноапостольнаго князя Владиміра.

Прот. Н. Стеллецкій.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 22-го декабря 1909 г.

Цензоръ священникъ Николай Гроссу

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.